

А.Н.Кобленц

ВОСПОМИНАНИЯ ШАХМАТИСТА

Москва
«Физкультура и спорт»
1986

A. Lobenz

А.Н.Кобленц

ВОСПОМИНАНИЯ ШАХМАТИСТА

ББК 75.581

К 55

Кобленц А. Н.

- К 55 Воспоминания шахматиста./Предисл. Л. Зорина.— М.: Физкультура и спорт, 1986.— 240 с., портр., факс.

Заслуженный тренер СССР А. Кобленц делится воспоминаниями о своей шахматной жизни. Его деятельность началась в буржуазной Латвии. Он убедительно показывает, что лишь в Советской Латвии шахматы приобрели общественную значимость, стали частью национальной культуры. Автор рассказывает о встречах с выдающимися шахматистами мира — Ласкером, Капабланкой, Алехиным, Решевским, Флором, Ботвинником, Эйве, Петросяном и др., о своем многолетнем сотрудничестве с экс-чемпионом мира М. Талем.

Для широкого круга любителей шахмат.

К $\frac{4202000000-077}{009 (01)-86}$ 133-86

ББК 75.581
7А9.1

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

У шахмат есть не только теория, не только история, у шахмат есть и свой быт. Он определяет атмосферу сражений, воплощает ее вкус, цвет, запах, передает дыхание живой жизни. Без нее все холодно и мертво, без нее остались бы только нотация, таблицы и лаконичные анкеты и справки.

Естественно наше желание знать не только партии, но и тех, кто их создал, но и ту обстановку, в которой они создавались, но и приметы времени, опознавательные знаки среды.

Книг такого рода мало, их почти нет, а потребность в них растет и будет расти еще стремительней, ибо понимание того, что шахматы не только игра, что они — особый род творческой деятельности, возникшей на стыке искусства и науки, понимание этого стало, наконец, достоянием широкой общественности. Теперь, например, уже никто не скажет о шахматисте — «игроке», слово это с его неуважительным подтекстом окончательно закреплено либо за авантюристами, либо за поклонниками азартных игр.

Но коль скоро шахматы — творчество, и с этим больше не спорят, то правомерен интерес к личности творцов, хочется узнать, каковы эти люди, упрямо и бестрепетно, на протяжении многих десятилетий добывшие своему призванию общественный статус.

Книга Александра Кобленца не только чрезвычайно интересна, она в этом смысле весьма знаменательна, она появилась именно тогда, когда должна была появиться.

Перед нами проходит целая череда прекрасных фанатиков, бескорыстных романтиков, верность которым любимому делу не могли поколебать ни снисходительно-пренебрежительное отношение окружающих, ни тяготы изнурительных битв за доской, ни призраки необеспеченной старости.

Автор — и сам из таких страстотерпцев: в ранней юности он сошел с накатанной дорожки, которая вела его к вполне престижному месту (или местечку) под солнцем, к сытому, ухоженному благоденствию, и под косыми взглядами окружающих устремился по неизведанному пути. Он познал все тернии шахматного профессионала, но ни на единый миг не усомнился в правильности своего выбора.

Разносторонне одаренный человек, он был ярким бойцом, отличным журналистом, наконец, превосходным наставником (именно он помог Михаилу Талю пройти дорогу от школьника до чемпиона мира). И можно сказать, что в педагогике он реализовал себя целиком. Тут как нельзя кстати пришли его человеческие каче-

ства — доброта, душевная щедрость, редкая способность раствориться в ученике, постоянная готовность к самоотдаче.

Сегодня он вручает нам, читателям, свою книгу, в которой отразилась его влюбленность в шахматы, его сердечность, его не увянувшая с годами наивность большого ребенка и вместе с тем острое зрение и чуткий слух профессионального литератора.

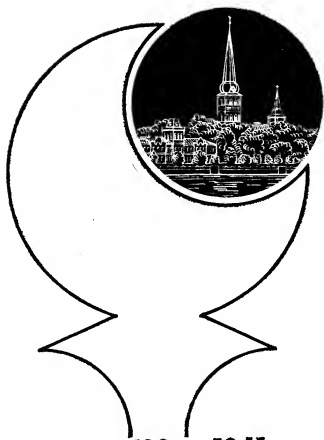
Книга эта по-своему отвечает на тот вопрос, который долгие годы вставал перед молодыми людьми, зачарованными загадочным миром шестидесяти четырех клеток:

Так что же, стоят шахматы того, чтобы посвятить им жизнь? Могут они составить ее содержание?

Талантливый рижский мастер и глубоко скромный человек Александр Кобленц присоединяется к корифеям Каиссы и вслед за ними убежденно утверждает:

— Да, стоят. Да, могут.

Леонид Зорин

1935-1941

ИТАК, КУРС НА АМСТЕРДАМ!

Увлеченность, одержимость, призвание! Эти понятия связаны одной невидимой ниточкой. Что это за скрытые пружины, постоянно направляющие все помыслы человека к достижению избранной им жизненной цели? С чего начинается у человека стремление к творчеству? Является ли первым толчком инстинкт самодостаточности, любознательность или потребность познания истины?

Думается, никто не в состоянии четко установить все последовательные этапы развития интереса к творчеству — по сути своей нераскрытому феномену человеческого мозга. Ясен, пожалуй, лишь самый начальный этап — первое прикосновение к избранному объекту, первые ростки увлечений. Запоминаются также преграды, которые всегда встают на пути энтузиаста, предостерегающие голоса близких («Не витай в облаках!»), а главное — советы избрать «солидную» жизненную дорогу. Так, во всяком случае, велось в семьях в годы моей молодости.

Мне было 8 лет, когда в один прекрасный день отец принес в дом комплект искусно выточенных фигур и деревянную отполированную шахматную доску.

Ходы фигур и пешек мне никто не объяснил, и первоначально я ограничился ролью страстного болельщика. Дело в том, что я горячо «болел» за отца, которого обожал и который ко мне как младшему в семье также относился с нежной теплотой.

Партии, которые отец играл в основном с моей сестрой, велись без всякой теоретической подготовки. Белым даже разрешалось начать партию двумя центральными пешками, но это было неважно. Как я уже говорил, сама игра меня не интриговала — только ее исход: главное, чтобы победил отец.

Но однажды (мне минуло уже 12 лет) я пришел к отцу на лесопильный завод, и в обеденный перерыв мы сыграли несколько легких партий с неким Изрецом. Я проигрывал партию за партией. Уже в самом начале я оказывался настолько «прижатым к стене», что не успевал ввести свои фигуры в игру. При некотором размышлении я понял, что игра без знаний не может быть успешной. Учиненный разгром задел мое честолюбие, и у меня появилось жгучее желание дать сдачи. Но как? И тут кстати подвернулась небольшая книжка в добротном бледно-синем переплете, которую я случайно обнаружил на книжной полке старшего брата. Это был шахматный учебник Жака Дюфрена.

Поначалу было непривычно осваивать шахматную нотацию, но постепенно трудности были преодолены, и предо мной открылся неизведанный мир своеобразной красоты, с каскадами блестящих и

остроумных жертв. Мне казалось, что я блаженно погружаюсь в этот фантастический мир. Вновь и вновь я с наслаждением разыгрывал партии корифеев шахмат.

С большим интересом я изучал дебютные варианты, но при этом мною владела и чисто утилитарная мысль — надо было подобрать ключи к моему «мучителю».

Чисто случайно я остановился на варианте двух коней, надеясь, что противник допустит обычную ошибку, забрав после 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Sc4 Kf6 4. Kg5 d5 5. ed пешку посредством 5. . . K : d5, на что книжка рекомендовала 6. K : f7! Kp : f7 7. Фf3+ Кре6 8. Kc3 с решающей атакой.

И вот настал день долгожданного реванша! Садясь за доску, я только боялся, чтобы игра случайно не сошла с проложенных мною рельсов. И как забилося в волнении мое сердце, когда все пошло, как намечено, — я пожертвовал коня на f7 и добился победы. Это была не только моя первая победа над сильным практиком, но и одна из самых приятных на протяжении моей жизни! Еще более значительной была ее педагогическая ценность — я убедился в важной роли теории, появилось чувство уважения и благодарности к авторам шахматных книг.

Я любил играть в шахматы, участвовать в соревнованиях, разъезжать по зарубежным странам, был рад встречам с интересными людьми, но как-то незаметно, исподволь у меня возникло неукротимое желание поделиться своими знаниями, пропагандировать шахматы, донести их красоту до людей, не знакомых с игрой. Если, участвуя в соревнованиях, я тешил свое честолюбие, утверждал собственное «Я», то вне турниров мои личные интересы как-то растворялись. Когда я в 19-летнем возрасте начал писать свою первую книгу на латышском языке или два года спустя создавал латышский журнал «Šaha māksla», а в 1949 году заканчивал работу над сборником «Padomju šaha triumfs», я никогда не испытывал авторского тщеславия: все внимание было сосредоточено на самом факте работы, на желании сделать ее как можно лучше.

Могу честно признаться, когда я сегодня, на седьмом десятке лет, подхожу к книжной полке и вижу ряды моих книг, изданных на девяти языках, меня охватывает радость от мысли, что эти книги несут во многие и многие дома красоту шахматной игры, дарят людям радость творческих поисков.

Когда в конце августа 1935 года я встал перед выбором, участвовать в международном турнире в Хельсинки или положительно ответить на предложение рижской газеты «Jaunākās ziņas» поехать в Амстердам, чтобы освещать матч на первенство мира Алехин — Эйве, я, не колеблясь, принял второе предложение и, сам того не подозревая, сделал решительный поворот в сторону шахматной журналистики и литературы.

ДЕНЬГИ ТОЛЬКО — ЗА ОЧКИ...

В Амстердам я прибыл 3 октября 1935 года — в день начала матча. Такой мне и представлялась Голландия осенью: над городом низко нависли свинцовые тучи, моросил дождь, серыми казались узкие, миниатюрные дома, тесно облепившие берега многочисленных каналов. Автомобилей маловато, однако улицы запружены, особенно в часы пик, велосипедистами, торопящимися по своим делам.

Когда я подошел к гостинице «Карлтон», где должна была состояться первая партия, меня удивило «легкомыслие» голландцев — около здания фешенебельного отеля стоял без присмотра (!) целый лес велосипедов на подставках.

И вот сижу я с замирающим от волнения сердцем в конференц-зале гостиницы, где через 15 минут начнется матч. Столик, за которым должны расположиться участники поединка, отгорожен от зрителей несколькими рядами стульев, на стенах — демонстрационные доски.

Первый ход Алехин (он играл белыми) должен был сделать ровно в 17.30, но в это время судьи не спеша лишь начали расставлять фигуры. Но вот, наконец, серебряный звон колокольчика привлек внимание зрителей, и в зале раздались аплодисменты — появились участники матча: в элегантном смокинге Алехин, в скромном темно-синем костюме — Эйве. Гроссмейстеры сели за доску, и первый ход в матче сделал бургомистр Амстердама. Он продвинул ферзевую пешку на два поля.

Эйве чуть задумался над ответным ходом — в зале воцарилась мертвая тишина. Около 500 зрителей следили за поединком гроссмейстеров. Голландец избрал славянскую защиту...

Освещать матч прибыло более 40 корреспондентов из разных стран, но наиболее полно была, конечно, представлена голландская пресса. Многие журналисты разместились тут же в зале, за длинным столом. Здесь выделялась колоритная фигура 70-летнего Жака Мизеса, специального корреспондента английского агентства Рейтер. Я до сих пор не могу понять, как его пенсне, висящее чуть ли не на кончике носа, все-таки ухитрялось не спадать. Мизес был крайне подвижным стариком, и когда журналисты по окончании партии чуть ли не бегом направлялись на ближайший телеграф, Мизес всегда оказывался первым. В одном из забегов он попал под автомобиль, но чудом остался невредимым.

Мне повезло — уже в первый день я оказался рядом с королем журналистики гроссмейстером Савелием Тартаковым.

Маленького роста, коротенькие ручки и ножки; под распахнутым пиджаком жилет туго облегает выпуклое брюшко. Сквозь очки в золотой оправе ласково смотрят умные глаза с чуть ироническим прищуром.

Меня очаровали его неистощимое остроумие, парадоксальность взглядов и суждений.

Глядя на Алехина, я невольно вспомнил, что писал о чемпионе

мира Тартаковер в своей книге «Ультрасовременная шахматная партия»:

«Игра Алехина пронизана солнцем. Кипучий и стремительный, он более какого-либо другого маэстро олицетворяет собой полный расцвет XX шахматного века, причем главной особенностью его игры является неисчерпаемость шахматной фантазии, позволяющей ему вести партии под постоянным напряжением в 1000 вольт!!!»

У меня быстро установились с Тартаковером хорошие отношения, и почти на протяжении всего матча мы вместе анализировали создавшиеся позиции, обменивались впечатлениями. Работоспособность Тартаковера была фантастической, его комментарии появлялись уже на следующий день большими полосами в крупнейшей голландской газете «Telegraph». Кроме того, он обслуживал множество газет на разных континентах (гроссмейстер свободно владел пятью языками). В процессе работы он аккуратно раскладывал перед собой десяток листков, в которые на соответствующих языках заносились одни и те же варианты. Его не смущало, что многие корреспонденции получались под «копирку». Профессиональный журналист, он прекрасно понимал, что матчи на первенство мира не так уж часто «падают с неба» и ковать железо надо, пока горячо...

Когда мы находились не в пресс-центре (бывало, что журналистам выделялась отдельная комната, только без телексов и телефонов, как в наши дни), а в зале, то объяснялись шепотом или жестами.

Порой через некоторое время обнаруживалась «дыра» в наших анализах. Было забавно наблюдать, как Тартаковер с невероятной скоростью вносил соответствующие правки во все разложенные перед ним листки.

Забегая вперед, скажу, что матч вызвал в шахматном мире громадный интерес. Поединок был насыщен драматическими коллизиями: блестящие замыслы чередовались с непостижимыми промахами.

Все это накаляло атмосферу в зале, и, глядя на разгоряченные лица взволнованных местных болельщиков, не трудно было заметить, что от присущих голландцам хладнокровия и выдержки не осталось и следа.

Много писали о пуританском образе жизни Эйве, его прогулках на свежем воздухе, занятиях спортом — плаванием и гимнастикой. Об Алехине писали, что он курит, пьет соду-виски и каждый вечер играет в бридж. Чемпион привез в Голландию талисман — сиамского кота по кличке «Чесс» («Шахматы»). Он приносил кота в зал и заставлял обнюхивать шахматную доску до начала партии. Любопытно, что Эйве спокойно переносил этот «ритуал».

Алехин явно нервничал, раскуривал сигарету за сигаретой, после нескольких затяжек гася их в пепельнице.

Спокойнее выглядел голландец. Однако когда Алехин начал на 19-м ходу атаку на ферзевом фланге, а затем завязал комбинационную игру в центре и на королевском фланге, хладнокровный Эйве явно заволновался. Все больше и больше он начал задумываться над ответными ходами.

Алехин, сделав ход, быстро встал со стула и, подобно коршуну, нервно закружил вокруг столика.

Первая партия закончилась блистательной победой Алехина. Думается, что и в наши дни не уменьшилась ее методическая ценность. Кризис в этой партии наступил после 18-го хода черных.

АЛЕХИН ЭЙВЕ

было, конечно, каплей в море. Счастье еще, что претендент не потребовал ни гроша.

В этой критической ситуации, кажется, единственным человеком, не потерявшим надежду на успех, был сам Макс Эйве.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ ПРЕТЕНДЕНТА

Говорят, что дома стены помогают, однако в данной ситуации «стены», то есть общественное мнение, свержгорячая поддержка болельщиков, местной прессы и радио — несомненно, давили тяжким грузом на психику Эйве. Казалось бы, поражения, упущенные возможности и катастрофический счет в матче должны были окончательно сломить волю претендента. Тем не менее в 10-й партии Эйве буквально ошеломил всех присутствующих — на партию он явился в прекрасном настроении, свежим и отдохнувшим. Суть не в том, что Алехин избрал неудачную защиту, позволив голландцу захватить инициативу на ферзевом фланге. Невооруженным глазом легко было заметить разительную перемену в участниках — Эйве был преисполнен энергии и неумолимой воли к победе, Алехин же явно сник, словно находился в состоянии глубокой депрессии.

Когда на 29-м ходу Алехин дотронулся до своего ферзя, рука его дрогнула: он тут же заметил, что теряет качество, а с ним проигрывает и партию. На 41-м ходу чемпион мира признал себя побежденным. Это поражение оказалось лишь прелюдией к дальнейшим тяжким испытаниям Алехина — Эйве явно обрел второе дыхание. Голландец выиграл 12-ю и 14-ю партии; 11-я и 13-я закончились ничью.

Совершилось невероятное — Эйве удалось сравнять счет — 7 : 7! Однако в 13-й партии гроссмейстеры напоминали боксеров, истощенных длительным боем, которые в состоянии «гrogги» еле держатся на ногах и слепо размахивают кулаками.

Что касается болельщиков, то такую резкую смену настроений на их лицах — от вспышки радости до глубочайшего разочарования и грусти — мне никогда не приходилось наблюдать, им было от чего расстроиться...

Вместо 55. Кре3, ведущего к ничьей, Алехин сыграл 55. Кре5??

Эйве мог посредством 55. ...Ла4! отрезать короля, что, как легко убедиться, выигрывало. Однако он ответил 55. ...f6+?? и после 56. Kpf4 Ла4+ 57. Kpg3 f5 58. Kph4 Kpf6 59. Лb7 сам предложил ничью.

Голландцы рассматривали эту партию как самую слабую в матче. По-видимому, казалось невероятное напряжение в предыдущих, насыщенных напряженной борьбой встречах. Но переживания участников и зрителей на этом далеко не закончились. По 15-й партии мы почувствовали, что на сей раз усталость охватила и Эйве.

Алехин пассивно разыграл дебют, Эйве захватил инициативу, но своими 24-м и 25-м ходами упустил реальные шансы на победу. Партия закончилась вничью, и все же она явно расстроила голландского гроссмейстера — ведь была упущена реальная возможность «добить» противника.

С психологической точки зрения крайне поучительна 16-я партия. К 15-му ходу Эйве, игравший белыми, стоял перед альтернативой — взять пешку ладьей и не форсировать события или пешкой и играть на выигрыш. Эйве побил пешкой, но... недооценил контршансов противника. Партия закончилась трагично. В ничейном ладейном окончании Эйве допустил ряд грубых ошибок и был вынужден сложить оружие на 65-м ходу. Вновь Эйве пришлось догонять...

Правда, время еще есть — чтобы стать победителем в матче из 30 партий, надо набрать $15\frac{1}{2}$ очков (при ничейном счете Алехин сохранял свой титул).

После двух ничьих положение Эйве резко ухудшается — он проигрывает 19-ю партию! Счет становится $10\frac{1}{2} : 8\frac{1}{2}$ в пользу Алехина. Что же, голландцу необходимо начать все сначала? Но где взять силы? Эйве выигрывает 20-ю и 21-ю партии!

Много кривотолков вызвала 21-я встреча в маленьком городке Эрмело, начавшаяся с большим опозданием. О причинах задержки я узнал позднее от секунданта Алехина Сало Ландау. Оказывается, вот что произошло.

Из Эрмело за участниками и членами Оргкомитета вышли три машины, но шофер, который должен был заехать к Алехину, по дороге заблудился и прибыл в гостиницу с опозданием на час. Алехина не было. Его же супруга сообщила, что Алехин усматривает в опоздании обиду и к игре не приступит. Представитель Оргкомитета с этим «доводом» не согласился: в запасе было еще два часа. Он решил лично поговорить с чемпионом мира. Наконец явился Алехин, явно находившийся еще под действием алкоголя. После уговоров Алехин в конце концов согласился играть. Чемпион мира прибыл с большим опозданием, так как, по-видимому, он решил перед партией выпастись. Он заявил, что приступает к игре под моральным давлением. Комитет не согласился с его заявлением, но предложил вызвать врача, который должен был решить, в состоянии ли чемпион мира играть. Алехин от врача отказался.

Когда началась партия, мы не знали о предшествующем инциденте. Правда, Алехин выглядел в этот вечер не очень хорошо, но особых отклонений от обычного состояния я не обнаружил. Он играл спокойно, и никаких нареканий его поведение не вызывало.

После 10-го хода Эйве встал из-за столика и вышел со своей супругой — как потом выяснилось, он обсуждал с ней возможность сдать матч. Потом он вернулся, и партия продолжалась.

Чтобы не потерять пешку, Алехин затеял атаку на королевском фланге, но тонкой игрой Эйве пресек все попытки чемпиона активизировать игру и добился в эндшпиле победы. Драматизм борьбы возрос. Счет стал вновь равным — $10\frac{1}{2} : 10\frac{1}{2}$!

В голландской прессе поднялась волна негодования. Утверждали, что Алехин пил с умыслом, чтобы: а) самому лучше играть, б) своим неспортивным поведением вывести противника из равновесия; в) умалить достижение противника. В зарубежной прессе появилась даже заметка о том, что Алехин был настолько пьян, что не мог расставить фигуры, а делать ходы пришлось его секунданту. Конечно, все это было сплошным вымыслом.

Что касается поднятой шумихи, я, как очевидец, считаю своим долгом процитировать слова Макса Эйве, сказанные им по окончании матч-реванша, слова, с которыми я полностью согласен.

«Возрождение Алехина в 1937 году нельзя объяснить лишь тем, что он во время последнего матча перестал употреблять алкоголь. Алкоголь в жизни Алехина действительно играл определенную роль. Алехин в критические моменты часто обращался к нему как к стимулирующему средству, дабы перебороть овладевавшую им апатию. Кажется, в матче 1935 года он выпивал перед 18-й и 30-й партиями и уже наверняка — перед 21-й (но никогда он не пил во время партии). Однако, если внимательно проанализировать 21-ю, а также остальные партии матча, можно убедиться, что их уровень был не выше и не ниже, чем уровень партий других матчей на звание чемпиона мира».

ОДИНОЧЕСТВО

Мне думается, что причины депрессии таились не только в шахматных неудачах чемпиона мира. В первую очередь нужно учитывать психологический микроклимат матчей на высшем уровне. Длительный, монотонный ход такого поистине марафонского состязания ложится на соперников крайне тяжелым психологическим грузом. Каждый день тот же ритм жизни, тот же очень сильный противник: каждый день — длительное пребывание в стрессовом состоянии, а по ночам — частые изнурительные бдения над анализом неоконченных партий. Определенным гандикапом является также игра в чужой стране или городе, когда еще больше суживается общение с людьми. В такие тяжкие периоды борьбы крайне важно присутствие тренера-друга, или, как Таль в одной статье назвал нас, «кузнецов чужого счастья», чтобы было кому «руку подать в минуту душевной невзгоды».

Иметь квалифицированного советчика, найти достойного оппонента для анализа отложенных партий, получать моральную поддержку при неудаче... Тренер-секундант обязан уметь создать хорошее настроение подопечному, когда у самого на душе кошки скребут.

Личная трагедия Алехина состояла в том, что он на протяжении всей жизни не имел настоящего преданного друга.

Алехин, бесспорно, был человеком, далеким от сантиментов, причем он часто выдавал себя за более жестокого человека, чем был на самом деле. Мне довелось несколько раз — в Кемери и Париже — беседовать с гроссмейстером, но никогда не видел его в при-

поднятом настроении, по-настоящему счастливым. Он не умел даже открыто и искренне смеяться — иногда только сухо, сардонически усмехался. Мне казалось, что все существо Алехина пронизано глубокой, безнадежной грустью. И лишь неугасимое честолюбие и смелость поддерживали его неистощимую энергию.

Показательно, что, живя во Франции, он не сумел найти среди шахматистов никого, кто мог быть рядом с ним на матче с Эйве. Французов не смущало, что Алехин был вынужден согласиться на предложенную бесплатную помощь мастера Сало Ландау — гражданина Голландии.

Да, Алехину было нелегко (особенно после 21-й партии, когда резко возросла враждебность голландской общественности против русского чемпиона) — все было против него: его тяготило одиночество. Трудно объяснить, чем был мотивирован его поступок — то ли приступом ностальгии, то ли всплеском грусти — но в праздничные дни он послал в Москву известную телеграмму, в которой поздравлял советских шахматистов с 18-й годовщиной Октября.

ТРАГЕДИЯ ОШИБКИ — ТРАГЕДИЯ СТРАСТЕЙ!..

После злополучной 21-й партии Алехин пролежал больным в постели четыре дня. На 22-ю он явился в сопровождении своего врача. Эйве играл белыми, не стремился к обострениям. В итоге — ничья на 17-м ходу. Оба участника явно нуждались в передышке. Но впереди их ожидали тяжкие переживания. Рассмотрим некоторые критические моменты титанического единоборства.

В 23-й партии Эйве тонко переиграл противника. Игра перешла в эндшпиль с лишней пешкой у голландца. После 29-го хода белых на доске создалась следующая позиция.

АЛЕХИН ЭЙВЕ

Эйве ошибся, когда решил подвести короля к центру в соответствии с основным законом эндшпильной стратегии.

29. . . Kpf8?

Еще не выпускает выигрыш, но, как указали С. Тартаковер и советский мастер А. Рабинович, сильнее было немедленно 29. . . b3! 30. Kd4 (не 30. Лb2 Лc1 + 31. Kpf2 Лc2 +) 30...Лc1 + 31. Kpf2 Сc4 32. Лb2 Лf1 + 33. Кре3 Ла1 34. Kpd2 Л : а4 35. К : b3 Лb4, и после размена пешечный эндшпиль выигран.

Далее последовало:

30. Лb2 Лc4 31. Kd2 Лd4 32. Kb3 Л : e4 33. Kc5 Лe1 + 34. Kpf2 Лf1 + 35. Кре3 Сc4 36. Л : b4 Cd5 37. Лb8 + Кре7 38. Лh8! Kpd6 39. Ke4 +!

Все время белые изыскивают лучшие практические шансы.

39. . . С : e4?

Психологически вполне понятно — находясь в цейтноте, волнуясь, Эйве хочет избавиться от назойливого коня. Однако больше шансов на победу сохраняло, как указал венский мастер Г. Кмох —

39. . . Крс6! (угрожая 40. . . Лel+) 40. Кс3 С : g2 41. Л : g7 Лf3+ 42. Крд2 Cf1, и черные сохраняют лишнюю пешку и, что еще важнее, активного слона. Далее могло последовать 43. Л : h7 Л : f4 44. Л : a7 Лh4 и т. д. Если 43. . . Л : a7, то 44. Лh3.

После размена легких фигур ладейный эндшпиль закончился быстрой ничьей.

Итак, по-прежнему сохранилось равенство 11½ : 11½. Не успели болельщики оправиться от пережитого, как уже в следующей партии их стало бросать «то в жар, то в холод».

После 26-го хода черных создалась такая позиция:

Играя просто 27. Л : f3 Ф : g5 28. Л : f8+ Кр : f8 29. hg, белые без труда добивались ничьей. Однако, к ужасу присутствующих, Эйве сыграл 27. Л : f8+? Последовало: 27. . . Кр : f8 28. Фf4+ Фf7 29. Ф : f3 Ф : f3 30. ef e5 31. Кpf1 b5 32. Кре2 c5?

Теперь грубо ошибся Алехин. Выигрывало не особенно сложное 32. . . a5! 33. Кре3 a4 34. Крд3, и, занимая королем поле d5, черные могут готовить продвижение пешек на ферзевом фланге. «Соль» эндшпиля в том, что белые не в состоянии избавиться от своей двоянной пешки посредством 34. f4 (вместо 34. Крд3), так как после 34. . . ef+ 35. Кр : f4 белый король уже не попадает в квадрат.

После ответа Эйве — 33. Кре3 — Алехин сам предложил ничью, заметив, что в данной ситуации 33. . . a5 бесполезно из-за 34. f4.

Счет стал 12 : 12.

В удрученном состоянии Алехин быстро покинул сцену...

Шахматы как спорт имеют свои суровые законы. Сухие цифры молча фиксируют исход сражений — единицы, нули, половинки, однако, если в них внимательно взглянуть, почувствуешь, как бурлят человеческие страсти — сколько в них переживаний, надежд, разочарований.

Может быть, это имел в виду Савелий Тартаков, заметивший, что в шахматах трагедия ошибки — трагедия страстей.

«Шахматная партия — это сказка 1001 ошибки», — говорил также Тартаков. Не кроется ли в этом экспромте-афоризме доля истины о неисчерпаемой глубине шахматного искусства, о сокровищнице его тайн, не открывшейся человеку полностью за многовековую историю. Спотыкались в поисках истины и Алехин, и Эйве...

ЭЙВЕ АЛЕХИН

И ЗАШАТАЛСЯ ТРОН

При высокой дебютной технике и обширных знаниях право начать партию не обеспечивает, конечно, шахматисту победу. Однако играющий белым цветом имеет одно преимущество — он может в ка-

кой-то мере придать партии нужное ему направление, направить дебют в желаемое русло, шахматное и психологическое.

Следя за течением 25-й партии, нетрудно было понять психологический подтекст дебютной стратегии Алехина — сверхсмелой игрой вывести невозмутимого Эйве из равновесия и любой ценой навязать ему, логично мыслящему человеку, математику по профессии, предпочитающему спокойный ход борьбы, запутанную игру «на острие ножа», заставить противника самостоятельно думать. Последнее, кстати, всегда было одним из главных психологических приемов Алехина. При этом Алевин умел придать партии невероятное напряжение. Часто его противники просто не выдерживали колоссальной творческой нагрузки и пасовали в решающий момент.

Для достижения своей цели Алевин в 25-й партии уже в ранней стадии пожертвовал две пешки, однако четкой игрой голландец опроверг рискованную стратегию противника и одержал победу.

Голландия торжествовала: 13 : 12 — Эйве захватил лидерство!

В 26-й партии, играя черными, Алевин проводил в основном ту же линию, что и в предыдущей, но без щедрых жертв. Черным, как известно, не так просто «раскошелиться». Чтобы лишить Эйве возможности идти проторенными путями, Алевин избрал оригинальную трактовку голландской защиты. Но его противник логичной игрой опроверг эксперименты Алехина, к 20-му ходу уже вырисовывался очевидный позиционный перевес Эйве.

ЭЙВЕ АЛЕХИН

Черные стоят значительно хуже. Белые фигуры гармонично расположены, и, самое главное, — всякие агрессивные поползновения со стороны противника пресечены. Черные должны, собственно говоря, искать ничьей. Но последнее казалось Алевину неприемлемым. Вот почему он своим следующим ходом стремится спровоцировать противника на жертву.

20. . . Cf6?!

Хорошо понимая, что нормальное 20. . . Kf6 мало перспективно ввиду 21. h3 и g3—g4 после соответствующей «артподготовки».

Эйве принимает вызов, хотя спокойное 21. a4 сохраняло значительный позиционный перевес без особых волнений. Но алевинская стрела попала в цель! Дело в том, что бывают позиции, в которых настоящий художник всем существом тянется к полнокровной творческой борьбе, считает малодушием свернуть с широкой дороги взаимных возможностей, руководствуясь лишь утилитарными соображениями, думая только о безопасности, о «синице в руках». 21. K : f5!

Вот с каких позиций можно понять решение Эйве. Жертва явно носит интуитивный характер. Точно предвидеть контуры предстоящего боя было невозможно — белые возлагали все надежды на скрытую динамику своей будущей пешечной лавины.

21. . . C : c3 22. K : d6 Fb8 23. K : e4 Cf6 24. Kd2 g5.

Чтобы вскрыть линию для контригры.

25. e4 gf 26. gf Cd4 27. e5 Фе8 28. e6 Лг8! 29. Кf3?

Что это, первые плоды алексинской тактики? Эйве начал «путать»... Сам голландец сурово осудил этот ход, считая, что следовало играть 29. Фh3! Кf6 30. Кf3 С : b2 31. Лb1, консолидируя позицию с шансами на победу.

29. . .Фg6 30. Лg1 С : g1 31. Л : g1.

Подчас доминируют чисто волевые импульсы, заглушающие трезвую оценку позиций. Вот почему, как указал Алехин после партии, он отверг вариант 31. . .Фf5! 32. ed Л : g1+ 33. Кр : g1 Ф : d7 34. Кrf2, ведущий только к равенству, так же как и вариант 32. Кg5 Л : g5 33. Фе4+ и т. д.

Алехин явно играл под девизом «выигрыш любой ценой!» Ничего удивительного поэтому, что он просмотрел сильный ответ противника.

31. . .Фf6? 32. Кg5! Лg7 33. ed Л : d7 34. Фе3 Ле7 35. Ке6 Лaf8 36. Фе5 Ф : e5 37. fe Лf5.

Многие критиковали Алехина за этот ход, считая, что 37. . . Л : e6 обеспечило бы ничью. Однако Эйве доказал, что после 38. de Лf5! 39. Ле1 Кpg8 40. Ле3! (этого хода большинство критиков не видели) 40. . .Кrf8 41. Ла3! Л : e5 42. Л : a7 Л : e6 43. b3! Ле2 44. Л : h7 Л : a2 45. Лb7 у белых практические шансы на победу.

38. Ле1?

Опять маленькая неточность. Лучше 38. Лg5, предотвращая жертву на e6.

38. . .h6?

Быстро проигрывает. Лучше было 38. . .Л : e6.

После 39. Кd8! Лf2 40. e6 Лd2 41. Кс6 Ле8 42. e7 b5 43. Кd8! Кpg7 44. Кb7 Кrf6 45. Ле6+ Кpg5 46. Кd6 Л : e7 47. Ке4+! Черные сдались.

«Белый конь честно заработал свой мешок овса!» (М. Эйве).

Итак, счет стал 14 : 12 в пользу Макса Эйве. Зашатался трон короля. Голландцы и радовались, и волновались. Оставалось всего четыре партии, но все понимали, насколько опасен раненый лев.

Нам, журналистам, Алехин заявил, что в общем он чувствует себя неплохо, но его тяготят неожиданные поражения и упущенные шансы на выигрыш в отдельных партиях. «Правда, это может случиться даже с самым сильным человеком», — добавил он в свое оправдание.

«УРА НОВОМУ ЧЕМПИОНУ МИРА!»

Опасения голландцев оказались вполне обоснованными. Алехин не был бы Алехиным, если бы сдал матч без боя. И казалось, что именно в 27-й партии он собрал в кулак всю свою силу. Эйве потерпел в этой встрече тяжелое поражение. Последние две партии также диктовал чемпион мира. Эйве с огромным трудом сдерживал «железный прессинг» своего соперника. Однако обе партии закончились вничью, и перед последней 30-й встречей счет стал 15 : 14

в пользу претендента. Только победа позволяла Алехину спасти матч и сохранить корону.

Немудрено, что зал, вмещающий 2000 зрителей, был заполнен до отказа, а толпу болельщиков, стремящихся любой ценой попасть в зал, еле сдерживал большой отряд конной полиции.

Все редакции амстердамских газет вывешивали в своих витринах каждый ход, и тысячи голландцев весь вечер стояли около них, не обращая внимания на мокрый, валящий хлопьями снег.

Алехин появился во фраке, белом галстуке. Он выглядел импозантно и подчеркнуто элегантно. Но был страшно бледен. На сей раз он пришел без кота.

Во время партии он явно нервничал, то и дело закуривал и тут же ломал сигарету, часто консультировался с врачом. Принял какие-то лекарства. Это было грустное зрелище — шахматный гений метался, как раненый зверь в железной клетке.

Сегодня, спустя почти 50 лет с того матча, я уверен, что Алехин избрал неправильную дебютную стратегию. Стремясь и на сей раз усложнить игру, он пошел на принятый ферзевый гамбит, однако в таком «пресном» варианте практически невозможно вызвать желаемые осложнения. Эйве играл последовательно и четко. До начала партии он заявил чемпиону: «Я согласен в любой момент на ничью», но лишь после 5-часовой игры, не досчитываясь двух пешек, чемпион мира сказал: «Я согласен на ничью». Эйве подтвердил свое согласие и протянул руку.

«Ура новому чемпиону мира! Да здравствуют голландские шахматы!» — поднявшись со стула, воскликнул Алехин.

Трудно описать реакцию зрителей. Раздался шквал аплодисментов, в руках зрителей вдруг появились маленькие голландские флажки, и стоя они запели национальный гимн. На Эйве надели большой лавровый венок, застрекотали кинокамеры...

Голландцы ликовали на улицах до поздней ночи. А на банкете в честь нового чемпиона мира свершилось невероятное — Эйве выпил стакан виски...

Закончился один из самых драматических матчей в шахматной истории. Поражение Алехина вызвало в шахматном мире широкие отклики. В передовой статье немецкий журнал «Deutsche Schachblätter» писал: «Падение героя всегда воспринимается болезненно — ведь шахматный мир привык к блестящим победам Алехина. Он являлся для нас воплощением шахматного искусства».

Ключ к раскрытию причин поражения Александра Алехина дали Эмануил Ласкер и Сало Флор.

Ласкер писал: «У каждого шахматного мастера в чем-то скрывается слабость. Это можно считать правилом. Человеку свойственно ошибаться. Совершенство недостижимо! Трудно, однако, установить границы слабости шахматного мастера. Трудно не только для другого, еще труднее для самого себя, ибо сложнейшая задача — уяснить свои слабые стороны».

Да, Алехин явно недооценил силу Эйве, его упорство в защите, а ощутив это, начал играть слишком нервно, импульсивно. В этом

он признался корреспонденту одной американской газеты уже после 20-й партии.

«Алехин всегда сражался с невероятной энергией. Каждую партию он хотел играть в полную силу. Даже в сеансах одновременной игры он воодушевлен. Он постоянно стремился дать что-либо творческое. Но и величайший гений должен сдать, если от него постоянно требуют новых и новых достижений».

Это мы читали во время матча в корреспонденции С. Флора на страницах газеты «64».

Но, оказывается, ровно за 10 лет до него Эм. Ласкер писал об Алехине следующее:

«Несмотря на свою молодость, крепкое телосложение, богатство фантазии, прилежание, привязанность к шахматам, он все же не отвечает неслыханным требованиям своего стиля, так как для этого требуются сверхчеловеческие силы».

Похоже, пророческие слова вельтмайстера подтвердились в данном матче.

Шахматный мир не мог тогда предвидеть, что поражение в матче явится первым симптомом снижения боевого и творческого потенциала Алехина. Человеку его типа поражение должно было нанести непоправимый психологический удар.

И в самом деле, хотя Алехин и взял в 1937 году блестящий реванш, ему уже не удавалось в крупных турнирах экстракласса демонстрировать былую уверенность и блестящую игру (например, в «АВРО-турнире», Ноттингеме, Кемери).

Трудно сказать, осознал ли Алехин до конца факт снижения своей силы, но его отношение к окружающему миру стало еще жестче, усугубилось его одиночество.

Последние годы жизни он провел в Испании и Португалии. Его биограф А. Павелцак отметил, что материальное положение заставляло чемпиона мира принимать участие в турнирах среднего ранга, в сеансах одновременной игры и игры вслепую. Однако стесненные условия жизни, зависимость от меценатов, необходимость непрерывных выступлений угнетали его. Такая борьба за существование долго продлиться не могла — она все больше подрывала расшатанное здоровье великого шахматиста...

За две недели до смерти Алехин предложил португальскому мастеру Люпи совместно прокомментировать несколько партий закончившегося недавно Гастингского турнира. «У меня совершенно нет денег, — сказал Алехин португальскому чемпиону, — и я должен немного заработать на папирсы».

Тогда же на имя Алехина пришла от английского шахматного деятеля Дербишира телеграмма, в которой Алехин уведомлялся о предложении Михаила Ботвинника сыграть матч на первенство мира. Чемпион немедленно ответил согласием. Алехин почувствовал, по словам Люпи, огромный прилив энергии.

— Через несколько дней, — вспоминает Люпи, — случилось нечто, казалось бы, не имевшее отношения к шахматам. Это была речь Черчилля в Фултоне, в которой лидер консервативной партии

призывал, по существу, к новой войне против СССР. Эта речь сильно подействовала на чемпиона мира. «Как мне не везет,— сказал он Люпи.— Я убежден, что мой матч с Ботвинником так и не осуществится». И в этой последней фразе была горькая правда.

В воскресенье 24 марта 1946 года Алехин скоропостижно скончался. В номере гостиницы возле сидящего в кресле мертвого Алехина стояла шахматная доска с расставленными фигурами. Рядом лежала раскрытая книга Мэргерт Сотберн «Стихи в изгнании». Страница, на которую были обращены невидящие глаза великого шахматиста, содержала горькие строки: «Это судьба всех тех, кто живет в изгнании»...

* * *

«Серый камень прикрыл могилу, но камень не смог прикрыть страницы жизни, страницы книг, написанных для людей. Книжки живут, в них душа писателя, его разум, бьется его сердце». Эти слова латышского поэта Эрнеста Бирзниека-Упита припомнились мне сначала, когда я перечитывал труды Алехина, и вновь, когда дописывал строки, посвященные памяти Александра Алехина.

НА «ТУРНИРЕ НАЦИЙ»

Флаги 20 стран развевались на фронтоне элегантного особняка на центральной улице Варшавы — Маршалковской. Здесь в офицерском казино под эгидой ФИДЕ начался в августе 1935 года VI «Турнир наций».

В двух просторных залах было расставлено 40 шахматных столиков, за которыми сражались шахматисты разных континентов. Демонстрационные доски отсутствовали, поток зрителей медленно двигался вдоль отгороженных толстыми плюшевыми канатами «рингов», останавливаясь около столиков, где играли сильнейшие шахматисты.

Ни зрители, ни журналисты не осознавали тогда, что являются свидетелями грандиозного столкновения двух поколений. На Олимпиаде испытанным бойцам — А. Алехину, Р. Шпильману, Ф. Маршаллу, С. Тартаковеру, М. Видмару, Э. Грюнфельду, Б. Костичу, К. Трейбалу противостояла новая волна во главе с П. Кересом, С. Флором, Г. Штальбергом, Г. Штольцем, Р. Файном, Э. Элискесом, М. Найдорфом, А. Лилиенталем, В. Микенасом.

Регламент турнира, конечно, в целях экономии, был жестким — с 9.00 до 13.00 и с 18.00 до 22.00.

Такой восьмичасовой рабочий день не способствовал творческим устремлениям участников. Не случайно многие партии завершились быстрыми «гроссмейстерскими» ничьими (таким образом участники снижали свою нагрузку).

Особенно тяжело пришлось шахматистам старшего поколения. Например, лидер австрийской сборной Эрнст Грюнфельд, шахма-

тист высокого класса, набрал всего 50 процентов. Тяжело давалась игра и гениальному Шпильману, без привычного блеска играл Алехин.

НАХОДКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ

Журналисты, как это всегда бывает на Олимпиадах, просто с ног валились от обилия шахматных впечатлений: попробуй одновременно уследить за 40 партиями, разыграть их на доске, выбирая из них «изюминки». А вот урожай интервью был довольно скудным: при таком регламенте участникам днем было всегда некогда, они постоянно спешили, ходили усталые, озабоченные, несловохотливые. А от нас редакции ежедневно требовали «всего навсего» побольше интересных и живых материалов. Но нам все-таки повезло: настоящей находкой стал для пишущей братии «ртутный», экспансивный, вечно шутящий Мендель Найдорф (переселившись в 1939 году в Аргентину, он стал Мигелем). Если журналисты и зрители обступали кого-то тесным кольцом и неожиданно раздавался безудержный смех, вы могли быть уверены, что там в середине — Найдорф. Пауль Керес в свое время шутил, что женщины играют в шахматы хуже мужчин только потому, что не могут выдерживать пятичасового молчания за доской. Однако Найдорф, став одним из сильнейших гроссмейстеров мира, уже в Варшаве начисто опроверг эту гипотезу. После каждого сделанного хода он вскакивал со стула и, гуляя по сцене, непременно отыскивал собеседника. Эта привычка осталась у него на всю жизнь и подчас доставляла немало беспокойства судейской коллегии. Так, на амстердамской Олимпиаде в 1954 году он завел во время матча оживленный разговор на сцене с членом своей команды Оскаром Панно. Главный арбитр гроссмейстер Милан Видмар ядовито поинтересовался:

— А почему, собственно, вы разговариваете по-испански?

— Панно абсолютно не знает арабского, — молниеносно отреагировал Найдорф.

На варшавской Олимпиаде у него возник конфликт с судейской коллегией после того, как ему зафиксировали в одной партии просрочку времени. Сначала он заявил, что часы «спешили». Это, естественно, не помогло. Тогда неугомонный Найдорф стал уверять арбитров, что до начала партии они были неправильно поставлены. И опять судьи остались неумолимыми.

— Скажите, — в отчаянии обратился он к сэру Джорджу Томасу, — как решают у вас в Англии в таких случаях?

— В Англии? — мастер удивленно поднял брови. — За просрочку времени у нас незамедлительно ставят поражение, и никому в голову не приходит по этому поводу спорить.

— Ах, так! — ответил Найдорф. — Тогда мы поступим, как принято в Англии. Конечно, я проиграл. Этого я никогда и не собирался оспаривать.

Но, невзирая на эксцентричность, Найдорф принадлежит к тем людям, к которым окружающие всегда доброжелательны и

прощают им их слабости. Потому что такой человек несет с собой заряд оптимизма, тепло и моральную поддержку.

В первый день Олимпиады он по окончании партии явился в пресс-бюро показать нам свою «бессмертную». Чуть ли не каждый ход он сопровождал эпитетом «гениально»... Но заключительную атаку Найдорф и в самом деле провел на редкость эффективно.

13. . . Cg1!! 14. K : g1 Фh2+ 15. Kpf3 e5!
16. de Kd : e5+ 17. fe K : e5+ 18. Kpf4 Kg6+ 19. Kpf3 f4! (угрожая 20. . . Cg4+! 21. Kp : g4 Ke5×!).

20. ef Cg4+! 21. Kp : g4 Ke5+! 22. fe h5. Мат! Великолепно!

* * *

В целом, мне помнится, спортивная сторона варшавской Олимпиады не была особо волнующей. Уже до начала соревнования господствовало мнение, что победители двух прошлых Олимпиад, американские шахматисты, и теперь заберут главный приз — золотой кубок Гамильтона-Рассела. Правда, сенсацией на старте стало их поражение от венгров со счетом 1 : 3 и от шведов — 1½ : 2½. Однако затем все стало на свои места — американцы увезли Кубок за океан, второе место заняла команда Швеции, третьей была сборная Польши.

Правда, следует отметить, что американцев выручил «хвост». В то время как их лидеры Файн и Маршалл одержали 11 побед при 7 поражениях, настоящими снайперами оказались Дейк и Горовиц, «выбившие» вместе 23 очка при только одном поражении!

Несравненно более ярко запечатлелись в моей памяти отдельные колоритные личности этой Олимпиады.

«СЕВЕРНОЕ ШАХМАТНОЕ ЧУДО»

Так польская печать прозвала высокорослого худого парня из эстонского города Пярну. Он обращал на себя внимание правильными красивыми чертами лица, элегантной осанкой; он был полон внутреннего обаяния. Уже с первого взгляда в этом юноше угадывался характер кристально честного, необыкновенно порядочного человека. Впрочем, это первое впечатление никогда уже не оставляло всех его знакомых и в дальнейшем.

Юноша располагал к себе сразу, вызывая у собеседника чувство глубокой симпатии. При этом никого не смущала его сдержанность, его кажущаяся замкнутость, его чуть насмешливая, загадочная улыбка, его молчаливость, вообще присущая людям северного склада. Он никогда не жаловался, стоически переносил выпадавшие на его долю тяготы жизни, от которых ни один человек, а тем более шахматист, не избавлен.

Таким остался в памяти Пауль Петрович Керес, горячо любимый всеми настоящими ценителями шахмат до самой своей смерти...

Уже на своем первом международном выступлении в Варшаве Керес удивил всех универсальным стилем: острокомбинационные атаки сменяло тонкое позиционное маневрирование в миттельшпиле, поражала до блеска отполированная техника эндшпиля.

«В лице Пауля Кереса мы встретили многообещающий талант», — писал по окончании Олимпиады авторитетный журнал «Wiener Schachzeitung». Эти слова оказались, как мы знаем, пророческими.

Когда он играл, ни один мускул лица не выдавал его переживаний. Все его существо казалось мне воплощением максимальной концентрации, глубокого философского спокойствия. Но, присматриваясь внимательнее, можно было заметить, что за наружной сдержанностью чувствуется творческое горение художника. В особенно критических ситуациях на его щеках появлялся легкий румянец.

Всей душой я болел за своего северного соседа, часами простаивал около столика, где играл Керес. Впоследствии я еще много раз имел удовольствие наблюдать за игрой эстонца в ответственных соревнованиях, мне самому посчастливилось трижды встречаться с ним за доской, однако поведение Кереса на варшавской Олимпиаде произвело на меня самое сильное впечатление.

В золотом фонде шахматной культуры и по сей день почетное место занимает следующая финальная атака, проведенная Кересом на варшавской Олимпиаде.

Жертвой трех (!) пешек белым удалось опередить противника в развитии. Теперь они реализуют свой позиционный перевес комбинационным ударом.

13. К : f7! Кр : f7 14. Фh5+ g6.

На 14. . . Крf8 белые собирались ответить 15. Лfe1 Cd7 16. Фf3+ Kpg8 17. Се7!

15. С : g6+! hg 16. Ф : h8 Cf5 17. Лfe1 Ce4 18. Л : e4! de 19. Фf6+. Черные сдались.

ДОН КИХОТ ШАХМАТНОГО МИРА

Рудольф Шпильман не сражался с ветряными мельницами, он лишь с фанатическим упрямством отстаивал свою приверженность к королевскому гамбиту, любимому оружию старых мастеров-романтиков, яркими представителями которых были Адольф Андерсен и Михаил Чигорин. Шпильман многие годы не хотел замечать, что некогда грозное оружие начало притупляться, что тайна дебюта давным-давно раскрыта. Прозаической правде он предпочитал сладостный и многокрасочный мир иллюзий. Ему понадобилось 30 лет, чтобы с горечью и болью в сердце отрешиться от «своего» дебюта в статье под заглавием «У постели больного королевского гамбита».

Направляя он уже в дебютной стадии борьбу в более рациональное русло, заботясь он хоть чуть-чуть о спортивной стороне

шахмат, его результаты, несомненно, улучшились бы, стали более ровными и с ними улучшилось бы его материальное положение. Но Шпильман был романтиком до мозга костей.

— Трагедия шахматиста Шпильмана состояла в том, — писал в свое время Макс Эйве, — что он не был выдающимся настолько, чтобы жить шахматными заработками. Он зависел от любезности людей, время от времени приглашающих его на выступления для участия в коротких матчах и турнирах.

Гроссмейстер был мал ростом, круглолиц и высоколоб. На окружающий мир глядели удивительно добродушные, большие глаза. Он казался чрезвычайно кротким человеком, с миролюбивым и мягким характером. До чего же, однако, обманчива порой внешность! За шахматной доской он изменялся до неузнаваемости. От миролюбия не оставалось и следа. Вся его игра в миттельшпиле была пронизана клокочущей динамикой, сверххрискованными жертвами, неустанной борьбой за инициативу. Его девиз гласил: «Всё за скальп неприятельского короля! Со щитом или на щите».

Шпильман был одним из первых участников варшавской Олимпиады, любезно согласившихся дать мне интервью по поводу актуальных проблем шахматного творчества. (Во время войны пропал весь мой личный архив. Я надеюсь, читатель простит мне то, что чисто шахматный материал восстанавливается мною здесь и в последующих местах книги по материалам опубликованных книг и журналов тех времен, ставших, кстати, библиографической редкостью и представляющих, по моему мнению, определенный интерес для шахматистов наших дней.)

Встреча наша состоялась в маленьком уютном кафе. Я заказал себе кофе, Шпильман — пиво: гроссмейстер его просто обожал.

Мой собеседник принадлежал к тем выдающимся людям, с которыми после первых скованных «ритуальных» фраз чувствуешь себя неожиданно легко, свободно. И начинает казаться, что собеседник твой давнишний добрый знакомый (забегая вперед, скажу, что такое же чувство владело мной при встрече с Эм. Ласкером).

ШАХМАТЫ БУДУЩЕГО!

Наша беседа в основном касалась вышедшей год назад в Австрии книжки Шпильмана «Richtig Opfer», увидевшей затем свет в русском переводе под названием «Теория жертвы». Мне тогда показались слишком субъективными его суждения о типах жертв: мнимых и реальных. Различие, по мнению автора, состояло в том, что при мнимых жертвах материал отдается на определенное время, при реальных — на неопределенное. Мнимые жертвы не связаны, утверждал Шпильман, с риском, так как в момент предложения жертвы все последствия ее точно рассчитаны и атакующий рядом форсированных ходов с выгодой отыгрывает пожертвованный материал.

В так называемых реальных жертвах, как их именовал гроссмейстер (теперь их чаще называют интуитивными), отдается мате-

риал, но атакующий не в состоянии рассчитать, а лишь приблизительно оценивает последствия. Он достигает динамического преимущества, чтобы его использовать в дальнейшем. Если ему не удастся выполнить свою задачу, то из-за потери материала он должен, вероятно, проиграть. В этом заключается риск, а элемент риска является существеннейшим признаком реальной жертвы, так как ее результат может быть определен с известной вероятностью, но не с абсолютной точностью.

Когда Шпильман спокойно все это изложил, я воспринял услышанное с некоторым предубеждением, которое постарался не выразить из уважения к собеседнику. Все это имело свою предысторию. При чтении в моем мозгу просто не укладывалась мысль о том, что большинство блестящих комбинаций были лишь «мнимыми», или, как автор тогда выразился, «выгодными сделками».

Правда, Шпильман признавал, что и такие жертвы требуют глубокого проникновения в позицию, фантазии, далекого расчета. И все же его утверждения казались мне кощунственными, отрицающими личные качества, творческий потенциал целой плеяды корифеев шахмат — Андерсена, Морфи, Чигорина, Пильсбери, АLEXИНА...

«Только способный, смелый шахматист, уверенный в своих силах, пойдет на реальную жертву. Робкий предпочтет от нее уклониться хотя бы потому, что риск вызывает в нем состояние неуверенности».

И вот эти субъективные тезисы Шпильмана на первых страницах книги меня настолько «возмутили», что последующим страницам я даже не уделил серьезного внимания — лишь с каким-то пренебрежением перелистал их. Но когда я попросил гроссмейстера показать одну из своих «реальных жертв» и он на карманных шахматах начал демонстрировать мне партию с Грюнфельдом, излагая мотивы тех или иных решений, я обомлел от этой своеобразной красоты и динамики, от смелости его оригинальных замыслов. Одновременно меня охватило чувство стыда за мою запальчивость. Даже сегодня, через 50 лет, когда я пишу эти строки, вспоминая встречу с венским гроссмейстером, не могу освободиться от этого чувства. Теперь я твердо убежден, что шпильмановский интуитивный стиль — это стиль будущего!

В наше время, когда шахматы буквально «препарированы» до «атомов», когда все закономерности стратегии и тактики раскрыты и разложены по полочкам, а сами шахматисты вооружены вариантами до зубов и от теоретических знаний деваться буквально некуда, интуитивные жертвы начинают занимать в арсенале выдающихся шахматистов главенствующее положение. Они позволят глубже понять нераскрытую тайну шахмат, преградят путь серости и рутине.

А вот та изумительная партия (см. диагр. на стр. 28).

Чем бить коня? После напрашивающегося хода 11...Ф : d7 белые успевают с темпом сыграть 12. Сb5 и 0—0, заканчивая свое развитие. Черные, однако, сыграли 11...К : d7!? Так называемая

Ход черных

развивающая жертва. Сторона, принявшая жертву, отстает в развитии.

12. f4.

Белые пока отказываются от дара, так как после 12. К : d5 е6 13. Кс3 е5! оживают слоны, резко увеличивается их потенциальная сила.

12. . . е5 13. fe К : е5!?

Цель жертвы — вскрыть любой ценой игру в центре, задерживая там неприятельского короля!

14. de d4!

Комментируя партию, Шпильман сделал в этом месте следующее примечание: «Правильность жертвы коня нельзя доказать аналитическим путем, и в партии по переписке жертва, возможно,шла бы опровержение. Однако в борьбе за доской, при ограниченном 18 ходами в час временем для обдумывания, она почти всегда должна окончиться победой. Это, конечно, выражение точки зрения шахматиста-практика».

Шпильман вообще считал, что если требовать от каждой реальной жертвы безусловной, аналитически доказуемой правильности, то следовало бы вычеркнуть из шахматной игры многие ее элементы.

В своей книге «Теория жертвы» он далее писал: «Это повело бы, однако, к отрицанию всех реальных жертв и оставлению лишь мнимых, которые, в сущности говоря, не могут считаться жертвами».

Именно эти слова «не могут считаться жертвами» вызвали в далекой юности мою неприязнь к гипотезе гроссмейстера. Если бы я прочел книгу внимательнее, я заметил бы, что Шпильман сам подчеркнул субъективность своих взглядов. В таких случаях всегда важно выявить с помощью объективного анализа плюсы и минусы новой аксиомы и «вылущить» суть вновь открытой истины. Но молодежи присуща горячность, которая зачастую мешает ей всесторонне рассмотреть проблемные вопросы. Правда, следует добавить, что «принижение» так называемых «мнимых» жертв так и не привилось в теории.

15. Kd1 С : е5 16. е4.

Чтобы, по крайней мере, закрыть одну из центральных линий.

16. . . С : е4 17. Kf2 Cd5 18. Фh3 Фе7.

Черные не отвлекаются выигрышем пешки на а2.

19. Се2.

Оказывается решающей ошибкой. Белые надеялись в случае 19. . . С : а2 откупиться после 20. 0—0 пешкой «а», успев обезопасить положение короля. Но они не получают передышки. Это один из главных принципов в подобных положениях. Шпильман считал, что следовало играть 19. Kpd1, чтобы на 19. . . С : а2 ответить 20. Сс4 с серьезной борьбой. Однако не так просто решиться на такой ход королем, кроме того, король по-прежнему находился бы в опасности, а черные имели бы, кроме того, достаточный материальный эквивалент за фигуру — три пешки.

19. . . d3!

Цель жертвы, освобождающей поле d4, в том, что после 20. К : d3 белые по-прежнему не могут рокировать из-за 21. . . С : d4+ с победоносным отыгрышем фигуры.

20. К : d3 Лfe8 21. Кpf1 С : b2.

Черные не спешат с материальным приобретением, так как в подобных позициях самое главное — «не продешевить». Так, после 21. . . Сс3 22. С : с3 Ф : e2+. 23. Kpg1 Ле3 24. Ле1! Л : h3 25. Л : e2 Л : d3 26. а3 белые, имея пешкой меньше, сохраняли при разноцветных слонах хорошие шансы на ничью.

22. Ле1 Фf6+ 23. Кf2 Cd4 24. Фg3 Ле4! 25. h4 Лae8 26. Сb5 Л : e1+ 27. С : e1 Ле3 28. Фg5 Л : e1+ 29. Кр : e1 Ф : f2+ 30. Kpd1 С : g2 31. Ле1 Cf3+ 32. Ce2 Сс3! 33. С : f3 Ф : f3+ 34. Kpc2 С : e1. Белые сдались.

В этой партии Рудольфу Шпильману удалось воплотить в жизнь основную идею реальной жертвы, четко сформулированную им в книге «Теория жертвы»: «Возможность превращения при случае материала в силу, а силы в материал представляет собою замечательное свойство шахмат, возможно, наиболее существенную их тайну».

АНТИПОДЫ

Как я уже говорил, большинство шахматистов были днем, во время туров, озабоченными, замкнутыми, отнюдь не расположенными к беседам людьми. Однако вечерами, собравшись после ужина в уютном холле гостиницы, они становились неузнаваемыми, заживаясь до поздней ночи.

Стоит ли добавлять, что в этой компании всякий раз можно было встретить автора этих строк. Гроссмейстеры, которых днем я видел сгорбившимися над шахматными досками, отрешенными, недоступными, вечерами в непринужденной обстановке как бы оттаивали. Многие из них оказались на редкость общительными, доброжелательными, наделенными щедрым сердцем, высокой внутренней культурой и большим чувством юмора.

Мое внимание особенно привлекали колоритные фигуры двух гроссмейстеров — Фрэнка Маршалла и Милана Видмара. Почти ровесники — Маршалл родился в 1877 году, Видмар — в 1885-м, по наружности и по своим жизненным и шахматным взглядам они были ярко выраженными антиподами.

Маршалл — статный, высокий, худощавый, с жесткими чертами лица. Орлиный нос в полном ладу с острым глубоким взглядом. Однако типично американская широкая «кип смайлинг» (улыбка) значительно смягчала впечатление суровости.

Видмар был мал ростом, кругленький, крепко стоял на коротких ногах, но двигался, несмотря на полноту, удивительно мягко, эластично и быстро. Из-под очков поглядывали смеющиеся глаза с деревенской простодушной хитрецей. Толстая золотая цепь кар-

манных часов на жилете придавала ему вид самодовольного, преуспевающего буржуа.

Маршалл — бескомпромиссный боец, романтик, любитель лживых атак на неприятельских королей. «Мне все равно — побеждаю я или проигрываю, — говаривал он в молодости, — но с нетерпением жду времени, когда скажут: так красиво, так остроумно и так элегантно играет только Маршалл. Только похвалу хочу услышать, и, если я ее услышу, буду знать, — я на правильном жизненном пути».

А в своей книге «My fifty years of chess» («50 лет в шахматном мире») он позже писал: «Говорят, что я похож на старого джентльмена шекспировских времен, который непрерывно курит сигары, а шахматную доску берет с собой в постель. Характеристика не лишена пикиантности, но во многом неверна. Во-первых, я отвергаю определение «старый джентльмен». Мне всего 64, и мои друзья утверждают, что я еще не успел состариться. А что касается шахмат, которые я беру с собой даже в постель, то это всего-навсего — карманные шахматы. Но они мне необходимы — никогда не знаешь, когда озарит тебя интересная идея. Я шахматам посвятил всю свою жизнь и играю в них более полувека. За эти годы не было ни одного дня, чтобы я не сыграл хотя бы одну партию. Ежедневно с зарн допоздна кружились пешки и фигуры в моей голове, лишая меня покоя и сна! Так велико, да будет вам известно, очарование и притягательная сила этой королевской игры с ее многочисленными вариациями и безграничными возможностями».

Критики сетовали, что атаки Маршалла не всегда корректны, что он слишком увлекается ловушечной игрой, однако отказать его идеям в блистательном остроумии никто не осмеливался.

«Моя шахматная карьера была богата и радостными, и трагическими событиями, но всегда — крайне интересными. Шахматы бросали меня в самые далекие уголки земли, я узнал тысячи людей, приобрел близких друзей, но они принесли мне не много богатства». Этими словами Маршалл закончил предисловие к своей книге.

Других творческих воззрений придерживался Видмар. Он был приверженцем строгой логично-стратегической игры, классиком так называемого ортодоксального ферзевого гамбита. Играл крепко, надежно, избегал ненужного риска (в Бледе в 1931 году из 26 партий 17 он свел вничью). Этот стиль отразился и на его кредо. В начале шахматной карьеры его преследовали честолюбивые мечты — любой ценой стать чемпионом мира, но затем последовал резкий крен: Видмар подался в науку, избрал более надежный путь материального обеспечения жизни. Он стал одним из крупнейших специалистов в области электротехники, профессором, ректором Люблянского университета.

Его коллеги (шахматисты-фанатики!) говорили о нем с уважением, но в глубине души его чуть-чуть презирали: как он мог, будучи столь выдающимся шахматистом, разменять свой колоссальный шахматный талант на «серебрянники» обеспеченной жизни?

Не скрою, и я, встретив его тогда в Варшаве, не мог освободиться от этого чувства. При жизни Видмар никому ничего не объ-

яснил. Только в мемуарах «Goldene Schachzeiten» («Золотые шахматные времена»), вышедших в Западном Берлине накануне его смерти, раскрылись глубокие психологические корни «измены».

Родители гроссмейстера были ремесленниками, с трудом сводили концы с концами. Но им хотелось дать высшее образование своему сыну, удивительно способному юноше (Видмар окончил одновременно два училища — классическое и реальное!).

Прибыв в Вену сильным практиком, 17-летний юноша поступает в машиностроительный институт. Студент начинает посещать кафе «Централь», в котором встречались шахматисты. Вот как в своих мемуарах описывает это время сам Видмар:

«В кафе «Централь» играли исключительно на ставку — полкроны за партию. Богатые посетители имели таким образом возможность за низкую плату получать шахматное удовольствие, их нуждающиеся партнеры — добытый тяжким трудом скудный заработок. Некоторым профессионалам мастер мог дать вперед целую ладью. Но и они находили более слабых партнеров, готовых с легкостью пожертвовать шахматам одну-две кроны. Я сам был вынужден ежедневно проводить три часа в кафе, чтобы заработать себе на скромный ужин, так как материальной поддержки из дому не хватало на еду.

В ноябре 1902 года я принял участие в зимнем турнире Нового венского шахматного клуба. Правда, я столкнулся с трудностями — надо было заплатить членский взнос в размере 20 крон, однако мой приятель-однокурсник одолжил мне свои золотые часы, которые я заложил в ломбард. Завоевав приз, я выкупил часы...

Мое первое выступление на международной арене в Кобургском главном турнире поставило передо мной новую проблему, которая впервые возникла в моем сознании уже в период «деятельности» в кафе «Централь». Суть этой проблемы — где достать средства на дорожные расходы и жизнь во время турнира? Правда, можно было у кого-то одолжить и затем расплатиться завоеванным призом. А если приз достанется не тебе? К счастью, мне удалось завоевать в Кобурге приз, позволивший полностью разделаться с долгами.

С добытыми ста кронами я с грехом пополам добрался до Кобурга. Сколько у меня оставалось на пропитание, я уже не помню, но мой первый ужин был более чем скромнен — несколько вареных картофелин в мундире».

Молодого энтузиаста потряс услышанный здесь рассказ о том, как в свое время собирали средства, чтобы облегчить судьбу бывшего чемпиона мира Вильгельма Стейница.

«Шахматный король, умирающий в богадельне? Не является ли мой юношеский замысел стать профессиональным шахматистом слишком шатким?» — спрашивал себя Видмар на обратном пути из Кобурга.

«Нет, — возмущалась юношеская гордость, — я должен стать чемпионом мира! Чемпион мира не может иметь материальных забот, не правда ли?..»

Судьбы Стейница и Пильсбери, вынужденного в сеансах одновременной игры вслепую расточать свое здоровье ради куска хлеба, сознание того, что шахматный мастер, переезжая с турнира на турнир, даже постоянно завоевывая призы, должен отказаться от семейной жизни, домашнего очага, привели Видмара к выводу: «Шахматная сирена, увиденная вблизи, оказалась не столь уж прекрасной».

Вот разгадка раздвоения жизненного пути Видмара!

Конечно, Видмар не ушел от шахмат полностью. Урывками, насколько позволяло время основной работы, он играл в ряде сильнейших турниров, был даже приглашен в 1927 году к участию в неофициальном турнире претендентов на первенство мира в Нью-Йорке, но мечту о шахматной короне он похоронил навсегда.

Присматриваясь к жизни шахматных корифеев, он неоднократно убеждался, что сделал правильный выбор. У Видмара было доброе сердце, он тяжело переживал судьбу своих бывших коллег-профессионалов и всячески старался им помочь. Организовывал турниры (Блед, 1931), сеансы, лекции, приглашал их в 50-е годы на тренерскую работу в Югославию.

Не только личная боль за судьбу стареющих мастеров, но и призыв к мировой общественности по достоинству отнестись к людям, пожертвовавшим для шахмат буквально всем, дабы доставлять людям эстетическое наслаждение, звучит в следующих строках Милана Видмара:

«По окончании гроссмейстерского турнира в Ноттингеме в 1936 году я застал Тартаковера, укладывающего чемодан. Мы жили в одной комнате. Турнир не принес мне успеха, но еще хуже судьба обошлась с моим соседом. Я как сейчас вижу, как озабоченно он взглянул в свой чемодан. Ах, нет, в свое будущее, в приближающуюся старость! Я его понял слишком хорошо. Проблема шахматного профессионала! Обеспечение старости представлялось ему лежащим на рельсах, по которым вот-вот промчится скорый поезд».

Далее Видмар восклицает: «Нет, нет, горе шахматному профессионалу! Один только у него выход — своевременно умереть! А тяжкое воспоминание о гиганте Акибе Рубинштейне? Он приближается к 80-летию возрасту и, как известно, коротает дни в ужаснейших условиях. Он не сумел умереть вовремя. Рети — тот сумел. Боголюбов и Тейхман — тоже сумели...»

Перечитывая эти грустные строки, я, 50 лет спустя, хорошо понимаю смысл заданного мне Видмаром в Варшаве вопроса: «А что же вы, молодой человек, собираетесь посвятить шахматам всю жизнь?» Получив молниеносный утвердительный ответ, Видмар посмотрел на меня задумчивым взглядом и произнес: «Ну, смотрите...»

Я, конечно, не понял тогда подтекста этих простых слов — добрый Видмар просто хотел меня предостеречь.

Тему о шахматном профессионализме Видмар все-таки закончил в мажорном ключе: «Кажется, что проблеме решили русские. Как я информирован, большие советские мастера — они ими и поистине

являются — государственные служащие, подобно артистам. Они играют много в разных отборочных турнирах, и их труд соответственно оценен. Советские мастера уже тем поставлены в более выгодные условия по сравнению со своими соперниками на Западе, что их ожидает обеспеченная старость.

ШАХМАТИСТЫ ШУТЯТ

Часто на этих вечерних, незабываемых «ассамблеях» в холле гостиницы «Сеймовы» приглушенный гул голосов вдруг прорезывал дружный хохот. У шахматистов в большом почете была шутка, остроумный анекдот. Подтрунивали и над слабостями своей братии. Всем доставалось — даже почтенному профессору Видмару. Да он и сам с явным удовольствием вспоминал случай из партии с Рубинштейном, когда в проигранном положении он «ухитрился» предложить Акибе ничью. Его деликатный противник, не желая обидеть профессора отказом, ответил: «Если эксперты признают здесь ничью, то я согласен!»

Видмар улыбнулся и незамедлительно сдался.

Подтрунивали над оптимизмом Ефима Боголюбова, только что выпустившего книгу «1. d2—d4», любимым изречением которого было: «Если я играю белыми, я выигрываю, потому что играю d2—d4, а черными выигрываю потому, что я — Боголюбов».

Там же я впервые услышал, как Алехин после матча на первенство мира с Боголюбовым в 1929 году на заключительном банкете решил проучить своего соперника за его сверхоптимизм. Он сказал:

«Мне снилось, будто я умер. Прибыл я к вратам рая, а святой Петр спросил, кем я был на земле.

— Шахматный маэстро? — переспросил святой Петр. — Нет, таких мы в рай не пускаем.

Удрученный, я собирался уйти, как вдруг там, за облаками, в раю заметил Боголюбова, анализирующего что-то на карманных шахматах.

— А почему Боголюбов в раю, ведь он тоже шахматный маэстро? — спросил я райского привратника.

— Нет, дорогой, — ответил Петр, — это он только так думает».

Вспоминали бедного Нимцовича, победителя грандиозного Карлсбадского турнира 1929 года, завоевавшего моральное право вызвать на матч чемпиона мира. Препградой пред ним выросло так называемое лондонское соглашение, по которому претендент должен был обеспечить призовой фонд в размере 10 000 долларов. Нимцовичу ничего не оставалось, как заказать визитные карточки с текстом: «А. Нимцович — кандидат в чемпионы мира по шахматам».

— Вы боитесь забыть о том, что вы кандидат? — спросил Нимцовича нетактичный репортер.

— Нет. Я боюсь, что об этом забудет шахматный мир, — с горечью ответил гроссмейстер.

Фанатичными противниками ничьих были гроссмейстеры Давид Яновский и Осип Бернштейн. Первый настолько ненавидел ничью, что предпочитал проиграть партию. Некоторые недобросовестные противники пользовались его слабостью и предлагали мир в «подходящий» момент. Реакция наступала молниеносно — Яновский начинал злиться, нервничать и быстро проигрывал.

Как-то раз, после того как отчаянные попытки Бернштейна выиграть мертво-ничейную позицию оказались тщетными, его спросили, почему он не согласился на ничью? Он ответил:

— Согласиться на ничью? Разве таким способом кто-либо выиграл хотя бы одну партию?

Остроумным, но чуть язвительным юмором был наделен Савелий Тартаковер. На открытии одного турнира он разговаривал, не обращая внимания на речь почетного, по-видимому, гостя.

— Тише, — шепнули гроссмейстеру, — говорит министр.

— Министр? — ответил Тартаковер. — Пусть представится...

А вечером на банкете он выразил решительное неудовольствие:

— Против того, что министр ужинает с нами, я не возражаю, но против того, что он не передает дальше картошку, я категорически протестую.

Тартаковер так сказал о себе: «Тартаковер — скептик, который, собственно говоря, никогда не выигрывает, но которому, правда, иногда проигрывают».

Запомнились мне парадоксальные изречения из его «Шахматной азбуки»:

«Клуб — официальный распространитель шахматных бактерий».

«Новинки — важнейшие скрыты в партиях старых мастеров».

«Ошибки существуют для того, чтобы их делать».

«Партнер — тоже имеет право на существование».

«Теория ищет, практика находит».

Кстати, если уж мы вспомнили теорию, то крупнейшим специалистом дебютной теории был Эрнст Грюнфельд. О нем Тартаковер рассказывал, что в начале своего шахматного становления Грюнфельд, полагавшийся только на память и обычно тративший на первые 10—20 ходов турнирных партий не больше 2 минут, считался лучшим знатоком дебюта. Такое механическое разыгрывание заученных вариантов без всякого углубления в тайны позиции не могло не вести к дилетантству. Но Грюнфельд вскоре изменил тактику, что повлекло за собой перемену взглядов на дебютные проблемы, особенно на исследование защиты, носящей поныне его имя. Своей глубиной, разветвленностью эта защита до сих пор поражает самых сильных гроссмейстеров.

Мишенью острияков был его «чемодан вариантов», без которого Грюнфельд не являлся ни на одно соревнование. За свою турнирную практику он лишь однажды начал партию ходом королевской пешки — против Капабланки на Карлсбадском турнире 1929 года. Когда его спросили, почему он избегает 1. e4, Грюнфельд на полном серьезе ответил:

— Я никогда не делаю ошибок в дебюте.

Добрые улыбки вызвал у присутствующих и комментарий Маршалла к его партии с англичанином Берном в Парижском турнире 1900 года. Следует сказать, что англичанин Амос Берн отличался необычайной цепкостью в защите, хладнокровием и «долгодумием». При этом он, размышляя над очередным ходом, всегда курил неразлучную с ним трубку.

— Когда я сделал второй ход,— рассказывал, улыбаясь, Маршалл,— Берн начал шарить по карманам в поисках трубки и табака.

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Cg5 Ce7.

Ходы не требовали раздумья, но Берн начал выскребывать из трубки старый табак.

5. e3 0—0 6. Kf3 b6 7. Cd3 Cb7 8. cd ed.

Он начал набивать трубку — я ускорил темп.

9. C : f6 C : f6 10. h4.

Этот ход заставил его призадуматься — трубка осталась в стороне. Надо было принять меры против Cd3 : h7 Kpg8 : h7 и Kf3—g5+.

10. . .g6 11. h5 Ле8 12. hg hg.

Теперь он потянулся за спичками.

13. Фc2 Cg7 14. C : g6! fg.

Он нервно зажег спичку, но обжег себе пальцы, и спичка потухла.

15. Ф : g6 Kd7.

Он вновь рассеянно взялся за спички.

16. Kg5 Фf6.

Кряхтя, он зажег наконец спичку, однако было уже поздно.

17. Lh8+! Берн сдался (17. . .Kp : h8

18. Фh7×).

Помещая эту миниатюру в книге своих избранных партий, Маршалл в послесловии к ней писал: «Бедняга Берн. Я где-то сблефовал, и, если бы он успел зажечь трубку, история могла принять другой оборот...»

Да, шахматисты любят от души посмеяться, делать хорошую мину даже при самой плохой игре... Не является ли эта тяга к шутке своеобразной отдушиной, необходимой разрядкой после многочасового молчаливого пребывания в вихре волнующих сердце и мозг идей и переживаний?..

После 13-го хода
черных

«LATVIJĀS ŠAHĀ PĒRLES»

Так на латышском языке называется моя первая шахматная книга. Уже не помню, откуда попали ко мне запыленные листки — записи партий латвийских шахматистов, сыгранных в разное время. Я начал их «читать» на доске и обнаружил довольно много подлинных жемчужин комбинационной игры. Нет, чтобы пропали такие

сокровища — этого допустить нельзя! Ведь таинственные для непосвященных иероглифы таили в себе искры остроумных идей, волнения и откровения живых людей!

Чем больше я углублялся в архивные материалы, тем тверже становилось мое намерение обязательно спасти творчество латвийских шахматистов от забвения! С жаром и энергией, присущей молодости, я взялся за работу. Когда же она приблизилась к завершению, я спохватился — давно пора было подумать и об издателе. Одного из них, Раппа, я знал — симпатичный вроде бы старичок. Он меня внимательно выслушал и с легкой иронической улыбкой сказал:

— Ваша работа заслуживает похвалы, но нам в первую очередь нужно думать о прибыли. Видите ли, если мы издаем книгу о том, как выращивать овощи и фрукты, то твердо знаем — весь тираж в нашей сельскохозяйственной республике разойдется, а как будет с шахматной книгой? Ведь шахматы в Латвии, вы не хуже меня знаете, не очень популярны.

Заметив на моем лице разочарование и досаду, издатель после короткого раздумья добавил:

— Ладно, мы издадим вашу книгу, возьмем ее на комиссию, но все типографские расходы пойдут за ваш счет.

Я моментально и с большой радостью согласился... После выхода книги оказалось, что типографские расходы «съели» весь авторский гонорар. Более того, когда подошел срок последнего выданного мною векселя, пришлось продать за бесценок часть тиража, находившегося в моем ведении, букинисту (наша семья в это время, после смерти отца, находилась в стесненных условиях). И все же я был счастлив, что удалось довести до конца задуманное. В русском переводе книга называлась «Латвийские шахматные жемчужины».

Книга вышла из печати в 1937 году. В ней были приведены на диаграммах сто комбинаций латышских шахматистов, в основном 20-х и 30-х годов. Решения комбинаций были даны в конце книги.

Приводя сейчас некоторые фрагменты из упомянутой книги, по истечении без малого полувека, я хочу и рассказать о некоторых создателях этих жемчужин.

РОМАНТИК

АПШЕНИЕК ХАМСТЕР

Книга начинается комбинационной атакой Фрициса Апшениека. К сожалению, дата партии осталась невыясненной.

«Белые начинают и выигрывают». Кажется, атака отбита, и теперь уже черные угрожают ходом Лс8 : с5 одержать победу. Если 1. Кре1, то последует Фb6—a5 с неприятной угрозой b7—b6. Однако рижский мастер заготовил эффектную комбинацию:

1. С : e6! Л : c5 2. Лh8+ С : h8 3. Ф : g6+, и черные капитулировали.

Последующий анализ Апшениека полностью раскрывает истинную глубину своего остроумного замысла.

1. . .Cd3! Этот коварный ход доставляет белым трудности. И на самом деле — как продолжить атаку? Ведь угрожает после 2. Ф : d3 Ф : b2+, но . . . 2. Фс3!! Л : с5 3. Л : g7+ Кр : g7 (если 3. . . Крf8, то 4. Л : f7+ Крg8 5. Лh8+!) 4. dc+, выигрывая ферзя.

Если 2. . .fe, то 3. Л : g7+ Кр : g7 4. d5+ e5 5. Ф : e5+ Фf6 6. К : e6+ Крf7 7. Лh7+.

С Фрицисом Апшениеком я познакомился в начале 1933 года в рижском кафе «Райнера». Хорошо помню обстановку, где обычно встречались любители шахмат. В просторном бильярдном зале один угол был огорожен высоким деревянным барьером из темного дуба — здесь и обитали шахматисты. Все было окутано облаком густого табачного дыма, тускло горели люстры. Из противоположного угла доносился несмолкаемый стук бильярдных шаров.

Целыми днями своих «клиентов» поджидали профессиональные игроки. Кумиром латвийских купцов был Фрицис Апшениек, серебряный призер первенства мира среди любителей, состоявшегося в Париже в 1924 году (чемпионом мира стал рижанин Герман Матисон).

Перед тем как сделать ход, он время от времени поглаживал свою лысину или буро-рыжеватые усы. Но ходы делал быстро, порывисто. Из-под очков в металлической оправе глядели хитроватые глаза. Апшениек был большим мастером молниеносной игры и специалистом в игре с форой. Играя на ставку, он не боялся дать вперед не только коня, но даже ферзя. Поэтому любители с удовольствием сражались с мастером. Его противников особенно умиляло, что мастер бился с ними часами, не выигрывая подчас даже на чашку кофе.

Апшениек был первым мастером, с которым мне пришлось играть. В партиях с ним я испытывал не только горечь поражения, но и восхищение его богатой фантазией и остроумной выдумкой.

Он был истинным романтиком — исход партии, впрочем, как и материальные выгоды, его меньше всего интересовал. Зато, как не скрывал он удовольствия, когда удавалось воплотить комбинационную идею на доске!

Через 8 лет, в 1941 году, между нами разгорелась борьба за звание первого чемпиона Латвийской ССР. Чемпионат проходил в зеркальном зале бывшей Рижской биржи. Как празднично выглядел зал, залитый сотнями свечей хрустальных люстр! В такой обстановке нам, латвийским шахматистам, еще играть не приходилось. У всех было радостно на душе, все играли с большим подъемом — ведь нас окрыляла мысль, что шахматы и в нашей республике теперь из хобби одиночек превратятся в подлинно массовую игру, займут почетное место в культурной жизни республики. А все это позволяло также надеяться, что у нас появится возможность сразиться с прославленными советскими шахматистами.

Могли ли мы, участники первого чемпионата республики, тогда предвидеть, что на нашу долю выпадет историческая миссия пере-

дать эстафету молодому поколению, которое даст стране чемпиона мира Михаила Таля, международного гроссмейстера Айвара Гипслиса, международных мастеров Алвиса Витолиньша, Яниса Клованса, Эдвинса Кеньгиса, Юзефа Петкевича? Могли ли мы тогда предвидеть, что они вместе с более чем двумя десятками мастеров спорта СССР с честью пронесут спортивное знамя Латвии? Что наша маленькая республика будет иметь свой шахматный журнал на латышском и русском языках общим тиражом 60 000 экземпляров? Конечно нет!.. Но я несколько отвлекся.

Лишь на пол-очка мне удалось в драматичной гонке опередить Апшениека и завоевать звание чемпиона республики. Может быть, чрезмерный риск, отказ от рациональной турнирной тактики, а скорее всего — прогрессирующая болезнь не позволила Апшениеку воплотить в жизнь свою мечту — стать первым чемпионом советской Латвии. С этой победой он связывал надежду на полнокровную творческую жизнь. Увы, мечте его не суждено было осуществиться. По-видимому, чемпионат отнял у этого тяжелобольного человека много сил, и через месяц после турнира он скончался в возрасте 47 лет.

ОТЕЦ ЛАТЫШСКОГО ГАМБИТА

Когда я впервые познакомился с Карлом Карловичем Бетиньшем, ему уже было 67 лет. Он держался удивительно прямо, был всегда подтянут, аккуратно одет. Старомодный, высокий накрахмаленный воротничок сверкал белизной. Говорил он тихо, не торопясь, тщательно взвешивая слова. Редко на его лице появлялась улыбка.

Мне, как главному редактору латвийского шахматного журнала «Šaha māksla», приходилось не раз бывать у него дома в маленькой уютной квартире около набережной Даугавы. Накануне его 70-летия мы наметили поместить на страницах журнала интервью с юбиляром, широко показать читателям его творческое лицо. Но Карл Карлович не хотел об этом и слышать. Он категорически возражал против этой «рекламной шумихи». Хорошо, что мне удалось выпросить у него из семейного архива фотографию, которая была опубликована на обложке журнала.

Должен сказать, что эта скромность не была поддельной — таким К. Бетиньш был на самом деле. Общественность долгие годы не знала о том, какую исполинскую деятельность он развил в деле пропаганды шахмат.

В соревнованиях Рижского шахматного общества он восемь раз завоевывал первые призы. Отличный организатор, он не случайно в 1931 году был избран председателем Шахматного союза Латвии.

Еще один штрих, характеризующий скромность Карла Карловича. В начале 1983 года я совершенно случайно нашел в Рижской публичной библиотеке шахматную книгу на английском языке, изданную в 1916 году — в Нью-Йорке! Название книги было весьма

сложным и запутанным: «Партии Риги в матчах и по переписке — отобранные и прокомментированные комитетом Рижского шахматного клуба». В этой книге, в отделе партий, сыгранных отдельными шахматистами, приведены 14 прокомментированных встреч, среди них 11 побед, одержанных К. Бетиньшем — в том числе над Михаилом Чигориным, Ароном Нимцовичем, а также над Львом Николаевичем Толстым в турнире по переписке газеты «Новое время» в 1900 году. Партия началась в январе и продолжалась до сентября. Уверен, что Бетиньш знал об этой книге, но никогда о ней не обмолвился ни словом.

Прекрасный аналитик, в командных встречах по переписке Бетиньш играл ведущую роль. Под его руководством рижские шахматисты выигрывали у сильных коллективов Москвы, Берлина, Стокгольма. В этих партиях, кстати, боевую проверку успешно прошел «рижский вариант» испанской партии, а в матче со шведами была применена защита 1. e4 e5 2. Kf3 f5, которой впоследствии Международная шахматная федерация присвоила название латышского гамбита. В анализ этого, порой встречающегося и сейчас агрессивного продолжения огромный вклад внес Бетиньш. Любопытный жизненный парадокс — человек, являвшийся по складу своего характера исключительно спокойным, я бы даже сказал, стеснительным, посвятил много лет анализу защиты, где битва с первых ходов разгорается с невероятной остротой, в которой, по словам самого автора, стратегическая канва борьбы как-то блекнет, и черным удается преодолеть трудности с помощью «мертвой петли».

В моей книге достойное место занимает следующий прелестный финал.

1. Ch5!

Эффектный вступительный ход, отвлекающий и одновременно завлекающий ферзя на пункт h5.

1...Ф: h5 2. Л3: e4 Фg6 3. Ле8+ Krf7 4. Ф: d5+! Черные сдались. Элегантно от начала до конца.

К. Бетиньш увлекался и шахматной композицией. Как автор многих превосходных этюдов, он устаивался призов на различных конкурсах.

Вот что мы читаем в книге «Советский шахматный этюд» в главе «Выдающиеся латвийские шахматные композиторы»:

«Братья Бетиньш — Карл Карлович (1867—1943) и Ян Карлович (1856—1945) — принадлежат к числу тех этюдных композиторов, работы которых подготовили благоприятную почву для развития художественного этюда, отцом которого является А. Троицкий. В этом смысле они должны быть причислены к начинателям современного шахматного этюда».

БЕТИНЬШ
РОМАШКЕВИЧ

Номер домашнего телефона историка Теодора Зейда я в начале 1983 года набрал по двум причинам: во-первых, хотелось его поздравить с присуждением Государственной премии Латвийской ССР, а во-вторых, «напроситься» в гости, чтобы поделиться воспоминаниями о прошлом.

Теодор Янович явно обрадовался моему звонку.

— Милости просим, — говорил он, — буду рад, не так уж много осталось людей, с которыми можно поговорить о прежних шахматах.

И вот в один из воскресных дней мы встретились. Вспоминали былые времена и Рижский шахматный клуб, и Яниса Зиемелиса — библиотекаря клуба. Изо дня в день он, окончив работу, с завидной точностью приходил в клуб, не спеша раздавал желающим шахматные книги, а потом садился за столик, чтобы сыграть партию с кем-нибудь из посетителей. И все это из чистой любви к шахматам.

— Я помню, — говорил Зейд, — как вы, еще зеленый юнец, бывало, еле тащили под мышкой толстые тома шахматной литературы.

— Но, дорогой Теодор Янович, я помню и другое, — ответил я. — В начале 50-х годов вы мне однажды сказали: «Дорогой Кобленц, вы едете на ответственные соревнования, но ведь вам не хватает практики!» На что я с возмущением возразил: «С кем мне играть — с Гипслисом или с Талем, которые еще под стол пешком ходят?» «Да, — ответили вы, — да, хотя бы с ними — важно набить руку».

Как вы были правы! Я долго не понимал, что мне всегда практики как раз и не хватало...

Не повторяют ли сегодня наши молодые шахматисты ту же ошибку, когда не прислушиваются к совету людей, за плечами которых большой многолетний опыт? Ведь еще великий Андерсен говорил, что шахматное умение не следует прятать без дела под стеклянный колпачок.

Затем Зейд рассказал о своих первых шагах на шахматном поприще, о том, как 14-летним мальчиком он переписал чуть ли не весь учебник Дюффрени — другой шахматной литературы у него просто не было. Хотя времени всегда было в обрез — приходилось учиться и одновременно зарабатывать на хлеб насущный, ему удавалось выкраивать часок, другой для любимой игры. При этом он успел в 1930 году за исследование творчества Вергилия удостоиться золотой медали.

Впоследствии его призванием стало изучение истории любимой Риги, ее развития в XII—XVIII веках. А с какой горячностью, с каким увлечением рассказывал об уникальном подвиге Иоганна Кристофа Бротце, который в 4500 рисунках создал панораму Риги конца XVIII столетия — в этих рисунках даже показан городской водопровод! Интересно было слушать его рассказ и о «Курземском архиве», повествующем о положении латвийских крестьян.

Теодор Зейд рассказывал обо всем столь увлеченно, что я в ду-

ше полностью понимал этого человека, хотя и жаль, что, будучи очень талантливым шахматистом, он отказался служить Каиссе.

Но под конец мне все же захотелось «посыпать соли» на старую шахматную рану собеседника. Я вытащил из портфеля свою книжку с выцветшей от времени обложкой и открыл 13-ю страницу. Там была помещена следующая позиция из практики историка.

Лицо Зейда озарилось мягкой и грустной улыбкой.

Я прочел моему собеседнику строки из книги: «У черных лишнее качество. Неразвитая ладья на h8 и ненадежная позиция короля заставляют черных быть начеку. Однако последовал неожиданный финал:

1. . . ♔f4+ 2. Крb1 ♔f1+ 3. Кра2 Сb3+!
4. Кр : b3 Л : c3+5. Кр : c3 ♕ : a6 — с выигрышем ферзя».

— Да, хорошо помню, комбинация доставила мне большую радость. Она понравилась и Апшениеку, присутствовавшему на том турнире, — задумчиво произнес хозяин дома.

Да, все меняется, все проходит, но истинная красота, созданная человеком в любой области творчества, — вечна!

ГРИНЛАУБ ЗЕЙД
Елгава, 1930

ШАХМАТИСТ ИЗ ПУРВЦИЕМА

Дословный перевод «Пурву циемс» — болотный поселок. Человеку, гуляющему в наши дни по широким проспектам этого жилищного массива, застроенного многоэтажными домами, трудно поверить, что в 30-х годах этот район Риги назывался просто «Пурви» («Болото»), и это место на самом деле соответствовало своему названию. Здесь тогда лепились неказистые деревянные домики, которые казались вдавленными в землю.

В одном из таких домиков жил Вольдемар Фридрихович Межгайлис. Когда я делал лишь первые шаги в шахматах — это было в 1932 году, он уже имел немалый опыт. В 1927 году Межгайлис стал первым чемпионом Латвии среди школьников.

Если в начале своего шахматного пути, играя с Апшениеком, я получал практические навыки, то общение с Межгайлисом помогло мне понять сущность шахмат в философском аспекте. Вольдемар Фридрихович привил мне вкус к изучению творчества классиков шахмат.

Межгайлис всегда был серьезен, молчалив, но, когда он начинал говорить о великих шахматистах, лицо его оживлялось, глаза искрились.

— Изучай Капабланку, — твердил он мне, — этот по-настоящему понял шахматы!

Кубинский гроссмейстер был его кумиром.

Играли мы у Межгайлиса дома и легкие партии, и тренировочные матчи, анализировали отдельные дебютные варианты. В кругах

тогдашней студенческой молодежи, в основном корпорантов — сыновей зажиточных родителей, Межгайлис слыл нелюдимым человеком, к тому же шла молва, что он был «красным».

Мне Вольдемар Фридрихович понравился с первой встречи своей искренностью и любовью к шахматам. Его, по-видимому, тоже привлекала во мне моя преданность шахматам, и из-за этого появилось бескорыстное желание оказать покровительство младшему товарищу.

Межгайлис был всегда шахматистом тонкого позиционного стиля, но в приводимом примере он создал одну из красивейших комбинаций того времени.

МЕЖГАЙЛИС

СТРУНКЕ

Рига, 1934

Черные были уверены, что они теперь отыгрывают фигуру, сохраняя при этом лучшую позицию. Однако белые ошеломляют соперника далеко рассчитанной комбинацией.

17. Kd5! Ф : d7 18. Фа5 b6 19. К : b6 Фс7 20. С : e5! С : e5 21. Ф : e5 Ф : b6.

Но теперь следует «соль» комбинации — идея отвлечения:

22. c5 Фа5 23. b4! Черные сдались.

Шли годы. Вольдемар Межгайлис прошел Великую Отечественную войну. В 1944 году в доме отдыха воинов Латышской дивизии в Удельной состоялся турнир, в котором он занял первое место, победив меня в решающей партии. В 1950 году он стал чемпионом республики.

Теперь он руководит лабораторией в одном из институтов Академии наук Латвийской ССР, но связь с шахматами не прервана — в любую свободную минуту он готов поделиться с молодежью опытом, знаниями.

ПРЕКРАСНЫЙ УЗОР

С годами часто меняется критерий оценки красоты в шахматах, но мне думается, что следующий пример порадует и в наши дни ценителя шахмат. И невольно всплывают в памяти строки из книги И. М. Линдера «Эстетика шахмат»:

«Когда мы знакомимся с шедеврами искусства, например с Венерой Милосской или «Аппассионатой» Бетховена, и восхищаемся их красотой, то испытываем светлые чувства от встречи с творениями человеческого гения. Подобные ощущения вызывают и произведения шахматного искусства. И. Тургенев, любуясь игрой одного из корифеев шахмат, воскликнул:

— Он не играет, он точно узоры рисует, совершенный Рафаэль.»

(Правда, чтобы понять всю красоту шахмат, от любителя требуется определенная доля фантазии, умение распознать намерения шахматиста в достижении поставленной цели.)

Может быть, я преувеличиваю, может быть, мое восприятие следующего финала субъективно, но разве «узор, нарисованный»

шахматным композитором Эриком Лаздиньшем, может нас оставить равнодушным?..

1. Фf8+ Kpf6 2. Фh8+ Kpf5 3. g4+! hg 4. Лd5+! ed 5. Фc8+! Ф : c8. Пат! Прелестно! Этот этюд обошел всю мировую шахматную печать.

Ряд примеров в книге посвящен победам латвийских шахматистов в сеансах одновременной игры против чемпионов мира. На них мне в 1935 году посчастливилось присутствовать. Вот позиция из партии профессора Арвида Калниньша против Эмануила Ласкера.

1. . . С : g3!?

Этой жертвой черные расчищают путь своей пешечной фаланге.

2. hg Ф : g3+ 3. Kph1 Лd7 4. Фd2 Фh4 5. Лf2 g4 6. Лf4 f5 7. Фf2 Ф : f2 8. Л : f2 g3 9. Л : f5 Лg7!

Нет защиты от смертельного g3—g2+.

10. Лf8+? Л : f8 11. С : f8 Лf7.

С двойной угрозой — выиграть слона и угрожая матом на f1.

До сих пор не могу забыть красивого жеста вельмейстера. Давая понять, что сдается, он бережно уложил на шахматную доску своего короля, подал руку победителю, дружелюбно улыбаясь, поздравил соперника.

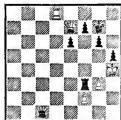
А вот другой пример, связанный с поэтом Карлисом Крузой, лириком, мастером сонета, переводчиком поэзии Пушкина, Брюсова, Блока. Он уже был глубоким стариком, передвигался медленно, опираясь на палку.

Среди участников сеанса одновременной игры, который дал Александр Алехин, он выделялся красивой копной белоснежных волос.

В «Латвийских шахматных жемчужинах» приведена позиция, в которой положение великого шахматиста было уже критическим (к сожалению, не приведена часть партии, в которой поэту удалось постепенно переиграть своего противника). После отскока коня мат белому королю стал неминуем. В отчаянии Алехин пожертвовал ферзя. Мы, зрители, окружили эту доску, ожидая, что сдача партии не за горами. И вот Алехин подошел к доске. Бросив беглый взгляд на положение, он, конечно, понял, что его позиция безнадежна. Чемпион мира моментально обеими руками смешал фигуры и, не поздравив противника, направился быстро к следующему участнику.

Это было типично для честолюбивого гроссмейстера — даже проигрыш в сеансе одновременной игры раздражал и огорчал его. Такова уж была натура чемпиона.

ЛАЗДИНЬШ ЗЕМИТИС
Рига, 1935

ЛАСКЕР КАЛНИНЬШ

Это было в последних числах декабря 1934 года. Я направлялся на мой первый зарубежный турнир — Гастингский рождественский конгресс для участия в так называемом побочном турнире.

В сумерках пароход бросил якорь в английском порту Дувр. Едкий дым, смешанный с густым туманом, затруднял дыхание. Весь вокзал казался закопченным и каким-то удивительно скучным. Зашли в таможенную. Началась проверка документов и багажа. Правда, американцам верят на слово: увидев их паспорта, чиновники сразу делают им доверительный знак — проходите, мол, не стесняйтесь!

То ли тон таможенника показался грубоватым, то ли просто стало обидно, что меня проверяют, но мне вдруг очень захотелось ответить «не по правилам», и вместо ответа на вопрос: «Цель приезда?» — «Chess tournament» * чиновник слышит невозможное: «Cheese tournament»*.

— Что? — лицо чиновника стало багровым. — Что за странное соревнование?

Он просит повторить, и я упрямо продолжаю свой «чиз турнир». Подошли другие чиновники и с любопытством начали меня разглядывать, не сумасшедший ли какой сошел с трапа?

Ладно, думаю, хватит пугать присутствующих, и вместо ответа открываю свой чемодан, в котором лежат шахматные фигуры и книги.

— Так и сказали бы сразу — «чесс турнир», — с облегчением воскликнул чиновник и, уже улыбаясь, добавил: вы, наверное, на Гастингский турнир? Вашей братии сегодня мы пропустили немало.

На следующий день я уже шел по широкой набережной, спускавшейся к песчаному пляжу. Вот он, знаменитый Гастингс, где в 1895 году впервые собрались корифей шахмат — Эм. Ласкер, В. Стейниц, М. Чигорин, Г. Пильсбери, З. Тарраш.

Встречаю Михаила Ботвинника в сопровождении его ленинградского друга Самуила Вайнштейна. Оказывается, нас поместили в одной гостинице «Вэйверли». Шахматисты в шутку прозвали ее гостиницей пролетариев, а гостиницу «Виктория», где были размещены Капабланка, Эйве, Флор и сэр Джордж Томас — гостиницей аристократов. Правда, в «Вэйверли» кухня была посредственной, но у нас было веселее. И каждый вечер к нам в гости приходили «аристократы». Здесь можно было до поздней ночи играть блиц. Играли и в бридж или шумными компаниями отправлялись в дансинг или бар. Все мы удивлялись, что Ботвинник после вечерней прогулки уже в десять часов шел отдыхать.

На первый взгляд Ботвинник показался мне несколько замкнутым человеком. Но при более близком знакомстве оказалось, что он общителен, с мягким, но чуть колким юмором. Сам он никогда

* Игра слов, основанная на почти одинаковом написании английских слов: «chess» («шахматы») и «cheese» («сыр»).

не играл блиц, но когда я играл с Вайнштейном, он с иронической улыбкой следил за перипетиями, порой не удерживаясь от того, чтобы нет-нет да и подсказать моему противнику ход. Его явно умиляли мои «протесты», которые он полностью игнорировал, прекрасно понимая, что эти подсказки меня немало забавляли.

Забегая вперед, могу заверить читателей, что «проделка» Ботвинника бледнеет в сравнении с «подножкой», представленной мне Михаилом Талем во время турнира претендентов в Блэде в 1959 году. Я очень охотно и неплохо играл вслепую. Однажды в холле гостиницы я начал партию с не очень сильным практиком, журналистом одной белградской газеты. Мы были окружены тесным кольцом зрителей, и вначале мои дела шли отлично. Однако в середине игры я вдруг почувствовал, что мой противник начал играть «необычно» — один ход оказывался сильнее другого! Подозрительным показался лишь сдавленный смех болельщиков. Вмиг я сорвал платок, которым были завязаны глаза. Ларчик открывался просто: фигуры начал тихо переставлять сам Таль, который незаметно для меня прибыл на место дуэли. Конечно, все закончилось дружным хохотом.

Для Гастингского конгресса был отведен большой подвальный зал одного из дансингов на берегу моря. Игра проходила по утрам при электрическом свете. В середине зала за длинными столами играли участники побочных турниров, а за отдельными столиками вдоль небольшой эстрады — гроссмейстеры и мастера, участвовавшие в главном турнире. На эстраде сидели судьи и представители прессы.

Среди журналистов выделялся корреспондент консервативной газеты «Таймс» мистер Тинслей, участник турнира 1895 года, подвижный старик высокого роста с пышной и беспорядочной седой шевелюрой. Любопытно, что он во время тура аккуратно записывал все партии. Если он, случалось, что-то напутывал, то просто ложился на эстраде на живот и, глядя сверху вниз, преспокойно сверял ходы с записями находившихся в «долине» шахматистов.

Зрителей было мало. За день в основном 10—15 старичков. Постоят они молча с серьезным видом то у одного столика, то у другого — и тихо отбывают. Но зато многочисленные участники побочных турниров — их было около 150 — по окончании своих партий долго теснились около отгороженного бордовой веревкой «ринга», где соревновались знаменитые шахматисты.

С подчеркнутой легкостью играл экс-чемпион мира Хосе Рауль Капабланка, смуглый кубинец с красивыми чертами лица. Сделав свой ход, он быстро вскакивал и начинал прогуливаться по сцене. Потом вдруг останавливался, углубляясь в ту или иную позицию.

Меня удивляла феноменальная интуиция кубинца, которая во всем блеске проявлялась при анализе позиций. Что участникам удавалось лишь после скрупулезного разбора, Капабланка, едва подойдя к доске, моментально предугадывал и, показав с небрежной элегантностью нужный вариант, не ожидая возражений коллег, самоуверенной походкой быстро удалялся. И сколько ни бился

его оппоненты, опровергнуть интуитивные идеи экс-чемпиона мира, как правило, так и не удавалось.

Однако в этом турнире самоуверенность его все же подвела. Капабланка явно недооценил силу Томаса. Гроссмейстер допустил в лучшей позиции небрежность, и англичанину удалось вскоре перехватить инициативу. На 53-м ходу Капабланка признал себя побежденным.

Сигарету за сигаретой нервно курил молодой венгерский шахматист Андре Лилиенталь, однако, перед тем как сделать свой 20-й ход в партии с Капабланкой, он явно не смог совладать со своими нервами. В волнении он даже не заметил, что сигаретой обжег себе пальцы. Его переживания можно понять — он стоял перед дилеммой: жертвовать ферзя или нет? Впоследствии Лилиенталь в своем сборнике партий писал: «Читателю легко понять мои волнения:

ЛИЛИЕНТАЛЬ
КАПАБЛАНКА

не многим в жизни представлялась возможность пожертвовать ферзя самому Капабланке».

Вот критическая позиция, которая со-
здавалась на доске.

20. efl!

К этому ходу на страницах журнала «Шахматы в СССР» Макс Эйве писал: «Одна из красивейших жертв ферзя, которые когда-либо имели место в турнирных партиях. Обычно жертвы ферзя строятся на быстром отыгрыше материала, шахах и матовых ва-

риантах. Здесь первый шах дается только через четыре хода».

20. . . Ф : с2 21. fg Lg8 22. Kd4 Фе4.

Вынужденно. На 22. . . Фd2 последует 23. Lael+ Ke5 24. Л : e5+ Kpd7 25. Ld5+ Kpe8 26. Le1+.

23. Lael Kc5 24. Л : e4+ К : e4 25. Le1 Л : g7 26. Л : e4+.

Капабланка улыбнулся, протянул Лилиенталю руку, поздравил соперника с победой.

Кубинцу пришлось в этом турнире удовлетвориться скромным четвертым местом, но в 1936 году он взял блестящий реванш, заняв первое место в московском двухкруговом турнире и в том же году поделив первое место в грандиозном Ноттингемском турнире. Правда, этот турнир оказался лебединой песней Капабланки. В 1942 году он умер в Нью-Йорке от инсульта.

Для Лилиенталья эта партия сыграла важнейшую роль в жизни. Уже на следующий день раздался телефонный звонок из Москвы. Венгерский шахматист был приглашен во II московский турнир.

Он был счастлив. Ведь после Гастингса Андре предполагал вернуться в Париж и в шахматном кафе «Режанс» коротать свои дни, играя на ставку с посетителями. (После московского турнира Лилиенталь, как известно, остался в СССР. В 1939 году он стал советским гражданином.)

В центре внимания находилась легендарная чемпионка мира Вера Менчик, полная, невысокого роста женщина с приподнятыми

бровями, придававшими ей вид всегда удивленного человека. В отличие от остальных участников, она частенько опаздывала. Войдя в зал, Менчик снимала пальто и бросала его на пол возле стола (англичане, кстати, так поступали со своими шляпами), садилась и не вставала уже до окончания встречи.

В этом турнире она проиграла четыре партии, но зато ей удалось обыграть Мильнер-Берри. Мы шутили тогда, что англичанин стал поневоле членом «Клуба Веры Менчик». Этого звания удостоивался каждый мастер или гроссмейстер, проигравший чемпионке. Правда, потерпевшего все утешали тем, что жаловаться на одиночество ему не придется: у Менчик в активе победы над Эйве, Рубинштейном и Решевским.

Чемпионка мира погибла в Лондоне в 1944 году во время налета фашистской авиации.

Колоссальным терпением отличался миниатюрный, всегда элегантный Сало Флор. Выдержка и филигранная техника позволяли ему частенько обыгрывать противников в мертво-ничейных позициях. Его глубокий позиционный стиль изумлял тогда весь шахматный мир.

Заметно волновался голландский гроссмейстер Макс Эйве. Для него турнир был вопросом престижа. Дело в том, что голландские меценаты были готовы раскошелиться и организовать его матч с Александром Алехиным на первенство мира. Эйве хорошо знал, что эти люди не любят бросать деньги на ветер, и поэтому ему надо было любой ценой доказать своим покровителям, что игра стоит свеч. За доской он, человек высокого роста, своеобразно горбился, неустанно нервно поправлял очки, когда он обдумывал ход, было заметно, как краснеют его уши.

Восхищало невозмутимое спокойствие англичан. А как любезно они поздравляли своих партнеров с победой!

Особенно старательно играл старейший участник турнира 69-летний Митчел, который не «постеснялся» в последнем туре выиграть у Томаса и лишить его крупнейшего в жизни успеха — чистого первого места в турнире. Разумеется, так и полагается — ведь это честная игра, или, как говорят англичане, «фэр плэй». В итоге Томас поделил с Эйве и Флором первое — третье места.

Спокойно, с неизменно застенчивой улыбкой проводил свои партии сэр Джордж Томас, бескорыстный энтузиаст английских шахмат. Чтобы сколотить призовой фонд для знаменитого Ноттингемского турнира, он провел сеансы одновременной игры по городам Англии, пожертвовал деньги из личных сбережений. Трагично кончилась его жизнь. Он умер в глубокой старости, полностью потеряв зрение.

Газеты много писали о представителе Советского Союза Ботвиннике. Уверяли, что он похож на студента из Оксфорда, что у него изысканные манеры, обаятельная улыбка.

Исключительная серьезность, воплощение железной воли — вот каков был Михаил Ботвинник во время игры. Только изредка он поправлял узел своего галстука, выдавая волнение. Мне нрави-

лось присутствовать при разборе его партий. Интереснейшими идеями Ботвинник сыпал как из рога изобилия. Я был тогда слишком молод, чтобы полностью оценить ту беспощадную самокритичность и объективность, которые он проявлял при оценке позиций. Не эти ли качества явились залогом его дальнейших успехов?

Стартовал Ботвинник неудачно: проиграл во втором туре Эйве, а затем Томасу. В итоге он поделил 5—6-е места с Лилиенталем. Некоторые журналисты, особенно реакционных газет, ликовали.

По окончании турнира поздно вечером в холле гостиницы группа шахматистов западных стран тесным кольцом окружила Флора. Поначалу все проходило чинно и спокойно, совсем по-английски. Все внимательно слушали рассказ гроссмейстера о шахматной жизни в СССР. Но когда он сказал, что в клубах видел лозунги: «Перегнуть капиталистические страны на шахматном фронте», присутствовавшие переглянулись, иронически улыбаясь. Раздались смешки. Это же явная утопия! Ведь Запад располагал такими выдающимися шахматистами, как Алехин, Капабланка, Эйве, Решевский, Файн, Ласкер! А у них? У них лишь Ботвинник, который к тому же здесь, в Гастингсе, выступил неудачно.

Разгорелся спор. Под конец Флор не выдержал и зло воскликнул: «Ничего, увидите, Ботвинник вам еще покажет!»

Скептикам не пришлось долго ждать. Уже через несколько месяцев советский гроссмейстер ошеломил весь мир, поделив с Флором первое-второе места на II международном турнире в Москве, опередив сильнейших гроссмейстеров Запада во главе с Ласкером и Капабланкой.

Впервые в истории шахмат советский представитель добился столь крупного успеха в выдающемся международном соревновании. Михаил Ботвинник прорубил окно в Европу! Это была и заявка на шахматную корону!

Неудача в Гастингсе просто оказалась первым «блином»...

ПО МЕСТАМ ПРОШЕДШИХ ТУРНИРОВ

О ШАХМАТНОЙ ПАМЯТИ

Время бежит, проходят дни, полные переживаний, впечатлений, событий. Тысячи и тысячи дней. Можно ли единым взглядом, обращенным в прошлое, охватить прожитые дни, втиснуть в одну «кассету» и прокрутить их в строгой последовательности перед нашим внутренним взором подобно киноленте? А как протекает процесс отбора в человеческой памяти? Заманчивая, волнующая тема!

Непосвященного удивит, например, факт, что именно шахматисты обладают завидной возможностью на практике постигать некоторые закономерности памяти. Представьте себе сеанс одновременной игры. Напротив вас сидят 30 шахматистов. Подходите к первой доске, делаете ход и направляетесь ко второй доске, затем — к следующим. Ваш мозг всякий раз выключает из памяти позиции

предыдущих партий. И это повторяется на протяжении всего сеанса! Оказывается, это мудрая профилактическая мера природы! Что случилось бы, если сеансеру пришлось бы одновременно удерживать в памяти позиции на всех 30 досках, если бы они вставали перед его мысленным взором все сразу? В мозгу царил бы сплошной хаос.

Но это не все. В течение длительного времени после сеанса в памяти шахматиста хранятся только отдельные партии, отличающиеся каким-то ярким штрихом. Остальные, не заслуживающие особого внимания, память просто отказывается хранить, и они забываются. И вот, намереваясь рассказать читателю о своих шахматных выступлениях, я вижу, что из нескольких сотен сыгранных за период 1935—1939 годов партий с фотографической точностью в памяти сохранились только считанные встречи, связанные, как правило, с определенными эмоциональными переживаниями. Правда, напрягая память и перебирая по пальцам отдельные турниры, я мог бы выудить и другие примеры, также, может быть, заслуживающие внимания: ведь мозг имеет еще одну специфическую черту — при волевом напряжении собственную память можно выжать, как губку, и добыть из нее дополнительные сведения и факты. Однако это крайне утомительно, связано с определенным насилием над мозгом и, в конечном итоге, является нерациональным расходом нервной энергии. В этой связи хочется привести высказывание мудрого Ласкера: «Умение играть в шахматы не должно быть делом исключительно памяти, просто потому хотя бы, что запоминание вариантов не является делом достаточной важности. Память слишком ценное орудие. Из моих 68 лет я потратил по меньшей мере 40 на то, чтобы забыть заученное или прочитанное мною, и то, что мне это удалось, придало мне душевной бодрости, наполнило меня чувством некоторой легкости.

Если нужно, я могу увеличить свое шахматное знание, если нужно, я могу постичь то, чего до сих пор не знал. Багаж, сохраняемый моей памятью, невелик, но это немного у меня всегда под рукой и годится для многих случаев жизни. Я держу его всегда в порядке, но избегаю его увеличивать». (Сохранять в памяти следует не выводы, а методы, считал Ласкер.)

ХОСЕ РАУЛЬ КАПАБЛАНКА

Эта партия игралась весной 1936 года в Маргетском турнире. Моим противником, игравшим черными, был английский мастер Барух Вуд.

Нетрудно заметить, что напрашивается жертва на h6. Да и вся последующая комбинация не особенно сложна, и я, может быть, не привел бы ее в книге, но в тот момент, когда я начал обдумывать последствия жертвы, к моей доске подошел Капабланка и заинтере-

совался позицией. Играя в главном турнире гроссмейстеров, экс-чемпион мира имел обыкновение прогуливаться после сделанного хода по залу и останавливаться то у одной, то у другой доски, приглядываясь, как играет молодежь в побочных турнирах.

Сердце мое забилося в страшном волнении — подумать только! — легендарный шахматист заинтересовался моей позицией (тогда мне и в голову не пришло, что внимание Капабланки могло в равной степени относиться и к моему партнеру)!

Можно меня понять: ярким факелом вспыхнуло честолюбие — захотелось блеснуть своей игрой на глазах гроссмейстера, и я молниеносно сыграл:

24. С : h6 gh 25. Ф : h6 Cf6 26. Ch7+ Kph8 27. К : f7+! С : f7 28. Cg6+ Kpg8 29. Фh7+. Мой противник сдался.

Вся трагедия черного монарха развернулась в молниеносном темпе. Капабланка улыбнулся и обратился к нам на чистейшем английском языке:

— Мне лично нравился вариант, не ускользнувший, наверное, и от вашего внимания. И, чуть нагнувшись, он восстановил исходное положение после 25-го хода белых и быстро продемонстрировал следующий вариант: 25. . . Kf6 26. Kg5 Cd8 27. Ch7+ К : h7 28. Ф : h7+ Kpf8 29. Kg6+! fg 30. К : e6×.

Не знаю, как это у меня получилось, но совершенно неосознанно я почему-то ответил Капабланке на испанском языке (дело в том, что в школе я настолько хорошо овладел латынью, что в 1935 году в Испании мне понадобилось очень мало времени, чтобы научиться говорить по-испански):

— Да, вариант был мной заготовлен, однако своей предыдущей игрой, уведя коня с королевского фланга, противник облегчил мою задачу.

Услышав, что я говорю на его родном языке, кубинец буквально озарился радостной улыбкой и с некоторым удивлением спросил:

— Значит, вы владеете испанским языком?

Так началось мое знакомство с гроссмейстером. Капабланка остался в моей памяти в разных, разительно отличающихся друг от друга ракурсах. Для нешахматистов это был дипломат с изысканными манерами, с удивительной выдержкой и, я сказал бы, галантностью великосветского человека. Не случайно и в холле гостиницы, и на улице, и в турнирном зале Капабланка неизменно привлекал внимание присутствующих своей прямо-таки экзотической элегантностью. Его фигура, походка, манера держаться очень располагали. Его черные глаза прекрасно гармонировали со смуглым цветом лица и черными как смоль, гладко причесанными на пробор волосами, уже тронутыми серебром. С друзьями он был всегда приветлив и любезен. Иным он казался в обращении с шахматистами, соперниками по турниру. Здесь он держался обособленно, сухо, чуть надменно. Не относилось это, насколько я заметил, только к Ботвиннику, Флору, Кересу, английским мастерам. Большинство шахматистов не стремилось поддерживать с ним кон-

такт. И нередко, удобно расположившись в мягком широком кресле в холле гостиницы, Капабланка часами просиживал в одиночестве.

К моей радости, смею добавить, гроссмейстер тепло относился к молодому журналисту — мастеру из далекой Риги (вероятно, немалое значение имело то обстоятельство, что он нашел наконец собеседника, с которым можно было говорить на испанском языке). Вспоминал он Ригу, которую посетил в 1911 году, свою партию с молодым Нимцовичем, которого он победил в исключительно тонко проведенном эндшпиле, восхищался этюдами Матисона, делился впечатлениями о шахматной жизни в СССР. Обо всем Капабланка говорил спокойно и мерно, однако, когда речь у нас зашла о проблемах борьбы за первенство мира, передо мной оказался совсем другой человек — разъяренный лев, правда, с присущими только южанину горячностью, темпераментной скороговоркой, мешающей мне следить за шквалом возмущенных восклицаний и фраз. Тут явно была задета глубокая рана кубинца. С рокового матча прошло 9 лет, но душу его по-прежнему терзала мысль о потере короны. Он говорил с невероятным жаром. Каленым железом жгло поражение его честолюбие! В таких приступах гнева от дипломатической выдержки кубинца не оставалось и следа!

Капабланка был уверен, что Алехин уступает ему и по силе, и по таланту. Ведь накануне их легендарного матча он во всех турнирах всегда становился выше Алехина, а в матч-турнире в Нью-Йорке 1927 года Капабланка нанес Алехину сокрушительное поражение, о котором и сам пострадавший писал, что стыдится его!

Неизвестно, считал ли Капабланка это «нелепой» случайностью, но факт остается фактом: когда Алехин одержал первую в своей жизни победу над Капабланкой именно в первой партии их матча, кубинец был так потрясен, что взял на три дня тайм-аут, вышел на яхте в Атлантический океан, стремясь вдали от людей оправиться от пережитого шока. И все-таки, я и теперь уверен, что, несмотря на поражение в матче, у него укоренился по отношению к Алехину комплекс превосходства, мешающий ему трезво и объективно оценить заслуженную и великолепную победу противника в марафонском матче из 34 партий.

В отличие от предыдущих чемпионов мира, Капабланка всю жизнь жил в довольстве. Кроме хорошо оплачиваемой службы, немалый доход приносили призы и экстрогоноары в турнирах, сеансы одновременной игры во многих городах мира. Это позволяло ему жить на широкую ногу, но всё, как мне тогда казалось, отравляла мысль о потере высокого звания.

Его возмущала инертность шахматного мира в деле организации его матч-реванша с Алехиным. С презрением он отзывался о ФИДЕ и заодно о «всей этой шахматной братии». Прибавилась и личная ненависть к Алехину, который, по его мнению, всячески тормозил и затягивал организацию повторного матча. Правда, как кажется мне сегодня, Капабланка в своем «священном» гневе не хотел (или не мог) понять твердую установку Алехина — именно с Капабланкой играть матч только на финансовых условиях, установленных

самим Капабланкой в так называемом Лондонском соглашении, согласно которому претендент обязан до начала матча гарантировать призовой фонд в размере 10 000 долларов.

Капабланка считал непристойным фарсом два матча Алехина с Ефимом Боголюбовым, шахматистом, которого кубинец, по его словам, всегда бил «в хвост и в гриву».

В те годы не существовало нынешней стройной системы борьбы за первенство мира, и, что греха таить, каждый чемпион мира принимал вызовы опаснейших претендентов, находящихся в зените славы, без особого восторга. Вот почему матчи срывались из-за волокиты, длительных переговоров, искусственно усложняемых чемпионами мира. Да и Лондонское соглашение стало практически непреодолимой преградой — немало «пота и крови» стоило Алехину сколотить призовой фонд к матчу с Капабланкой.

Меня покорила чисто человеческий жест Капабланки после окончания маргетского турнира. Случайно находясь в холле гостиницы примерно в восьми метрах от стеклянных дверей, я заметил Капабланку, в пальто и фетровой шляпе, направлявшегося к выходу. Заметив меня, он резко повернулся и направился ко мне.

— Сеньор Кобленц, хотел бы с вами попрощаться — я уезжаю в Москву для участия в международном турнире.

Его внимание меня глубоко растрогало. Я пожелал ему счастливого пути и успеха в турнире. Мы тепло попрощались. Больше я гениального кубинца не встречал.

ПРИЗ «ЗА КРАСОТУ»

Из партий 30-х годов особенно памятна следующая, сыгранная в 1938 году. Она решила судьбу первого приза. К тому же ей был присужден приз «за красоту». Впервые мне удалось победить сильного гроссмейстера, и она появилась с пространными комментариями в шахматной газете «64». Чего больше желать от одной партии?..

В Брно, кроме Флора и Фолтыса, играли почти все сильнейшие шахматисты Чехословакии, славившейся своей высокой шахматной культурой, лидер олимпийской команды Венгрии гроссмейстер Лайош Штейнер и автор этих строк.

Свободное время я проводил обычно в обществе венгра — в совместных прогулках по прекрасным паркам города и живописным окрестностям, в уютных кафе. Коренастый, среднего роста, Штейнер прямо-таки светился удивительной доброжелательностью, а мягкая, лучистая улыбка очень красила его круглое лицо. Глубоко впечатляла его житейская мудрость, согревала душевная простота. Он оказал на меня существенное влияние.

Ему, человеку исключительно высокой культуры и такта, было нелегко привыкнуть к Австралии, где еще бытовали нравы первых колонистов (на этот далекий материк переехал Штейнер) — эгоизм, жестокость и грубость. С грустной иронией он рассказывал мне, как некий австралийский богач пригласил на званый вечер из-

вестного виолончелиста, но, не дослушав до конца пьесу, «меценат» воскликнул: «Когда же он наконец перепилит свой ящик»? Конечно, и в отношении к шахматам многое коробило его...

И вот на финише судьбе заблагорассудилось свести нас за доской. Белыми должен был играть Штейнер. Это меня весьма тревожило. «Медвежью услугу» оказало и то обстоятельство, что многие партии гроссмейстера мне были хорошо известны. Я помнил, как он в Кечкеметском турнире в 1927 году разгромил белыми Нимцовича, избравшего французскую защиту. Знал я и сокрушительную атаку, проведенную им в сицилианке против Петрова на варшавской Олимпиаде. Многих корифеев переиграл он белыми в испанской партии.

В мучительных поисках и сомнениях прошли у меня все утренние часы, и наконец я принял неожиданное решение — играть защиту Алехина. Это была рискованная затея: я эту защиту никогда не применял, и она могла сработать как бумеранг, но зато она была редким гостем и в практике гроссмейстера. Мой выбор оказался удачным — Штейнер избрал оригинальный, но недостаточно энергичный план игры. Мне удалось довольно быстро захватить инициативу, загнать даже его ферзя на край доски. Уже после 16-го хода белых я начал комбинацию.

16. . . Сс5! 17. b4.

Белые принимают вызов. После 17. С : с5 Ф : с5 18. Лс2 а5! черные сохранили бы атаку посредством Лd8—d5 и Лh8—d8.

17. . . Ф : а3 18. bc К : с3.

Угрожая 19. . . Ф : c1+!

19. Се2 Фb2! 20. Kg1 Ka2! 21. Лd1 Л : d1+ 22. С : d1 Лd8!

По прежнему парализуя развитие белых, так как не проходит 23. Кf3 ввиду 23. . . Л : d1+!

23. f4 Фа1 24. Cd2 Кс3 25. С : с3 Ф : с3+ 26. Kpf2 Л : d1.

Этим прозаическим ходом и заканчивается комбинация. Технически расчет всей комбинации не был особенно труден ввиду отсутствия других разветвленных вариантов.

Победа на турнире в Брно и звание чемпиона Риги (победа в матче над мастером М. Фейгиным) свидетельствовали об определенном росте моего мастерства, однако вместо того, чтобы сосредоточить все внимание на шлифовке стиля, я распылял свои шахматные интересы. Немало энергии требовала редакторская работа в журнале «Šaha māksla». Кроме того, я уже начал работу над новой книгой о стратегии и тактике, которая вышла на латышском языке только в начале 1940 года. К моему «несчастью», у меня прорезался тенор, пришлось заняться вокалом.

Мне явно доставало честолюбия и профессиональной серьезности. Проявился и новый мой недостаток — недооценка силы игры тех шахматистов, которых я почему-то считал слабее себя, а проигрывши им настолько выбивали меня из колен, что, расстроившись,

я весь турнир проводил из рук вон плохо. Вот почему в последующих чемпионатах Латвии меня преследовали неудачи. Я даже не задумывался над тем, как освободиться от этих недостатков. В результате — неудачное выступление на международном турнире в Кемери (1939).

СТАВКА — 32 АНГЛИЙСКИХ ФУНТА!

В 1939 году я больше полугода прожил в Лондоне. Когда журналистские дела приводили меня в Сити — деловой центр английской столицы, я обязательно заглядывал в шахматное кафе «Гамбит», на узенькой Кэннон-стрит — как не сыграть партию в шахматы? В этом кафе «дежурили» по целым дням несколько профессионалов, которые за шиллинги были готовы играть с любым посетителем. Но я не отбивал у них клиентуру, так как со мной, шахматным мастером, посетители предпочитали играть бесплатно. Играть на деньги с классным шахматистом, по их мнению, даже неэтично. Я только никак не мог понять, почему те же самые джентльмены считали в порядке вещей проиграть за один вечер несколько сот фунтов за карточным столом, на ипподроме или даже на собачьих бегах?

Забегит, бывало, на часок в обеденный перерыв солидный джентльмен, и ко мне: «Хотите сыграть партию?». Я не мог обычно пересилить себя и ответить: «Играю только на ставку», — как обычно отвечали «профи» — завсегдатаи этого кафе. А откровенно говоря, отобрать у них несколько фунтов я был непрочь — деньги мне были очень и очень кстати... Но я только кивал головой, соглашаясь. Бизнесмен играл с большим аппетитом, уплетая одновременно английский бифштекс с чипсами. Проиграв несколько партий, он спохватывался, бросал взгляд на часы и, поблагодарив меня, удалялся.

Но в один прекрасный день — было это за несколько часов до закрытия кафе — в помещении появился худой человек с козлиной бородкой и какими-то воровато бегающими глазами.

Как потом выяснилось, это был ювелир из Антверпена, наезжавший раз в месяц в Лондон на крупные аукционы бриллиантов. Каждый вечер, окончив свои дела, он наведывался в шахматное кафе.

— Сыграем партию? — обратился он ко мне.

— Уже поздновато, — ответил я.

— Что вы, до закрытия не меньше часа, а я играю быстро. Несколько партий сыграть сумеем.

Я согласился. Расставили фигуры, мой противник говорит:

— Знаете, я играю только на ставку, а то у меня, если не на деньги, интерес к партии пропадает. Сыграем поначалу на 10 шиллингов, а?

Сумма была для меня немалая, но уйти в «кусты» уже неудобно, тем более что к нашему столику подсели зеваки в ожидании предстоящих битв.

— Но, знаете, — вновь заговорил мой будущий противник, —

я вижу по вашим глазам, что вы сильный шахматист, и я играю с вами при одном условии — я играю белыми и вы даете мне фору — пешку на f7.

Психологический расчет моего партнера вновь оправдался — не хотелось молодому человеку проявить малодушие, пришлось согласиться...

Началась игра. Мой противник был хорошим тактиком, но о стратегии, постановке партии он не имел ни малейшего понятия.

Когда я выиграл первые две встречи, ювелир предложил:

— Играем на целый фунт, а?

Я, честно говоря, был не прочь иметь синицу в руках, но опять стало неловко — надо же дать человеку возможность отыгаться. Я согласился. Но когда мой противник, вновь проиграв, предложил играть на два фунта, я понял, что он бьет на мое честолюбие, сообщив, что я не из тех, кто убегает с добычей «под мышкой»... Он, конечно, надеялся, что, получая столь серьезную фору, рано или поздно обыграет меня и сможет, ухмыляясь, подняться и уйти в отличном настроении, потрепав мастеру нервы, а главное — получить все удовольствия бесплатно.

Я опять согласился. Выиграл подряд три партии и стал обладателем капитала в шестнадцать фунтов, так как после каждого проигрыша мой противник неустанно восклицал:

— На все деньги!

К этому времени мы были уже окружены плотной стеной посетителей, все бросили игру и устремились к сенсационному поединку. За первым образовался и второй ряд взгромоздившихся на поставленные стулья болельщиков. Стало трудно дышать. Ювелир вытер большим красным платком пот со лба и испытующе посмотрел мне в глаза.

— Может быть, победитель струсил? — закинул он удочку, перед тем как принять новое решение.

Я спокойно выдержал взгляд и молча ждал «хода» соперника. Наступила короткая пауза, все застыли в ожидании решения неудачника.

— На все деньги! — раздался вновь голос моего противника.

Чуть покачнулись от волнения назлектризованные зрители. Тридцать два фунта были по тем временам немалой суммой.

Началась партия в мертвой тишине, ее нарушали лишь стук фигур и нервное покашливание моего противника.

На сей раз мой соперник играл целеустремленнее, сумел, в отличие от предыдущих партий, вывести в бой несколько фигур. Однако мне удалось более гармонично расположить свои силы и, что самое главное, по иронии судьбы именно дача вперед пешки f7 обеспечила мне в этой партии победу. На открытой линии «f» взорвалась бомба!

Мой противник икнул, когда я своим ходом со стуком пожертвовал ладью (см. диагр. на стр. 56).

1. . . Л : f2! 2. Кр : f2 Фb6+ 3. Се3 Лf8+ 4. Кpg1 Ф : e3+ 5. Kph1 Cg2+!

Этой жертвой слона черные стремятся ворваться в лагерь белых и второй ладьей.

6. Кр : g2 Лf2+ 7. Кph1 Л : h2+!

Вторая жертва ладьи разрушает пешечные бастионы белых окончательно.

8. Кр : h2 Ф : g3+ 9. Кph1 Фh2×

Потупившись, бельгиец впился взглядом в заключительную позицию и застыл. Чтобы вывести его из оцепенения, я счел умест-

ным вкрадчиво, но не без ехидства, шепнуть:

— Сэр, вам мат!

Облегченно вздохнули присутствующие, раздались возгласы восторга, кто-то на «галерке» попробовал заплодировать. Но мой побледневший соперник молча и с отсутствующим взглядом машинально расставлял фигуры.

«Неужели он собирается продолжить эту пляску нервов?» — подумал я. Но встреча закончилась неожиданно и совсем прозаически: официантки, давно наблюдавшие с неудовольствием за засидевшимися шахматными болельщиками, начали одну за другой тушить лампы. Хорошо, что мой огорченный соперник сумел еще расплатиться при постепенно гаснущем свете...

Не одна бутылка хорошего бургундского вина была выпита с моими английскими друзьями за душу моего мучителя. Но если всерьез — партия осталась надолго в моей памяти: не каждый день удастся одерживать решающие победы жертвами двух ладей и слона...

«СПОКОЙНОЙ НОЧИ»...

В 1938 году я согласился участвовать в международном турнире в Милане (заодно привлекала надежда поучиться у знаменитых учителей бельканто). Состав был довольно сильным: австрийский гроссмейстер, участник II Московского международного турнира 1936 года, Элисказес, венгр Гаваша, швейцарец Гроб и лучшие итальянские шахматисты во главе с мастером Кастальди.

В первом туре мне пришлось встретиться с Эрихом Элисказесом, носившим тогда также громкий титул «чемпиона великой Германии». Он опоздал к началу тура. Гроссмейстер вошел в зал чуть ли не парадным шагом и быстро направился к столику. Не извинившись за опоздание, не подав мне руку для приветствия, он, не обмолвившись ни единым словом, резким движением сделал черными ответный ход. Всем своим поведением он старался подчеркнуть свое превосходство над партнером. Я был возмущен, меня охватило неудержимое желание добиться именно в этой партии победы.

Разгорелся сложный позиционный бой, в котором проявился основной недостаток стиля моего противника — некоторая шаблонность мышления. Так, например, наметив вскрытие линии на ферзевом фланге, он не сумел творчески оценить ситуацию и в результате не учел моих контршансов на королевском. Когда Элисказес спохватился, было уже поздно.

41. Лg2! Лf8.

Признание несостоятельности первоначального плана. Ладья перебрасывается для защиты короля, но...

42. Фg4!

Этот простой и одновременно сильный ход решает исход сражения. Нависли две смертельные угрозы — Сb2 : е5 и Фg4 : g7+.

42. . . Лf6 43. С : е5 Кe8.

В последнюю секунду черные заметили, что запланированное 43. . . Лg6 не проходит из-за 44. Ф : g6 hg 45. Лh2+.

44. С : f6 Ф : f6 45. Лf2 Фa1+ 46. Кpg2 Кf6 47. Фf4.

Мой противник остановил часы, подписал бланки о капитуляции, медленно поднялся со стула и, уходя, сказал тихим голосом:
— Спокойной ночи...

КОВЛЕНЦ

ЭЛИСКАЗЕС

ФЕНОМЕН СЭММИ РЕШЕВСКОГО

В латвийском курортном городе Кемери в 1937 году был организован крупный международный турнир. Впервые на латвийскую землю ступили американские гроссмейстеры Сэмуэль Решевский и Ройбн Файн. И не удивительно, что они сразу оказались в центре внимания журналистов.

Внешне они были удивительно похожи — оба маленького роста, худощавые, с правильными чертами лица, даже одинаковым цветом волос. В равной степени их «объединяла» и взаимная неприязнь, обусловленная, по-видимому, не столько личными мотивами, сколько борьбой за «место под солнцем».

Рассказывали, что в один из предновогодних вечеров Файн обратился к Решевскому:

— Сэмми, давай помиримся!

И не успел собеседник ответить, как Файн с ехидной улыбкой продолжал:

— Знаешь, я ведь тебе от души желаю того же, что и сам ты желаешь мне!

— Опять начинаешь? — выпалил в ответ Решевский.

Вообще участие Решевского в турнирах всегда вызывало особый интерес. Думается, причиной тому послужила бывшая слава шахматного вундеркинда. У широкой публики она ассоциировалась с представлением о чем-то непостижимом, гениальном.

Шахматный мир был ошеломлен, когда 6-летний Сэмми начал в сопровождении отца выступать в крупнейших городах Европы с сеансами одновременной игры против взрослых. Зрители и журналисты утверждали, что наблюдать за малышом на сеансах было жутковато. Игра вундеркинда, одетого в матросский костюмчик, казалась пронизанной демонической силой. Один за другим взрослые дяди сдавались с виноватой улыбкой. Детская непосредствен-

ность проявлялась, лишь когда сеансер был вынужден капитулировать — тогда он мгновенно сметал на пол оставшиеся на доске фигуры.

Милан Видмар рассказывал, что появление мальчика в Вене в 1917 году (Решевский родился в 1911 году в Польше) вызвало настоящую панику в местном шахматном клубе. Поначалу все восхищались игрой вундеркинда, умилялись его первыми победами и смешными комментариями. Когда же мальчик круто расправился с сильнейшими шахматистами клуба, члены правления разволновались не на шутку. На карту было поставлено «доброе имя» заведения! Было решено любой ценой «угомонить» дьяволенка, пригласив известного венского мастера Зигфрида Вольфа.

— Где этот мальчуган? — спросил маэстро, едва переступив порог клуба. — Я положу конец его трюкачеству!

Вольф сел за доску и был разбит наголову.

Тогда в роли экзаменатора согласился выступить сам Видмар. Югославский шахматист разыграл дебют чуть небрежно и вскоре, по его словам, почувствовал железную хватку противника. Видмару лишь с большим трудом удалось освободиться, а потом и одержать победу. Он не помнил, сколько часов продолжался жестокий бой, сопровождавшийся озабоченными взглядами венских болельщиков. Юный противник в знак сдачи опрокинул своего короля.

Всю партию мальчик играл, стоя на стуле на коленях: иначе он не мог дотянуться до фигур. Не меняя позы, он подался чуть вперед и, уткнувшись головой в доску, горько заплакал. Возникла тягостная тишина. Видмар незаметно удалился — победа, по его признанию, не принесла ему радости.

Появление Решевского вызвало большой интерес в научном мире. Медики почтительно расспрашивали мальчика, как это он ухитряется так хорошо играть в шахматы? В ответ Сэмми только пожимал плечами...

Во время турнира в Кемери я был прикреплен переводчиком к иностранным участникам. Не удивительно, что в личной беседе с гроссмейстером я спросил, чем он, бросая взгляд на выступления детских лет, объясняет свои феноменальные данные.

— Вы не первый, кто обращается ко мне с этим вопросом, однако я до сих пор так и не могу на него дать четкий ответ. Насколько я помню, шахматы были для меня нормальной человеческой функцией, чем-то вроде дыхания. Они не требовали сознательного усилия. Так же, как люди делают вдох и выдох, я делал ходы.

В 1920 году семья Решевских переехала в США. И вновь Сэмми имел шумный успех. Своеобразный рекорд мальчик поставил, играя против сильнейших шахматистов военной академии. Сеансер выиграл 19 партий при одной ничьей. В 1924 году Сэмми неожиданно исчез с шахматной арены.

«Бывало, — вспоминает гроссмейстер в своих мемуарах, — любители шахмат спрашивали: что случилось с тем мальчуганом, обы-

гравшим всю Америку? Но только близкие друзья знали, в чем дело: Сэмми Решевский учился писать и читать».

Мое первое знакомство с Решевским состоялось за два года до турнира на Рижском взморье — оно произошло на шахматном конгрессе в Маргете. Я играл в так называемом побочном турнире, а американец — в главном. Его основным соперником был Капабланка. Оба турнира проходили в одном зале, и мне было очень интересно следить за игрой претендентов на первый приз (остальные участники заметно уступали им в классе).

Здесь, на Европейском континенте, состоялось боевое «крещение» американца. Тогда уже было известно, что Решевский в 1931 году в городе Талса стал чемпионом Западных штатов США. Самому Решевскому, кстати сказать, также надолго запомнился тот турнир. И особенно тем, что «денежный» приз организаторы преподнесли ему в виде... поздравительных фраз.

Дележ третьего — пятого мест в Пасадене в 1932 году (первым был Алехин) еще не предвещал блестящего будущего. Но первое место в сиракузском турнире 1934 года свидетельствовало о незаурядной силе игры. Победитель оставил позади всю тогдашнюю элиту американских шахмат: Горовица, Денкера, Дейка, Каждена, Купчика, Стейнера, Файна.

«Заморский гость» не показался мне в Маргете особенно симпатичным. Не знаю, может быть, Решевскому хотелось казаться выше ростом, но поднятый кверху нос придавал надменное выражение его лицу. Вообще что-то в нем настораживало. Я, правда, тогда не понимал, что на фоне рано проявившихся феноменальных шахматных способностей в нем уже в то время начал проявляться эгоцентризм.

Из партий Решевского на маргетском турнире мне особенно ярко запомнилась его встреча с экс-чемпионом мира, решившая судьбу первого места.

Сыграв 34...Фе6, Капабланка предложил ничью, будучи, по-видимому, убежден в том, что главная опасность для него миновала. Американец отверг это предложение, ответив 35. Фf2. Далее партия продолжалась: 35...b6 36. Фf3 Лd8 37. Лab2 Фе7! 38. Лb4! (не позволяя ферзю вторгнуться на a3) 38...Лd7 39. Кph1 Cd8 40. g4.

Этот свой ход Решевский после партии осудил. Он считал, что сначала следовало перевести короля на c2 и затем приступить к осаде пешки d5 посредством Лb4—b5.

40...fg 41. hg Фd6 42. Kpg1 Cc7 43. Kpf2 Лf7 44. g5 Cd8 45. Kpe2 C : g5?

Отсутствие выдержки?! Капабланка решил играть ва-банк, хотя в его распоряжении, по мнению Решевского, был убедительный контршанс: 45...Фe6! с последующим Фе6—f5, используя ненадежное положение белого короля.

КАПАБЛАНКА
РЕШЕВСКИЙ

Заключительную часть партии Решевский провел технически безупречно.

46. Л : b6 Фа3 47. Kpd2! Ce7 48. Лb7 Л : a4 49. Ф : d5 Ла5 50. Ф : c4 Лh5 51. Kpd3! Фа8 52. Фе6 Фа3 53. Лd7 Лh5 54. Лb3 Фа1 55. Л : e7 Фf1+ 56. Kpd2! Черные сдались.

Первое место в турнире занял американец, на пол-очка отстал Капабланка. Победа молодого гроссмейстера получила широкий резонанс. Мировая шахматная печать не скупилась на дифирамбы. На страницах журнала «Шахматы в СССР» П. Романовский писал: «Несомненно, в лице Решевского шахматный мир получает крупнейшего шахматного мыслителя, имеющего все шансы в будущем претендовать на завоевание мирового первенства».

Так что, вполне естественно, отправляясь на турнир в Латвию, Решевский был достаточно высокого мнения о своей особе.

В Кемери я получил возможность поближе познакомиться с игрой Решевского, лучше узнать его как человека. Мне тогда казалось странным, что американский шахматист, подолгу обдумывая ответственные ходы, вроде бы добровольно залезает в жесточайшие цейтноты. Во встрече с немецким мастером Л. Рельштабом он в цейтноте не заметил тактического удара противника и потерпел поражение, однако много партий Решевский умудрился выиграть, как говорится, на висящем флажке. При этом итог некоторых из них казался незакономерным.

О цейтнотной «стратегии» Решевский высказался весьма откровенно в своей книге, вышедшей много лет спустя: «Любопытная штука — когда я вынужден в цейтнотной горячке играть молниеносно, мои противники начинают волноваться больше меня и теряют хладнокровие. Как видите, немаловажную роль играет в шахматах и психологический расчет».

В послевоенные годы его амбициозность приняла вызывающий характер. Помню далекий майский вечер 1948 года, когда Михаила Ботвинника чествовали в Колонном зале Дома союзов после матч-турнира на первенство мира. Зрители стоя устроили чемпиону мира бурную овацию. Лишь один человек в президиуме не аплодировал. Это был Решевский, который искренне считал, что играет сильнее.

Но именно в Кемери я впервые понял, что за маской надменности, за непомерными шахматными амбициями скрывается чисто человеческая драма, отчасти обусловленная социальными условиями того мира, в котором он творил.

Моя следующая встреча с Решевским состоялась в Лондоне в 1939 году. И что меня особенно удивило: когда беседа не касалась шахмат и претензий американца к шахматному миру, это был удивительно скромный и интересный собеседник. Он часто затрагивал тему материальной обеспеченности шахматного профессионала. При этом в его глазах появлялось выражение глубокой печали.

Трудно сказать, что именно — чувство зависти или боль за судьбу шахмат в собственной стране — побудили Решевского написать в своих мемуарах:

«Участвуя в 1939 году в турнире, проводившемся в Ленинграде и Москве, я получил возможность посетить СССР, где шахматные мастера пользуются большим уважением, чем в любой другой стране мира. Как мы все знаем, шахматы в Советском Союзе — национальная игра. В СССР шахматы стали и зрелищным спортом. Турниры проводятся в театральных залах. Тысячи любителей мечтают попасть на турнир, но не всем удастся достать билеты. Для таких болельщиков организуется демонстрация партий на улице. Издаются турнирные бюллетени, которые распространяются по всей стране. Мастера, не участвующие в турнире, комментируют ход борьбы по радио, анализируют сыгранные партии. И невольно сравниваешь это с тем положением, в котором находятся шахматы в США. Хотя в последние годы ситуация несколько улучшилась, мы еще далеко отстаем от СССР в том, что касается популярности шахмат и откликов на турниры в нашей стране и за рубежом».

Излагает Решевский и свое жизненное кредо: «Как я уже неоднократно отмечал в книге, это очень трудная задача — жить на средства, которые приносят шахматы. Семьянин быстро начинает понимать всю невыгодность профессии шахматиста. Одни лишь турниры не обеспечивают его материально, и он вынужден выступать с сеансами одновременной игры. Непрерывные и утомительные путешествия, связанные с участием в турнирах и гастрольными выступлениями, не позволяют уделять достаточно времени семье. Я понял, что такая цыганская жизнь не мой удел. Я хочу быть вместе с женой и дочуркой Сильвией. И вот после матча с Кэжденом я решил сконцентрировать внимание на своей деловой карьере» (Решевский является дипломированным бухгалтером. — А. К.).

Далее гроссмейстер пишет, что он намеренно ограничил свои выступления в турнирах, предпочитая играть за счет отпусков.

Невозможно утверждать, не оказался бы Решевский более удачлив в борьбе за первенство мира, будь он материально обеспеченным человеком. Но ясно одно — бремя житейских забот и чрезмерная амбициозность никак не способствовали достижению поставленной цели.

По-видимому, Решевский не понимал или не хотел понимать, что удел большого шахматиста — сплошная цепь препятствий и непрерывная борьба. И только тот достигает вершин, кто способен пройти через самые нелегкие испытания. Именно бойцовские качества (и, разумеется, талант) позволили Михаилу Ботвиннику завоевать шахматную корону. И именно этих качеств не доставало Решевскому.

Но человек, познавший однажды красоту нашего древнего искусства, не может полностью отойти от шахмат. Так получилось и с Решевским. Он по-прежнему появлялся на шахматной арене, иногда радовал шахматный мир шедеврами, но былая слава его поблекла. В матчах он победил Кэждена, Горовица, Найдорфа, Глигорича и свел вничью поединок с Фишером. Не раз становился победителем крупных турниров. Однако на ближайших подступах к мировому шахматному престолу результаты Решевского оказыва-

лись скромнее. В матч-турнире на первенство мира 1948 года он опередил только Макса Эйве, занявшего последнее место. Удачно сыграв на турнире претендентов 1953 года (дележ 2—4-го мест), он в последующие годы либо не преодолевал межзональный барьер, либо останавливался в первом же претендентском матче.

Здесь трудно дать полное представление о творческом облике выдающегося шахматиста — количество партий ограничено возможностями жанра. Перед тем как привести ряд примеров из творчества Решевского, которые произвели на меня наиболее сильное впечатление, я хотел бы предложить вниманию читателей финал одной партии, сыгранной американцем еще в детстве. Об этой партии он с особой теплотой вспоминает в своей книге.

«В октябре 1922 года я впервые участвовал в турнире, в котором выступали Бернштейн, Бигелов, Яффе, Яновский и Эдуард Ласкер. Состав достаточно сильный для маленького мальчика.

На старте я играл удачно и претендовал на второй приз, но поражения от Ласкера и Бигелова выбили меня из седла. Против Яффе я стоял на выигрыш, но свел партию вничью. Также вничью закончилась моя партия с Бернштейном.

Но большой день наступил для меня, когда мне удалось победить знаменитого мастера Давида Яновского. Я был так взволнован и счастлив, что в такси по дороге домой не мог спокойно сидеть — я всю дорогу подпрыгивал и пел. Это был самый счастливый день в моей жизни».

Вот такая критическая позиция создалась в этой партии.

56. gf?

ЯНОВСКИЙ
РЕШЕВСКИЙ

Оказывается решающей ошибкой. Следовало играть 56. ef! Фd2 57. f7+ Kpg7 58. Lh1, и черные должны форсировать ничью вечным шахом.

56. . . Фd2 57. Lh1 Фd3+! 58. Kpg2 Ф : g6+ 59. Kpf2 Фf5+ 60. Kpg2 Фg4+ 61. Kph2 Фе2+ 62. Kph3 Фd3+ 63. Kph4 Ф : d7 64. Lg1+ Kpf8 65. Kpg5 Фd4. Белые сдались.

Следующий пример показывает, что главным оружием Решевского была его изумительная техника, особенно эндшпильная.

Последовало: 25. . . c4! 26. Фd2 Ld8! (угрожая d5—d4) 27. Kph1 cb 28. С : b3 Фа5! 29. Lc1 d4! 30. ed ed 31. Lfd1 dc 32. Фе3 Л : d1+ 33. Л : d1 Фg5!

Лишая соперника контршансов на атаку и предвидя, что после размена ферзей наличие разноцветных слонов не спасает белых.

34. Фd4+ Kph6 35. Фf2 Фh4+ 36. Ф : h4 С : h4 37. Kph2 Cg5 38. Cc2 Ле7 39. Ld3 Cd2 40. Kph3 Ле2. Белые сдались. За проходную пешку им придется отдать слона.

В постановке партии Решевский неизменно стремился к сложной маневренной игре. Дебют подчас разыгрывал не лучшим обра-

зом и часто бывал вынужден переключаться на трудную защиту, которую, правда, проводил с исключительным упорством и изворотливостью.

Любопытно, что и в более зрелые годы, уже будучи претендентом на шахматную корону, Решевский не мог отказаться от давней привычки балансировать на грани цейтнота. Но нервы были уже не те...

Во время матч-турнира 1948 года особенно запомнилась партия с Кересом из 13-го тура. Добившись подавляющего позиционного перевеса, американец допустил в цейтноте ряд ошибок и к тому же попался в сети расставленной ловушки. Встреча закончилась победой советского гроссмейстера. Запомнилось, как дрожащие руки Решевского буквально витали над доской, чтобы успеть с молниеносной быстротой переставлять фигуры. При этом его лицо было искажено какой-то страдальчески отчаянной гримасой...

КЕРЕС РЕШЕВСКИЙ

Кемер, 1937

САЛО ФЛОР, КАКИМ Я ЕГО ЗАПОМНИЛ

С Сало Флором я познакомился в конце 1934 года во время Гастингского турнира. Всех нас восхищали его жизнелюбие, оптимизм и неистощимый юмор. Каким озорным, мальчишеским блеском сверкали его глаза с чуть поднятой бровью, когда он с легкой иронией рассказывал о привычках великих — Алехина, Капабланки, Нимцовича, Рубинштейна, Тартаковера, Шпильмана, подтрунивая над их человеческими слабостями.

В отличие от иных шахматных звезд Саломон Михайлович был удивительно общительным. С нами, молодыми, он всегда был любезен. Никогда не отказывал шахматистам рангом ниже сыграть партию-другую в блиц.

Турнир в Гастингсе закончился для него дележом первого-третьего призов. Вместе с Эйве и Флором победителем стал английский мастер Томас, причем в последнем туре он проиграл своему соотечественнику Митчелу.

По окончании турнира я обратился к Флору с просьбой дать интервью рижской газете. Он охотно согласился и предложил подняться к нему в номер: «Там будет спокойнее».

Вошли в лифт, и лифтер спросил по-английски: «Which floor?»* Флор ответил, подмигнув мне: «First, second and third whith Euwe and Thomas»**.

Это было типично для гроссмейстера — разве можно упустить возможность пошутить?

* Какой этаж?

** Первый, второй и третий с Эйве и Томасом. Игра слов: фамилия шахматиста и слово «этаж» по-английски произносятся одинаково.

Но, сталкиваясь с фальшью, несправедливостью, явной предубежденностью, Флор сразу менялся: взгляд становился сердитым, нервный тик искажал лицо, и голос его тогда звучал довольно резко...

Когда в начале 30-х годов на шахматном небосклоне взойшла звезда Флора, его успехи сыграли и в моей жизни немаловажную роль. Я твердо решил посвятить себя шахматам несмотря на возражения отца. Он поведал мне о переживаниях своего знакомого лесопромышленника Исаи Нимцовича, с которым встречался раньше на рижской бирже: его сын Арон просиживал целыми днями в биржевом кафе, играя с любителями на ставку. Старик послал сына учиться в Цюрихский университет, но тот забросил учебу, избрав путь шахматного профессионала.

Мой отец слышал, как «добрые» люди, стараясь уязвить старика Нимцовича, говорили ему при встрече:

— Как это у вас, господин Нимцович, в уважаемой семье появился такой босяк?

Отец будущего гроссмейстера только пожимал плечами и, не отвечая, отворачивался.

Я, конечно, довольно рано понял, что в том мире, где мы жили, деньги играют большую роль. Знал так же, как трудно живется даже известным шахматистам. Уж очень угнетенным показался мне австрийский гроссмейстер Рудольф Шпильман, приехавший в Ригу для проведения сеансов. Он захватил с собой несколько десятков экземпляров своей замечательной книги «Теория жертвы» и по-детски радовался каждому проданному экземпляру.

В спорах с отцом я пытался доказать, что денежные призы на турнирах должны обеспечить шахматисту материальную базу, приводя в качестве примера Флора. Я и теперь помню насмешки отца. Увы, через несколько лет я понял, что имел в виду отец. Однажды, когда я был в качестве корреспондента на матче Алехин — Эйве, мне вовремя не перевели гонорар из Риги, и я оказался на мели. Я обратился к Флору с просьбой одолжить мне несколько гульденов. Велико было мое удивление, когда Флор и его жена в один голос смущенно признались, что в данный момент у них нет ни гроша, так как выплата гонорара в амстердамской газете (в которой Флор широко освещал ход матча, детально анализировал сыгранные партии) ожидается лишь на следующий день.

Кстати, когда в Москве демонстрировался фильм «Белый снег России», Флор признался мне, что как секундант Эйве он никакого вознаграждения не получал. Он очень огорчился, что в фильме его представили человеком, изменившим, по сути дела, дружбе с Алехиным ради звонкой монеты. Флор просил режиссера изъять из фильма некоторые фрагменты, соглашаясь даже возместить расходы, связанные с перемонтажом. Но было уже поздно.

Переживания Флора можно понять — его отличала удивительная порядочность.

Когда в Гастингсе я играл в «побочном» турнире, мне и присниться не могло, что уже через полгода меня пригласят на между-

народный турнир в испанском городе Розасе, где будет играть и Сало Флор. Чехословацкий гроссмейстер считался фаворитом, но в первом туре произошла сенсация — Флор проиграл малоизвестному Генри Гробу. Победа так воодушевила швейцарца, что на протяжении многих туров он продолжал лидировать. Флор был раздражен, нервничал.

Как-то попало и мне. После того как я победил чемпиона Валенси Трамохереса, мы вместе с ним начали анализировать сыгранную только что партию. К нашему столику подошел Флор. Я тогда находился в плену гипермодернистских идей Рихарда Рети, а мой противник после ходов 1. с4 Кf6 2. Кс3 «осмелился» сыграть 2. . . d5, соглашаясь на размен своей центральной пешки на фланговую. Обращаясь к Флору, я пояснил: «Вот этот ход — позиционная ошибка, ведущая к поражению».

Воинствующий догматизм молодого рижанина так возмутил гроссмейстера, что в ответ он не сказал ни слова, лишь смерил меня презрительным взглядом и немедленно удалился.

Этот эпизод не помешал нам вскоре подружиться. К тому же я в последнем туре выиграл у Гроба и «помог» Флору занять первое место. После турнира я провел с гроссмейстером в Барселоне целую неделю, пользуясь в какой-то степени его покровительством. Я, правда, тогда не понимал, чем была вызвана теплота гроссмейстера. Ведь победив Гроба, я себе этот выигрыш не ставил в особую заслугу — выполнил элементарный долг участника турнира — и только позже понял, что от победы зависят акции шахматиста на мировой шахматной «бирже». Естественно, что шахматная тема постоянно присутствовала в наших разговорах.

...Флор научился играть в шахматы поздно — в 14 лет. Поначалу его не особенно увлекла эта игра. Куда интереснее был футбол. Но однажды, когда он играл партию со старшим братом, его разозлило, что пешка брата вдруг двинулась в ферзи и догнать ее не удалось. Тогда Флор и начал изучать теорию эндшпиля.

Во время карлсбадского турнира 1929 года он был специальным корреспондентом пражской газеты. Играя блицпартии в фойе турнирного помещения, этот молодой человек оказался опасным соперником даже для крупных мастеров.

— Мною заинтересовался Нимцович, — рассказывал Флор. — Гроссмейстер дал мне рекомендательное письмо, и меня, новичка, допустили играть в турнире в Рогатска-Слатине. Первым был Акиба Рубинштейн, а второе место занял я. В этом турнире я взял реванш у гроссмейстера Земиша, который семь лет назад в сеансе одновременной игры объявил мне мат на тринадцатом ходу.

Вспомнил Флор и о своем самом «трудном» поединке, состоявшемся в ночь на новый год в Гастингсе (1933). Алехин и Флор сыграли тогда консультационную партию против двух английских мастеров.

— Вместо фигур и пешек, — с улыбкой сказал гроссмейстер, — на доске стояли... наполненные рюмки, причем взятую фигуру-рюмку игрок должен был тут же выпить. Хорошо, что ходы мы с

Алехиным делали поочередно, но когда на пятом ходу, взяв коня на f6, я был вынужден осушить вместительный бокал виски, то поднял руки и воскликнул: «Сдаюсь!» Англичане запротестовали — пришлось продолжать... Кто выиграл, я до сих пор не знаю — кажется, англичане оказались более выносливыми.

Особенно запомнились рассказы Флора об Алехине и Капабланке.

— Мы с Алехиным были в дружеских отношениях. Правда, за шахматной доской он не особенно подчеркивал свои симпатии и нанес мне ряд чувствительных поражений. Мне так и не удалось выиграть у него ни одной партии.

— Алехин был довольно замкнутым человеком, — продолжал Флор. — Но если он к кому-то испытывал симпатию, никогда не отказывал в совете, да и в материальной помощи тоже. Геста Штольц и я не раз пользовались гостеприимством чемпиона мира, когда приезжали во Францию. Он дал нам профессиональный совет, как сорвать банк в одном из игорных домов Монте-Карло. Но дело, правда, кончилось тем, что чемпиону мира пришлось одолжить легкомысленным молодым людям некоторую сумму, чтобы они смогли вернуться домой.

Так получилось, что в матче на первенство мира Алехин — Эйве в 1935 году я согласился помогать голландскому чемпиону. В начале поединка Алехин к моей помощи относился с иронией. Ведя 3 : 1, он, саркастически улыбаясь, сказал: «Твои советы помогут Эйве, как мертвому припарки!». Но когда счет сравнялся, Алехин заволновался: «Может быть, этот маленький Флор все-таки оказывает большое влияние на моего соперника?»

А вот что рассказывал гроссмейстер о Капабланке:

— С Капабланкой мы часто встречались в Англии и в России. Восхищали его феноменальная интуиция, безошибочная оценка позиции. Помню, я отложил с ним эндшпиль на Московском турнире 1935 года. Вдруг Капа слегка сердито сказал: «Чего тут думать, позиция ничейная». И добавил: «Смотрите в книгу». Я ничего не понял, ничью за черных не видел и обиделся за его совет. Лишь позже узнал, что позиция была теоретически ничейная.

Кажется, в шахматном отношении у меня с Капабланкой было много общего: мы оба предпочитали позиционную борьбу, любили тонкую игру в эндшпиле и, наконец, не любили изучать дебютные справочники. Только в 1935 году, когда нас во всеоружии встретили советские шахматисты и когда даже в сеансах одновременной игры в СССР мы с удивлением замечали, что нас ловят на дебютные варианты, обоим стало ясно: беззаботным дням приходит конец.

Кстати, в Московском турнире Флор, по его словам, впервые отказался от привычки избирать тот или другой дебютный вариант в зависимости от того, как упадет монета. Ему стало ясно, что без систематической работы успехи в шахматах немислимы.

Своих крупнейших достижений Флор добился в 30-е годы. Не случайно именно его ФИДЕ назвала в 1937 году официальным претендентом на шахматный престол. Матч собирався финансировать

чехословацкий обувной магнат Батя. Однако поединок с Алехиным не состоялся — гитлеровцы оккупировали Чехословакию.

Ближе познакомиться с игрой Флора мне удалось, внимательно наблюдая за его выступлениями на международных турнирах в Кемери.

На турнир 1937 года гроссмейстер прибыл в сопровождении супруги и своего талисмана, белоснежной болонки Берри. Когда во время турнира в Риге состоялся футбольный матч Германия — Латвия, Флор, разумеется, незамедлительно прибыл на стадион. Зрители были свидетелями маленького конфуза: одновременно с форвардами в борьбу за мяч под общий хохот зрителей включился Берри. Гроссмейстеру пришлось выбежать на поле и вместе с участниками матча участвовать в ловле четвероногого «футболиста».

— Это у него по наследству, — шутил гроссмейстер, извиняясь за переполох.

В турнире 1937 года Флор играл уверенно и сильно, придерживаясь своей обычной тактики — против шахматистов, вошедших в первую десятку, все партии свел вничью, но зато во встречах с аутсайдерами набрал 7 очков из 7. Правда, на склоне лет, уже не участвуя в соревнованиях, Флор в своих статьях не раз критиковал себя за эту «тактику», хотя она в немалой степени была для него вынужденной.

В начале своей карьеры Флор, как известно, одержал много побед в острокомбинационном стиле, но вскоре манера его игры начала меняться: молодому шахматисту, ставшему профессионалом, было уже не до «красот». Он ведь твердо знал, что рассудочная, спокойная позиционная игра сводила элемент риска до минимума, гарантировала спортивный успех в любом соревновании и, как следствие, обеспечивала сносную в материальном отношении жизнь.

Глубокое впечатление произвела на меня партия Фейгин — Флор, сыгранная на турнире «Кемери-37». Саломон Михайлович считал ее одним из лучших своих творческих достижений и очень ею гордился. Вот что писал он позднее: «Эта партия мне запомнилась не потому, что я провел ее с блеском или в ней был фейерверк комбинаций. Эта партия на мой вкус. Она хороша тем, что противник не допустил в ней явных ошибок (кроме, конечно, 8. К : d5), в ней есть по меньшей мере два неочевидных хода. Партия, по-моему, хороша еще тем, что она показывает, как «легко» играть в шахматы, когда правильно расставишь свои силы».

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. Kc3 d5 4. Фb3 dc 5.
Ф : c4 Се6 6. Фb5+ Кс6 7. Kf3 Kd5 8. К :
d5?

Любопытны примечания Флора к этому размену: «Что можно сказать об этом ходе? Партия игралась в 1937 году. В те времена советские шахматисты внесли немало новых идей в теорию дебютов, разработали целые системы. У меня перед Фейгиным было то пре-

ФЕЙГИН ФЛОР

После 9-го хода
черных

имущество, что я часто посещал Москву, и мои советские коллеги мне кое-что показали и кое-чему научили, в частности, и тому, что данный вариант для черных жизнеспособен. И я решил применить его на практике. Фейгину вариант этот, судя по всему, знаком не был, поэтому он решил, что проще всего разменяться на d5. После этого черные сразу уравнивают шансы. Если уж белые не решились на 8. e4, то они должны были, во всяком случае, сыграть 8. e3, что, несомненно, лучше, чем размен на d5 (см. диагр. на стр. 67).

8... С: d5 9. e3 e6!

Гораздо сильнее, чем 9... Сg7. С поля d6 слон будет действовать более активно, оказывая давление на центр и в то же время поглядывая на королевский фланг белых.

10. Cd2 a6 11. Фа4 Cd6 12. Се2 0—0 13. Фс2 Кb4 14. Фb1 f5 15. 0—0 Кс6.

Положение черных явно предпочтительнее, у них ключевые позиции в центре. Но реализовать перевес не так-то просто; и Флор начинает перегруппировку сил, намечая перевод коня на e4.

16. Сс3 Фе7 17. Лd1 Кb8! 18. Кd2 Кd7 19. Cf3 Kf6 20. Фd3 Ke4! 21. Фе2 Kg5 22. С: d5.

Рано или поздно белые вынуждены были пойти на этот размен, так как грозил маневр Фе7—g7—h6.

22... ed 23. Kf3 Ke4 24. Лac1 c6 25. Ce1 Лae8 26. g3 Фd7! (угрожая f5—f4) 27. Фf1 g5! 28. Лd3 f4 29. ef g1 30. Kh4 Kph8 31. Фg2 fg

32. hg Kg5 33. f3 (защищаясь от 33... Ле2) 33... Kh3+ 34. Kph1.

Если 34. Kph2, то 34... Kf4!

34... Се7 35. Cd2 С: h4 36. gh Фf5 37. Лb3 Лg8 38. Фh2 Ле6 39. Лf1 Kf2+. Белые сдались.

На турнире «Кемери-39» мне особенно запомнился поединок Флора с Боголюбовым. Все понимали, что между ними будет принципиальный бой. Ведь как-никак Боголюбов был представителем страны, лишившей чехословацкого гроссмейстера возможности бороться за шахматную корону. Не удивительно, что партия протекала при большом скоплении зрителей.

Всю встречу Флор провел с колоссальным напряжением. Старался и его соперник. Он часто вытирал пот со лба, не вставал на протяжении всей партии со стула. Но встреча в тот вечер не завершилась. Она осталась неоконченной в сложном четырехладейном окончании.

В день доигрывания Флор наглядно продемонстрировал поистине феноменальную эндшпильную технику (см. диагр. на стр. 69).

46. e5! fe 47. Лf7+ Kpb6 48. Лdd7 e4.

Красивый вариант был подготовлен Флором в случае 48... Лb8—49. b4 ab 50. Ла7 c5 51. Лfc7! с неизбежным матом!

49. Лb7+ Кра6 50. Kpc5 Ле5+ 51. Кр: c6 Ле6+ 52. Kpd5! e3! 53. Лfe7 Л: e7 54. Л: e7 Лd8+ 55. Kpc4 Лb8 56. Л: e3 Лb4+ 57.

Крd5! Л : g4 58. Ле6+ Крb7 59. Л : h6 Лh4 60. Крe5 Лh3 61. Крf5 Л : b3 62. Лg6 Ла3 63. Л : g5 Л : a4.

Все висело на волоске! Оказывается, король черных отрезан от 5-й горизонтали, что и решает исход поединка в пользу белых.

64. h6 Лh4 65. Кpg6 a4 66. h7 a3 67. Лh5.

Здесь Боголюбов остановил часы и, покраснев, нервно написал на бланке: «Сдаюсь».

Флор не скрывал своей радости, он весь сиял.

Я проводил его на телефонную станцию. Флор заказал Москву. Редакция газеты «64» ждала его звонка, чтобы успеть поместить результат доигрывания в готовящийся к печати номер.

Флор имел колоссальную выдержку, без которой немислима гроссмейстерская, профессиональная игра. Это качество — лишний ресурс победы против менее искушенного соперника. К тому же последний быстрее устает, решая в течение пяти или шести часов поставленные проблемы.

В следующей партии не выдержал психологический прессинг Флора и я — у меня возникло жгучее желание быстрее закончить встречу, разорвать оковы гроссмейстера и незамедлительно добиться ничьей.

После короткого обдумывания я решительно сыграл 52. a7?? Ла8 53. Ла6 g2 54. Ла1 Кf3 55. Cd5 Л : a7 56. Л : a7 g1Ф, и только теперь заметил, что запланированное 57. Л : f7+ и Л : f3 опровергается элементарным 58. . .Фg2+.

Белые могли добиться ничьей посредством 52. Лd1, и после 52. . .Ла8 черным пришлось бы удовлетвориться ничьей, так как играть на выигрыш путем 52. . .Кf3 опасно ввиду 53. Cd5 Лc8+ 54. Крb1 Лc7 55. e5! К : e5 56. Лg1 и последующего Cd5—b7.

После войны Флор играл в первенствах СССР, в матчах с шахматистами США, Англии, Венгрии, Уругвая, участвовал в турнире претендентов 1950 года, но его спортивные успехи поблекли по сравнению с триумфальными успехами 30-х годов.

Флор был не только первоклассным гроссмейстером, но и талантливым журналистом. Как шахматный обозреватель «Огонька», он приобрел огромную популярность. Его статьи отличались доброжелательностью, объективностью и остроумием, были пронизаны своеобразным солнечным юмором. А ведь русский язык не был родным для Флора.

ФЛОР БОГОЛЮБОВ

КОБЛЕНЦ ФЛОР

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ С ЭМАНУИЛОМ ЛАСКЕРОМ

В жизни чудес не бывает, но иногда мы становимся свидетелями столь удивительных и неожиданных событий, что невольно воспринимаем их как чудо. Это, как вы сейчас убедитесь, относится к спасению одного моего лондонского интервью...

В конце 1964 года в моей квартире поздно вечером раздался телефонный звонок.

— Квартира шахматиста Кобленца? — спросил чей-то хриплый голос. — Дело вот в чем, — продолжал незнакомец, получив утвердительный ответ, — я работаю в Союзутиле.

— ???

— Понимаю, понимаю ваше удивление, — прервал короткое молчание незнакомец, — но, видите ли, на днях мы отправили на бумажную фабрику для переработки большую партию старой бумаги, залежавшийся архив рижской газеты. И вот, представьте себе, машинально пробегаая глазами какие-то листки, я натолкнулся на заголовок: «В гостях у короля шахмат». Это оказалось интервью, посланное вами из Лондона весной 1935 года рижской газете «Jaunākas ziņas». Думаю, что оно вас заинтересует.

Еще бы! Интервью с Эмануилом Ласкером!

Вскоре я с радостным волнением держал в руках эти памятные, уже пожелтевшие листки. На первом можно было разобрать визу редактора: «При возможности использовать».

Но интервью так и осталось неопубликованным. Вот я и решил ознакомить с ним читателя, внеся дополнительные комментарии с позиций сегодняшнего дня.

...Пока таксист вез меня в пригород Лондона — Бромсли, я с калейдоскопической быстротой вспоминал все, что знал о Ласкере, человеке, составившем в шахматах целую эпоху.

«Борьба — есть красота» — это изречение Платона Савелий Тартаковер избрал эпиграфом к своей статье об Эмануиле Ласкере.

Глубоко запечатлелась в памяти характеристика творчества вельтмайстера, носившего звание чемпиона мира 27 лет, данная Тартаковером.

«Ласкер имел небывалый для всех времен успех. Почти каждая его партия — событие, почти каждый анализ — откровение. Он творит, борется и мыслит в шахматах! Но Ласкер представляет также целый период шахматной истории, и его вклад в развитие шахматной истории гораздо шире.

Если первый исторически известный чемпион мира Греко олицетворял в шахматах фантазию, — писал далее Тартаковер, — Филидор — силу, Стаунтон — солидность, Андерсен — размах, Морфи — блеск, Стейниц — глубину, Тарраш — метод, Капабланка — ясность, то Ласкер, несомненно, больше всех других представляет в шахматах философский элемент. Спорт или искусство, игра или наука, шахматы во всяком случае — поединок. Это последнее обстоя-

тельство часто отнимает у них эстетический элемент, стремление к абсолютной истине, но зато сообщает им другую красоту — живую красоту победы!

Победы Ласкера были всегда победами творческого духа. Там, где другие великие маэстро провозглашали «не можем», раздавалось его громовое «хочу»!

Ласкер всегда проводит свою шахматную волю, подчиняя характер партии власти своего метода», — писал Тартаковер.

Вспоминались и слова Александра Алехина на торжественном банкете по окончании шорихского турнира 1934 года:

«Эмануил Ласкер был моим учителем. Без него я не стал бы тем, кто я есть. Шахматное искусство без Ласкера невысказимо».

Невольно вспомнил я также волнующие поединки II Московского международного турнира, который кончился несколько месяцев назад и за которым я следил с затаенным вниманием из Риги, каждый вечер дожидаясь у приемника специального шахматного выпуска.

Я был тогда ошеломлен не только творчеством участников соревнования, но и его организационным размахом, громадным интересом зрителей. После скромных цифр гастингского турнира казалось фантастическим число посетителей каждого тура в Москве (2500—4500)!

Сегодня мы уже привыкли к общественному резонансу крупных турниров в нашей стране, но тогда я не мог поверить, что залы Музея изящных искусств (так назывался Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) были переполнены до отказа, что огромная толпа стояла на улице, ожидая приезда участников, что сотни фоторепортеров, художников, карикатуристов и корреспондентов ежедневно запечатлевали отдельные моменты этого турнира. Что над кассой аншлага красовался почти каждый день.

Независимо от того, присутствовал шахматист на крупном соревновании или нет, в его памяти остаются отдельные турниры, которые служат ему вехами шахматной жизни. Для меня таким турниром в предвоенные годы был и остался II Московский турнир 1935 года!

После него еще ослепительнее засиял ореол неповторимой славы Ласкера на шахматном небосклоне. Так, например, подводя итоги закончившегося турнира, мастер Николай Зубарев писал:

«Своей победой на Московском турнире Флор и Ботвинник наряду с Алехиным, Капабланкой, Ласкером, Эйве, быть может, Боголюбовым, поставили себя в ведущую группу мировых шахматистов. 10 лет тому назад впервые в шахматной печати промелькнула фамилия Ботвинника, выигравшего в ленинградском сеансе у Капабланки. Теперь мы приветствуем Ботвинника как одного из победителей турнира, в котором Капабланка занимает скромное четвертое место. Неплохой десятилетний юбилей Ботвинника! Неплохую работу проделала советская организация за истекшую декаду лет!

И все же, при всем нашем восхищении перед силой и натиском молодежи, мы должны указать на 67-летнего Ласкера... Содержание

современного творчества Ласкера так же глубоко и насыщенно, как и в годы полного расцвета его феноменального шахматного дарования... Ласкер сделал в турнире много ничьих, но каждая его ничья — это борьба почти до полного истощения средств и идей».

Излишне описывать, в каком восторженном настроении я пребывал, направляясь тогда, в Лондоне, на встречу с Ласкером. С человеком, стоящим на стыке двух столетий шахматной истории, соратником Стейница, Чигорина, Пильсбери! Он был последним из могикан, единственным полпредом великолепной плеяды шахматистов, в большинстве своем уже ушедших из жизни.

И вот я в маленькой, скромно обставленной гостиной. Шахмат не видно, на круглом столике доска и фишки для игры в го.

Открылась дверь, и на пороге появился Ласкер. Я представился и поблагодарил за любезное согласие дать интервью.

На страницах мировой печати журналисты стремились разнообразными эпитетами в какой-то мере охарактеризовать человеческие черты Ласкера, монументальность его творчества. Писали о «железном Ласкере», о «докторе Фаусте шахматной игры» и прочее. Немудрено, что, когда я ехал на встречу с великим шахматистом, у меня было подсознательное представление о демонизме и недоступности Ласкера. Я был приятно поражен, когда уже с первых фраз ощутил удивительную приветливость и простоту этого человека. Я сразу почувствовал себя свободно и легко. Он, правда, как мне показалось, заулыбался, когда молодой журналист незамедлительно перешел «в атаку»...

— Скажите, доктор, вы увлекаетесь игрой в го?

— Пытаюсь познать тайны этой игры уже пятьдесят лет. В тактике более или менее разбираюсь, а в стратегии — нет. Видимо, на это понадобятся следующие полвека, — добавил он, усмехнувшись.

Я попытался задать следующий вопрос, но Ласкер предложил отправиться в ближайшее кафе и побеседовать там. По дороге он останавливался у витрин продовольственных магазинов.

— Посмотрите, как подскочили цены на мясо! — воскликнул он у витрины мясной лавки и точно высчитал, на сколько пенсов за последнюю неделю оно вздорожало. По всему было видно, что Ласкер вынужден жить крайне расчетливо.

В кафе Ласкер заказал чай, традиционный английский кекс и клубнику. Выпив чашку чая, Ласкер не спеша зажег сигару. Можно было начинать.

— Простите за нескромный вопрос! Существует столько легенд о ваших сигарах. Хоть что-нибудь соответствует действительности?

— Это верно, вокруг моих сигар ходит немало сплетен и анекдотов. Не знаю, что известно вам. Рассказывают, например, что один мой почитатель преподнес мне накануне моего матча и первенство мира со Стейницем коробку сигар, сказав, что они мне помогут победить моего соперника. Но я курить не стал, а подсунил Стейницу. Сигары оказались отвратительными — и матч я выиграл. А в одной из газет, после Нью-Йоркского турнира 1924 года, я прочел, что во время игры я курил только самые дешевые пятицентовые сигары и

«окуривал» своих противников — они чихали и кашляли. Когда же кто-то из публики мне предложил великолепную ароматную, я, сунув ее в верхний карман пиджака, продолжал дымить своей пятицентовой. Конечно, все это выдумки. Но то, что я не мыслю себе жизнь без сигар, признаю,— добавил Ласкер.

— Доктор, вы всегда боролись за место шахмат в жизни общества, за право шахматного профессионала. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Нам, шахматистам старшего поколения, многие годы приходилось доказывать, что шахматы не просто забава узкого круга любителей, что они имеют общественную ценность. Мне возражали, что шахматы не могут быть признаны профессией. Но миллионы шахматистов разыгрывают опубликованные партии маэстро, учась на них и получая эстетическое наслаждение. Опираясь на вышеупомянутый ошибочный аргумент, музыкальный мир мог бы лишиться куска хлеба профессиональных талантливых музыкантов, что, конечно, было бы явной несправедливостью. Я вообще считаю, только те, кто всецело посвящает себя определенному делу, могут дать что-нибудь великое в этой области. Нельзя требовать от творчески одаренных шахматистов, чтобы они имели побочную профессию, ибо в таком случае они разбросали бы свои силы и время и не развили бы своих способностей до мастерства ни в той, ни в другой области. Эту точку зрения я защищал также перед организаторами международных турниров; участникам нужно хорошо платить, ведь нередко их расходы выше назначенных призов. Когда я играл в петербургском турнире 1914 года, то выговорил себе гонорар в 500 рублей за каждую партию. Я всегда требовал относительно высокие гонорары, что, конечно, бесило организаторов. Они не хотели понять, что я старался обеспечить себе старость.

Ласкер умолк. Если в начале беседы мне казалось, что он в радостном настроении, то теперь в его глазах отражалась глубокая грусть. Эту резкую перемену в настроении Ласкера можно было понять. Только прочитав спустя много лет его книгу «Мой матч с Капабланкой», я понял, что, подняв вопрос о социальном положении шахматиста, невольно коснулся незажившей раны. В этой небольшой книге Ласкер писал: «В шахматной прессе 1912—1914 годов довольно часто высказывается утверждение, что я ни разу не решился подвергнуть свое звание чемпиона мира серьезному испытанию и лишь этим удерживал его.

Я был готов играть матч с любым претендентом, только бы шахматный мир пожелал видеть этот матч и готов был подтвердить это желание не только словами, но и определенными жертвами со своей стороны. Я отнюдь не желал быть объектом эксплуатации. Мне угрожала участь шахматистов, которые либо умирали с голоду, как Кизерицкий, Цукерторг, Мэкензи, либо, подобно Пильсбери и Стейнницу, попадали на общественное призрение и, опустившиеся, в душевном расстройстве, кончили свои жизни в больнице.

Я готов был отдать мое искусство и мысль шахматному миру

и тем оживить его, содействуя развитию игры, но я требовал, чтобы он взял на себя ответственность за это и нес ее до конца».

Беря интервью, я знал, какую личную трагедию переживал Ласкер в первые годы после вынужденной эмиграции из гитлеровской Германии. Оставив все свое имущество, с трудом накопленное за многие годы, он очутился в Лондоне без средств. С ним случилось то, что пугало его всю жизнь!

О трагедии Ласкера того периода свидетельствуют также следующие страницы из автобиографии короля бриджа — Эли Кульбертстона.

«Я вспоминаю об этом с горьким привкусом. Ко мне в Лондон пришел доктор Эмануил Ласкер, экс-чемпион мира по шахматам. Я с радостью принял его, человека, которого в молодости глубоко уважал. Духовно он был еще великаном, как в шахматах, так и в философии. Однако в материальном отношении он, по-видимому, сошел на нет.

— Мистер Кульбертстон, — говорил мне Ласкер, — я хотел бы стать учителем бриджа. Я слышал, что вы экзаменуете и затем выдаете удостоверения на право преподавать бридж. Я хотел бы подвергнуться экзамену и получить такое удостоверение.

— Что вы, господин доктор, — ответил я, — кто я, чтобы осмелиться вас экзаменовать! Это больше подобало бы вам.

— Нет, нет, господин Кульбертстон, я говорю очень серьезно. Ваше удостоверение помогло бы мне заполнить учеников. У вас же столь громкое имя.

И он посмотрел на меня умоляющим взглядом просящего ребенка.

Я думал о годах его блестящей карьеры, о его огромных заслугах перед миром; думал об этой благородной игре, которая захватывала лучшие умы человечества. И еще я думал о высоких барышах, которые приносит бридж, и тех скромных средствах, которые дают шахматы. И мне стало стыдно. И пока я, взволнованный, молчал, я услышал Ласкера, робко повторившего просьбу.

— Позвольте ли мне подвергнуться экзамену, господин Кульбертстон? Я вас очень прошу.

Я выдал ему почетное удостоверение, — закончил Кульбертстон свое повествование».

Но вернемся к интервью. Далее Ласкер коснулся вопроса о гонорах за публикацию партий.

— Я, например, считаю одним из средств материального обеспечения мастеров определенный гонорар за публикацию их партий в печати. Ведь композитор получает какое-либо вознаграждение, если исполняется его произведение? Прежде чем отправиться в Гавану на матч с Капабланкой, я путем долгих переговоров с моим будущим соперником условился, что партии матча останутся нашей собственностью. Это условие было письменно зафиксировано и включено в соглашение. Но оно не было соблюдено.

Из Нью-Йорка прибыл господин Гартвиг Кассель и тотчас же беспардонно нарушил свое обещание сохранять право собственности

на партии. Он передал записи партии агентствам Ассошиэйтед пресс и Юнайтед пресс, которые затем, в свою очередь, передавали их в Аргентину и Европу. Тем самым эксплуатировалось творчество двух маэстро, несмотря на их ясно выраженную волю. При этом им не уплатили никакого гонорара. Что для таких людей, как Кассель, нарушить слово, когда можно сделать выгодное дело! Правда, Кассель запретили вход в залы, но дело было сделано.

Я продолжал задавать вопросы. Я знал, что Ласкер и Тарраш были в творческом плане антиподами и их личные взаимоотношения оставались натянутыми. Когда накануне матча в 1908 году его организаторы хотели помирить гроссмейстеров и Ласкер на это согласился, честолюбивый Тарраш, увидев приближающегося Ласкера, воскликнул: «Вам, господин Ласкер, я могу сказать только три слова: шах и мат! Правда, в состоявшемся матче на первенство мира Тарраш был разбит иаголову — $10\frac{1}{2} : 5\frac{1}{2}$!

Вот почему я так хотел получить ответ на вопрос, интригующий всех шахматистов:

— И вы, и Тарраш — последователи Стейница. Но известно, что у вас были большие творческие разногласия. В чем они конкретно заключались?

— Мы оба верили в силу позиционного учения Стейница, различие касалось степени его применения. Тарраш всегда стремился добиться большей подвижности своих сил и перевеса в развитии. Тарраш мыслил абстрактно и был убежден, что в каждой позиции надо искать один-единственный, сильнейший ход.

А я считаю, что в шахматы играют живые люди с разными вкусами и характерами. В борьбе нужно учитывать их сильные и слабые стороны, и нельзя руководствоваться только общими теоретическими положениями или выводами. Знаете, меня как-то критиковали за ход, сделанный в одной партии против темпераментного Яновского. Я тогда ответил полусуто, но в этом ответе было и зерно истины: против Тарраша я бы такого хода никогда не сделал — если бы осмелился, то, по всей вероятности, партию проиграл. Однако против Яновского этот ход вел к победе!

— Далее, — продолжал Ласкер, — в позициях, насыщенных комбинационными возможностями, я склонен взять на себя бремя защиты, так как именно трудности меня прельщают. Тарраш не любил защищаться и не мог понять пристрастия к такой игре.

Я вообще отношусь с недоверием к тем комбинациям, которые «должны» доказать прямолинейный путь к победе: в таких случаях недооценивают скрытые ресурсы защиты, также таящиеся в изобилии в критических позициях.

Тарраш, напротив, доверял силе комбинации, считая, что и малейший перевес таит в себе комбинационные мотивы. Он доверял чужим мнениям, волей-неволей принимая на веру книжные анализы, доказывающие, что и в чуть лучшей позиции можно добиться неожиданной победы. Но как часто такие мнения ошибочны, а анализы несостоятельны!..

На мой вопрос о его ближайших планах, Ласкер радостно сообщил:

— После эмиграции из фашистской Германии я с радостью принял предложение жить и работать в Москве.

Для меня этот ответ не явился неожиданным, мне уже было известно, что его жизнь резко улучшилась во многих отношениях. Большой успех на московском турнире, искренние симпатии, гостеприимство, оказанное советскими людьми, придали экс-чемпиону новые силы. В СССР он мог творить не только в области шахмат, но и в области математики — ему предложили заниматься высшей математикой в Академии наук СССР.

Время пролетело быстро. Настала пора проводить доктора Ласкера домой. Я попытался расплатиться, но Ласкер запротестовал:

— Здесь вы мой гость. Встретимся в Риге — будете платить вы!..

Вскоре мне довелось еще раз увидеть Ласкера. Осенью 1937 года он приехал из Москвы в Ригу.

Со времени нашей последней встречи он мало изменился. Разве что его орлиный взгляд стал еще острее. Он теперь показался мне более энергичным и уверенным. Экс-чемпион мира пребывал в радостном настроении, много шутил.

На сей раз я его приветствовал как главный редактор рижского журнала «Saņa māksla» и считал своим долгом «взять реванш» за оказанное мне в Лондоне внимание. Я взял шефство над именитым гостем на те считанные дни, которые он решил провести в нашем старинном городе.

Приезд гроссмейстера был широко отмечен в местной прессе, на страницах рижского шахматного журнала были помещены портрет Ласкера и мое интервью с ним.

— Еду в Америку, — сообщил Ласкер. — Хочу навестить внучку и продолжить работу над автобиографией, начатой в Москве. Чтобы лучше рассказать о первом матче со Стейнницем, собираюсь порыться в старых американских газетах. А в январе вернусь в Москву.

Настало время обеда. Ласкер попросил отвести его в ресторан, где к мясу подают брусничное варенье.

В ресторане мы снова заговорили о шахматах.

— А что вы скажете о Капабланке? (Это тогда интересовало всех шахматистов в связи с триумфальными победами кубинца в 1936 году на III Московском и Ноттингемском турнирах.)

— Да, в прошлом году Капабланка снова добился больших успехов, но все же сохранился основной недостаток в его игре — отсутствие риска. Он боится плохих позиций. Это, на мой взгляд, неправильно. Я, например, не боюсь оказаться в трудном положении. А когда это случается, стремлюсь упорной защитой максимально затруднить противнику решение задачи.

Незаметно разговор перекинулся на взаимоотношения Ласкера с Капабланкой, на его неожиданное решение в начале 20-х годов без боя отказаться от своего титула в пользу кубинца.

Гроссмейстер признался, что он тогда порядком устал от травли, которая велась против него в печати, надоели упреки в том, что он искусственно затягивает решение финансовых и организационных вопросов. И вообще он ощущал, что шахматный мир жаждет смены чемпионов, хочет видеть на троне молодого, эффектного кубинца. Его — демократа, интернационалиста до мозга костей, — угнетало также то, что в этой травле немалое участие приняли антисемитски настроенные шахматные круги (любопытная деталь: просматривая шахматные отделы немецкой газеты «*Rigasche Rundschau*» нашел заметку редактора, выразившего свое «возмущение» тем, что в прессе Ласкера, победителя Петербургского турнира гроссмейстеров 1914 года, называли немецким шахматистом: «Какой же он немец, Ласкер — еврей» (автор заметки ставит точку над «i»).

Никак не укладывалось в моем сознании и то, что Ласкер, человек, как писали, «железной воли», сдал поединок после 14-й партии, хотя по условиям матча соперники должны были сыграть 30.

Не умаляя достоинств игры Капабланки, Ласкер говорил, что тропический климат Кубы подтачивал его силы.

— Солнце палило с невероятной силой, стояло буквально над головой, не бросая ни малейшей тени, — вот дословное высказывание Ласкера.

Психологическую завесу над этим критическим периодом жизни Ласкера приподнял в 60-х годах его биограф Я. Ханнак: «В послевоенные годы все продолжалось, как и в предвоенные. Неустанные переговоры о матче с Капабланкой, острые дискуссии в газетах, финансовые вопросы. Переговоры то прекращаются, то возобновляются — все это тянется на протяжении месяцев, лет...

И вдруг сенсация — Ласкер отказывается от своего титула без борьбы в пользу своего молодого соперника!

Ласкеру, несомненно, хотелось освободиться от всех обязательств, ответственности и огорчений, связанных с владением титулом чемпиона мира. Зачем выжидать, пока старость приведет к унижительному свержению с пьедестала, зачем эту старость обременять непосильной борьбой, муками, которые привели к гибели его предшественника Стейница?

И хотя шахматный мир не был сплочен тогда под эгидой сильной международной организации, против такого решения Ласкера шахматисты и болельщики энергично запротестовали. Они хотели увидеть настоящую борьбу за звание чемпиона, их не удовлетворял бумажный акт отречения.

На Ласкера оказывали давление со всех сторон. Без малейшего настроения и желания он наконец подписал контракт, обязывающий его сыграть весной 1921 года матч с Капабланкой, хотя друзья предупреждали, что кубинский климат в это время года самый неподходящий для Ласкера.

При счете 9 : 5 в пользу Капабланки Ласкер предложил своему сопернику продолжить матч в более умеренном климате, где-нибудь в Нью-Йорке или Филадельфии. Капабланка отказался, и

Ласкер объявил себя побежденным. Однако перевес Капабланки был неоспорим...

Ласкер вернулся в Европу, но последствия кубинского климата все же сказались — несколько месяцев ему пришлось провести в больнице».

В продолжение нашей беседы Ласкер предсказал, что будущим чемпионом мира несомненно станет Михаил Ботвинник. Я выдвинул «кандидатуры» шахматистов, казавшихся мне не менее талаитливыми, и тут разговор зашел о проблеме талаитливости.

— Видите ли, — начал Ласкер, — на протяжении моей долгой шахматной деятельности я встречал шахматистов, о которых пресса писала: «новый шахматный гений», «гениальный мастер комбинационной игры», «будущий чемпион мира» и т. д. Я к таким эпитетам всегда относился скептически, они часто оказывались иллюзорными. Так, было, например, с Маршаллом. Но что он фактически показал? В трех серьезных матчах против меня, Тарраша и Капабланки он победил лишь в двух партиях.

Наша беседа за обеденным столом затянулась. Уже было подано кофе, и Ласкер собирался расплатиться за обед. Я запротестовал.

— Доктор, вы же обещали, что в Риге платить буду я?

— Если будете в моем возрасте, сможете также обещать, — ответил гроссмейстер, озорно улыбаясь.

Затем мы зашли в шахматное кафе «Райнера». Неожиданию Ласкер попросил показать какую-нибудь из моих партий. Я, откровенно говоря, растерялся, считая, что мое творчество недостойно внимания знаменитого гостя. Но Ласкер не спеша начал уже расставлять фигуры.

Когда я стал показывать партию, Ласкер немедленно начал изыскивать за моего противника лучшие варианты защиты. Он буквально загорался, когда ему удавалось найти скрытые ресурсы.

Вечером того же дня состоялся его сеанс одновременной игры против сильнейших шахматистов Риги. Ласкер явился в элегантном смокинге, как бы подчеркивая свое уважение к рижанам, к этому шахматному вечеру.

— Не возражаю против того, чтобы моих партнеров консультировали зрители — их советы мне пригодятся, — объявил Ласкер шутливо.

Играл он медленно, я сказал бы, со вкусом. Иногда он с сигарой во рту на несколько минут, а то и дольше, останавливался перед той или иной доской, выпуская густые клубы дыма.

Сеанс закончился к двум часам ночи, а уже в шесть утра Ласкер оставил наш город.

Я пришел проводить великого шахматиста и его супругу. Мне казалось, что с этим человеком меня связывают годы сердечной дружбы. Я остро ощущал печаль предстоящей разлуки. Поезд тронулся. Стоя в дверях вагона, Ласкер махнул шляпой и крикнул:

— До скорой встречи!

Но мы больше не встретились. В 1941 году гроссмейстер скончался.

К 40-й годовщине смерти Эмануила Ласкера я с грустью прочел на страницах западногерманского журнала «Schach-Echo» следующие строки о последних днях Ласкера:

«Ласкер получал средства к существованию чтением лекций, давал сеансы одновременной игры, зависел от материальной поддержки меценатов. В первых числах января 1941 года он тяжело заболел и был помещен в госпиталь Монт-Синай, где быстро впал в бессознательное состояние... Нужна была экстренная и высококвалифицированная врачебная помощь. Но у мира были тогда другие заботы — кого могла заботить судьба бедного и старого еврея?

Так и умер один из крупнейших шахматистов всех времен, забытый миром и врачами, оказавшими ему только первую помощь».

Эмануил Ласкер так страшился трагической участи своего предшественника — великого Вильгельма Стейница, но не сумел ее избежать...

В ДРУЖНОЙ СЕМЬЕ НАР ОДОВ СССР

В 1940 году в Латвии была восстановлена Советская власть. Закипела и шахматная жизнь: во всех крупных городах республики были созданы шахматные клубы. Неожиданно большое количество любителей — 4000 участников! — собрал чемпионат по молниеносной игре, а в турнире рижских школьников приняли участие 300 ребят. Ведущие шахматисты проводили большую шефскую работу на заводах, в школах: читались лекции, проводили сеансы одновременной игры. Все рижские газеты на своих страницах отводили место для шахматных отделов.

Став первым чемпионом Советской Латвии, я завоевал право играть в полуфинале 13-го первенства СССР в Ростове-на-Дону. Для подготовки к турниру я приехал в Москву. Центральный совет ДСО «Динамо» организовал для меня недельный тренировочный сбор. Я был поражен — такое отношение к шахматистам было для меня непривычным.

Помню также сеанс одновременной игры в городском Дворце пионеров. Шел я на него с опаской — помнил «жалобы» Капабланки и Флора по поводу, что с московскими пионерами играть очень трудно. Однако своим результатом я остался доволен: $+18-4=9$. Но так как в тот же день против школьников выступал и Василий Смыслов, оболящаться результатом не приходилось: я понял, что юные хозяева выставили против гостя из Риги не самый сильный состав — тот, наверное, «приберегли» для москвича...

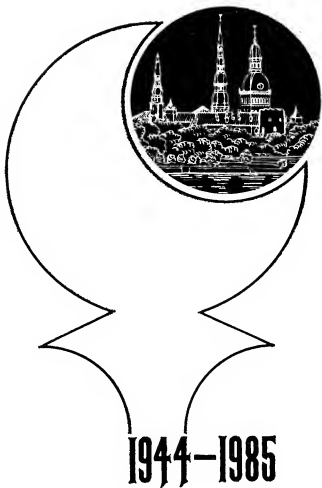
Наконец я в Ростове-на-Дону. Вот она, прославленная когорта советских мастеров! Их всех я заочно хорошо знал по партиям из книг и журналов, но хотелось познакомиться с ними и лично. Запомнился мастер Ильин-Женевский. Если большинство участников вели себя раскованно, порой даже шумно, то Ильин-Женевский выделялся среди них: говорил тихо, сдержанно, мыслил оригиналь-

но. Интересными собеседниками оказались мастера Кан, Белавенец, Сокольский, Рагозин. Как-то в тени держался совсем юный Бронштейн.

Регламент турнира был для меня непривычным — шесть часов игры. Именно на шестом часу я допускал грубые просчеты. Белавенцу, например, я умудрился «зевнуть» ферзя. А в общем, я, конечно, уступал по классу своим коллегам. В пух и прах меня разнесли Копяев и Чеховер.

Турнир был прерван Великой Отечественной войной. Но участвовать в ней мне не довелось. Еще при рождении мне была нанесена серьезная травма, и я на всю жизнь остался непригодным для военной службы.

Вплоть до 1944 года я работал тренером в армейских частях, вел шефскую работу в госпиталях. Эти встречи с ранеными забыть невозможно. Я встречался с людьми разных возрастов, профессий, национальностей, но всех их объединяла любовь к шахматам. Я окончательно убедился в том, что в Советском Союзе шахматы стали не только народной игрой, но и частью общенациональной культуры.

ВПЕРВЫЕ В ФИНАЛЕ ПЕРВЕНСТВА СССР!

Сперва хочу рассказать об одном турнире, в котором я не только выполнил норму мастера, но и завоевал право играть в финале первенства СССР. Это было в Киеве в 1945 году. Но с какими переживаниями связано это соревнование!

Стартовал я хорошо, набрав 5 очков из 5. Тогда туры проходили утром. И вот накануне партии с мастером Борисом Гольденовым я спокойно завтракал, полный надежд добиться победы: удачный старт придает шахматисту уверенности.

Помню, передо мной стояла полная тарелка манной каши, но тут ко мне подошел один из участников турнира и сказал нарочито елейным тоном:

— Знаете, товарищ Кобленц, я только что заключил пари, что сегодняшнюю партию вы проиграете!

Кровь бросилась мне в голову, вдруг охватило жгучее желание схватить тарелку и швырнуть манную кашу ему в лицо. Остановила мысль о скандале, который омрачит настроение наших гостеприимных хозяев. Я подавил в себе обиду, но одновременно в душе искренне позавидовал людям средневековья: на обиду они реагировали «достойно» и молниеносно... Может быть, я теперь думаю, в этом одна из причин, что люди тогда реже страдали от инфаркта?..

Расстроившись, партию Гольдену я проиграл. Но, стремясь «наказать» своего «собеседника» в следующем туре, я стремился выиграть любой ценой равный ферзевый эндшпиль и, конечно, — потерпел поражение. Это меня еще больше расстроило, и по инерции я проиграл третью партию.

На первое место выдвинулся киевский мастер Борис Ратнер, на второе — Вячеслав Рагозин. Затем мне предстояла встреча с лидером турнира.

Мне думается, что мудрый Ласкер, воспринимавший с философским спокойствием поражения, был первым шахматистом, который понял, что шахматы — это своеобразная модель жизни, область неустанных конфликтов, в которых поражения сменяются победами. Что поражения нас делают более жизнестойкими. Я в те времена не задумывался над тем, что на ошибках мы учимся и что важно только сделать соответствующие выводы и этих ошибок не повторять. Пытался ли я избавиться от своих недостатков, искал ли какие-либо эффективные методы самосовершенствования? Отнюдь. Как и у многих молодых шахматистов, моя шахматная ладья плыла тогда по течению, как бы по инерции, без определенного плана и без руля. Единственное, что я остро воспринимал, — боль поражения. Я в то

время еще не осознал, что именно в Киеве выявился один из очень серьезных недостатков моего характера — повышенная эмоциональность.

Думается, что читателю не трудно себе представить, в каком душевном состоянии я находился.

Видя мое состояние, Рагозин пригласил меня к себе в комнату, начал успокаивать. Участливо расспросил, какое начало я собираюсь играть с Ратнером, рассмотрел со мной на доске ряд возможных вариантов. Я хорошо понимал, что Рагозин был и лично заинтересован, чтобы я лучше сыграл, но как бы то ни было — он сумел удивительно тактично, я сказал бы, деликатно, утешить меня; и когда я вышел из его комнаты, то чувствовал себя легко и свободно.

Партию с Ратнером я провел уверенно, буквально разгромил его! Вот что значит оказанная вовремя поддержка! Вот какую силу имеют умные, участливые слова!

Чтобы не быть голословным, приведу финал этой партии.

КОБЛЕНЦ РАТНЕР

18. Kdb5! ab 19. K : b5 Cc7 20. C : b6 Ф : b5 21. ab Л : a1 22. Фd4! Л : f1+ 23. C : f1 Kpd7 24. C : c7 Kp : c7 25. b6+ Kpc6 26. Фb4 Kpd7 27. Cb5+ Kc6 28. Фа4 e5 29. C : c6+. Черные сдались.

Эта победа мне послужила своеобразным допингом. Набрав 4½ очка из 5, я, кандидат в мастера, добился лучшего результата не только против мастеров, но и получил специальный приз за лучший финиш. Первое место занял Рагозин, второе и третье поделил

я с Ратнером. Путь к финалу был открыт!

Состав финала был исключительно сильным. Уже одно участие М. Ботвинника, И. Болеславского, В. Смыслова, А. Котова, А. Толуша, Д. Бронштейна предвещало содержательную и интереснейшую борьбу.

Свой экстракласс продемонстрировал Михаил Ботвинник. Из 17 сыгранных партий чемпион страны выиграл 13 и лишь четырем участникам удалось добиться ничьей.

Второе место занял Исаак Болеславский, третье — Давид Бронштейн.

В турнире сказала моя старая болезнь — играть по «заказу» на выигрыш против участников, которых я считал слабее себя. Мой предварительный прогноз оказался правильным — они остались позади меня, но именно им — П. Романовскому и Г. Гольдбергу я и ухитрился проиграть, играя белым цветом.

Заняв четырнадцатое место, я подтвердил в турнире мастерское звание. Вспоминая Гастингс 1934 года, где я познакомился с советским гроссмейстером, в поведении Ботвинника я заметил определенную перемену — он явно возмужал, черты стали суровыми, взгляд за роговыми очками был порой колючим. Свои партии он проводил с исключительной энергией, с максимальной концентрацией сил. Может быть, начало давить сознание, что на его плечи ляжет основ-

ной груз ответственности — завоевать своей стране шахматную корону мира?..

Из всех встреч в этом турнире наиболее глубоко врезался в мою память конец партии Толуш — Котов; возможно, еще и потому, что стал свидетелем необычного короткого диалога.

На доске после 21-го хода создалась следующая позиция.

Энергичным, быстрым движением руки Толуш пожертвовал коня: 22. К : g7!? Смелость ленинградца явно импонировала зрителям, и они выразили свои симпатии громом аплодисментов.

Котов, по-видимому, ошеломленный неожиданной жертвой и шумом в зале, машинально спросил Толуша:

— Кому это аплодируют?

— Тебе, — с иронией бросил Толуш, усилив ударение на последнем «е».

После 22. . . С : e2 23. Ф : e2 Кр : g7 24. С : e4 Кd5 25. Фh5 Lfd8 26. Jlg1 Сс5 27. gf++ Kpf8 28. Л : g8+! Кр : g8 29. С : h7+ Kpf8 30. Фg6 К : f6 31. Ф : f6+ черные сдались на 41-м ходу. Партии был присужден первый приз как лучшей в турнире.

ЭПОХАЛЬНАЯ ПОБЕДА

1948 год врезался в мою память особенно глубоко. Этот год вошел в современную историю шахмат благодаря одному из самых знаменательных событий послевоенных лет — матч-турниру сильнейших гроссмейстеров, оспаривавших звание чемпиона мира.

По регламенту матч-турнир должен был проводиться в пять кругов. Сначала два круга в Голландии, потом три — в СССР.

Рассказывая об этом соревновании, я решил частично воспользоваться материалами из моей книги, изданной в 1948 году. Она вышла на латышском языке и в переводе на русский называлась «Триумф советских шахмат». Книга была написана в виде репортажа по горячим следам только что закончившегося состязания.

* * *

Торжественное открытие матч-турнира состоялось 1 марта в резиденции бургомистра Гааги. После торжественных речей началась жеребьевка. Первым по алфавиту подошел к столику главного арбитра Михаил Ботвинник. Ему выпал первый номер. В зале раздались дружные аплодисменты, и на лице гроссмейстера появилась широкая улыбка. Ботвинник, конечно, не суеверен, но первый номер почему-то каждым шахматистом всегда воспринимается как хорошее предзнаменование.

2 марта были пущены часы. Турнир проходил в прекрасном концертном зале «Дирентон». В начале игры в нем находилось всегда

200—300 зрителей. Однако уже через час их число переваливало за 2000. Они сидели у накрытых столиков, пили, ели, курили и... играли в домино или шахматы. Создавая зрителям такие удобства, организаторы надеялись получить более высокие доходы — ведь аренда зала поглощала немало средств.

Участники турнира сидели на широкой эстраде. Там находилась и судейская коллегия во главе с югославским гроссмейстером Милоном Видмаром.

С первого же тура зрители повели себя чрезвычайно шумно. Обычно таких хладнокровных голландцев было трудно уговорить. Главный арбитр неустанно напоминал зрителям о необходимости соблюдать тишину, но зрители были неуправляемы. Причина волнений — у Макса Эйве покраснели уши... Все уже знали — это первый признак того, что дела у их любимца неважные. Так и случилось у него в партии с Паулем Кересом.

Эстонец избрал в этой встрече старинную систему защиты в испанской партии, которая ведет к трудной для черных игре. При переходе в миттельшпиль Эйве достиг значительного перевеса. Однако, играя по инерции на выигрыш, он недооценил контрудара черных в центре, и советский гроссмейстер вмиг перехватил инициативу. Правда, в следующей позиции еще ничего не предвещало бури.

ЭЙВЕ КЕРЕС

27. . .bc 28. Ф : c4?

Белые должны были брать пешкой, и черным, по мнению Кереса, крайне трудно использовать слабость на c4. Однако Эйве после партии сказал, что оценил результаты следующей комбинации Кереса в свою пользу ввиду появления у белых отдаленной проходной пешки на линии «а».

28. . .Л1 : e4! 29. Л1 : e4 d5 30. Ф : a6.

Вот на что полюбился Эйве в своих расчетах — теперь у белых «запланированная» проходная пешка. Но, как сейчас увидите, атака Кереса стоила гораздо больше, чем проходная пешка белых.

30. . .de 31. Ce3 Фg4!

Этот ход белые явно просмотрели. Черные добились важной цели — не позволили белому ферзю вернуться на e2. Теперь черные собираются усилить нажим посредством 32. . .Лd3 и Kg6—h4—f5.

32. Фc4 Лd3! 33. Cc1.

Тут белые заметили, что не проходит 33. Ф : e4 из-за 33. . .Фe2.

33. . .Kh4! 34. Ф : e4+ f5 35. Фb7 c6.

Сильно было и 35. . .Лс3 с угрозами 36. . .с6 и Лс3—с2.

36. Ф : c6 Лс3 37. Фd5 Лс5! 38. Фd2 Л : c1.

Решающий удар. Допущенный потом цейтнотный ляпсус никак не умаляет ценности замысла Кереса.

39. h3? Фg3.

Немедленно решало 39. . .Кf3+.

После 40. Фе2 Ф : f4 41. Л : c1 Ф : c1+ черные вскоре добились победы.

Превосходно провел первую часть партии против Решевского Смыслов, но в миттельшпиле не использовал явного шанса добиться решающего перевеса и позволил американцу сделать ничью.

Ботвинник в первом туре был свободным, а во втором играл белыми против Эйве. Шумная обстановка в зале лишний раз показала, насколько дальновидной была его тщательная подготовка к этому соревнованию. Чтобы привыкнуть к табачному дыму и шуму, он заставил своего тренера, заядлого курильщика, Вячеслава Рагозина обкуривать себя под аккомпанемент включенного на полную громкость радио.

Как мне после турнира рассказал Рагозин, Ботвинник для полной сосредоточенности и сохранения нервной энергии избегал всяких новых впечатлений и даже на турнир ходил пешком неизменно по одной и той же дороге. В партии с Ботвинником, как и в партии с Кересом, Эйве в некоторой степени подвела его шаблонная оценка положения. Он на сей раз не мог устоять против соблазна выиграть пешку. Тем более что после размена ферзей в лагере Ботвинника создались, казалось, слабые изолированные и сдвоенные пешки.

Следя за этим поединком, я, пожалуй, впервые почувствовал одну из своеобразных трудностей шахмат: с одной стороны сильный шахматист руководствуется в оценке позиции определенными закономерностями, позволяющими ему нащупать правильное направление в выборе плана, но с другой, ему не так-то просто предвидеть все тонкости, открывающие противнику возможность получить достаточно компенсацию за ту или иную позиционную уступку.

Посмотрим, чего в данной партии не учел Эйве.

Здесь белые сыграли неожиданно 17. Кe5!

С : e5!

Любопытно, что после 17. . . Сe6 18. Сb1 Cd5 многие комментаторы оценили позицию в пользу белых, но конкретно доказать это нельзя.

18. de Ф : e5 19. Сс3 Фе7 20. f3! Кd5 21. Ф : e7 К : e7 22. fe.

Теперь, по-видимому, Эйве пожалел о том, что принял дар на 17-м ходу. Нетрудно установить, что два мощных слона, открытые линии «d» и «f» — вполне достаточная компенсация за статические изъяны пешечной конфигурации в расположении белых. К тому же и черный конь не имеет ни одного опорного пункта и, что самое неприятное, на первых порах не видно, как его активизировать.

22. . . b6.

Намереваясь играть 23. . . Ла7. Но при этом Эйве просматривает элементарную тактическую угрозу.

23. Ld1 Kg6.

Сразу проигрывало 23. . . Ла7 из-за 24. Л : f7!

После 24. Ld6 Ca6 25. Lf2 Cb5 26. e5 Ke7 27. e4! c5 28. e6 f6 29. Л : b6 Сс6 30. Л : c6! К : c6 31. e7+ Lf7 32. Cd5 черные сдались.

БОТВИННИК ЭЙВЕ

После 32. .Лс8 33. е8Ф+ Л : е8 34. С : с6 и затем 35. Сd5 белые остаются с лишней фигурой.

В исключительно сложной позиционной борьбе Керес победил Смылова.

В третьем туре Смылов решил «отыграться» на Ботвиннике, но это оказалось не легким делом — он натолкнулся на упорнейшую защиту и, несмотря на выигрыш пешки, был вынужден согласиться на дележ очка.

Трудно сказать, явилось ли поражение Кереса следствием усталости или его подвело чрезмерное желание укрепить лидирующее положение. Партию против Решевского Керес провел исключительно пассивно, без четкого плана — может быть, его сбила с толку оригинальная трактовка американцем дебюта. В итоге Керес ошибочным продвижением ослабил свой королевский фланг и в цейтнотной суматохе попал под матовую атаку.

Конечно, с чисто спортивной точки зрения поражение на старте марафонского турнира не должно иметь решающего значения, но тут многое зависит, я бы сказал, от нервной системы шахматиста, от степени его восприимчивости.

В этом отношении интересную характеристику игре Кереса дал Ботвинник: «У шахматного бойца Кереса были и недостатки, хорошо мне известные. Первый недостаток — шахматный, Керес несколько неуверенно ориентировался в новых дебютных схемах. Второй недостаток — психологический: в решительные моменты борьбы Керес несколько тушевался и, когда у него портилось настроение, играл слабее своих возможностей».

Конечно, в тот вечер ни соперники Кереса, ни его секундант гроссмейстер Игорь Бондаревский не собирались делать далеко идущих выводов. Поведение Кереса к тому же не выдавало его состояния — он как обычно вежливо улыбался, поздравил своего противника с победой. Но на душе у Бондаревского было беспокойно. Уж он-то хорошо понимал, судя по партии с Решевским, что у Кереса произошел «надлом». Известно, в таких случаях нужно успокоиться, поскорее забыть о поражении. Но всегда ли шахматист в состоянии справиться с этой задачей?

В четвертом туре решилась спортивная судьба Эйве. Общеизвестно, что дополнительным психологическим грузом при неудачах оборачивается игра в «собственных стенах». Соотечественники болезненно воспринимают неудачи своих кумиров и быстро сменяют милость на гнев. И месть болельщиков Эйве нашла свое выражение — участникам пришлось играть в полупустых залах. Правда, ту же картину можно наблюдать и в других видах спорта: болельщики — жестокий народ, и жалеть неудачника они не собираются.

Играя партию против Смылова после выходного дня, голландец провел первую часть встречи с большим подъемом. Он выиграл

пешку и добился явно выигранной позиции. Но в подобных случаях шахматиста подчас начинают раздражать два чувства — добиться победы «сухими», техническими, средствами, играя рационально, или, если созданы позиционные предпосылки, выиграть с помощью элегантных жертв. В данной партии в душе Эйве взял верх художник. Желая выиграть с блеском, он пожертвовал совершенно правильно сперва одного коня, а затем — уже неправильно — второго вместо того, чтобы решительно усилить атаку, подключив к игре ферзя. Смыслов отбил атаку и вскоре одержал победу.

Можно себе представить, что творилось в зале, когда Эйве остановил часы! Раздался вздох разочарования, некоторые, более импульсивные, зрители огорченно всплеснули руками. Эйве, явно убитый горем, словно в трансе, встал из-за столика и, чуть пошатываясь, покинул сцену.

Не менее драматично протекала и вторая встреча. Ковремени, когда Эйве и Смыслов затратили всего 16 минут на 14 ходов, в партии Ботвинника с Решевским было сделано всего 4 хода. Естественно, в их спор вскоре вмешался цейтнот. Тонкой игрой американцу удалось добиться позиционного перевеса на ферзевом фланге. Вот как это началось:

БОТВИННИК
РЕШЕВСКИЙ

20. . . Кс4 21. Сс1 е5!

Раскрывая центр и значительно увеличивая активность черных фигур.

22. Лd1 еd 23. Ф : d4 Фе6 24. Ла2 h6.

К этому ходу Керес писал в своих примечаниях: «Оба противника были здесь уже в цейтноте, что объясняет многие последующие неточности. Ход в партии полезен ввиду цейтнота, но он и позиционно неплох, ибо отнимает у белых фигур поле g5».

25. h3 Ла6 26. Кd5!

К чести советского гроссмейстера, следует сказать, что он, находясь в цейтноте, не потерял присутствия духа.

Вот как этот ход прокомментировал Керес: «Своим предыдущим ходом черные защитили слона d6 и создали угрозу 26. . . Ке5 с решающим преимуществом. Белым трудно бороться против этой угрозы, так как их фигуры скованы взаимной защитой и у них нет прочных опорных пунктов. Ходом в партии белые, учитывая цейтнот противника, жертвуют пешку и осложняют игру.

Кто мог бы подумать, что через шесть ходов черные проиграют партию!»

26. . . К : е4 27. Ле2 f5 28. g4.

В этой партии вновь подтвердилась известная истина: неожиданность — один из самых опасных врагов шахматиста, попавшего в цейтнот! Видимо, это хорошо помнил Ботвинник, когда решил на этот «харакири-ход». Решевский настолько растерялся, что сделал первый попавшийся ход.

28. . . Сс5??

Как указал Керес, преимущество обеспечивало 28. . . Кg5!

После 29. gf Ф : f5?? (правильно было 29. .С : d4, сохраняя равенство) 30. Ф : e4 Ф : h3 31. Кh2 Лсс6 32. Кf4 американец просрочил время! Правда, позиция черных к этому моменту была уже безнадежной.

Ботвинник всегда отличался объективностью, и в данном случае он хорошо понимал, что встречи со Смысловым и Решевским явно свидетельствовали о том, что он еще не сумел полностью разыграть-ся и пока находится не в лучшей форме. Но подчас неудовлетворительную творческую игру «сглаживает» спортивный результат. Как бы то ни было, лидирующее положение (2½ очка из 3) действовало на нервную систему успокаивающе, и, самое главное, на очередную встречу — с Кересом — Ботвинник вышел в хорошем настроении.

Догадывался ли Керес, что Ботвинник тщательно готовился к этой игре?

Из высказываний Ботвинника не трудно сделать вывод, что на протяжении многих лет его раздражали критики, неустанно твердившие о том, что в партиях Ботвинника нет искры таланта, а его победы являются результатом колоссальной работоспособности и домашних дебютных заготовок.

Разумеется, Ботвинник стал очень ревностно относиться к шахматистам, которых безоговорочно возводили в ранг ярких шахматных гениев и прочили в чемпионы мира.

Так как в лице Кереса многие видели будущего чемпиона мира, Ботвинник решил уже на турнире памяти М. Чигорина (Москва, 1947) нанести своему сопернику психологический удар. Вот что Ботвинник откровенно написал в своих воспоминаниях *: «Я решил с помощью этой партии лишить уверенности своего главного конкурента в предстоящей борьбе за первенство мира. Для первого места в турнире памяти Чигорина мне, вероятно, достаточно было сделать ничью. Кересу — победить. Удобная ситуация: надо стремиться к затяжной позиционной, закрытой борьбе (Керес больше тяготел к открытой игре. — А. К.) и не спеша собирать промахи партнера, которые неизбежны, когда приходится искать выигрыш там, где его нет...

Играли мы эту партию два вечера. Я добился перевеса, затем получил выигранный эндшпиль, в котором практически Керес блестяще сопротивлялся, но и только.

Цель была достигнута...».

На таком психологическом фоне началась партия Керес — Ботвинник в последнем туре первого круга. Мне до сих пор непонятно, почему эстонский гроссмейстер избрал английское начало и маневренную игру с закрытой пешечной конфигурацией в центре. Наверняка это было по душе только его сопернику. Вполне естественно, что Керес, вынужденный вести бой в непривычной обстановке, по-

* М. Ботвинник. К достижению цели. М.: „Молодая гвардия“, 1978.

пал в цейтнот, допустил ряд ошибок и на 58-м ходу признал себя побежденным.

Во втором круге мы стали свидетелями широко распространенного явления — участники, преодолев стартовую лихорадку, начали играть более спокойно, уравновешенно. Даже игра Эйве обрела некоторую стабильность, и только в одной партии он потерпел поражение — филигранная игра Смыслова в, казалось бы, равном эндшпиле была выше всяких похвал.

После победы над Смысловым в седьмом туре улучшилось настроение и у Кереса. Перед его встречей в последнем туре второго круга с Ботвинником эстонский гроссмейстер отставал от лидера всего на одно очко. Легко себе представить его сильное желание догнать наконец москвича.

Комментируя эту партию, Керес поставил пять вопросительных знаков к своим сделанным ходам! И на самом деле — после каждой ошибки резко активизировались белые силы.

Не трудно было сделать вывод, что Керес играл ниже своих возможностей. Может, он чувствовал на своих плечах груз ответственности, волновался из-за того, что эта партия имеет чрезвычайно большое психологическое и спортивное значение, может быть, он просто «перегорел»? Но все это осталось тайной, так как гроссмейстеры не склонны раскрывать свои чисто человеческие слабости. Не трудно догадаться, какую личную трагедию пережил Керес, потерпев поражение.

БОТВИННИК КЕРЕС

Вот как закончилась эта встреча.

Последовало: 21. Л : g7+! Кр : g7 22. Kh5+ Kpg6 23. Фе3!

Когда Ботвинник сделал этот «тихий» ход, Керес был совершенно подавлен. Он долго рассматривал создавшуюся позицию, казалось, отключившись от окружающего мира, и затем, за 30 секунд до падения флага, вырвался из своего оцепенения и остановил часы. Расписался на бланке, не сказав ни слова, и ушел.

Может быть, именно в эти тягостные минуты он понял, что поражение перечеркнуло все его надежды стать чемпионом мира.

После второго круга у Ботвинника было 6 очков, у Решевского — 4½, у Смыслова и Кереса — по 4, а у Эйве — 1½.

Теперь гроссмейстерская гвардия отправилась в СССР.

Игра Ботвинника произвела большое впечатление. Голландские газеты писали о нем: «Будущий чемпион мира», «Фаворит советской тройки». Газета «Algemeene Dagbladet» писала: «Игра Ботвинника — синтез науки и богатой фантазии. По-видимому, теперь осуществится мечта гениального Чигорина! Представитель России станет чемпионом мира!».

Листаю свою книгу-репортаж: «Только когда акт торжественного открытия закончился и должен был начаться концерт в честь участников, в зал вбежал Решевский. Оказывается, и в обыденной жизни Решевский ухитряется угодить в цейтнот...»

Матч-турнир проводился в чудесном Колодном зале Дома союзов.

Уже за три дня до начала все билеты были проданы. Сотни любителей шахмат остались без билетов и весь вечер простояли у входа, ожидая вестей «оттуда». Эти энтузиасты мешали движению транспорта по Пушкинской улице, но милиционеры относились к болельщикам снисходительно, по-видимому, и сами были подвержены шахматной лихорадке.

В 17.30 главный арбитр Милан Видмар пустил часы, и участники быстро сделали первые ходы.

Над сценой были установлены две большие демонстрационные доски, на которых немедленно фиксировался каждый ход гроссмейстеров. Такие же доски были установлены в фойе. Здесь можно было услышать самоуверенное мнение болельщика: «Ваш вариант не годится. Надо играть, как советует Алехин» или: «Я бы на месте Эйве сыграл так». Иногда под общий хохот предложенный вариант начисто опровергался, а его автор тихо ретировался.

Не менее горячие споры разгорелись в пресс-бюро. Здесь готовили свои отчеты для газеты шахматные журналисты, гроссмейстеры и мастера. На общем фоне выделялась импозантная фигура гроссмейстера Григория Левенфиша, остроумные реплики которого часто вызывали у присутствующих дружный смех. Если кто-либо из претендентов делал непонятный для него ход, Левефиш неизменно произносил свой коронный афоризм:

«Да, в потемках душа не только «пнижона», но и — гроссмейстера!»

Молча, но при этом хитро улыбаясь, за спорами следил бакинец Владимир Макогонов. Московскую прессу обслуживала шумная компания — гроссмейстеры Сало Флор, Андре Лилиенталь, Александр Котов. И здесь было нелегко докопаться до истины, так как гроссмейстеры показывали свои варианты с фантастической быстротой, высказывали совершенно противоположные суждения, брали назад ходы. И только когда раздавался спокойный и уверенный голос Болеславского: «Все пустое. Надо играть так!» — воцарялась тишина.

Здесь не переставая звонили телефоны. Вызывали Киев, Тбилиси, Рига, Таллин, Минск и другие города. Иностранные журналисты связывались с Амстердамом, Нью-Йорком, Лондоном.

В первом туре московского этапа большой интерес вызвал дебютный спор в партии Эйве — Керес. Знаете, дорогой читатель, готовиться к партии с глубоким знатоком дебютной теории не так-то просто. Ведь такого всезнающего теоретика ничем не ошеломить... Только руководствуясь этими соображениями, можно понять выбор Кересом острого, но, самое главное, забытого варианта испанской партии. И на самом деле — не так просто было экс-чемпиону мира,

игравшему белыми, решить все сложные дебютные проблемы.

Дебютные ходы: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 d6 5. c3 f5 6. ef C : f5 7. d4 e4 8. Kg5 d5 9. f3 e3 — Керес позднее комментировал:

«Позиция, получающаяся после 9. f3, долгое время расценивалась в пользу белых, так как 9. . . ef 10. 0—0! давало им сильную атаку.

Предлагаемая ходом в партии интересная жертва пешки тоже давно известна и также расценивается в пользу белых. Но данная партия ставит под сомнение эту оценку».

Хотя Эйве был, по-видимому, знаком с этим редко применяемым вариантом, дальнейшее течение борьбы доказало, что многие тонкости им были просто позабыты. Явно в пользу Кереса сработал эффект неожиданности. Эйве все больше и больше задумывался над ответными ходами. Но справиться с трудностями так и не сумел. Уже на 19-м ходу Керес великолепной жертвой слона вскрыл позицию короля Эйве.

ЭЙВЕ КЕРЕС

19. . . C : f4! 20. gf K : f4 21. Kdf3 Ke2+ 22. Kpg2 h6 23. Фd2 Фf5 24. Фе3 hg 25. Cd2 Ce4. Белые сдались.

Следя за поведением соперников, нетрудно было догадаться, в какую сторону склоняется чаша весов. Сделав свой ход, Смыслов со спокойным выражением лица встал и, держа руки за спиной, начал расхаживать по сцене, время от времени бросая взгляды на демонстрационную доску.

Его соперник, Решевский, на протяжении всей партии ни разу не поднялся со стула, беспокойно ерзал, краснел, и глаза его бегали по шахматной доске. Он подолгу задумывался над отдельными ходами, понимая, что Смыслов переигрывает его. Но самое неприятное для шахматиста, если он в трудном положении не в состоянии найти мало-мальски активный контрплан. Когда москвич своим 26-м ходом с классической простотой подчеркнул слабость позиции Решевского, все присутствующие в зале и в пресс-бюро от неожиданности ахнули.

26. Фh4!

СМЫСЛОВ РЕШЕВСКИЙ

«Этим прекрасным ходом белые используют временную незащищенность 8-й горизонтали и форсированно выигрывают пешку d6, что решает исход борьбы» (П. Керес).

После 26. . . Фd7 27. Фd8+ Ф : d8 28. C : d8 Kd7 29. Cc7 Kc5 30. Л : d6 Лc8 31. Cb6 Ka4 32. Л : e6 K : b2 33. Л : e5 Kc4 34. Ле6 K : b6 35. Л : b6 Л : c3 36. Л : b7 Лc2 белые перевели игру в совершенно выигрышный ладейный эндшпиль.

В двенадцатом туре Смыслов с Кересом заключили мир, когда на доске уже почти не было фигур. Однако в этот день в центре внимания находилась встреча Ботвинник — Эйве. Эйве применил меранский вариант.

Надо полагать, что экс-чемпион мира, являясь специалистом славянской защиты, был в теоретическом отношении хорошо подготовлен. Тем более что этот вариант досконально изучен вплоть до 14-го хода.

Не будем суеверными, но подчас в турнирной практике бывает, что сильного гроссмейстера неустанно преследуют неудачи. Сейчас это можно было сказать об Эйве. Еще два года назад он играл в «супертурнире» в Гронингене чуть ли не первую скрипку (только проигрывш Котову в последнем туре отбросил его на второе место). А в матч-турнире? Надо же было, чтобы именно теперь он «нарвался» на мину, заготовленную Ботвинником. Эйве, конечно, не мог знать, что в 1941 году москвич нашел в этом варианте совершенно новую идею.

В этой дебютной дуэли критическая позиция создавалась после 13-го хода черных.

14. 0—0!

Обычно играли 14. Фe2 0—0 15. 0—0, и если 15. . . Кc5, то белые получали опасную атаку посредством 16. С : h7+. Своим ходом Ботвинник уклоняется от потери темпа, стремясь немедленно установить контроль над пунктом e5.

14. . . Кc5 15. Cf4 Cb7 16. Лe1 Лd8?

Правильно было разгрузить позицию посредством разменов Кc5 : d3, Cb7 : f3 с последующей рокировкой, как Эйве указал нам, журналистам, сразу по окончании партии. Однако он, по-видимому, просмотрел эффектный 22-й ход Ботвинника — важное звено мительшпильного плана белых. Далее последовало:

17. Лc1! Лd5 18. Ce5! С : e5 19. Л : e5 Л : e5 20. К : e5 К : d3 21. Ф : d3 f6.

Если белых вынудить теперь отступить, у черных будет довольно сносная игра. Однако жертвой коня Ботвинник получил неотразимую атаку.

22. Фg3! fe 23. Фg7 Лf8 24. Лc7 Ф : c7 25. Ф : c7 Cd5 26. Ф : e5, через несколько ходов черные сдались.

В тринадцатом туре наибольший интерес вызвала партия Смыслов — Ботвинник. Хотя Ботвинник опережал Смыслова и Кереса на 1½ очка, болельщики Смыслова предвкушали волнующую борьбу, так как в предыдущих двух встречах Смыслов оказал Ботвиннику упорное сопротивление.

Гул пронесся по залу, когда Ботвинник на первый ход Смыслова 1. e4 ответил 1. . . c5. Это был первый признак того, что лидер, применив обоюдоострое оружие — сицилианскую защиту, стремился к победе.

БОТВИННИК ЭЙВЕ

В миттельшпиле Смыслов форсировал события в центре, но Ботвинник играл очень сильно и опроверг рискованный план белых. На 40-м ходу Смыслов сдался.

Крайне волнуяще протекала партия Решевский — Керес. Она изобилвала остроумными идеями, цейтнотами, упущенными возможностями и в итоге закончилась победой Кереса.

В четырнадцатом туре первое поражение потерпел Ботвинник. Он проиграл Решевскому. Сидящего рядом со мной представителя «Ассошиэтед пресс» крайне удивило объективное отношение советских зрителей — они устроили американцу овацию. Длительными аплодисментами был награжден и Эйве, победивший Смылова.

В центре следующего игрового дня была встреча Керес — Ботвинник. Сперва лучшую позицию получил Керес, затем он позволил противнику не только избавиться от слабостей, но даже выиграть пешку. Однако в цейтноте оба противника допустили ряд неточностей, которые привели к примерно равному эндшпилю. За несколько ходов до контроля времени Керес допустил еще одну ошибку и отложил партию с незначительными шансами на спасение. При возобновлении игры уже Ботвинник сыграл неточно, и белым удалось вновь уравнять игру. Но в очередном цейтноте Кереса Ботвинник точной игрой использовал ошибку противника и одержал в этой многострадальной партии победу на 72-м ходу.

Без особых волнений проходила партия Решевский — Эйве, на 26-м ходу закончившаяся вничью.

Шестнадцатым туром открылся четвертый круг. Керес победил Эйве, Решевский и Смылов сыграли вничью.

Чувствуя, что и Ботвинник устал, Керес в следующем туре попытался догнать лидера и сыграл остро на выигрыш против Смылова. Но Смылов опроверг его рискованную игру и добился победы. Чтобы получить передышку, Ботвинник пошел на упрощенные позиции в партии с Эйве, и вскоре соперники согласились на ничью.

По-прежнему впереди шел Ботвинник, набрав $9\frac{1}{2}$ очка, за ним следовал Керес — $7\frac{1}{2}$.

В восемнадцатом туре Ботвинник зажал Смылова в железные тиски, однако в цейтнотной спешке упустил неплохие шансы на выигрыш. Явно расстроенный Керес проиграл Решевскому.

Девятнадцатый ознаменовался полным триумфом советских шахматистов, а партия Смылов — Эйве по праву вошла в золотой фонд мировой шахматной культуры.

СМЫСЛОВ

ЭЙВЕ

Эта позиция возникла после 11-го хода черных. Встречалась она и в партии Керес — Решевский, однако Керес сыграл 12. Cg5 и мог после 12. . . h6! 13. Ch4 g5 и Fc8—b7 попасть в затруднительное положение. Своим следующим неожиданным ходом Смылов нанес всему варианту чувствительный удар.

12. c4! dc 13. bc C : c4 14. Fe4! Ke7.

После 14. . . Fb7 15. Kc3 Ce7 16. Fg4 положение черных также нелегкое.

15. Ka3 c6 16. K : c4 bc 17. Ф : c4 Фb7 18. e6! f6 19. Jd7! Фb5 20. Ф : b5 cb 21. Kd4 Jc8 22. Ce3 Kg6 23. J : a6 Ke5 24. Jb7 Cc5 25. Kf5! 0—0 26. h3. Черные сдались.

Все было сыграно в кристально чистом классическом стиле! Исключительно сложная борьба разгорелась в партии Решевский — Ботвинник. Американец добился являю лучшей позиции, но в жестоком цейтноте, начиная с 31-го хода, Решевский в панической спешке играл слабо и ухитрился даже проиграть.

На финишной гонке, в двадцатом туре Керес в третий раз проиграл Ботвиннику. Решевский победил Эйве.

Итак, перед последним кругом Ботвинник набрал 12 очков, Решевский и Смыслов — по 8½.

Последний круг принес ряд ничейных исходов. Правда, Керес, Смыслов и Решевский не могли устоять перед соблазном «пожиться» за счет Эйве. Свою долю морального удовлетворения получил Керес, нанеся в заключительном, двадцать пятом туре поражение Ботвиннику. Однако, увы, успех пришел к нему слишком поздно...

Из результативных партий этого круга следует выделить еще встречу Ботвинник — Решевский.

Учитывая, что американца прельщало теперь уже более высокое место, сулившее более высокий денежный приз, нетрудно было расшифровать намерение американского гроссмейстера играть именно в этой встрече резко на победу.

Однако Ботвинник белыми избрал дебют четырех коней, который ведет к равной игре и в корне пресекает активные действия противника. Психологический расчет Ботвинника вполне оправдался — Решевский играл ва-банк и сам попал в полосу затруднений, но Ботвинник испытывал недостаток времени: у него на 16 ходов оставалось 10 минут, а у Решевского — 25. И тут Решевский решил использовать свой последний шанс: несмотря на некоторый запас времени, он делал последующие ходы почти молниеносно, дабы не дать Ботвиннику возможность обдумывать свои ходы, пока идут часы самого Решевского. Хотя такая тактика и имеет определенный резон, Решевский сам допустил в этой бешеной спешке ряд неточностей, и Ботвинник добился победы.

В последнем туре Эйве сыграл винчю с Ботвинником. Главный арбитр Милаи Видмар обратился к публике со следующими словами:

«Исход партии Ботвинник — Эйве обеспечил советскому гроссмейстеру Михаилу Ботвиннику первое место в матч-турнире и звание чемпиона мира по шахматам!..»

Дальнейшие слова Видмара потонули в овации. Ботвиннику аплодировали зрители, судьи. В зале вспыхнули юпитеры, в атаку перешли кинооператоры и фотокорреспонденты. Ботвинника обнимали друзья, зарубежные мастера, сердечно поздравил его первый президент ФИДЕ доктор Александр Рюб.

Турнир завершился полным триумфом советских шахматистов, так как последующие места за Ботвинником заняли также представители нашей страны — Василий Смыслов и Пауль Керес.

ВСТРЕЧА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Конец 40-х годов. В актовом зале 22-й рижской средней школы я проводил свое первое шефское занятие с юными шахматистами. К демонстрационной доске подошел худенький мальчик с удивительно добрыми большими черными глазами. Он буквально манипулировал фигурами. Меня не столько поразила быстрота, с какой он решил задачу, сколько резкая перемена, произошедшая с ним, едва он подошел к доске. Мальчик словно преобразился: он как-то сразу стал удивительно серьезным.

Позже я узнал, что Миша Таль (так звали паренька) — вратарь футбольной команды класса, чемпион школы по шашкам и в то же время один из самых активных членов шахматного кружка Дворца пионеров, который вел большой энтузиаст шахмат Янис Крузкопс. И еще, что Миша очень любит музыку, особенно Чайковского и Шопена.

Меня не удивило, что мой новый знакомый потянулся ко мне, не пропустил ни одной лекции и часами пропадал у меня дома или на даче. Может быть, ему оказалась близкой моя методика изложения материала, а может быть, ему было приятно заниматься с единственным в те годы в Латвии шахматным мастером, четырехкратным чемпионом республики. Как бы то ни было, мне нравилось заниматься с Мишей: привлекало его страстное, самозабвенное увлечение шахматами, фантастическое трудолюбие, на редкость острое комбинационное зрение. Когда мы наедине рассматривали партии гроссмейстеров или анализировали отдельные позиции, меня приводили в восхищение его зрелые суждения, глубокое понимание позиции. И мы были настолько увлечены, что не замечали, как пролетало время — шесть, семь и больше... часов. Но стоило лишь случайно вторгнуться в наш микромир третьему, как Таль преображался: в глазах появлялся озорной огонек, мальчик начинал позировать, кривляться, продолжать работать было нельзя.

В 11 лет Миша получил четвертую категорию, а через два года — второй спортивный разряд. Вскоре он был включен в сборную юношескую команду Латвии. Играл он на последней доске, и его результат: победа, две ничьи и поражение — свидетельствовал о том, что более высокого места в команде он не заслуживал.

В 1950 году юный шахматист стал перворазрядником. Год спустя он участвовал в первенстве Риги. Я стал чемпионом столицы Латвии, мой ученик поделил 11—14-е места, но ухитрился выиграть у меня эндшпиль, в котором у него не хватало пешки. Осенью 1951 года он участвовал в юношеском первенстве СССР, где набрал всего 3½ очка из 9. Бывает и так, что великий шахматист начинает очень скромно. По крайней мере первые успехи Талья были значительно

скромнее, чем успехи Бориса Сласского, не говоря уже о Роберте Фишере.

Меня всегда восхищало в Мише его благородство, кристальная честность. В 1952 году мы оба играли в чемпионате республики, чтобы стать победителем, мне во что бы то ни стало нужно было опередить лидера — Марка Пасмана. Несмотря на наши дружеские отношения, Миша на финише в партии со мной честно выполняет свой долг спортсмена и добивается ничьей. Чемпионом становится Пасман. Помню еще один случай. В 1953 году мы боремся за первое место. В этой встрече проявляется основной недостаток молодого шахматиста — поспешность. Уже в дебюте он зевнул пешку аб, но здесь же проявилось и его умение резко обострить ситуацию, создать партнеру максимальные трудности. В поисках лучшего продолжения я попадаю в страшный цейтнот и прекращаю вести запись партии. Растерянно смотрю на свой бланк, пытаюсь узнать, сколько осталось ходов до контроля, и вдруг слышу мягкий, спокойный голос Миши:

— Маэстро, вам осталось сделать еще шесть ходов...

Партию я выиграл, но чемпионом Латвии стал Таль, мне пришлось довольствоваться вторым местом.

С каждым годом Михаил Таль набирал силу, но наиболее ярко его талант впервые проявился в отборочном турнире к 24-му первенству СССР, который проходил в Тбилиси. Там, в столице Грузии, на шахматном небосклоне взошла новая яркая звезда, как писали зарубежные журналисты.

Порой нередко можно услышать вопрос: «А какую лепту в формирование стиля выдающегося шахматиста вносит его тренер?» Вопрос трудный, и меня часто спрашивали, как я работал с Талем. Но Макс Эйве, например, меня об этом не спрашивал. Он лишь прислал мне свою фотографию с надписью: «Моему старому другу А. Кобленцу, имеющему перед шахматным миром большие заслуги в нахождении и развитии шахматного гения Михаила Таля».

Что касается «воспитания» гения, то сошлюсь на слова выдающегося педагога, учителя гениального Святослава Рихтера — Генриха Нейгауза: «Гениев нельзя создать — только почву для их развития».

Нити, связывающие тренера со своим подопечным, тонки и так неуловимы, что точно оценить вклад тренера в формирование таланта нельзя. Единственное, что могу поставить себе в заслугу, что какую-то лепту в развитие таланта Таля все-таки внес. Когда в 1967 году журнал «Шахматы в СССР» обратился к участникам Московского международного турнира с вопросом: «Какая книга оказала на вас наибольшее влияние?» — Таль назвал мой учебник...

МЕТАЛЛ САМОЙ ВЫСОКОЙ ПРОБЫ

Золотая медаль чемпиона СССР! Ни в одном другом шахматном соревновании не встречается столько шахматистов высочайшего класса, столько ярких творческих индивидуальностей!

Думая о первенствах СССР, на которых мне удалось присутствовать в качестве тренера или журналиста, я прежде всего вспоминаю 24-е, проходившее в Москве, и 25-е — в Риге. И не только потому, что Таль в обоих соревнованиях вышел победителем. По своему составу они оказались исключительно сильными — ведь кроме Ботвинника и Смыслова, занятых матчами на первенство мира, в них участвовали все ведущие гроссмейстеры тех лет. А каким драматизмом отличалась на финише борьба за золотую медаль!

Наверное, нет смысла подробно рассказывать о ходе спортивной борьбы в этих чемпионатах — ведь с тех пор прошло уже более четверти века. Остановлюсь на самых ключевых и наиболее драматических событиях турниров, расскажу о некоторых участниках, о наиболее поучительных моментах, имеющих в известном смысле и методическую ценность.

В конце ноября 1956 года в Тбилиси начался полуфинал очередного, 24-го первенства СССР. Старт Талья вызвал разочарование. Неудача постигла его уже в первом туре. При доигрывании отложенной позиции с Юрием Котковым мы встретились с парадоксом. В отложенной позиции у Коткова была сдвоенная пешка в центре, но при анализе мы пришли к выводу, что выигрывать ее невыгодно, так как это позволило бы противнику активизировать своего коня. План выигрыша был ясно очерчен. Когда кончился анализ, я напомнил Талю, что нельзя поддаваться соблазну «съесть» пешку.

— Что я, бедный? — ответил Таль смеясь.

Однако, как только началось доигрывание, Таль забрал «отравленную» пешку, и ничья стала неизбежной. Миша так и не сумел объяснить, почему он это сделал.

Затем последовали три ничьи, а в пятом туре Таль потерпел поражение от мастера Владлена Зурахова. Снова три ничьи...

В 9-м туре в трудном эндшпиле, с четырьмя ферзями на доске, Таль переиграл короля этюдов — Генриха Каспаряна. Казалось, наступил перелом. Но тут последовал новый удар. В партии с Александром Буслаевым, имея подавляющую позицию, Таль в погоне за эффектным финалом грубо ошибся и потерпел поражение.

Самое любопытное, что я тоже участвовал в этом турнире, мало того, тренер юного рижанина находился в лидирующей группе и имел все шансы попасть в финал. Правда, проболев гриппом, я на финише проиграл три партии и выбыл из лидирующей группы. Но огорчаться особенно не стал, меня утешало, что у Талья на финише появилось второе дыхание и неудачи не сломили его волю. Набрав 3½ очка из 4, он поделил 5—6-е места и вышел в финал.

Итак, Москва — 24-е первенство СССР. В первом туре Таль встречается с ленинградским мастером Львом Аронсоном. Ознакомившись с его партиями, мы убедились, что ленинградец предпочитает спокойное маневрирование, стремится к упрощениям. Поэтому на тренировочном сборе было принято решение навязать ему

сложную борьбу в голландской защите, если придется играть против него черным цветом.

На эту тему нами был сыгран ряд тренировочных партий. Но время подготовки мне особенно памятно еще и тем, что нам удалось сыграть одну из красивейших партий с жертвами трех ладей. Правда, эта партия закончилась вничью, но меня восхитило мастерство Таля в проведении контратаки, в которой он проявил неукротимую волю к победе, богатую фантазию. Что касается меня, то я был рад, что удалось выдержать мощнейший натиск Таля буквально на краю пропасти. Думаю, что читатель простит мне это отступление.

Эту позицию я оценил как выгодную для белых. Я считал, что черные вынуждены сыграть 16...b6 и я сумею после 17. Ce3 и Лас1 оказать сильный нажим на пешку с7. Но черные ошеломили меня блестящей контригрой.

16... Cf5! 17. Л : b7 Cc2! 18. Фd2.

Застрявший на c1 чернополюсный слон белых будет мешать развитию своего ферзевого фланга.

18... Лае8 19. Л : c7 Cd3.

Черные избегают западни: 19... Cd4 20. Ф : d4 Лe1+ 21. Cf1 Cd3 22. Ch6!

20. Фb4 a5! 21. Фа4 С : g3! 22. hg Лe1+ 23. Kph2 Ce4! 24. Ce3. Нельзя, конечно, 24. С : e4 ввиду мата: 24... Фh5+ 25. Kpg2 Фh1×

24... Фh5+ 25. Ch3 Л : e3!

Красочная позиция, не правда ли?

26. Л : g7+!

Встречная жертва ладьи спасает белых от поражения. Сразу проигрывало 26. fe ввиду 26... Фе2+.

26... Кр : g7.

Если 26... Kph8, то 27. Фd4! Л : f2+ 28. Kpg1, и угроза вскрытого шаха решает партию.

27. Фd4+ Kpg8 28. Ф : e3.

Ферзь белых наконец включился в защиту, однако инициатива по-прежнему на стороне черных.

28... Cf5 29. g4 С : g4 30. Лg1 Л : f2!

Еще одна жертва ладьи!

31. Kph1! Ф : d5+ 32. Cg2 Фd2 33. Ф : d2 Л : d2 34. Ch3 h5 35. С : g4 hg 36. Л : g4+ Kpf7 37. Лg2. Ничья.

КОВБЕНЦ ТАЛЬ

...Психологический расчет Таля в партии с Аронсоном себя вполне оправдал. Удалось навязать противнику исключительно сложную игру, но при этом Талю пришлось сделать позиционную уступку. Продвинув на 22-м ходу свою пешку на c5, ленинградец

мог бы получить сильную атаку на ферзевом фланге. Но, играя, по-видимому, в непривычном для себя ключе, белые по инерции увлеклись другой идеей, не заметив при этом ряда неожиданных выпадов Таля.

Вот критическая позиция.

АРОНСОН ТАЛЬ

22. f4? ef 23. Фd2 Фb6+.

Этим неожиданным шахом Таль заставляет белого слона снять контроль с поля e1, что в дальнейшем будет иметь существенное значение. Инициатива уже в руках черных.

24. Cd4 Фg6 25. Ф : f4 Kph7 26. Ф : c7 Сb1!

Блестящий ход, изолирующий ладью противника!

27. Ce5 Ke6! 28. Фd6 Фf5 29. Cf4 Kg5.

Вполне возможно было 29. . . g5, но Таль, находясь в цейтноте, решил не ослаблять позиции короля.

30. Фb4 Ce4 31. С : e4 Л : e4 32. Лf1 Ле2 33. Фd6 Л : a2!

Конечно, не годилось 32. . . Kh3+? ввиду 33. Л : h3 Ф : h3 34. Фd3+.

34. Фd5 Фc2 35. c5 Лd8! 36. Cd6 Ле8.

Белые сдались, ибо угрозу 37. . . Le1 не предотвратить.

Таль одержал победу и в очередном туре. Позиционно Марк Тайманов переиграл своего молодого противника, но, не заметив тактического контрудара на королевском фланге, ленинградец потерпел поражение.

Следующим противником Таля был Давид Бронштейн. К этой партии мы очень тщательно готовились. Дело в том, что Бронштейн был одним из тех шахматистов, творчеством которого Таль всегда восхищался и которого вообще считал гением. Зная «коварный» нрав противника, Таль уже начало партии направил на рельсы солидной позиционной игры, лишив тем самым москвича возможности перехватить инициативу. Любопытно, что такую же цель поставил перед собой и Бронштейн. Рижанин переиграл опасного соперника в кристально чистом стиле.

Так как Таль, одержав победу над Бронштейном, выдержал впервые экзамен на гроссмейстерскую зрелость, мне хочется ее продемонстрировать читателям полностью.

ТАЛЬ БРОНШТЕЙН

После 15-го хода
белых

1. d4 c6 2. c4 Kf6 3. Kc3 d5 4. Kf3 g6 5. cd.

Наиболее сильное продолжение. После 5. . . cd черные лишаются пешки «с» и уже не могут ходом с6—с5 «оживить» своего чернопольного слона. Бронштейн, конечно, понимал, что белые добиваются лучшего положения, но при этом руководствовался психо-

логическими соображениями: игра упрощалась, и его противник лишался возможности завязать тактические осложнения, к которым он обычно стремился.

Итак, Бронштейн полагал, что возникшая позиция окажется Талю не по вкусу.

5. . . cd 6. Cf4 Kc6 7. e3 Cg7 8. Ce2 0—0 9. 0—0.

Заслуживало внимания 9. h3, сохраняя чернопольного слона.

9. . . Kh5 10. Ce5 f6 11. Cg3 K : g3 12. hg Ce6 13. Фb3! Ka5 14. Фb4 Cf7 15. Jlf7.

Этот профилактический ход необходим. Сейчас черные не могут играть 15. . . e5 ввиду 16. de fe 17. K : d5! C : d5 18. e4.

15. . . e6 16. e4! Лb8 17. Фа3 b5.

Над этим ходом гроссмейстер размышлял 40 минут.

18. b4 Kc4 19. Ф : a7.

Когда Таль забрал пешку a7, Бронштейн с удивлением покачал головой: если гроссмейстер после долгих раздумий предлагает жертву, он, очевидно, хорошо взвесил последствия.

19. . . Ce8 20. C : c4 Jlf7.

После окончания партии Таль сообщил, что в случае 20. . . Ла8 21. Фc5 Лс8 он собирался жертвовать ферзя ходом 22. Сb3!?, а на 21. . . Jlf7 продолжать 22. ed! Возможность жертвы ферзя Бронштейн в предварительных расчетах, по-видимому, не видел.

21. Фа3.

Таль мог облегченно вздохнуть — белый ферзь возвратился домой.

21. . . bc 22. ed ed 23. Фb2 g5!

Неожиданно появились новые угрозы: черные готовятся перейти в наступление на королевском фланге путем 24. . . g4 и f5—f4. Таль своим следующим ходом хладнокровно отражает эту угрозу.

24. Фd2! Л : b4.

Теперь указанный выше план не достигал цели, так как на 24. . . g4 25. Ke1 f5 белые ответили бы 26. Ke2.

25. K : d5 Лb8 26. Ke3 Лс8 27. Лac1 Jlf7 28. Лс3 Cg6 29. Лdс1 Cf7 30. d5 Cf8 31. a3 Cc5 32. Л : c4.

Начало технической стадии партии — реализации материального преимущества.

32. . . C : a3 33. Л : c7 Л : c7 34. Л : c7 Ф : c7 35. Фd4 Фc1+ 36. Kph2 Фb2 37. Фе4 Cf8 38. Kd4 h5 39. Kdc2 Фb7 40. Kd4 Фb2. 41. Ke6!

Записанный ход.

41. . . Ф : f2.

Если 41. . . Фе5, то 42. Фc4! или 41. . . Фb4 42. Фf3!

42. Kf5 h4 43. K : f8 hg+ 44. Kph3 Фg1 45. Kp : g3 Kp : f8 46. Фе7+.

Черные сдались.

Начало казалось многообещающим. Мне было вдвойне приятно, что обе партии уложились в регламент и отпала необходимость ночных анализов. Но после победы над Бронштейном кончилась моя «сладкая жизнь». Дело в том, что Таля поместили в гостинице «Ленинградская», а меня — в общежитии Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Шагая поздно ночью по слабо освещенному стадиону к месту ночлега, я не замечал, что лужи покрыты слишком тонким льдом. Они не выдерживали моего веса, и я принимал «ночные ванны»...

СЛОВО О ВОЛШЕБНИКЕ БРОНШТЕЙНЕ

И моим кумиром был Давид Бронштейн. Когда он разговаривает со своим собеседником, на его лице играет добродушная, чуть лукавая улыбка. Он принадлежит к тому типу людей, которые органически не терпят присваивать себе что-то «чужое» — он полностью поглощен своими собственными оригинальными идеями... Он ими охотно делится, неутомимо доказывает их жизнеспособность. Если противоречишь ему, начинает горячиться. Выдвигает все новые и новые аргументы с такой быстротой, что едва успеваешь следить за его речью.

В избитые, казалось бы, дебютные схемы он внес многие новые идеи, ошеломляя противников порою хитроумными замаскированными замыслами. Вот почему друзья называли его — «хитрый Дэвик»...

Во втором издании книги «Турнир гроссмейстеров» Давид Ионович пишет: «Профессиональные шахматисты наших дней в большинстве плывут по шахматным океанам не на бригантинах с алыми парусами, а на технически оснащенных лайнерах с локаторами и полуавтоматическим управлением».

И хотя 62-летний гроссмейстер их не осуждает, эти строки свидетельствуют о щемящем чувстве ностальгии по романтическим шахматам. Может быть, даже по «вечно зеленому» королевскому гамбиту?

В 14-м первенстве СССР, в 1945 году, Бронштейн завоевал бронзовую медаль, но не только спортивный успех ошеломил шахматный мир, восхитил в этом чемпионате его оригинальный и смелый творческий почерк. Так, против двух классных шахматистов — Владимира Алаторцева и Ильи Кана — он применил королевский гамбит. Помню ироническую улыбку его противников, когда он на 2-м ходу продвинул пешку «f» на два поля. Осмелиться применить такой дебют в чемпионате сильнейших шахматистов мира, не чудачество ли это? Или дерзкий вызов? Думается, Бронштейн и не видел скептических улыбок противников и остальных участников турнира. Он был в плену своих творческих замыслов, отрешен от остального мира. В обеих встречах Бронштейн праздновал победу.

Не скрою и того, что, встретившись с ним, я черными на 1. e4 ответил 1. . . e5, надеясь также увлечь его на рельсы королевского гамбита. Я очень радовался, что это мне удалось, так как мной было

припасено новое, неисследованное продолжение. Но, увы, против Бронштейна я был бессилён. Это одна из редких партий в моей практике, которая меня до сих пор пленяет своей изумительной красотой.

В матче с Ботвинником в 1951 году он лидировал накануне предпоследней партии, но проиграл ничейный эндшпиль. В итоге матч закончился вничью, и Ботвинник сохранил звание чемпиона мира.

По окончании матча мы вчетвером сидели в кафе: Бронштейн, Тайманов со своей супругой и автор этих строк.

— Да, Дэвик, обидно, что не выиграли матч, — неожиданно сказала супруга Тайманова.

Бронштейн смерил собеседницу чуть ироническим взглядом и после короткой паузы сказал:

— Хотите, я расскажу вам английскую притчу? В своём поместье богач выстроил шикарный особняк. Позвал соседа, но когда они зашли в ванную, сосед удивился: все здесь было выложено белым кафелем, а в углу стояла белая лошадь.

— Зачем это? — удивленно спрашивает сосед.

— А дело в том, — отвечает хозяин, — что у меня уже много лет происходят стычки с моим лондонским другом. Вот приглашу его осмотреть мой дом, и когда он задаст точно такой же вопрос, я ему отвечу: ну и что?..

В этой английской притче суть и философского жизненного кредо Бронштейна: ну и что? Разве все счастье в звании чемпиона мира?

Конечно, в глубине души он очень жалел, что так получилось. Ведь пульсирующее биение сердца синей птицы он уже чувствовал в своей ладони, и воплощение затаенной мечты было так близко...

Но стоило ли сокрушаться? Ведь каскады блистательных идей по-прежнему переполняли все его существо. И Давид Ионович с гордо поднятой головой продолжал радовать шахматный мир своими партиями. Не случайно в Испании вышел сборник его избранных партий под названием «Шахматный гений Давид Бронштейн». Увы, с годами его спортивные успехи постепенно пошли на убыль.

В беседе с зарубежными друзьями он в 1979 году сказал:

— В шахматах все только в выигрыше. Если человеку самое главное получить радость от самой игры, то ему не страшны и поражения.

Мне кажется, если в спортивной гонке гроссмейстером владеют подобные мысли, он в психологическом плане и волевом аспекте уже на старте теряет ценные доли секунд.

Томас Манн когда-то писал: «Учитывайте каждую потраченную минуту! Время — единственное, где скaredность похвальна».

Я случайно вспомнил это высказывание, когда в первом туре 24-го первенства СССР следил за партией Толуш — Бронштейн. Играя черными, москвич избрал голландскую защиту, но к своему 5-му ходу уже успел продумать 30 минут. На 6-й израсходовал 20, а на 7-й — целый час! Не удивительно, что финальную часть пар-

тин ему пришлось играть в блиц — на последние 20 ходов у него оставалось 5 минут! Не мудрено, что Бронштейн проиграл. Сделал ли гроссмейстер выводы, что свое время надо тратить более рационально? Открыв его книгу «200 открытых партий», изданную в 1970 году, я убедился, что нет.

Чтобы не быть голословным, приведу характерную выдержку из этой книги (на диаграмме в книге была помещена позиция, в которой оба противника продвинули на первом ходу на два поля вперед королевскую пешку — 1. e4 e5): «Позиция, которую вы видите на диаграмме, подобна чистому холсту, натянутому на мольберте. Если у вас есть талант, способности или, что не менее важно, желание, смело берите кисть, краски, установите необходимый свет и приступайте к творчеству.

Но с чего начать?

Не знаю, какие чувства испытывают в этот момент художники, но когда я должен начать игру с «чистой» шахматной позиции, меня не оставляет мысль, что сейчас, сегодня мне представляется неслыханно счастливая возможность сыграть самую красивую, самую боевую, самую глубокую шахматную партию за многие годы до моего рождения и после.

Да, но с чего начать?

Вот уже четвертый десяток лет регулярно прихожу я в Священный Зал Шахматного Творчества, благоговейно прикасаясь к Белой Королевской Пешке, с молитвой посылаю ее вперед на ратные подвиги.

И как только Король Вражеского Войска высылает навстречу своего Гонца, я неизменно, к вящему удовольствию зрителей, зевак, газетных корреспондентов и даже мастеров, кандидатов в гроссмейстеры и гроссмейстеров, погружаюсь в глубокое, как летаргический сон, раздумье.

И все по одной, уже известной читателю причине. Ну, конечно, мучит меня, не дает покоя, раздирает на части этот вечный дамоклов меч поколений шахматистов — с чего начать атаку?»

Читали ли вы когда-нибудь более возвышенные строки о шахматном творчестве? В этих строках — весь Бронштейн!

Неудачный старт в чемпионате не сумел сломить боевой дух гроссмейстера — перед последним туром он отстал от лидера — Таля, так же как и Керес с Толушем, всего на пол-очка.

БРОНШТЕЙН

АРОНСОН

Не знаю, считает ли Давид Ионович финал его партии с Ароном «самой красивой», «самой глубокой» — до или после его рождения, но бег загнипнотизированного белого короля напрямки в логово врага — уникальное явление в турнирах высокого ранга.

35. Kpf4 g5+ 36. Kpf5 Ld2 37. Kpf6 Л : g2 38. Kf5 Л : h2 39. Лg7+ Kph8 40. Kpf7!

Черные сдались: они не в состоянии отразить угрозу 41. Лg8+! Л : g8 42. Cd4+ Лg7 43. С : g7×. Прелестно!

Таким остался в моем представлении Александр Казимирович Толуш. В жизни Толуш был человеком веселого нрава, любил шутку, подчас язвительно высмеивал малодушие, растерянность своих коллег. Садясь за шахматную доску, он преображался, его лицо принимало выражение холодной решимости. Боролся всегда с открытым забралом, атаковал размашисто, остро, бесстрашно. Терпел поражения, но не падал духом, жаждал реванша, не боялся снова рисковать. Падал и поднимался. Бывали турниры, где в таблице результатов Толуша значились только победы и поражения — без единой ничьей.

Общезвестен диалог между Толушем и одним мастером. В острой атакующей позиции его противник предложил ничью.

— Но почему же ничья, у вас же опасная атака? — спросил Толуш.

— Не вижу решающих продолжений, боюсь просчитаться.

— Боишься? — вскипел Толуш. — Тогда тебе незачем играть в шахматы! Дома сиди! А ничьи мне не нужны. Хочешь, я сам покажу, как здесь можно быстро выиграть?

Приводя этот диалог, невольно вспоминаю эпизод из моей тренерской практики. Тбилиси. Очередной тур чемпионата СССР 1978 года. От исхода одной партии многое зависит. Выиграв или сыграв вничью, Таль сохранил все шансы на золотую медаль. В случае проигрыша его турнирное положение стало бы критическим. Дело в том, что Таль физически чувствовал себя неважно, был расстроен, что «игра не клеится», а, как известно, при таком психическом состоянии трудно найти в себе силы «отыграться», восстановить душевное равновесие.

Таль попался на теоретическую разработку в сицилианской защите, и с каждым ходом противник наращивал угрозы. Таль все больше думал над ответными ходами.

С мрачным видом следил я за ходом событий. Исход партии мне был ясен, «черт с ней», что поделаешь, это ведь шахматы! — успокаивал я себя, но на душе было кисло.

Вышел грустный из зала и зашел в пресс-бюро, ожидая, что с минуты на минуту разразятся аплодисменты — ведь противником Таля был любимец тбилисцев гроссмейстер Тамаз Георгадзе.

Видю, среди журналистов царит приподнятое настроение. Хотя тбилисцы любят Мишу за его остроумие, веселый нрав, но разве могут они скрыть свои чувства, когда их земляк вот-вот отпразднует победу? А какой сенсационный материал будет для сегодняшней газеты!

Один из журналистов не удержался от соблазна спросить меня елевым голосом:

— Саша, как оцениваешь положение?

— Ничего, — отвечаю я, стараясь говорить бодрым тоном. Положение у Миши хуже, но ведь это не в первый раз, он попадал в переpleты почище! И выкручивался.

Раздался гомерический хохот, но в этот момент забежал запыхавшийся демонстратор.

— Таль отказался от предложенной ничьей! Сам слышал, стоял рядом, — эту партию я демонстрирую.

Журналисты растерянно переглянулись, а я смерил ироническим взглядом того, кто сыпал мне соль на рану, и гордой походкой направился в зал. Торжество мое было, однако, кратковременным. Смотрю на демонстрационную доску и никак не могу понять — на каком основании Миша отказался от ничьей? Ведь его позиция по-прежнему безнадежна! Я ничего не понимаю. Отыскиваю в зале супругу Миши — Энгелину Николаевну. Она только что отнесла Мише кофе и, может быть, сумела за сценой обменяться с Мишей несколькими фразами?

— Да, — говорит она. — Это правда. Миша отказался от предложенной ничьей. Он мне сказал, что ему было неудобно принять ничью, так как он не видел ни одного приличного продолжения, которое позволяло бы спасти партию.

— Нашел время кокетничать, — буркнул я сердито и отправился быстро в тренерскую ложу. Но в душе я ликовал — меня восхищал поступок Михаила Талья!

Очевидно, отклонение Талем ничьей выбило противника из колеи. Георгадзе упустил ряд элементарных возможностей добиться победы. Потом он все-таки сумел перевести партию в ладейное окончание, которое ему также сулило выигрыш.

Обычно отложенные позиции мы всегда анализировали совместно, но, учитывая, что Таль плохо себя чувствовал, я самостоятельно приступил к анализу.

Диагноз позиции был неутешительным. У противника было два пути. Он мог остаться с двумя лишними пешками «h» и «f», реализация которых, правда, связана со значительными техническими трудностями. Второй план мне казался более перспективным. Ему я и уделил основное внимание. Крутил, вертел этот эндшпиль всю ночь напролет и только к утру нашел неожиданный ход, который мог принести спасение.

Утром зашел к Мише, показал свой анализ. Казалось, что Таль спасется. Но я принес с собой толстенный справочник по эндшпилю. Мы несколько часов подряд, чуть ли не до обеда, разыгрывали по книге эндшпили с двумя лишними пешками — «h» и «f». Но найти ясный путь, ведущий к ничьей, не смогли. Ведь в подобных концовках многое зависит от нюансов. Теоретику трудно четко рекомендовать план защиты.

К счастью, при доигрывании Георгадзе избрал второй план, но он, как признался после партии, в предварительном анализе просмотрел ход Ла5!

При доигрывании Таль добился ничьей. Пожав мне молча руку, он не удержался, чтобы с озорным огоньком в глазах сказать:

— Маэстро, зачем вы заставили меня столько часов изучать эндшпиль с этими заколдованными двумя пешками?

В Тбилиси Таль стал чемпионом СССР.

Но я несколько отвлекся. Продолжу свой рассказ о чемпионате страны. Из десяти одержанных Толушем побед в 24-м первенстве СССР хочу обратить ваше внимание на следующую встречу. В ней проявляется смелый нрав ленинградца. Разыграв партию, вы сумеете также понять, как психологически тонко Толуш направил течение борьбы в выгодное для себя русло.

Семен Фурман был одним из лучших знатоков дебютной теории, и не случайно его называли «ходячей дебютной энциклопедией». Он был учеником ленинградского мастера Ильи Рабиновича, шахматиста строго позиционного стиля, ставившего основной целью проведение ясного и спокойного стратегического плана.

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 c5 4. cd ed 5. e4 de 6. d5!

Я сопровождаю ход восклицательным знаком, учитывая его ценность в психологическом аспекте.

Толуш применил забытый гамбитный вариант, предложенный Маршаллом 50 лет назад. Цель выбора белых ясна — важно всезнающего теоретика ошеломить забытым вариантом и заставить его уже с первых ходов бороться, не опираясь на свои энциклопедические знания. Для шахматиста, «подкованного» в дебютной теории, это крайне неприятно — ведь он предпочитает плыть в хорошо изученном фарватере. К тому же — так спокойнее.

6. . . f5.

Тактика Толуша смела, но и обоюдоостра — черные все-таки сохранили лишнюю пешку в центре доски.

7. Cf4 Cd6 8. Cb5+ Kpf7 9. Kh3 Kf6 10. Cc4 a6 11. a4 Le8 12. Фd2 Фе7 13. a5.

Неточность. Следовало закончить развитие посредством 13. 0—0 и начать подрывать пешками королевский фланг черных.

13. . . Kbd7 14. Kg5+ Kpg6?

Правильно было 14. . . Kpg8, но черные боялись потерять качество после 15. Ке6, просмотрев, однако, что после этого хода можно было перехватить инициативу посредством 15. . . b5! 16. Кс7 Сб7! 17. К : е8 Л : е8 18. Са2 с4 с последующим Кс5. Любопытно, как мне удалось выяснить после партии, что оба соперника не видели хода 16. . . Сб7!

После допущенной ошибки Толуш в свойственном ему остроатакующем стиле быстро добивается победы:

15. Ке6 h6 16. g4! fg 17. 0—0—0 Ке5 18. С : е5 С : е5 19. К : е4 К : е4 20. Фс2 Фf6 21. Лhe1! С : b2+ 22. Kpb1 С : e6 23. de Cd4 24. Л : e4 Kpg5 25. Л : g4+ Кр : g4 26. Фе4+. Черные сдались.

Я неоднократно встречался с Александром Казимировичем и на турнирах, где он зачастую выступал и в роли журналиста. Толуш был также талантливым радиокомментатором.

Каждая встреча с ленинградцем оставляла у меня неизгладим-

ТОЛУШ ФУРМАН

После 6-го хода белых

мое впечатление. Он заражал собеседника своим оптимизмом, жизнерадостностью, своеобразным философским взглядом на жизнь — Толуш не слишком близко принимал к сердцу невзгоды и считал, что смех — лучшее лекарство. Даже если это был смех сквозь слезы.

В конце 60-х годов наши пути разошлись. С грустью читал я следующие строки, написанные мастером Каном в середине 1969 года: «Последний раз я видел Александра Казимировича летом прошлого года в Москве на Гоголевском бульваре, возле Центрального шахматного клуба. Толуш поседел, после болезни чувствовал себя плохо.

Он приехал по делам, что-то у него не клеилось. Чувство горечи осталось у меня от этой встречи. И я подумал, что люди, отдавшие всю жизнь шахматам, имеют право на внимание и заботу не только в дни, когда гремят фанфары в честь их побед, но и тогда, когда наступает время творческой усталости, время отдыха от многочисленных шахматных баталий»...

«Таль перестал пугать своими победами...» — писала «Комсомольская правда», когда Таль в 6-м туре проиграл Рашиду Нежметдинову. А когда в 9-м туре лидерство захватил Толуш, гроссмейстер Флор писал, что теперь «все стало на свои места», и гроссмейстеры больше не позволяют этому молодому «нарушителю спокойствия» вставать на их путь. Когда Таль к тому же проиграл в 12-м туре и гроссмейстеру Исааку Болеславскому, казалось, что прогноз Флора сбывается.

Да, Таль на протяжении нескольких туров переживал своеобразный кризис. Но любопытно одно обстоятельство — поражение от Нежметдинова отнюдь не оказало на молодого шахматиста удручающего воздействия. Во-первых, Нежметдинов играл превосходно, а во-вторых, эта партия позволила Талю сделать далеко идущие выводы, значительно повлиявшие на его творческое кредо.

НЕЖМЕТДИНОВ ТАЛЬ

В этой позиции Таль сделал ход, который вел к большим осложнениям.

13. ...Кс : е5 14. К : е5 К : е5 15. Фd4 f6 16. f4 Кс6 17. Фе3 Лd8 18. Лad1 е5 19. fe fe.

Таль осуществил свой стратегический замысел — создал подвижный пешечный центр и надеялся привести его в движение, что обычно обеспечивает перевес в пространстве. Но дальнейший ход борьбы показывает, что этот план не приносит черным особых выгод.

20. Сb5! Сb7.

Оказывается, после запланированного черными 20. . .d4 (дальнотбойного слона надо выключить из игры!) белые получали атаку посредством 21. Сс4+ Кph8 22. Фg5!

21. Фg3! Лd7 22. Лf2!

Начало контрплана, опровергающего план черных. Теперь вновь не проходит агрессивное движение пешки «d». Например, 22. . . d4 23. Сс4+ Крh8 24. Лd1! с давлением по линии «f».

22. . . Ле8 23. h3 Ca8 24. Ca4 Cb7 25. Kph1 Ca8 26. Лf5 (белые переходят в решительное наступление) 26. . . e4.

От угрозы 27. Ca4 : c6 и Лf5 : e5 спасения не было.

27. Ф : c7 Л : c7 28. Лf : d5, и через несколько ходов Таль сдался.

Партия с Нежметдиновым больше чем какая-либо другая убедила Талья в относительной ценности шахматных принципов.

Почему план черных, связанный с образованием сильного центра, оказался неудачным? Таль так сформулировал причину своего поражения:

— Оценка позиции — это те же весы. Одна из самых тяжелых гирь — подвижный пешечный центр — оказалась в данном случае легче, чем открытая вертикаль «f» и взаимодействие двух белых слонов и ферзя.

Своеобразная теория относительности послужила в дальнейшем Талю компасом в решении сложнейших творческих проблем. Кто мог предвидеть, что Таль будет в дальнейшем позволять своим могучим соперникам добиваться реальных позиционных преимуществ, но в то же время, не забывая о своих «гириях», всегда получать что-то взамен?

В партии с Нежметдиновым «гирия» Талья недотянула. Что ж, бывает и так. И это, собственно говоря, хорошо — шахматы лишились бы своей неувядающей прелести, если бы все можно было с математической точностью рассчитать.

На следующий день я, признаться, испытывал некоторое беспокойство: как отразится проигрыш на настроении Миши? Но утром мои опасения рассеялись, когда я увидел своего подопечного бодрым и жизнерадостным — ведь проигрыш был заслуженным!

Определив, как играть с Антошиным, мы пошли прогуляться.

«Как медленно тянется время, — нервничал Миша, — скорее бы начать партию!»

В этой встрече игра Талья была весьма динамичной. Все, казалось, шло хорошо, но затем он упустил возможность заматовать короля противника. На первых порах это всем казалось непостижимым — Таль не заметил форсированного варианта, ведущего к мату!

В этой позиции Таль сыграл 31. h4?, и партия закончилась вничью. Миша был расстроен, когда после партии рассмотрел позицию внимательнее.

Дело в том, что он правильно рассчитал весь вариант лишь до определенного момента, а именно: 31. Фf5+ g6 32. Фd7 gh 33. Kg5+ Kpg6 34. Фе6+ Кр : g5 35. g3, и черные должны сдаться, так как после 35. . . h4 36. f4+ Крh5 37. Фf5+ Лg5 следует 38. g4×!

ТАЛЬ АНТОШИН

— Мне показалось, что матующий ход пешкой невозможен, — объяснил Таль, — что она находится не на g3, а на g2, и если 38. g4+, то черная пешка «h» бьет на проходе 38. .hg.

Кстати, типичная «глазная» ошибка, характерная и для крупнейших шахматистов всех времен. При расчете сложной комбинации перед мысленным взором зафиксирована исходная позиция, и гротмейстер иногда не замечает, что в положении что-то изменилось.

На сей раз Таль был удручен: всегда обидно, если элементарным упущением нарушается красота творческого замысла.

Думаю, что после стартового подъема у Таля наступила реакция и сказалась усталость. Так, на пятом часу игры мне неизменно приходилось давать Талю таблетку кофенна (подавать шахматистам во время игры кофе тогда не практиковалось). Таблетка, кстати, вызвала подозрение, что я даю подопечному стимулятор.

Но усталость и подавленное настроение исчезли, как только Таль одержал победы над Петросяном и Клананом. Встречаясь в 16-м туре с лидером турнира Паулем Кересом, он одержал новую победу, выиграв партию в тонком позиционном стиле.

Наступило двоевластие — во главе турнирной таблицы оказались Бронштейн и Таль, а вскоре к ним примкнул и неутомимый Толуш, игравший с величайшим подъемом.

Итак, перед последним туром в чемпионате возник триумvirат. «Изюминка» финиша соревнования заключалась во встрече Таля с Толушем. Это обстоятельство вызвало повышенный интерес среди любителей шахмат: всех волновал вопрос — кто же будет чемпионом страны?

— Хорошо, что я играю с Толушем, — говорил мне Таль, когда мы направились на тур, — он настоящий боец и не будет уклоняться от острой борьбы.

У подъезда Дома культуры железнодорожников толпилось много народу. Нам с трудом удалось протиснуться в здание.

— Это к счастью! — рассмеялся Таль, заметив, что на его пальто оборваны пуговицы.

Могу теперь признаться, я был слишком взволнован, чтобы спокойно, сидя в зале, следить пять часов подряд за поединком Таль — Толуш. С годами, правда, я адаптировался, но последний тур того чемпионата был для меня первым и труднейшим испытанием. Уже слишком крупной была ставка в той партии!

Кстати, журналисты не раз подтрунивали над моим волнением, когда я следил за игрой Миши. Но я считаю, что тренер не должен стыдиться своих переживаний, того, что он не раз «умирает» от волнения в течение партии своего подопечного. Плох тот тренер, который не в состоянии болеть горячо и искренне и который не поседает от этих переживаний... Это во время игры. А потом? Когда начинается подготовка к новой партии или обсуждение тактики ведения предстоящего боя, тренер должен быть прежде всего объективным,

сохранять трезвый взгляд, рассудительность — только тогда он будет в состоянии дать правильный совет, внушить подопечному веру в свои силы, создать благоприятный психологический климат.

Теперь читателю понятно, почему я решил следить за этой партией из пресс-бюро, куда передавались ходы встречи. Здесь, как обычно, шел анализ, можно было поспорить; в общем гомоне голосов было как-то легче взять себя в руки.

Кризис этой партии наступил после 29-го хода черных.

Здесь Таль сыграл: 30. e5!!

Ход, подобный взрыву динамита. Позиция черных сразу рушится. В атаку молниеносно включается сначала слон, затем конь, что быстро решает исход встречи.

30. . . Л : e5.

На 30. . . fg Таль наметил 31. С : g6 hg 32. Фh8+ Крf7 33. Лh7+!

31. С : g6 Лb7 32. Ке4!!

Новый блестящий удар!

32. . . fg 33. Лf1 Л : e4.

Чтобы парировать угрозу Ке4—f6+, черные вынуждены расстаться с качеством. Последовала короткая агония.

34. С : e4 Лg7 35. Лf6 С : g4 36. Лhf1 Кd7 37. Л : d6 Фе7 38. Л : a6 Кph8 39. С : h7! Кb8 40. Cf5+ Кpg8 41. Се6+! С : e6 42. Л : e6. Черные сдались.

Когда Бронштейн с Холмовым заключили мир, зрители устроили Талю бурную овацию.

Я сидел тогда не в зале и не имел ни малейшего представления о том, как себя вели во время партии Таль и Толуш. Но, прочитав спустя 25 лет воспоминания Таля «Когда оживают фигуры», я как бы своими глазами увидел все. Вот что написал Миша:

«Помню, как мы сели за шахматный столик. На край стола легла пачка «Казбека». Этому сорту Александр Казимирович не изменял. Я сделал ход, Толуш поправил галстук, не спеша записал на бланке ответный ход... Подчеркнуто спокойно передвинул фигуру... Александр Казимирович никогда не любил кропотливой защиты, но в этой решающей встрече, словно нарочно, сложилась позиция, где ему пришлось держать оборону. Моя же атака развивалась как бы сама собой... В какой-то момент я почувствовал, что соперник на исходе этой встречи в душе поставил крест. Нет, внешне его настроение не изменилось. Толуш невозмутимо сидел за доской. Может, чуть чаще, чем обычно, открывал коробку «Казбека». Не помню случая, чтобы он оторвал взгляд от шахмат и испытующе посмотрел на партнера, чем, кстати, до сих пор грешу я, да и другие гроссмейстеры... С таким же олимпийским спокойствием Александр Казимирович остановил часы и поздравил меня со званием чемпиона.

Для меня наступил звездный час — кроме победы в турнире, я выполнил норму гроссмейстера. Пообещав наседающим корреспондентам ответить через десять минут хоть на сто тысяч вопросов,

ТАЛЬ ТОЛУШ

помчался звонить в Ригу. «Папа, мама, я выиграл!» Торопливо рассказываю подробности. И вдруг слышу голос отца:

— А как Толуш, он очень расстроен?

А я и не думал об этом. Только через час, когда завершился разговор с журналистами, я увидел его, и то мельком: Толуш медленно шел к выходу и словно о чем-то раздумывал. Поражение безжалостно отбросило его на пятое место. Титаническое усилие, совершенное в споре с судьбой, пошло прахом. И сорокашестилетний ветеран понимал, что повторить такой взлет ему уже не удастся.

Не правда ли, жестокая штука, эта добрая игра в шахматы?»

На следующее утро гостиничный номер чемпиона страны был заполнен журналистами, фоторепортерами, друзьями. Шутка ли, молодой шахматист из Риги, начав турнир в доспехах мастера, стал за одну ночь знаменитым на весь мир!

На столе, на подоконниках, на креслах — цветы. Бесперывно звонит телефон, дежурная по этажу гостиницы приносит телеграммы — из разных городов страны, из-за рубежа.

Таль был взволнован. Увидев меня, он подошел и показал телеграмму. Это было приветствие от Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии.

ШАХМАТЫ—ИГРА ТЫСЯЧИ ЧУДЕС И ТЫСЯЧИ МУК

В январе 1958 года в Риге собрались участники 25-го первенства СССР. Это соревнование должно было также выявить четырех представителей Советского Союза в межзональном турнире.

До начала чемпионата честолюбивый Марк Тайманов заявил, что он «съест свою шляпу», если Таль вновь станет чемпионом страны.

После девяти туров казалось, что шляпа гроссмейстера останется невредимой: Таль набрал всего $4\frac{1}{2}$ очка, проиграв при этом три партии. Об одной, против Анатолия Банника, мне хочется рассказать.

Мы решили избрать французскую защиту, так как Миша ее никогда не применял. Мы были уверены, что выбор окажется для противника, крепкого, но чуть шаблонно мыслящего шахматиста, в известной степени сюрпризом.

Перед обедом я оставил Мишу и отправился домой. Договорились через два часа встретиться на турнире.

Началась игра, и до 30-го хода казалось все протекает нормально. В зале рядом со мной сидел Ефим Столяр — он был секундантом одного участника турнира. Неожиданно Столяр толкнул меня в бок и, наклонившись ко мне, шепнул:

— Смотри, твой что-то качается, как лунатик, вот-вот клонет носом на шахматную доску.

Мне поведение Талья к концу этой встречи тоже показалось странным. А на 36-м ходу, он, к моему ужасу, сделал явно ошибоч-

ный ход, продвинув крайнюю пешку ферзевого фланга. Партия была отложена в проигрышном для Миши положении.

На следующий день выяснилось вот что. После перенесенного гриппа сестра из поликлиники ежедневно приходила делать Мише уколы витамина «С». Однако по ошибке она впрыснула ему в этот день нимбутал — чудесно действующее снотворное, и к концу партии Мишу неумолимо стало клонить ко сну.

Назавтра мне позвонил ответственный работник Спорткомитета:

— Как вы, будучи столь опытным тренером, могли разрешить Талю применить французскую защиту? Товарищ Кобленц, мы от вас этого не ожидали!

Мне нечего было ответить. Мы, тренеры, свыклись с общим мнением: выигрывает участник, проигрывает тренер.

После 9-го тура поздним вечером проводил Мишу домой. Всю дорогу мы шли молча, каждый был занят своими мыслями. Я, конечно, виду не показывал, что очень расстроен, но, когда попрощались у его подъезда, Миша вдруг бодрым голосом сказал:

— Ну что, maestro, — начинаем финишировать, восемь из девяти — и все будет в ажуре.

Я сумел только выжать слабую улыбку.

На следующий день Таль встретился с гроссмейстером Александром Котовым. Применяв староиндийскую защиту, он должен был примириться с чуть худшей позицией. Но выбор именно этой защиты был преднамеренным — важно было завлечь старшего по возрасту противника на очень сложную игру. Кроме того, именно эта защита таит в себе большие динамические возможности.

Психологический расчет подтвердился. На пятом часу москвич не выдержал напряжения боя, устал от неустанных уколов Талья, был вынужден отдать качество и капитулировал.

Затем рижанин после восьмичасовой борьбы победил Тайманова.

В каждом сильном турнире наступает решающий момент, когда от исхода одной партии зависит многое — либо шахматист в случае победы продолжает борьбу с колоссальным подъемом, неудержимо продвигаясь вперед, либо в случае поражения идет ко дну.

Такой встречей оказалась партия Таль — Геллер. Играя белыми, рижанин старался любой ценой завладеть инициативой. Он пожертвовал качество, а затем целую ладью.

Вот как этот критический момент комментировал Болеславский на страницах рижского бюллетеня:

«Когда Таль сделал свой 21-й ход, зал загудел, как потревоженный улей, — рижский гроссмейстер оставил под ударом свою последнюю ладью. Однако взять ее было слишком рискованно, атака белых в этом случае становилась неотразимой. Но Геллер оказался на высоте положения — он ответил сильным ударом ладьи, создавая угрозу неприятельскому ферзю».

В пресс-бюро, разбирая эту партию, поговаривали: «Посеешь ветер, пожнешь бурю». Но ходы участников попадали к комментаторам с задержкой. А в зале уже гремели аплодисменты.

Что же произошло?

25. С : f6.

Когда Таль сделал свой 25-й ход, одесский гроссмейстер находился у судейского столика. Увидев ход Талья на демонстрационной доске, он сказал:

— Если я побью на f6 ферзем, партия закончится вничью, но мне надо выиграть!

Направившись к доске, он энергичным жестом, не задумавшись взял слона пешкой: 25. . . gf?

Комментируя положение у судейского столика, Геллер был прав: после 25. . . Ф : f6 26. Ф : f6 gf 27. d7 проходная пешка белых уравняла шансы.

Таль сыграл 26. Ле7, и тут только Геллер заметил, что не проходит 26. . . Ф : e7 из-за промежуточного шаха — 27. Фg4+.

Ошеломленный случившимся, Геллер сделал по инерции еще несколько ходов и сдался на 33-м ходу.

Подписав бланк о капитуляции, Геллер как-то с трудом поднялся со стула и, слегка пошатываясь, оставил сцену. В такие моменты шахматист видит мир как в тумане, его угнетает мысль о поражении, о крушении надежд. Именно это поражение лишило Геллера всех шансов на участие в межзональном турнире первенства мира.

Чем объяснить промах Геллера? Я пришел к твердому убеждению: каждая ошибка выдающегося шахматиста в значительной степени закономерна. Но самое любопытное, что очень часто первопричина чисто шахматной ошибки — ошибочная психологическая настроенность, своеобразный волюнтаризм, базирующийся на субъективном вкусе вопреки логике.

Может быть, и во встрече с Талем, которая шла под девизом — все или ничего! — у Геллера были больше обычного напряжены нервы, сильнее сказалась усталость или тревожило приближение цейтнота... Все возможно, но, на мой взгляд, основной причиной его импульсивного ошибочного хода явился эмоциональный всплеск, вызванный 12-м ходом Талья. Этот ход казался Геллеру авантюрным: «Я считал себя обязанным «наказать» соперника. «Неправильная» игра белых на 12-м ходу требует отпущения! И, не раздумывая, я сделал второй возможный в позиции ход. Он действительно оказался «выигрывающим», но, увы, для Талья» (Е. Геллер).

Откровенная исповедь Геллера навела меня на мысль о том, не горели ли маститые гроссмейстеры желанием, играя с Талем в период его первых успехов, «наказать» любой ценой этого смельчака за дерзкие рейды? Но чувство «мести» оборачивалось для многих бумерангом: видимо, гроссмейстеры сбивались с объективной оценки своей позиции и недооценивали тактических ресурсов изворотливого рижанина.

Что касается шахматной карьеры Ефима Петровича Геллера, то его срывы в соревнованиях высочайшего ранга для многих являются необъяснимым феноменом. С одной стороны, его игру всегда

отличали глубина, высокое тактическое мастерство, комбинационный блеск. Не случайно многие партии гроссмейстера были отмечены призами за их стратегическую цельность, комбинационную красоту. Однако на фоне крупных спортивных достижений контрастно выделялись его обидные промахи. Своеобразная трагедия Геллера состоит именно в том, что не всегда его творческие порывы и устремления уживались с рациональной турнирной тактикой. Вот что по этому поводу писал сам Геллер: «Главная опасность — во мне, — признался Геллер. — За доской я стремлюсь к тому, чтобы цена хода была предельно высока. Поэтому смотрю массу вариантов, на это уходит время, силы. А выбрать трудно. Вовремя остановить себя тоже трудно. Не хватает мне умения остановиться на золотой середине, которую так хорошо чувствуют Ботвинник, Фишер, Таль».

Борьба за лидерство в чемпионате СССР настолько накалилась, что даже журналисты, гроссмейстеры и мастера стали в эти дни неузнаваемыми. Казалось бы, зачем волноваться Владасу Микенасу? Его подопечный Пауль Керес в турнире не играет, и уж ему-то, Микенасу, как заведующему пресс-бюро, надо бы сохранять спокойствие. Но нет, во время бурной встречи Таль — Геллер он после каждого хода в сердцах повторял: «Это ж можно с ума сойти, это ж можно с ума сойти!»

Даже внешне спокойный Борис Спасский начал играть рискованно. В двух партиях с Алексеем Суэтиным и Исааком Болеславским он не удержался и предложил некорректную жертву фигуры. Хорошо, что противники ему поверили на слово, и он в партиях с ними набрал $1\frac{1}{2}$ очка. Да, азарт борьбы настолько захлестывал участников, что Давид Бронштейн в столь ответственном турнире отважился пожертвовать Бухути Гургенидзе три пешки только за то, чтобы получить надежду перехватить инициативу...

В ПЛЕНУ СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

«Так нельзя!» — воскликнет шахматист, мало-мальски знакомый с элементарными правилами игры... Это случилось в партии Котов — Спасский, но перед тем как подробнее описать этот драматический поединок, хочу рассказать об Александре Александровиче Котове, с которым мне пришлось встречаться на разных этапах моей жизни.

В Александре Котове привлекали колоссальная работоспособность, сильнейшая воля в достижении намеченной цели, неукротимая энергия. Но, как у каждого человека, у него были свои слабости, не нарушившие, однако, цельности его характера, его личности.

Передо мной его книга «Мастерство». На титульном листе надпись:

«Саше Кобленцу — моему соавтору многих книг, но, к сожалению, не этой».

Да, мы вместе написали несколько книг по вопросам стратегии и тактики, которые вышли несколькими изданиями на немецком

и французском языках. А первое издание его учебника о тактике я перевел на немецкий. Хотя в совместной работе наши точки зрения полностью совпадали, по поводу «Тактики» у нас возникли разногласия. Котов находился в Москве, а я в Риге — спор велся по телефону, длился порой по часу и заканчивался хрипотой обоих.

Дело в том, что по договору каждый автор должен был сдать 400 страниц рукописи. Александр Александрович прислал мне 300 страниц русского текста. Когда я запросил недостающие страницы, гроссмейстер мне ответил, что, учитывая специфику немецкого языка, объем рукописи увеличивается за счет перевода. Долго упорствовал мой соавтор. Его не пробьешь, — подумал я и решил уладить спор с помощью юмора. Звоню в Москву и говорю:

— Знаешь, Саша? Я тебе расскажу старую притчу. Когда-то один неудачник купил яйца по десять копеек за штуку, варил их и стал продавать за те же десять.

— Какая тебе выгода? — спрашивали его.

— Как, — отвечает «торговец», — во-первых, я при деле, а во-вторых, навар-то остается мне!

Боюсь, Сашенька, что от твоих 300 страниц у меня даже «навар» не останется.

Александр Александрович, любивший, кстати, народный юмор и сам большой остролов, рассмеялся, и лед тронулся. Через несколько недель я получил недостающие страницы.

Однажды я гостил у гроссмейстера дома, и Александр Александрович мне устроил сюрприз: сыграл первую часть Лунной сонаты Бетховена!

— Знаю, что я не Гилельс, — сказал Котов, закрывая крышку пианино и смущенно улыбаясь. — Поверишь, год назад не отличал «до» от «си».

Чем только не приходилось заниматься за сорок лет сознательного труда Александру Александровичу! Работал ведущим конструктором, инженером-механиком на оборонном предприятии (его деятельность была отмечена орденом Ленина), был аспирантом крупнейшего в стране вуза — МВТУ им. Н. Э. Баумана — по кафедре сопротивления материалов, в ранге гроссмейстера сражался во многих международных шахматных турнирах на высшем уровне, написал более полутора десятка шахматных книг, а также роман, много рассказов, несколько сценариев документальных фильмов, несколько пьес...

«Стоило ли так разбрасываться? — писал А. Котов в предисловии к книге «Мастерство». — Задумываешься, начнешь себя разбирать по косточкам, да потом и решишь: разве это от тебя зависит, от одной твоей воли?»

В этом откровении весь Александр Котов! Да, по-видимому, этот человек иначе жить не мог. Его неумная жажда творчества буквально стремилась наружу, чтобы найти применение в разных областях деятельности.

На память приходит 1956 год. В Москве, в театре Советской Армии, проходила XII Олимпиада ФИДЕ. В ту пору Александр

Александрович начал интенсивно изучать английский язык. Он хорошо понимал, что в зрелом возрасте изучение иностранных языков дается не так легко. Но Котов не был бы самим собой, если бы остановился на полпути. Через несколько лет не без гордости Котов рассказал, что в далекой Австралии прочел лекцию на английском языке!

Помню, олимпийцы разместились на широкой эстраде театра. Демонстрировались только важнейшие партии. Я был тогда специальным корреспондентом латышской газеты «Спортс», и меня такая скудная информация не удовлетворяла.

Так как журналистам вход на сцену был запрещен, я решил предложить главному арбитру, гроссмейстеру Игорю Бондаревскому, свои услуги в качестве бесплатного переводчика с немецкого, английского и испанского языков. Мое предложение было принято, и я получил право находиться на сцене.

Во время одного тура я был свидетелем следующей сценки: к Котову подошел один английский шахматист и что-то спросил. Вижу, что Котов, однако, его не понимает. Англичанин же все настойчивее повторяет свой вопрос, переминаясь с ноги на ногу. Котов мог бы его направить ко мне как к переводчику. Но не таким был по натуре гроссмейстер! Зачем обращаться за помощью? Самому надо решать любую задачу! Но в данном случае проблема оказалась неразрешимой, и Котов подозвал меня. Я перевел и сказал английскому шахматисту, куда ему нужно идти. Получив адрес, англичанин, несказанно обрадовавшись, стремительно вышел со сцены. Узнав смысл вопроса англичанина, Котов начал на все лады ругать англичан и американцев за разноречивой в их произношении.

Александр Александрович щедро делился своими знаниями, своим опытом. Уже в 1939 году на страницах журнала «Шахматы в СССР» он в статье «О совершенствовании шахматиста» критиковал своих коллег за то, что они мало заботятся о передаче своего опыта молодежи. За свою принципиальность и прямоту, за острую критику недостатков в нашем шахматном движении Котов нажил себе недоброжелателей, но это его мало смущало. Все, о чем говорил и писал в свое время Котов, живо и актуально в наше время.

«Каждый человек, стремящийся к намеченной цели или желающий достичь определенного уровня мастерства в какой-либо области,— писал гроссмейстер,— обязан составить сам себе план своей жизни и твердо следовать этому плану. Не исключено, что помогло мне прийти к такому решению занятие шахматами, стратегия которых считает план основной линией любого сражения».

В другом месте Котов цитирует своего кумира Александра Алекина: «Шахматист обязан познать всю глубину собственных недостатков и ошибок...»

Вернемся к партии Котов — Спасский.

Сначала Спасскому удалось смелой жертвой коня перехватить инициативу, но Котов получил контригру на королевском фланге.

В дальнейшем Спасский, а за ним и Котов допустили ряд неточностей. На 25-м ходу Спасский сыграл далеко не лучшим образом, и после 26-го хода черных на доске создалась следующая острая позиция:

КОТОВ СПАССКИЙ

27. Лh6! К : c2+.

Легко себе представить волнение Котова, если в этой позиции он молниеносно сделал рокировку — 28. 0—0—0! Любопытно, что и Спасский в волнении не обратил внимание на шах и собирался записать ход противника.

— Александр Александрович, так нельзя, — деликатно произнес судья турнира Дмитрий Осипович Ровнер. — Ведь ваш король под шахом.

Указывать гроссмейстеру, что надо играть по правилам, никому еще не приходилось...

Котов смутился и немедленно поставил короля и ладью на свои исходные позиции и сделал вынужденный ход королем. Но по странному стечению обстоятельств этот ход тоже вел к поражению его соперника.

После 28. Kpf1 Kd4 29. Ф : g6+! Kpg8 30. Фh7+ Kpf7 31. К : d6+ Ф : d6 черные через несколько ходов сдались.

За финальной частью этой партии в предпоследнем туре (Спасский тогда делил второе-третье места с Талем, вслед за Петросяном) внимательно, не скрывая своего волнения, следил Александр Толуш. Его можно было понять. Сам он в этом турнире играл неудачно, но как тренер Спасского поставил целью вывести подопечного в заветную четверку. Хотя это поражение еще не лишало Спасского шансов, опытный тренер знал, что поражение на финише может иметь крайне нежелательные последствия в психологическом отношении.

Когда Толуш вместе с удрученным Спасским направились к выходу, тренер не выдержал:

— Я ему покажу завтра! Я завтра из этого кота суп сварю!

Именно в последнем туре должны были встретиться оба ветерана. Но «суп» сварить Толушу не удалось.

«ГРОЗА ГРОССМЕЙСТЕРОВ»

Сенсацию в первой половине турнира вызвал самый молодой участник турнира, двадцатилетний Айвар Гипслис. Он свел свои партии вничью с такими асами, как Авербах, Полугаевский, Геллер, Спасский, выиграл у Бронштейна и Толуша. Не случайно его прозвали «грозой гроссмейстеров».

Казалось, Гипслис будет претендовать на одну из путевок в межзональный турнир. Но в 12-м туре его постигла неудача с мастером Суэтиным, у которого в таблице красовались четыре нуля. Айвар добился абсолютно выигрышной позиции.

До контрольного 40-го хода у Гипслиса было 10 минут. В зале стоял несмолкаемый гул — рижане уже предвкушали победу Айвара и не могли скрыть свою радость. Все видели, что после 40...Фс3 и 41...Лс8 Суэтину придется сложить оружие. Но, к ужасу присутствующих, Гипслис сыграл не задумываясь, молниеносно 40...Ле4?!, и после элементарного ответа 41. Сh6 король черных оказался в матовой сети.

СУЭТИН ГИПСЛИС

турниров, добивается права играть в межзональном турнире на первенство мира. Он неоднократно участвует в финалах первенства СССР. Общеизвестен высокий уровень его игры на чемпионатах Латвии, и они лишний раз подтверждают класс рижского шахматиста — А. Гипслис девятикратный чемпион республики.

Но постепенно в его шахматной карьере появляются признаки самоуспокоенности. Гипслис явно начинает довольствоваться меньшим. Он даже отказывается от права участвовать в первом этапе на пути к финалу первенства СССР.

Мне думается, основная причина этой метаморфозы кроется в том, что на фоне яркого комбинационного таланта Михаила Талья, его феноменальных побед, успехи Гипслиса как-то оставались в тени. По-видимому, Гипслиса угнетала мысль, что до высот Талья ему все равно не дотянуться: «Пусть уж Миша борется за обладание шахматной короной, а мне, по-видимому, судьбой предначертаны другие пути...»

Другая причина отказа Гипслиса от честолюбивых замыслов, на мой взгляд, состояла в том, что в сознании общественности, прессы и, может быть, самого Гипслиса укрепились мнение, что рижанин все берет типичной для латышского народа чертой — неимоверным трудолюбием, а не врожденным талантом. А это был, по моему твердому убеждению, ошибочный взгляд.

Общеизвестно — без подлинного таланта гроссмейстером никогда не стать! Критика и спортивная общественность просто не сумела по достоинству оценить тонкий позиционный стиль Гипслиса, его глубокую дебютную эрудицию, его филигранную эндшпильную технику.

Но сетовать на свою судьбу Гипслису не приходится. Он сегодня один из ведущих теоретиков. Его теоретические статьи по проблемам дебюта изучают все шахматисты мира. Много сил и энергии он отдает редактированию популярного шахматного журнала «Шахс» («Шахматы»), успешно защищает честь республики на Спартакиадах народов СССР, по-прежнему бывает призером международных турниров. К столь широкой деятельности следует отнести и его тренерскую работу. Айвар Гипслис много лет успешно работал с чемпионкой мира Ноной Гаприндашвили. И по сей день заслуженный тренер СССР А. Гипслис вносит свою лепту в блестящие победы нашей сборной команды на женских Олимпиадах ФИДЕ.

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...

Это было в Москве, весной 1982 года. Мы сидели в просторном и светлом кабинете Петросяна, у него дома на Кутузовском проспекте. Я приехал, чтобы взять у Тиграна Вартановича интервью для рижской вечерней газеты — «Ригас балс».

В комнате образцовый порядок. Вдоль стен высокие книжные шкафы с книгами: монографии по философии, художественная литература, в том числе армянская классика и, конечно, книги по

шахматам. Тигран Вартанович снимает с книжной полки три увесистых тома.

— Полное собрание Вильгельма Стейница. Играл колоссально, — добавляет хозяин восторженным голосом.

Я его хорошо понимаю. Ведь как-никак Стейниц основоположник позиционной игры. Стейниц, первый чемпион мира, исходил из того принципа, что всякий план должен иметь основание, что сам план мастера всегда должен основываться на оценке. Оценить — это значит критически и объективно взвесить. А разве творческое кредо Петросяна не зиждется в основном на принципах теории Стейница? Разве основная сила игры Петросяна не в глубоком понимании и тончайшей оценке позиции?

— Тигран, ты не обидишься, если я в интервью с тобой приведу дружескую эпиграмму Евгения Ильина, в которой он намекает, что ты не являешься «принципиальным» противником ничьих и часто бываешь в своих партиях не прочь пристать к спокойной ничейной гавани?

— Ну, что ты. Мне ли по этому поводу обижаться? Я привык к этим уколам, к этим, так сказать, советам критиков играть смелее, рискованнее, поострее атаковать. Но все это очень не просто.

Гроссмейстер на мгновение задумался.

— Знаешь, Саша, я уже когда-то говорил: если верно, что стиль — это человек, то каждый играет так, как ему заложено природой. Мне по натуре свойственна осмотрительность. Я не любитель делать ходы на авось, словно проброс шайбы через все поле, а там что получится. Это против моих принципиальных убеждений. Я глубоко уверен, что в шахматах нет ничего случайного. Я люблю только такие партии, которые играл в соответствии с требованиями позиции. Я верю только в логичную игру!

По-видимому, не случайно тема диссертации Тиграна Вартановича на соискание звания кандидата философских наук: «Логика в шахматной партии».

— А впрочем, Саша, я на свой стиль не жалуюсь.

Во время беседы гроссмейстер заметил, что я не отрывая глаз смотрю на роскошный букет лилово-красных тюльпанов, искусно расставленных в хрустальной вазе.

— Люблю выращивать цветы, — говорит Петросян. — Я всегда с благодарностью вспоминаю Ригу: нигде не найдешь такие высококачественные семена, как у вас!

Невольно вспомнили перипетии 25-го чемпионата СССР в Риге.

— А были мы тогда совсем молодыми! — вырвалось у Тиграна Вартановича со вздохом сожаления.

Петросян умолк и, глядя на меня чуть прищуренными глазами, явно старался что-то припомнить. Вдруг он сказал:

— Перебирая в памяти сыгранные в чемпионате партии, я много думаю о своей встрече с Талем. Не могу забыть той позиционной жертвы качества! Думаю, что теперь я так сыграть бы не сумел...

Да, поистине тогда москвич блеснул защитой. Талю удалось образовать в центре проходную пешку и заодно заблокировать фер-

зевый фланг черных. Перебросив ферзя на королевский фланг, рижанин готовился именно там нанести противнику решающий удар. Взглянув на диаграмму, нетрудно убедиться, что над позицией черных нависли тучи.

ТАЛЬ ПЕТРОСЯН

31. . . Лf4!

Этой жертвой черные надеются оживить свои фигуры и получить в свое распоряжение поле е5.

32. С : f4 еf 33. Кd2 Ке5 34. Ф : f4 К : с4 35. е5!?

На эту тактическую возможность белые и рассчитывали — на е4 белый конь займет сильную позицию.

35. . . К : е5 36. Ке4 h6 37. Лае1?

Дань цейтноту. Следовало играть 37. К : d6 Ф : d6 38. Лfе1 f6 39. Лад1 с равными шансами. После этой ошибки черные дают поучительный пример активизации своих легких фигур.

37. . . Сb8! 38. Лад1 с4 39. d6 Кd3 40. Фg4 Ca7+ 41. Кph1.

Здесь Таль предложил ничью, но черные ее отклонили, записав очень сильный ход.

41. . . f5! 42. Кf6+ Кph8 43. Ф : с4 К : b2 44. Ф : a6 К : d1 45. Ф : a7 Ф : d6 46. Фd7 Ф : f6 47. Ф : d1 Лb8! 48. Лf3 Ла8.

После партии было установлено, что посредством 48. . . Лb5 49. Фа4 Фа6 черные сохраняли шансы на победу.

Таль ответил 49. Фе1!, и партия закончилась вничью на 75-м ходу.

Итак, перед последним туром 25-го чемпионата с 11½ очками лидировали Петросян и Таль; 11 набрал Бронштейн, по 10½ имели Спасский и Авербах.

Последний тур вызвал среди рижан небывалый интерес: в нем встречались Спасский и Таль. Любители шахмат «заставили» милицию немало потрудиться. Сотни болельщиков, которым не удалось достать билеты, собрались у высотного здания. Лишь когда стало известно, что центральные партии будут также демонстрироваться в зале филармонии, толпа у входа поредела.

Начался последний тур.

Петросян решил не искушать судьбу и быстро согласился на ничью с Авербахом. Половинку в свою турнирную графу сумел записать и Бронштейн. Таким образом, в центре внимания осталась партия Спасский — Таль.

Играя черными, Таль ринулся навстречу осложнениям. Он полагал, что в острой борьбе у него больше шансов добиться успеха. Спасский играл хладнокровно и сильно. На 23-м ходу в примерно равной позиции Таль предложил ничью, которую Спасский отклонил. Прошло всего три хода, и положение Таля ухудшилось.

Партия была отложена с неоспоримым преимуществом у Спасского. Начался самый невеселый анализ в нашей практике. Для

участия в нем мы пригласили гроссмейстера Юрия Авербаха не только потому, что он является крупнейшим специалистом в области эндшпиля: он был непосредственно заинтересованным лицом — в случае ничьей он «зацепился» бы за четвертое место.

Анализ продолжался до пяти часов утра. Чем больше мы вникали в позицию, тем все более сложные проблемы вставали перед нами. Чувствовалось, что белые должны выиграть, но каким способом, было трудно установить.

В половине пятого утра к нам в комнату вошла мать Таля со стаканом кефира в руке. Предлагая Мише подкрепиться, Ида Григорьевна сказала:

— Я считаю, что Миша должен лечь и выспаться. Важнее всего, чтобы он играл со свежей головой.

Авербах и я согласились с этим разумным советом. Но разве Миша мог уснуть, когда позиция оставалась неясной, и тяжелые фигуры Спасского гоняли короля Таля чуть ли не по всей доске?

Вскоре мы закончили анализ, так и не придя к точному заключению. Во-первых, ход в отложенной позиции был записан Спасским, а во-вторых, при наличии тяжелых фигур у противника оставался выбор опасных маневров, и нам трудно было их предугадать. К тому же, как я отметил, усугубляло положение Таля то обстоятельство, что его король чувствовал себя в «объятиях» ферзя и ладьи Спасского крайне неуютно.

Взгляните на диаграмму, и вы сумеете понять нашу озабоченность.

Кстати, через год я с большим удивлением читал в книге В. Васильева «Загадка Таля» следующие строки, касающиеся анализа отложенной позиции: «Анализ был прерван в пять часов утра. Кобленц под утро уснул прямо за столом».

На доигрывание Миша пошел спокойно: путей к выигрышу как будто не видно. Но, как не раз случалось с Талем, уже по дороге на турнир он вдруг понял, что при ином, чем они рассматривали дома, порядке ходов у Спасского все же появляются опасные угрозы».

Конечно, для «пикантности» автор заставил Кобленца уснуть за столом. Ну бог с ним, если ему это так было нужно. Но интересно узнать, чем затуманили тренеры Талю мозги при домашнем анализе, если бедному Талю пришлось уже по дороге на доигрывание самому добраться до истины, внести свои коррективы? Причем — «как не раз случалось?»..

Однако, внимательно изучив позицию, помещенную на диаграмме, и разыграв ее на доске, читатель легко убедится, что, каким бы гениальным ни был Таль, в отложенной позиции не он «командовал парадом», и ни о какой «перестановке ходов» с его стороны не могло быть и речи. Ну ладно, оставим всю эту «задумку» на писательской совести Васильева...

В день доигрывания свыше тысячи людей заполнили зритель-

СПАССКИЙ ТАЛЬ

ный зал. Остальные сидели у телевизоров, с нетерпением ожидая исхода этой захватывающей партии. Не нашел в себе сил следить за ходом доигрывания лишь Авербах. Он тем временем гулял по тихим улицам старой Риги.

Записанным ходом Спасского оказался 46. $\Phi f4+$! Далее последовало 46. . . $\Phi f5$ 47. $\Phi h6$ $Kpe7$ 48. $\Phi f8+$ $Kpf6$ 49. $\Phi g7+$ $Kpe7$ 50. $Ja8$! Ох, как неприятно, когда король находится под огнем тяжелых фигур! Вот почему Таль сидел за столиком очень мрачный.

50. . . $\Phi d7$.

Вынужденно, ибо угрожало 51. $Ja7+$.

51. $Kpf8+$ $Kpf6$ 52. $Ja6+$ $Le6$ 53. $\Phi h8+$ $Kpe7$ 54. $Ja8$ $Le1$ 55. $Kpg3$ $h5$.

Готовя для короля убежище на $f5$.

56. $Kpf3$ $Le6$ 57. $Lc8$! $Ld6$ 58. $\Phi f8+$?

Как показал впоследствии в своем анализе В. Чеховер, белые могли выиграть, продолжая 58. $g4$!

58. . . $Kpf6$ 59. $Le8$ $Le6$ 60. $\Phi h8+$ $Kpf5$ 61. $\Phi h6$ $Kpf6$ 62. $\Phi h8+$ $Kpf5$ 63. $Ld8$.

Еще не поздно было согласиться на ничью, но Спасский думал только о победе.

63. . . $\Phi c6$! 64. $Lc8$?

Правильно было 64. $Kpg3$. Сделав ход, Спасский предложил ничью. Таль отклонил предложение и перешел в контрнаступление.

64. . . $\Phi a6$ 65. $Kpg3$ $\Phi d6+$ 66. $Kph3$ $Le1$ 67. $g3$.

Не годилось 67. $g4+$ hg 68. $fg+$ $Kpf4$ 69. $\Phi h6+$ ввиду 69. . . $Kpe4$! 70. $Le8+$ $Kpf3$.

67. . . $Lg1$ 68. $f4$ $Le1$! 69. $Lc2$ $\Phi e6$ 70. $Lf2$ $Lh1+$ 71. $Kpg2$ $\Phi e4+$.

Как резко изменилась ситуация — теперь белый король под атакой тяжелых фигур!

72. $Lf3$ $Kpg4$ 73. $\Phi c8+$.

Отчаяние!

73. . . $f5$, и Спасский остановил часы.

«Борис украдкой вытирал слезы, — писал впоследствии Таль. — Он проиграл тогда мне эту драматическую партию в последнем туре и на три года выбыл из розыгрыша первенства мира».

Авербах не поверил своим ушам, когда по улице разнесся слух, что Таль выиграл...

Весь шахматный мир облетела весть: Михаил Таль вторично завоевал звание чемпиона СССР.

Таль, Петросян, Бронштейн и Авербах завоевали путевки в межзональный турнир.

ПОРТОРОЖСКАЯ БИТВА

Перелет на лайнере Ту-104 по маршруту Москва — Будапешт — Белград позади. Шумная встреча на белградском аэродроме. Первые атаки темпераментных югославских журналистов. В центре внимания корреспондентов 22-летний двукратный чемпион СССР Ми-

хаил Таль. Когда его спросили, кто, по его мнению, победит в турнире, Миша дипломатично напомнил изречение Наполеона о том, что каждый солдат держит в ранце маршальский жезл.

Все газеты приводили высказывание Роберта Фишера. Он, мол, не сомневается, что будет играть в турнире претендентов. Его «рецепт» крайне прост:

— Я всегда отловлю в турнире пяток «рыбок», которых я за просто обыграю, а с остальными сведу партии вничью.

— А если проиграете?

— Ну тогда,— ответил Фишер,— придется поймать и шестую «рыбку».

Фишер, конечно, оказался находкой для падких на сенсации журналистов: 15-летний мальчик нацелен на участие в турнире претендентов!

Фаворитом считали и Давида Бронштейна. У всех были свежи в памяти его убедительные победы в межзональных турнирах 1948 и 1955 годов. И разве он не был близок к победе в щорихском турнире претендентов 1953 года?

Высоко расценивались шансы и остальных советских участников предстоящего турнира — Юрия Авербаха и Тиграна Петросяна.

Все газеты были едины в том, что перед советскими гроссмейстерами стояла трудная задача: ведь по решению ФИДЕ в турнире претендентов не должно быть больше четырех участников от одной страны. Следовательно, кроме Василия Смыслова и Пауля Кереса, на участие в очередном этапе борьбы на первенство мира могли рассчитывать только двое из четырех советских участников межзонального.

К тому же никто не сомневался, что и остальные участники не только честолобивы, но и очень сильны. К примеру, аргентинец Оскар Панно — экс-чемпион мира среди юношей, третий призер межзонального турнира в Гетеборге 1955 года. Опасными тактиками слыли Бент Ларсен и Ласло Сабо. Не нуждались в характеристиках югославские гроссмейстеры Светозар Глигорич и Александр Матанович. Для всех было ясно, что и с юным Фишером придется очень считаться.

Из Белграда ночным экспрессом добирались до Любляны, а оттуда рукой подать до Порторожа — всего три часа езды на комфортабельном автобусе.

Въезжая в этот тихий городок, насчитывающий пять гостиниц и несколько кафе-баров, мы были немало удивлены его шахматным убранством: над зданиями, выходившими к морю, развевались государственные флаги стран, представителям которых предстояло играть в межзональном: витрины магазинов пестрели яркими плакатами и фотографиями участников.

Надо отдать должное умению югославов организовывать шахматные соревнования, подчеркивать свое уважение к шахматистам. И на сей раз после торжественного открытия и жеребьевки нас отвезли в ближайший районный центр, город Копер, где на старинной соборной площади при лунном свете Люблянский симфонический

оркестр дал концерт классической музыки. Видно, выбор программы тоже не был случайным — ведь на этой земле родился выдающийся итальянский скрипач-виртуоз и композитор XVIII века Джузеппе Тартини, автор знаменитой сонаты «Дьявольские трели».

Мы с нетерпением встретили день первого тура — очень уж томительно тянулось предстартовое время.

Примерно в ста метрах от нашей гостиницы расположился «Народный дом». В турнирном зале вдоль длинной стены — десять столиков. На больших демонстрационных досках четко очерчены фигуры, окрашенные в синий и черный цвета. Своеобразный барьер — металлические трубы на стойках — отделял зрителей от участников.

Ровно в 16 часов главный арбитр, английский мастер Гарри Голомбек, пустил часы. Конечно, сейчас не просто воспроизвести в микродневнике события 24-летней давности, но постараюсь «прокрутить» наиболее четко зафиксированные в памяти эпизоды этого волнующего марафона, и в первую очередь связанные с игрой Мпхаила Таля.

Для нас, секундантов, были выделены места в первом ряду. Наверное, больше всех волновался секундант Петросяна Ефим Геллер. Когда его подопечный попадал в острейший цейтнот, он был не в силах скрыть волнение, вскакивал с места, подходил вплотную к барьеру, чтобы лучше разглядеть, как стрелка приближается к красному флажку.

Вспоминаю всегда озабоченное лицо Владимира Симагина — секунданта Авербаха. Фишера опекал Уильям Ломбарди, несколько грузный, любезно улыбающийся человек, большой любитель от души посмеяться. Даже не верилось, что столь жизнерадостный с сильно развитым чувством юмора человек готовился принять сан католического священника.

У югославских гроссмейстеров целая бригада помощников — не разобрать, кто секундант, а кто просто болельщик. Видел гроссмейстеров Ивкова, Трифуновича, Пирца, мастеров Пуца и Рабара. Здесь и ветеран югославских шахматистов Костиц — единственный шахматист, совершивший кругосветное путешествие. В Гаване он проиграл матч Капабланке со счетом 0 : 5, но зато успел «скрестить шпаги» с легендарным тенором Энрико Карузо.

У Олафссона три секунданта. Панно и Дегрейф поскромнее — у них по одному.

А вот Бронштейн — один как перст. Его секундант не смог прибыть на турнир. Возможно, отсутствие преданного друга действовало на психику этого тонкого, впечатлительного шахматного художника. Как бы там ни было, турнир он начал без особого подъема: в первых одиннадцати турах — девять ничьих и всего две победы...

«Если у Талья открытая линия — мат будет!» Да, правильно. Эту фразу я «изрек» в Портороже во время партии Таль — Филип. Она вызвала в шахматном мире и среди журналистов немало толков, и некоторые стали ей придавать чуть ли не мистический смысл.

Так, гроссмейстер Александр Котов в своей книге «В шутку и всерьез» писал: «Кобленц безгранично верит в Таля. Когда его питомец получал чуть ли не безнадежную позицию, он уверял собеседников: можете не волноваться — если на доске есть хоть одна открытая линия, Миша даст мат! И, что интересно, чаще всего Миша действительно давал мат!»

Но если сказать правду, то эту фразу я произнес только один-единственный раз — во время пятого тура.

Накануне, проиграв Матановичу, Таль лишился лидерства. Его опередили Авербах и Петросян. Миша был мрачен. Я не считал удобным напоминать ему притчу об отце, который бил сына не за то, что тот проиграл, а за то, что отыгрывался... Мише было не до шуток.

Просмотрев досье Мирослава Филипа, нетрудно было установить, что сила чеха в его исключительной изворотливости и цепкой защите. Но этот диагноз отнюдь не улучшил настроения. Таль хорошо знал, что именно против таких шахматистов трудно играть на выигрыш, «по заказу».

Если во время предыдущих туров я выражал свое недовольство навязанным мне Мишей режимом, то в тот день, честно говоря, «ходил на цыпочках». Вообще, мне кажется, что в период депрессии подопечного от тренера требуются особый такт и предупредительность.

«Каков же был режим, вызвавший мое недовольство?» — вправе спросить читатель. Расскажу. Тем более что это поможет раскрыть еще одну черту характера М. Таля.

Шахматистов разместили в лучшем отеле. Мише и мне предоставили большой номер с просторной лоджией. С нее открывался вид на пляж и удивительно синее Адриатическое море. В лоджии проходили наши шахматные занятия. Бывало, я время от времени краешком глаза гляжу в направлении пляжа, и мне становится до боли обидно за Мишу: в теплом, ласковом море беззаботно плещутся его главные соперники, загорелые и жизнерадостные расхаживают они по берегу, а мы?

В 8 утра, сразу после завтрака, мы около часа готовились к очередному туру, а затем до обеда в довольно быстром темпе просматривали множество партий, опубликованных в разных журналах. Обнаружив что-либо любопытное, Миша приговаривал: «Это надо будет взять на заметку».

А при виде поучительной оплошности одного из партнеров бросал в мою сторону выразительный взгляд: «А это — пример для нового издания вашего учебника!»

Так мы работали до обеда, а через полтора часа начинался тур. Вот этот режим и не нравился, он казался мне утомительным для Миши и щедрой форой для его соперников.

Все мои уговоры последовать примеру соперников ни к чему не приводили, и однажды я устроил «забастовку». Но вид моего подопечного стал таким несчастным, что я мгновенно капитулировал. Превратив все в шутку, я бодрым голосом сказал:

— Итак, Миша, поехали дальше! Где, кстати, мы остановились?..

Глаза его радостно заблестели, и я лишний раз убедился, что для Талья главное — ни на миг не разлучаться с шахматами и что наши упражнения для него вроде эликсира бодрости, без которого время тянулось бы слишком медленно и тягостно.

Вернемся на пятый тур. Наш диагноз оказался правильным — чешский гроссмейстер разыграл черными испанскую партию очень спокойно и уверенно. Его позиция после 27-го хода даже казалась чуть лучше. Неожиданно Филип предложил ничью. Но Таль отверг это предложение и надолго задумался перед своим 28-м ходом. Он как бы впился в позицию, выражение лица стало жестким. Из своего секундантского опыта я знал, что в таких случаях Таль готовится к бомбовому удару. И на самом деле — гром грянул среди ясного неба: Таль «на ровном месте» отдал слона за две пешки!

Таль Филип

28. С : h6!?

Эту жертву Глигорич потом комментировал в печати так: «К этому ходу можно бы поставить вопросительный знак, так как у белых могли возникнуть определенные неприятности. Однако известно также, что именно благодаря этой жертве белые в конце концов одержали победу. Смелость заслуживает похвалы!»

28. . gh 29. Ф : e5.

В чем специфика позиции? Понимание сути этой жертвы поможет нам проникнуть в смысл других подобных жертв Талья, которые недостаточно глубоко и объективно объясняли многие специалисты. Кое-кто из журналистов ради красного словца приписывал игре Талья чуть ли не демоничный характер («подобно Паганини, Таль играет на одной струне»).

Что же произошло в этой партии на самом деле? Да, Таль не получил достаточной материальной компенсации за слона, но главное в подобных жертвах не быстрый отыгрыш материала, а захват инициативы в надежде реализовать идею, которая только угадывается и которую видишь на первых порах еще только «в общих чертах». Подобные жертвы, конечно же, связаны с определенным риском. Ведь они предоставляют противнику широкий выбор продолжений, и очень трудно предвидеть, какое именно тот выберет. А если заглохнет инициатива, то неминуемо скажется понесенный ранее материальный ущерб.

Сам Таль об этой жертве впоследствии писал: «В шахматах часто бывают ситуации, когда путь к победе лежит через зыбкий мостик над пропастью. Правда, не все любят им пользоваться».

По понятной причине Таль не стал уточнять, что такая игра по плечу только человеку с очень мужественным характером. Как тут не вспомнить первого чемпиона мира Вильгельма Стейница, который утверждал, что шахматы вообще не для слабых духом! И мне кажется, что именно отсутствие смелости явилось тормозом

для многих талантливых шахматистов на пути к высшим достижениям!

Что касается позиционной жертвы Таля, то она носит, как говорят, интуитивный характер. Кажется, что Мишей руководит какое-то шестое чувство. Но если глубже проанализировать, то это чувство исходит из тончайшего понимания закономерностей шахмат. Так же как в искусстве, интуиция в шахматной игре не рождается на пустом месте. И, следя за ростом Таля с первых его ответственных стартов, я восхищался и удивлялся, с каким фанатическим усердием Миша старался проникнуть в тайну тех невидимых винтиков, с помощью которых можно оживить деревянных актеров на шахматной доске.

Но вернемся к партии. Решиться на жертву Таля побудило (не знаю, осознанно или нет) стремление ослабить пешечное прикрытие короля противника, создать условия для продвижения собственных пешек e4 и f5, вскрытия диагонали b1—h7 и активизации своего слона c2. Подключение слона к атаке, конечно же, усилило бы натиск остальных сил, а наличие тяжелых фигур на фланге создавало определенную стабильность.

Очевидно, в рассуждениях Таля доминировали совершенно конкретные позиционные мотивы, и эта жертва была построена вовсе не на песке.

Что касается данной партии, то Филип стоял перед проблемой, как защитить коня? Он надолго задумался над ответным ходом.

Но и задача белых казалась достаточно сложной: нельзя было недооценивать давление черных по линии «d», их возможности упростить позицию, после чего материальный перевес черных должен был когда-нибудь проявиться.

Не скажу, что на душе у меня было радостно. Я лихорадочно перебирал в уме варианты, но ничего конкретного не находил. И вот в этот критический момент ко мне наклонился сидевший рядом Геллер и шепнул:

— Знаешь, Мише тут ничего не светит.

«Зачем он мне это говорит? Неужели он не видит, что я и сам прекрасно понимаю, что вся затея Таля слишком уж неясная?» Тут мне показалось, что в глазах Геллера мелькнули искорки злорадства, и я, не задумываясь, выпалил: «Если у Миши открытая линия — мат будет!»

Такого «квалифицированного» ответа Ефим Петрович не ожидал. Он с удивлением и недоверием покосился на меня и пожал плечами. И именно в этот момент Филип сделал свой ответный ход:

29. . . Ce7.

Типичная ошибка. И в то же время — яркий пример, позволяющий судить о том, какие практические шансы дают Талю подобные жертвы. Своей игрой он заставил противника решать сложные проблемы защиты, а, как известно, защищаться труднее, чем атаковать. В защите противник чаще всего попадает в острейший цейтнот, и в цейтнотной горячке не просто избежать ошибок.

Конечно, аналитикам спустя определенное время удалось найти усиление за черных. Вот один из предложенных вариантов: 29. . . Фе7 30. Фf4 Кh7 (но не 30. . . Кg8? 31. f6! Ф : f6 32. Л : g8+!, указано В. Микенасом) 31. Ф : h6 Фf6, и корректность жертвы под вопросом.

Однако, повторяю, в турнирной обстановке не так просто решиться на жертву третьей пешки.

Следует также добавить, что вторую часть партии Филип играл с определенным психическим надломом. Этому в какой-то мере способствовал отказ Таля от предложенной ранее ничьей, когда позиция была равной.

30. Лd4!!

Обычно любителей и критиков шахмат приковывают к себе в первую очередь эффектные жертвы, но «прозаические», я ска- зал бы точнее вспомогательные, ходы часто остаются незамеченными.

Мне кажется, что атака Талья была основана в данной партии именно на таком вспомогательном ходе. С его помощью белые не только ликвидируют давление черных в центре, но и выигрывают важные темпы для оживления своего плохого слона c2!

Дальнейшие события протекали в быстром темпе.

30. . . Л : d4 31. cd Кph7 32. Лd1.

Пока без всякой спешки важно укрепить центр и угрожать продвижением пешек.

32. . . Ке8?

Дань цейтноту! Лучше, конечно, 32. . . Кd7, хотя и тогда черным трудно было бы перестроиться для успешной защиты.

33. f6! К : f6 34. Фf5+ Кph8 35. e5!

Вскрывается долгожданная диагональ — «испанский» слон вырвался из заточения!

35. . . Фg7 36. ef С : f6 37. Лg1.

Неужто «обещанная» Геллеру открытая линия?

37. . . Сg5 38. f4, и Филип сдался.

Геллер несколько дней старался не смотреть в мою сторону.

Авербах и Петросян по-прежнему сохраняли лидерство, но это нас ничуть не смущало. Важнее было то, что победа над Филипом придала Талю уверенности. Мне даже казалось, что солнце по утрам стало приветливее заглядывать в нашу комнату.

«Нет мира под оливами». Сам не знаю почему, но этот итальянский фильм, рассказывающий о драматической борьбе безземельных крестьян Сицилии, всплыл в памяти во время партии Таль — Панно. Трудно передать, насколько глубоко меня захватила эта, я бы сказал титаническая, борьба — в тот вечер мне пришлось немало поволноваться.

Может быть, я преувеличиваю, но следить за партией со стороны гораздо труднее, чем играть самому. И во время той памятной встречи у секундантов было достаточно поводов для волнений.

Следует, однако, отдать должное Оскару Панно. В отличие от многих противников Талья, мечтавших лишь о том, чтобы профилактическими мерами пресечь агрессивные намерения рижанина, аргентинский гроссмейстер смело шел навстречу буре, и после 27-го хода на доске создалась следующая позиция.

Как видите, положение действительно головоломное. Партия еще продолжалась, а я уже принимал соболезнования. Первым подошел ко мне Давид Бронштейн, успевший к тому времени закончить свою встречу с Ласло Сабо. Наклонившись ко мне, он тихо сказал:

— Не переживайте, если Миша сегодня проиграет. Увидите, он возьмет реванш!

— Да за пожертвованного ферзя у Панно целый склад фигур! — сказал сидевший рядом Владимир Симагин.

— Скажите, где Таль допустил ошибку, ведь Панно должен выиграть? — спросил проходивший мимо югославский журналист. — Я, видите ли, спешу на телеграф, а то позднее там будет очередь...

Но тут события на доске приняли новый оборот.

28. Л : g7+.

Эта жертва, строго говоря, не ведет к выигрышу. Однако, чтобы отразить многочисленные угрозы, черным все время приходится быть начеку.

28. . . Кр : g7 29. Ch6+ Кр : h6 30. Ф : f8+ Kpg5 31. bc bc 32. g3 Ce4 33. h4+ Kpg4 34. Kph2 Cf5!

Угрожало 35. Фf4+ и Фg5×.

До контрольного времени у соперников оставалось несколько минут, но теперь Таль погрузился в размышления.

— И чего он думает? — услышал я взволнованный голос сидевшего за моей спиной какого-то болельщика. — У него только один ход!

Болельщик имел в виду ход 35. f3+. Таль его, конечно, видел, но ему не нравилось, как он мне сказал позднее, что после 35. . . Кр : f3 36. Ф : f5+ Кре3 37. Ф : h7 c3 у белых хоть и есть материальный перевес, но инициатива уже принадлежит черным.

35. Фf6!

Вот вам еще один из характерных штрихов талевского стиля: умение волнообразно «поставлять» своим партнерам все новые и новые трудности. Подчас противнику удастся отразить целую серию атак и обойти многочисленные рифы, но трудная защита настолько истощает его силы, что в конце концов он допускает ошибку. Порой на ровном месте. И в данной партии Панно «сломался» у самой финишной черты.

35. . . h6 36. Фе5 Ле4 37. Фg7+ Kpf3 38. Фc3+ Ке3 39. Kpg1 Cg4 40. fe!

ТАЛЬ ПАННО

Перед контрольным ходом Таль стремится использовать свой очередной шанс и ставит противнику ловушку: нельзя ни 40. . . Кр : g3 из-за 41. Фe1+ Крf3 42. Фf2× или 41. . . Крh3 42. Фf2, ни 40. . . Л : e3 ввиду 41. Фf6+ Крe2 42. Фf1+ Крd2 43. Фf4, и если 43. . . c3?, то 44. Крf2.

Последние ходы Панно из-за грозившей просрочки времени уже не записывал. Он по инерции сделал два очередных хода, не догадываясь, что своим 41-м совершает роковую ошибку.

40. . . h5 41. Фe1 Л : e3?

Ошибка в цейтноте! Как указывает Таль, ничью давало 41. . . Леb1, и на 42. e4 — 42. . . c3, создавая крепость. Ход в партии дает белым значительные практические шансы.

В этой позиции партия была отложена. Таль записал свой ход, заклеил конверт и отдал его главному арбитру Г. Голомбеку.

Меня умиляют теперь следующие строки в книге В. Васильева «Загадка Талья»: «...когда партия была отложена, Таль совсем не был уверен, что может выиграть. Первый вопрос Кобленца был:

— Ну как?

Таль ответил:

— Кажется, ничья.

— Так чего ты ждешь? Предлагай! — нетерпеливо воскликнул Кобленц.

Но Таль, улыбаясь, покачал головой.

Допустим, что шахматный мастер Кобленц не сообразил, что позиция не так проста и что ее можно и выиграть. Но зачем ему было давать Талю иезвразумительный совет «бежать» к Панно, после того как конверт с записанным ходом был только что отдан судьбе? Разве иаличие на доске «лишнего» ферзя, пусть и за определениую компенсацию, не доказывает, что о ничьей все же должен думать аргентинец?

В. Васильеву понадобилась эта явная «натяжка» для создания контрастной ситуации. Почему бы, действительно, не повеселить читателя, показав им насмерть перепуганного секунданта? Автор, конечно, имеет право на домысел, но никак не на вымысел!

Как протекало дальнейшее доигрывание с Панно?

После 42. Фf1+ (записанный ход) черные ответили: 42. . . Кре4. Критическая позиция создалась после 43. Ф : c4+ Крf3 44. Фf1+ Кре4 45. Ф : a6 Крd4.

Много лет спустя югославский мастер В. Вукович нашел, что после 45. . . Л : g3+ 46. Крf2 Лf3+ черные в длинном анализе добиваются ничьей. Бедный Панно! Ему ведь надо было этот анализ найти за доской в тот самый вечер!

46. Фd6+ Крс4 47. a4 Ле1+ 48. Крf2 Ле2+ 49. Крf1 Ла2 50. Фа6+ Крd4 51. a5 c4 52. Фb6+ Крd5 53. a6 Ла1+ 54. Крf2 c3 55. a7 c2 56. Фb3+ Крd6 57. Фd3+. Черные сдались. Поистине труднейшая победа Талья!

Но, кроме отложенной позиции против Панно, у Талья была еще неоконченная партия против Фридрика Олафссона. К тому же в абсолютно проигрышной позиции. Единственный шанс на спасение виделся в том, что Олафссон продумал над записанным ходом 45 минут. При доигрывании этой встречи Таль решил применить, я бы сказал, тонкий психологический финт — все время делать алогичные ходы, добровольно отдаваясь от опасной проходной пешки соперника, вместо того чтобы преграждать ей путь своим королем.

Разумеется, такой «план» игры не был предусмотрен Олафссоном при домашнем анализе. Может быть, смутило и то, что на его ходы Таль отвечал молниеносно и затем вставал и начинал спокойно и уверенно прогуливаться по сцене. Явно волнуясь, Олафссон допустил ряд ошибок, растерял свой перевес, и партия закончилась вничью. После этого памятного доигрывания Таль лидерства уже никому не уступал.

«I had a draw». С этими словами каждый вечер, за ужином, подходил к нашему столику канадский мастер Геза Фюштер, венгр по национальности. Нас немного сместило его неправильное произношение английского слова «ничья» — надо выговаривать «дро», а он говорил «дра». Его в чуть извиняющемся тоне фраза должна означать в переводе: «я имел ничью!» В самом деле, этот шахматист умудрился «помиловать» многих опасных соперников. Близок к победе он был против Фишера и Шервина, упустил явно выгодные возможности против Матановича и Филипа, проиграл ничейные позиции Кардосо, Петросяну и Авербаху. В этом турнире, правда, многие ошибались, но Фюштера преследовал какой-то слишком злой рок. Окончив партию, он почему-то стремился перемахнуть через барьер, но и здесь ему не везло — он часто задевал за трубы, и они выскакивали из гнезд и с грохотом падали на пол.

И в этот вечер мы не сомневались, что к нам вновь подойдет несчастный Фюштер с неизменным — «ай хед эй дра». Но, проиграв Талю, Фюштер не сетовал на свое невезение, а выразил с неподдельной искренностью свое восхищение игрой рижанина. И на самом деле — неожиданная жертва коня была эффектной.

17. С : e6!

Приковывает короля к центру. Жертва, правда, требовала точного расчета.

17. . . fe 18. de Ce7 19. Lhf1! Lf8 20. Л : f8+ С : f8 21. Фf3 Фе7 22. Фb3 Лb8?

Посредством 22. . . b5 23. Cd7+ Ф : d7 24. Л : d7 Кр : d7 25. Фf7+ Се7 26. Ф : g7 Се4 27. Ф : h6 Cd5 черные могли затян timer сопротивление.

23. Cd7+ Ф : d7 24. Л : d7 Кр : d7 25. Фf7+ Се7 26. e6+! Kpd8.

Если 26. . . Kpd6, то 27. Фf4+. Вот где сказывается невыгодное положение ладьи на

ТАЛЬ ФЮШТЕР

b8! Еще последовало 27. Ф : g7, и Фюштер поздравил Таля с победой.

Когда на шахматном небосклоне появляется молодое яркое дарование, старожилы шахматного Олимпа относятся к его первым успехам с определенным недоверием. Нередко приходилось слышать по адресу Таля, что, мол, его жертвы некорректны, что его стиль игры авантюрен.

Сейчас не могу без улыбки вспомнить разговор с моим давнишним другом Марком Таймановым перед его встречей с Талем в финале 23-го первенства СССР (Ленинград, 1956).

— Саша, что ты все расхваливаешь своего Мишу? Подожди, сегодня я с ним играю, и увидишь, что я из него сделаю! — И, обращаясь к своей жене, добавил:

— Приходи на тур, получишь истинное удовольствие.

Прошло меньше часа игры, и Марк Евгеньевич засеменял к телефонному автомату предупредить жену, чтобы не спешила. К тому моменту у Таля была уже лишняя фигура... Впоследствии Тайманов стал одним из самых восторженных почитателей рижанина.

Не очень ласково встречали на первых этапах творческого роста и Роберта Фишера. Когда 13-летний паренек стал чемпионом США среди юниоров (он набрал $8\frac{1}{2}$ очков из 9 возможных!), его похлопывали по плечу. Но стоило ему в 1957/58 г. стать чемпионом США среди взрослых и опередить не только Решевского, но и всю шахматную элиту американской сборной, начались разговоры о случайности, «непонятном» везении.

— Все относятся скептически к моим успехам, но я все-таки побеждаю! — горделиво заявил 14-летний чемпион.

Не слишком скромные, по-моему, интервью Фишера накануне турнира в Портороже тоже следует рассматривать как реакцию на постоянную критику в его адрес. И действительно, старт Фишера на этом турнире не казался многообещающим. Бледная ничья с Нейкирхом, проигранная позиция с Фюштером, «грязная» игра с Россетто и затем поражение от Бенко — вот что было у него в «активе».

Но преждевременно скептики торжествовали. Фишер выдержал тяжелый экзамен в партиях против всех четырех советских участников, которые, не скрою, очень старались «наказать» юнца. Таль в поисках победы «любой ценой» чуть не добился обратного, заманив обе ладьи Фишера на 7-ю горизонталь. Партия закончилась вничью, но после партии Таль сказал мне, смеясь:

— Наверное, мат я должен был где-то получить!..

Однако шесть побед при двух поражениях говорили о многом, пусть даже эти победы были одержаны в основном над шахматистами, занявшими нижнюю часть таблицы.

Каким мне запомнился Фишер? Наравне с советскими шахматистами он оказался в центре внимания многочисленных туристов и журналистов. За ним особенно охотились собиратели автографов.

Стоило появиться на улице этому высокому парню в парусиновых брюках и джемпере с короткими рукавами, как за ним сразу устремлялись болельщики. Но было совсем не просто поспеть за Фишером — шаг у него крупный, и ходил он очень быстро.

Большую часть времени Фишер просиживал в своем номере. Когда бы мы ни проходили мимо его двери, из комнаты слышался стук фигур.

К своим старшим коллегам он относился с большим уважением. Правда, у Роберта была странная привычка: пока противник думал над своим ходом, с края доски, обращенного к сопернику, Фишер смахивал какие-то пылинки. Но от этой привычки его, кажется, отучил Петросян, слегка стукнув Роберта по пальцам.

Ламбарди рассказывал, что иногда, чтобы отдохнуть от назойливых американских туристов, Фишер сухо спрашивал: «В шахматы играете?» Если ответ был отрицательным, юный шахматист довольно резко отшивал соотечественников.

Как позднее стало известно, уже тогда, в Портороже, юношу выводило из душевного равновесия неуважительное отношение американцев к шахматам. Фишера всегда возмущало, что за бокс американцы согласны платить своим кумирам миллионы, а на шахматы они не хотели тратить и цента.

«Кто-то теряет, кто-то находит...» — так был озаглавлен один из газетных отчетов о порторожском турнире. Да, не только бедный Фюштер, но и признанные фавориты допускали подчас умопомрачительные ошибки! И это понятно. Участники турнира явно нервничали. Уже сам по себе отборочный характер соревнования налагал отпечаток на игру гроссмейстеров. А тут еще одно обстоятельство заставило шахматистов понервничать: ожидали решения ФИДЕ об увеличении числа участников, выходящих в следующий этап борьбы. Только к 13-му туру ФИДЕ приняло решение увеличить число участников до шести, и среди них могли быть только три советских шахматиста.

Очень расстроился на старте Авербах, отдавший пол-очка филиппинцу Кардосо в совершенно выигранном слоновом эндшпиле, который, так сказать, является «спецблюдом» нашего выдающегося теоретика эндшпиля. По иронии судьбы, эти нелепо потерянные пол-очка лишили Авербаха на финише путевки на турнир претендентов.

Но мы были свидетелями и других чудес. Имея лишнюю пешку, Бронштейн в партии с Филипом сделал ради перестраховки свой 41-й ход, который вел к ее немедленной потере. И хладнокровный Петросян упустил в цейтнотной гонке выигрыш в ладейном окончании с Фишером.

А сколько волнений стоило многим участникам доигрывание неоконченной партии де Грейф — Олафссон в последнем туре? Партия была отложена в выигрышной для колумбийца позиции. В случае его победы Авербах, Бронштейн, Матанович, Олафссон, Сабо

могли рассчитывать на дополнительный матч-турнир. Даже шли разговоры о том, где и когда будет разыграна эта заветная дополнительная путевка. Но увы! Де Грейф записал плохой ход, растерялся и проиграл.

На фоне огорчительных ошибок были в этом турнире и превосходные партии.

За элегантную жертву ферзя приз за красоту достался Россетто.

РОССЕТТО КАРДОСО

40. Cd5! ed.

Когда шахматист вынужден сделать свой контрольный ход, такая автоматическая реакция понятна. Осмотрительнее было бы, конечно, 40. . . Kf8.

41. Ф : g7+!! Кр : g7 42. Kf5+ Kpg6 (или 42. . . Kpg8 43. Kh6+ 44. Ле7+ Kpg6 45. Л1е6+ Kf6 46. Л : f6+ Кр : g5 47. Лее6, и черным не избежать мата) 43. Ле6+ Kf6 44. Л : f6+ Кр : g5 45. Л1е6! Лg2+ 46. Кр : g2 Фd8 47. Ке7! Черные сдались.

Конечно, как и в любом другом шахматном турнире — кто-то терял, а кто-то находил. В дальнейший этап борьбы на первенство мира вошла достойная шестерка: М. Таль, С. Глигорич, Т. Петросян, П. Бенко, Р. Фишер, Ф. Олафссон.

ЮГОСЛАВСКИЙ МАРАФОН

В августе 1959 года Михаил Таль участвовал в Спартакиаде народов СССР и играл очень неудачно — набрал лишь 2½ очка из 8. Затем он поехал в Ригу, где его срочно оперировали по поводу аппендицита. До начала турнира претендентов на первенство мира оставалось всего две недели. Я был озабочен. Ведь такое соревнование требовало огромного напряжения сил. Предстоял нелегкий четырехкруговой турнир.

2 сентября Таль вылетел в Югославию. Газета «Борьба» провела среди участников и журналистов опрос: кто завоеует право вызвать Ботвинника на матч? Большинство отвечавших отдавало предпочтение экс-чемпиону мира Смыслову, победителю двух предыдущих турниров претендентов.

Высоко расценивались шансы Петросяна, чемпиона СССР 1959 года. На третье место был «поставлен» Таль. Кереса считали «слишком старым», чтобы претендовать на шахматную корону. В аутсайдеры были зачислены Фишер, Олафссон, Бенко, а вот от Глигорича ожидали сюрприза.

Прошли первые три тура, и лидерство захватил Петросян, набравший 2½ очка, у «аутсайдера» Бенко и «старика» Кереса было

по 2 очка, а предпоследнее место делили Таль и Глигорич, набравшие по 1 очку.

Конечно, никто не собирался делать далеко идущих выводов. Все видели, что уже с первых туров поединки были исключительно острыми и бескомпромиссными. Так, например, Смыслов и Керес нанесли поражения Талю; Фишер победил Кереса; Петросян — Фишера; Керес — Смылова.

Первые два круга проводились в Бледи, в переполненном зале «Казино», на берегу чудесного озера Блед.

Блед вошел в шахматную историю как место, где в 1931 году Алехин одержал свою феноменальную победу: в двухкруговом турнире при участии почти всех сильнейших гроссмейстеров (за исключением Капабланки и Ласкера) он набрал $20\frac{1}{2}$ очков, опередив Боголюбова, занявшего второе место, на $5\frac{1}{2}$ очков.

В этом городке мне довелось побывать еще в 1958 году. Накануне последнего игрового дня зонального турнира в Портороже югославская шахматная организация устроила для участников и секундантов экскурсию в Блед, где уже было намечено провести часть будущего турнира претендентов. Так как расстояние до Бледа довольно большое, я предложил тогда Талю остаться в Портороже и хорошо отдохнуть перед последним туром. Сам же решил поехать, чтобы осмотреть место будущих поединков, познакомиться с климатическими условиями, от которых часто в значительной мере зависит и настроение отдельных участников.

Уезжая, попросил Бронштейна, как старшего товарища, «присмотреть» за Мишей, так как Давид Ионович также решил остаться в Портороже.

Поездка затянулась, и, вернувшись поздно вечером, я ахнул: в холле гостиницы Таль блицевал с Бронштейном. Единственным зрителем был маститый гроссмейстер Бора Костиц, которого, по-видимому, восхищали каскады головоломных комбинаций.

— Вот это я понимаю! Вот что значит любить шахматы! — воскликнул он восторженно. — Знаете, они играют без перерыва с самого утра! Даже о еде забыли!

Увидев меня, оба «блицмейстера» виновато улыбнулись. По выражению моего лица они заключили, что восторгов Костица я не разделяю.

В последнем туре Таль против Шервина свел свою партию вничью, а Бронштейн, проиграв Кардосо, выбыл из дальнейшей борьбы за звание чемпиона мира.

Один известный тренер по футболу сказал:

— Если среди тысячи футболистов мне попадается один настоящий талант, я самый счастливый человек!

Не скрою, в этом мне повезло. Но знаете, когда в мире случается что-нибудь неожиданное, выносятся подчас поспешные оценки, извращаются факты, появляются небылицы.

Это, как я уже отмечал, в полной мере относилось и к Талю,

особенно на первых этапах его шахматного взлета. Перепадало, конечно, и мне, его тренеру. Появились даже «знатоки». Они заявляли, что Талю тренер вообще не нужен, а если нужен — то чтобы непременно гроссмейстер. Другие утверждали, что от меня вообще ничего не зависело и что я при ночном анализе либо сплю, либо, в лучшем случае, даю Мише советы типа «играй на ничью».

Теперь, оглядываясь на свое почти тридцатилетнее творческое содружество с Миханлом Талем, в котором я всегда пользовался его доверием и уважением, с улыбкой вспоминаю тогдашних недоброжелателей и их удивительные экзерсисы. Так, например, в «сборник» музыкальных анекдотов попала следующая «достоверная» история:

«У Кобленца приятный тенор. Одна дама во время порторожского турнира говорит ему:

— Знаете, вы мне напоминаете одного большого мастера.

— Знаю, вы имеете в виду Карузо, — отвечает польщенный Кобленц.

— Нет, — говорит дама улыбаясь, — Смыслова!»

Остается добавить, что у экс-чемпиона мира самый настоящий баритон.

А вот еще один образец «светского» фольклора.

«После победы Талья в матче с Ботвинником Смыслов подходит к Кобленцу и говорит:

— Саша, вы молодец, поздравляю!

Но Кобленц, не замечая иронического тона гроссмейстера, отвечает:

— Но Миша тоже...»

«Вы знаете, как Кобленц тренирует Талья? — писал в одной югославской газете гроссмейстер Бора Ивков. — Он целый день твердит подопечному одно и то же: «Миша, ты играешь гениально!»

Эти слова были, конечно, написаны с доброжелательным юмором, но, читая репортерский «домысел» Ивкова, я не предполагал, что мне вскоре придется поступить именно так.

Как и великие артисты, выдающиеся шахматисты пребывают подчас после неудач в подавленном состоянии, теряют веру в себя. В таком состоянии люди, по словам Федерико Феллини, навны и растерянны, похожи на детей...

Примерно в таком состоянии я застал Миханла Талья в Югославии накануне пятого тура (его официальным секундантом был тогда Юрий Авербах, я прибыл в Югославию с опозданием) и первым делом спросил:

— Мишуля, как ты сыграешь в этом турнире?

— Если займу предпоследнее место, это будет здорово! — ответил Таль.

Я промолчал, считая, что еще не пришла пора подбадривать его трафаретными словами вроде: «Давай!», «Не падай духом!» или «Все еще впереди!»

В самом деле, в турнире со столь длинной дистанцией осечка на старте ни о чем не говорит. К слову, положение Талья в турнир-

ной таблице отнюдь не было таким трагичным — после победы над Глигоричем и Олафссоном он набрал 50 процентов очков, а на старте — это порой достаточно хороший трамплин для того, чтобы в дальнейшем бороться за высокое место. Но депрессию рижанина обусловило не скромное количество очков, а то, что ему не удалось довести до победного конца свой очень интересный творческий замысел в партии с Кересом.

— Эта партия могла бы стать моей лучшей в Блде, — говорил с грустью Таль, расставляя на доске фигуры. — Посмотрите, как развернулась борьба в этой встрече.

28. . . К : e3!

Любопытная позиция — у черных под ударом две фигуры, но ни одну из них белые не могут брать: 29. С : c8 Фс6 30. Лh2 К : g4 или 29. de Фс6. Керес делает относительно лучший ход.

29. Лс1.

Последовало:

29. . . Фе7! 30. de Ф : h4 31. Кpf1 Фh3+ 32. Кре2 Ф : g4+ 33. Кpd2 Лfd8+ 34. Кd4 Фg3 35. Лf4 Л : c1?

В сильнейшем цейтноте Кереса Таль играет импульсивно. После элементарного 35. . . Фg2+ 36. Се2 Фd5 черные выиграли четвертую пешку за коня, сохраняя ферзя и инициативу.

36. Ф : c1 Фg2+ 37. Се2 Фd5 38. Фс7! Лd7 39. Фс4 Кpg7?

А эта, вторая ошибка уже приводит к проигрышу. Как указывают в турнирном сборнике С. Глигорич и В. Рагозини, надо было играть 39. . . h5!

Последовало еще 40. Ф : d5 С : d5 41. Сb5 Лс7 42. e4 Са8, и белые выиграли на 64-м ходу.

Думаю, что неприятный осадок остался у Миши и от поражения во встрече со Смысловым из первого тура. Впервые встречаясь за доской с экс-чемпионом мира, Таль испытал на себе его блестящее умение, казалось бы, в равной позиции ход за ходом переигрывать соперника малозаметными позиционными уколами, особенно в эндшпиле.

Вот как Таль охарактеризовал стиль Смылова в своих воспоминаниях двадцать лет спустя: «Вообще, в те времена, чтобы добиться хотя бы ничьей с Василием Васильевичем, надо было придумать сорок первосортных ходов. Он-то легко их находил! А если хоть раз или два партнер позволял себе сыграть «не на уровне», то его ждала гибель. Стоило мне сделать один поверхностный ход, как тиски сжались...

Нет, со Смысловым дело так не пойдет, — думал я после партии, — этот линкор перестрелкой издали не потопишь. Надо на бордаж идти! Такое намерение я затаил до встречи второго круга...

И вот наступил этот день. Через пятнадцать минут должен был начаться второй круг соревнования. Предстояла еще одна встреча со Смысловым. Победив всех иностранных участников, Таль сумел

КЕРЕС ТАЛЬ

настолько поправить свое турнирное положение, что уже делил с Петросяном и Кересом первое—третье места. Но теперь, сидя с Талем в парке «Казино», я подсознательно чувствовал, что Мишу гложет червь сомнения и неуверенности — не замечалось в нем обычного, бьющего через край предстартового азарта. Хотя на «военном совете» Авербах и я одобрили намерение Талья завлечь Смыслова в дебри необозримых осложнений, Миша, видимо, отчетливо осознал, какую трудную задачу ему предстояло решать.

Я чувствовал, что необходимо найти какой-то психологический ход, как-то подбодрить Талья, снять с него груз неуверенности, и я сказал:

— Знаешь, я просмотрел твою партию с Панно и не понял, как бы ты сыграл, если бы Панно взял на двадцать третьем ходу твою пешку не ладьей, а своей пешкой с5?

— Как? — моментально загорелся Таль и тут же выдал серию сложных вариантов.

Хотя все это было мне известно, я изобразил крайнее удивление и воскликнул:

— Ах, вот оно что! Ну, знаешь, это просто блестяще!

— Так что, маэстро, выходит, я умею играть?! — эти слова вырвались у Талья с такой чистосердечной, детской непосредственностью, что я не удержался от улыбки и тут же повторил вычитанные в газете слова Ивкова:

— Что за вопрос? Миша, ты играешь гениально, да, да, да — гениально!

Мне показалось, что Таль как-то облегченно вздохнул. Он явно повеселел, заулыбался, но ответить просто не успел — пора было отправляться на игру.

Забегая вперед, скажу, что когда в последующие годы нашего сотрудничества Миша показывал какую-нибудь красивую партию по горячим следам, я патетически восклицал:

— Миша! Ты играешь гениально!

На что Таль, еле сдерживая улыбку, с наигранным возмущением отвечал:

— Сам знаю!

И мы от души хохотали.

Я, конечно, далек от мысли, что именно эта фраза так благотворно повлияла на Талья накануне встречи со Смысловым. Но именно в этот день он одержал одну из самых блистательнейших своих побед!

1. e4 с6.

Выбор этой «железобетонной» защиты не случаен. То, что Таль постарается взять «кровавый» реванш, Смыслов понимал.

2. d3.

Этот скромный, малоисследованный ход я предложил Талю применить против Ботвинника на II Спартакиаде народов СССР. Но

ТАЛЬ СМЫСЛОВ

После 5-го хода черных

тогда встреча не состоялась, так как команда Москвы выставила на первой доске запасного. Думается, Ботвинник не хотел свою первую партию с быстро прогрессирующим Талем играть черными. Цель хода — уклониться от известных теоретических продолжений.

2. . . d5 3. Kd2 e5 4. Kf3 Kd7 5. d4! de.

Часто бывает нетрудно расшифровать психологические мотивы выбора шахматистом того или иного хода. Порой этот выбор зависит от принципиального взгляда на возникающую теоретическую проблему, порой от вкуса, а то и от принятого до начала партии решения. Бывает, что на выбор хода влияет и турнирное положение шахматиста, и тогда он решает играть «по заказу». Короче говоря, шахматист не всегда руководствуется одними лишь объективными требованиями позиции. Правда, это иногда не учитывают критики, комментаторы партий.

Что касается данной партии, то не стоило вскрывать позицию в центре, так как игра теперь принимает открытый характер, к чему, по сути, стремился Таль. Объективно лучше было бы играть 5. . . ed 6. ed cd 7. K : d4 Kgf6, соглашаясь на изолированную пешку. Но такая пешка не соответствовала творческому вкусу Смыслова.

6. K : e4 ed 7. Ф : d4 Kgf6 8. Cg5 Ce7 9. 0—0—0 0—0 10. Kd6 Фа5.

Вот комментарий Талья к этому ходу: «Выпад ферзя принципиален. Если белые реагируют на него путем 11. Kpb1, то возможно хотя бы 11. . . C : d6 12. Ф : d6 Ke4. Поэтому мне было ясно: поддержать и развить инициативу можно только с помощью жертвы фигуры».

11. Cc4.

Когда на демонстрационной доске появился этот ход, я его не одобрил. Более того, в глубине души он меня даже возмутил. «Что он делает? — мелькнула мысль. — Сам способствует атаке черных на ферзевом фланге!»

Ответный ход Смыслов сделал быстро, и я стал еще больше сердиться на Талья за проявленное легкомыслие.

Признаться, мной начало овладевать чувство страха, которое обычно закрадывается в душу, когда исход борьбы становится проблематичным, а положение на доске — чреватым опасностью. Кстати, думается, что чувство страха нельзя отождествлять с трусостью, малодушием. Людям, которым присущи эти качества, лучше не связывать свою жизнь с шахматами.

11. . . b5 12. Cd2!

Этого хода никто в зале не ожидал! Белые собираются перевести слона на c3, а поле g5 освободить для ферзя. Вот тут я мысленно попросил у Талья прощения.

12. . . Фа6 13. Kf5!

«Еще делая свой 11-й ход, Таль должен был точно рассчитать все последствия предлагаемой сейчас жертвы слона, так как нельзя играть 13. Cb3 из-за 13. . . c5», — писал в своих комментариях В. Панов.

В принципе это замечание правильное, но что касается «точного

расчета», то по этому поводу мы предоставим слово Талю, чтобы заглянуть во внутренний мир шахматиста, и — самое интересное — познакомиться с его принципиальной оценкой создавшейся впоследствии критической позиции.

13. . . Cd8 14. Фh4 bc 15. Фg5.

«На эту позицию шли белые, — писал Таль в своих комментариях. — Попытка перехватить инициативу — 15. . . Ke8 16. Ф : d8 Ф : a2 не годится из-за 17. Сс3 Kef6 18. Л : d7 С : d7 19. Kh6+ Kph8 20. Ф : f6 — мотив в данном случае тематический.

Более сложные задачи ставило перед белыми 15. . . g6. Издали я намечал примерное 16. Kh6+ Kpg7 17. Сс3 Ф : a2 18. Лhe1 с атакой; но, видимо, еще сильнее 18. Kh4! Фa1+ 19. Kpd2 Фа6 20. K4f5+ Kph8 21. Kpe2! Ле8+ 22. Kpf1 с сильными угрозами.

Или 18. . . Ле8 19. Лhe1! Ле6 20. Kg4 Фa1+ 21. Kpd2 Фа6 22. Фh6+ Kpg8 23. Л : e6 fe 24. К : g6!! Ke4+ 25. Kpe2 К : c3+ 26. bc hg 27. Ф : g6+ Kpf8 28. Kh6, и от мата у черных защиты нет.

В то же время иной путь: 16. Сс3 Ф : a2 17. Фh6 gf 18. Kg5 из-за блестящего 18. . . Са5! — позволял черным отразить натиск, и белым пришлось бы ходом раньше довольствоваться ничьей: 18. Л : d7 С : d7 19. Фg5+ Kph8 20. С : f6+ С : f6 21. Ф : f6+ Kpg8 22. Фg5+.

Все эти варианты, по-моему, убедительное доказательство того, что жертва слона — интуитивна и что за доской рассчитать комбинацию до конца во всех ответвлениях было практически невозможно».

Невольно вспоминаю югославского мастера Владимира Вуковича, который почти ежедневно подходил к Вячеславу Рагозину, руководителю нашей делегации. Вукович старался доказать, что жертвы Талья в той или иной партии были некорректными или, в лучшем случае, нуждались в подтверждении дополнительными вариантами. Что касается партии со Смысловым, то югославский ветеран, как видно из примечаний Талья, взял на себя нелегкий труд доказать недоказуемое — «сто процентную» корректность интуитивной жертвы Талья.

Спустя пять лет Вукович издал книгу. Называлась она «Книга о жертве». Он, казалось, постиг тайну талевского подхода к подобным жертвам, если учесть, что одну из глав он даже назвал: «Радость от талевских жертв». В ней говорилось: «Не вызывает сомнений, что везение Талья — это везение сильного! Оно почти всегда вытекает из сложнейших позиций, когда Таль отваживается на дерзкую жертву, и его противник, попадая к тому же в цейтнот, начинает плутать в лесу вариантов».

И далее:

«Теоретическая подготовка, позиционная и эндшпильная техника, спокойствие и выдержка мастера — все это может в большей или меньшей степени удивить зрителя. Но тонкая и дерзкая жертва

имеет особую зажигающую силу, которая восхищает зрителя, ввергает его во власть надвигающихся бурь. Зритель чувствует, что в смелой жертве воплощены и черты отважного характера, присущие только настоящему человеку».

Может быть, специалист выразит свое сомнение, постарается аналитическим разбором выкристаллизовать истинную ценность жертвы. Но такой подход вызывает наше возражение: ведь шахматы не только наука! Следуя желаниям великих мастеров и широкой публики, шахматы по-прежнему являются воплощением борьбы, а значит, ценности человеческого характера играют доминирующую роль.

Эмануил Ласкер когда-то писал: «Я люблю силу, здоровую силу, крайне рискующую, чтобы достигнуть намеченной цели!»

Гордое высказывание, которое и вскрывает суть риска в жертвах!

Но вернемся к партии.

15. . . Kh5 16. Kh6+ Kph8 17. Ф : h5 17. . . Ф : a2.

И этот ход вызвал в мировой шахматной печати большой резонанс. Некоторые критики выносили поспешные выводы, доказывая, что вся затея белых — очередной «талевский блеф». Но послушаем вновь суждения самого Таля:

«Альтернативой — и значительно более приемлемой, как это выяснилось впоследствии, — у черных был лишь ход 17. . . Cf6 (плохо 17. . . Kf6 18. Фс5 Kd7 19. Фd6, и если 19. . . gh, то просто 20. Ф : h6 с неотразимой атакой), на что за доской белые собирались ответить 18. Сс3 С : с3 19. Kg5! g6 (единственное) 20. Kh : f7+ Л : f7 21. К : f7+ Kpg7 22. Фf3 Cf6 23. Kd6. И вот здесь последующие длительные анализы выяснили, что после 23. . . Ф : a2 24. Ke8+ Kpf7 25. Л : d7+ Кр : e8! белые должны примириться с ничьей — с подобными «издержками производства» при интуитивных жертвах часто приходится считаться.

Справедливости ради замечу, что путь к небольшому перевесу у белых все же был: 18. К : f7+ Kpg8 19. K7g5 h6 20. Ke4 Ф : a2 21. К : f6+ К : f6 22. Фа5.

После продолжения в партии защиты у черных нет».

18. Сс3 Kf6 19. Ф : f7! Фа1+ 20. Kpd2 Л : f7 21. К : f7+ Kpg8 22. Л : a1 Кр : f7 23. Ke5+ Крe6 24. К : c6 Ke4+ 25. Кре3 Сb6+ 26. Cd4, и черные сдались.

«Важный результат! — писала югославская печать. — После этого поражения экс-чемпион мира практически выключен из борьбы за первое место».

Это суждение оказалось пророческим...

Партия была отмечена специальным призом как красивейшая в турнире, а в 11-м номере западногерманского журнала «Deutsche Schachzeitung» за 1959 год напечатан отчет об этой партии под заголовком: «Таль в вельтмайстерской форме!». Стилль рижанина в нем

был охарактеризован так: «Таль играет предприимчиво, как Ботвинник, бродит над пропастью, как Ласкер, его коварство в дебюте и миттельшпиле напоминает доктора Эйве, неожиданными и фантастическими выдумками он идет по стопам Алехина, а блистательность его игры напоминает Морфи»...

По окончании седьмого тура, поужинав, участники перешли в холл гостиницы и расположились в удобных кожаных креслах. Тигран Петросян сидел рядом со своим секундантом Исааком Ефремовичем Болеславским, Петросян был удручен — в день доигрывания проиграл Глигоричу, причем проиграл окончание, в котором несколько раз упускал хорошие шансы добиться ничьей.

Тигран Вартанович никак не мог понять, как это он, тончайший знаток эндшпиля, мог допустить столько явных ляпсусов.

— Да, Исаак Ефремович, теперь ясно, мой проигрыш — это слезы Кереса... — говорил гроссмейстер. Москвич намекал на трагическое поражение Пауля Кереса во встрече с ним в четвертом туре, где эстонец долго имел предпочтительную позицию. Только в конце партии Керес просмотрел эффектную, хотя и элементарную жертву ферзя, ведущую к немедленному мату.

Правда, Керес не пал духом. После первой половины турнира он возглавлял турнирную таблицу, набрав 10 очков. Но чувствовать себя спокойно он еще не мог, ибо на пятки ему наступал Таль, отстававший всего на пол-очка. К тому же все победы Керес одержал в трудной, изнурительной борьбе, проводя бессонные ночи за анализом неоконченных партий. Нетрудно было заметить, что у него появились признаки утомления. Я обратил внимание, что на пятом часу игры, а иногда и раньше, Керес начинал потирать глаза, что было явным признаком усталости.

Может быть, эстонского гроссмейстера угнетало сознание того, что ему, старейшему участнику турнира, уже надо бороться под девизом: теперь или никогда! Уже дважды Кересу приходилось довольствоваться вторым местом — в Швейцарии и в Голландии, после чего у него появилось прозвище «Пауль-Второй». И Паулю Петровичу, видимо, очень хотелось сыграть матч на первенство мира! Но все это предположения. Что было у Кереса на душе на самом деле, никто знать не мог. Керес был по-прежнему собран, подтянут, сдержан. Поздравления побежденных противников он неизменно принимал с любезной улыбкой и с такой же точно улыбкой поздравлял тех, кто выиграл у него...

Турнир переезжал в Загреб. Там должен был начаться третий этап марафона. Но Роберт Фишер, кажется, забыв о своих переживаниях, находился в прекрасном настроении. В ответ на вопрос Таля, бывал ли он когда-нибудь в оперном театре, американец дискантом пропел марш контрабандистов из «Кармен».

— Скажи, Бобби,— продолжал Таль,— как тебе нравится стиль игры Ларисы Вольперт?

— Она слишком осторожна. Но у вас есть другая шахматистка — Дмитриева. Вот ее партии мне нравятся!

Тут мы буквально рты разинули от удивления. Мы с Мишей просматривали тысячи партий, но чтобы изучать еще и творчество шахматисток — это нам и в голову не приходило. Да и где взять на это время?! А вот Бобби, оказывается, нашел!

В фанатической любви Фишера к шахматам Таль сумел убедить еще во время цюрихского турнира, предшествовавшего турниру претендентов. Вот что Таль рассказал:

«Уже в Цюрихе играть с пятнадцатилетним Фишером было очень нелегко. Неимоверная жажда победы и значительно возросший класс игры делали его опасным противником для любого участника. Фишер не любил легких ничьих и сражался до полного истощения шахматного материала.

В партии со старейшим участником, венгерским гроссмейстером Геденом Барцой, Фишер не имел никакого перевеса, но, не желая отпустить соперника с миром, играл до 103-го хода. Партия трижды откладывалась, партнеры исписали два бланка, но и после того, как на доске остались одни короли, Фишер сделал еще два хода! Ничья! Потрясенный таким фанатическим натиском, Барца едва поднялся со стула, а Роберт говорит как ни в чем не бывало:

— Давайте посмотрим партию с первого хода. Где-то ведь я мог сыграть по сильнее!

И тогда Барца взмолился:

— Что вы, у меня жена, дети, кто будет их кормить в случае моей безвременной смерти!»

Необходимо подчеркнуть, что Таль, хотя и любил иногда добродушно подтрунить над Фишером за его чисто мальчишеские выходы, относился к юному претенденту с большой симпатией. Справедливости ради отметим, что и сам Таль иногда любил поозорничать. В этой связи вспоминается такой эпизод.

Охотники за автографами сильно докучали участникам. И тут Таль почему-то сам ринулся в толпу болельщиков и стал налево и направо раздавать автографы. И при этом ставил не одну фамилию, а две. Оказалось, первой он размашистым почерком ставил «подпись» Фишера, которую здорово научился подделывать, а потом собственную.

— Зачем вы это делаете? — смеясь, спросил шахматный композитор Харальд Ломмер.

— Видите ли, — также смеясь, отвечал Таль, — я этого бедного парня уже три раза победил и поэтому имею полное право царапать его фамилию...

И Авербах, и я были вполне удовлетворены игрой Таля в Блэде. Оба мы с радостью отмечали, что пребывание в этом городке,

расположенном в чудесной горной местности, благотворно сказывалось на нашем подопечном — он заметно окреп и посвежел.

Итоги первой половины турнира участники оценили по-разному.

Фишер досадовал по поводу большого количества поражений — их набралось семь — и бестактности организаторов турнира. Дело в том, что всем участникам турнира местные фабрики в качестве сувениров подарили образцы своей продукции. Мясокомбинат преподнес Талю большую колбасу типа «сервелат». Мы такую никогда не ели, сомневались — попробовать или нет. Сомнения помог «развеять» хитрый Владас Микенас.

— Дайте-ка, — сказал он, — я рискну ее съесть.

И... съел.

Пал Бенко получил от парфюмерной фабрики комплект духов и остался доволен — было чем одаривать своих многочисленных почитательниц.

Что касается упомянутой «бестактности» в отношении Фишера, то в качестве памятного подарка мыловаренный завод преподнес ему в изящной упаковке набор детского мыла.

Фишер расстроился также после второго поражения от Таля. Секундант успокаивал его как мог, но Бобби плачущим голосом спросил:

— А почему сегодня перед партией, когда мы обедали в ресторане, Таль помахал мне рукой и сказал: «Бобби, ку-ку»?

Секундантом Фишера был Бент Ларсен. Гонорар за секундантскую работу составил 1000 долларов, которые были собраны по инициативе матери Фишера и пожертвованы некоторыми меценатами Нью-Йорка. Но хлеб датчанина не был легким. Иногда Бобби целый день спал, а потом ночью вытаскивал из постели смертельно усталого Ларсена и заставлял его до утра анализировать дебютные варианты.

Более спокойные дни наступали для Ларсена, когда Бобби терпел поражение. Тогда юноша запирался в своей комнате, ничего не желая знать, что делается за стеной номера.

Бенко огорчался, что приходится прощаться с веселым танцбаром и танцами до упаду. Гроссмейстер, правда, жаловался, что не смог пригласить лучшего тренера. Но по этому поводу его секундант, югославский мастер Рудольф Марич, заметил: каков игрок, таков и тренер.

Еще более озабоченным был Фридрих Олафссон. Исландец с грустью думал о возвращении на родину: он не оправдал специальный фонд из добровольных пожертвований, обеспечивший ему участие в турнире.

Таль тайне сердился на меня — я попросил любителей настольного тенниса не принимать его в свою компанию, потому что Миша недавно перенес операцию. И все же на киноплёнке Таль оказался запечатленным за теннисным столом.

Очень довольны были кинорепортеры, снимавшие специальный фильм о турнире. Петросьяна им удалось заснять в роли гондольера

на прогулке по озеру со своим секундантом, грузным Болеславским. Олафссона и Глигорича они подстерегли в бассейне для плавания, а Кереса вместе с его секундантом, всегда веселым Владасом Микенасом — на рыбалке. «Они учатся ловить рыбу в мутной воде, — может пригодиться и в турнире», — гласил шутливый текст к помещенному в газете снимку.

Уже первый загребский тур оказался сенсационным. Керес в равной позиции подставил слона и через три хода был вынужден сдаться Фишеру!

Таль, который обычно проводил свои партии необычайно легко и после сделанного хода обязательно прогуливался по сцене энергичным шагом, как «тигр в клетке» (так отметили в своих отчетах югославские журналисты), на сей раз сидел с озабоченным лицом, низко склонившись над доской — ход за ходом его методически теснил Смыслов. Вот Таль уже без фигуры, а на одиннадцать ходов у него оставалась всего одна минута. Главный арбитр Гарри Голомбек не отходил от этой партии и напряженно следил за дрожащим флажком на часах Таля. Смыслов же играл спокойно, у него на оставшиеся ходы еще около двадцати минут. Но то ли Смыслова нервировало упорное сопротивление партнера, то ли он устал, трудно сказать, однако постепенно и он оказался в цейтноте. И тут Таль неожиданно пожертвовал ладью! Все увидели: если белые примут жертву, рижанин спасется «вечным шахом».

Свой 39-й ход Таль делает обеими руками — берется одной рукой за ладью, а второй нажимает кнопку на часах. Смыслов же в волнении так сильно ударяет по кнопке часов, что несколько фигур летят на пол. Таль молниеносно делает ответный ход, и Смыслов выводит на бланке слово «ничья».

Едва зрители, переполнившие Дом Народной Армии, успели успокоиться после этих двух драматических партий, как массу волнений вызвал у них поединок Бенко — Глигорич. Их кумир добился выигрышной позиции. Стремясь использовать «сумасшедший» цейтнот Бенко, Глигорич делает свой 38-й ход также в молниеносном темпе, мгновенно теряет свой перевес и тоже вынужден вскоре согласиться на ничью.

Неожиданный оборот приняла и встреча Олафссон — Петросян. Убедившись в том, что переоценил силу своих двух слонов, Петросян явно расстроился и начал играть неуверенно. Вскоре он был вынужден расстаться с пешкой. Партия осталась неоконченной, но москвич сохранял все шансы на ничью.

Назавтра наплыв зрителей был до того велик, что организаторам пришлось установить демонстрационную доску на балконе здания, в котором проходила игра. За борьбой претендентов теперь следили тысячи людей, и в течение нескольких часов движение на одной из центральных магистралей города — площади Революции — было остановлено.

И опять произошло нечто невероятное: Петросян ошибся в теоретически ничейной позиции и признал себя побежденным!

Часы показывали восемь вечера, на улице было довольно холодно, но заполнившая площадь толпа не расходилась. Болельщики требовали, чтобы Олафссон вышел на балкон. Крики «Олафссон! Олафссон!» не смолкали до тех пор, пока победитель, хмурясь от света прожекторов, не появился на балконе. Его бледное лицо сияло от радости. Стоять ему пришлось там довольно долго. Думается, что этот триумф надолго остался в памяти скромного исландца. Такие овации до начала турнира ему, вероятно, и не снились.

Итак, Талью удалось догнать Кереса. А в следующем туре он победил Глигорича, в то время как встреча Смыслов — Керес закончилась ничью. Таким образом, Таль впервые захватил лидерство. Но пол-очка — это весьма зыбкий перевес, тем более что первые симптомы усталости теперь появились и у Таля.

В семнадцатом туре рижанин отклонил предложенную Кересом ничью в равной позиции и затеял острую борьбу. Это было ответственное решение.

КЕРЕС ТАЛЬ

Кризис наступил после 22-го хода черных.

23. Л1 : d4! ed 24. e5 Kpf8! 25. ef?

Казалось, нормальная реакция, но белые просмотрели ответ противника. Керес, конечно, видел, что путем 25. С : f6 Фc1+ 26. Kph2 Ф : h6 27. Cg5 Фg7 28. Cf6 Фh6 29. Cg5 можно форсировать ничью, но теперь он предпочитал бороться за победу. Однако после сделанного хода белых черные перешли в контратаку!

25. . .Фс3! 26. Фg4 Фe1+ 27. Kph2 Ф : f2 28. Фh3 Фe1 29. Фb3 b5 30. ab cb 31. Фа3+ b4 32. Фb3 Фe5+ 33. Kph1 Фe1+ 34. Kph2 Фe5+ 35. Kph1 Фd6 36. Kpg1 d3!?

Осмотрительнее было бы 36. . .Фс5, и если 37. Cd2, то 37. . .a5. Но какой «спрос» с гроссмейстеров в страшнейшем цейтноте? 37. Фd1?

Многие комментаторы указывали, что в распоряжении белых был ход 37. Фс4. Тогда не проходило 37. . .d2 ввиду 38. С : d2! Ф : d2 39. Фс8+ Ле8 40. Фс5+ с матом. А после 37. . .b3 38. Фс8+ Ле8 39. Фс4 Ле6 40. Фс8+ белые форсируют ничью. Однако намеченное Талем 37. . .Фb6+ 38. Kph2 Фb5 39. Фс8+ Ле8 приводило к выигрышу.

В темпе блица еще последовало: 37. . .Фс5+ 38. Kph1 Фс2 39. Фf3 d2 40. С : d2 Ф : d2, и белые сдались.

Этот тур в психологическом отношении оказался решающим при распределении первых мест. Таль почувствовал прилив сил, укрепилась его вера в победу; Керес, естественно, был морально надломлен, а Петросян, проиграв Смыслову, в душе примирился с судьбой и в дальнейшем заботился лишь о том, чтобы занять относительно высокое место, что ему и удалось.

В этом круге большую «скорость» развил Смыслов. Петросян в беседе с корреспондентами сравнил Смыслова с тяжелым паровозом, который медленно набирает скорость, но который затем, когда разгонится, трудно остановить.

И в самом деле — если в двух первых кругах он набрал всего $5\frac{1}{2}$, то только в одном третьем им было завоевано 6 очков! Явно сдал Петросян, набравший в третьем круге всего 3 очка.

С предпоследним местом пришлось смириться Фишеру. Интересно развивались события в его поединке с Петросяном. Фишер получил опасную контригру на королевском фланге. Партия была отложена в позиции, где у обоих противников было по два ферзя. Фишер, имея лишнюю пешку, записал, однако, не лучший ход, и москвич добился ничьей.

Вот в этой красочной позиции партия была отложена.

42. $\Phi a1$.

В турнирном сборнике комментаторы писали: «Петросян облегченно вздохнул. Сильнейшим продолжением было 42. $c5!$ $\Phi : c5$ 43. $\Phi g8+$ $\text{Кра}3$ 44. $\Phi c2$ $\Phi b4$ 45. $\Phi a8+$ $\Phi a4$ 46. $\Phi : a4+$ $\text{К} : a4$ 47. $\Phi : c6$, и белые сохраняли шансы на победу».

В партии последовало: 42. . . $\Phi a3$ 43. $\Phi : a3+$ $\text{Кр} : a3$ 44. $\Phi h6$ $\Phi f7$ 45. $\text{Кpg}2$ $\text{Кpb}3$ 46. $\Phi d2$ $\Phi h7$ 47. $\text{Кpg}3$ $\Phi : e4!$ 48. $\Phi f2$ $\Phi h1$. Ничья.

ФИШЕР ПЕТРОСЯН

Когда в Белграде начался четвертый круг, у Талья было $15\frac{1}{2}$, у Кереса 14, у Смыслова и Петросяна по $11\frac{1}{2}$ очков. Но в первом туре этого этапа Керес чуть было не приблизился к Талю вплотную — он победил Фишера. А вот Смыслов, имея лишнюю фигуру против Талья, попал в цейтнот и последним контрольным ходом допустил грубейший в своей жизни зевок, после которого немедленно капитулировал.

Победив в следующем туре Кереса, Смыслов стал его успокаивать:

— Я ведь не принимаю участия в борьбе за первое место!

— Как же не принимаете? — ответил Керес, сухо улыбаясь. — Талю вы проиграли, имея лишнюю фигуру, а у меня выиграли.

Перед началом 24-го тура Таль опережал Кереса на $2\frac{1}{2}$ очка. Учитывая, что Таль в тот день плохо себя чувствовал, Авербах и я советовали ему не лезть на рожон, играть спокойно — ничья практически обеспечивала ему первое место в турнире.

Таль ответил:

— У Кереса на два с половиной очка меньше, и я просто не имею морального права уклониться от честной борьбы.

В том, что это были не пустые слова, мы убедились очень скоро. Миша явно «перестарался», разыграв дебют слишком уж скромно. Он позволил Кересу получить позиционный перевес и перевести пар-

тию в эндшпиль с лишней пешкой. Керес реализовал этот перевес, вновь продемонстрировав феноменальную технику.

Итак, перед началом 27-го тура разрыв в очках между Талем и его ближайшим преследователем сократился уже до одного очка, так как Керес в последних турах набрал 1½ очка, а Таль завершил две партии вничью.

В этом, предпоследнем туре Керес победил Глигорича и имел практическую возможность догнать наконец Талья. Дело в том, что Таль попал в партии с Фишером в проигрышное положение. Казалось, вот-вот американец заставит рижанина капитулировать. Трудно описать наши переживания, пока мы следили за этой встречей.

Обычно партии Талья я передавал по телефону в Ригу, где они демонстрировались в переполненных зрительными залах. Но на сей раз Таль попал в столь скверное положение, что я просто перестал подходить к телефону — мне не хотелось брать на свою совесть «коллективный инфаркт» рижских поклонников Талья.

Однако пусть лучше о своих переживаниях в этой критической ситуации расскажет сам гроссмейстер:

«На 18-м ходу Фишер вызвал острейший кризис, пожертвовав мне фигуру. Отклонить жертву означало перейти в скучный эндшпиль и бороться за вероятную ничью. Взять коня — еще хуже, все равно что идти по канату без страхующей сетки. Но тогда ошибиться и проиграть могут уже оба...

Критическим стал 22-й ход. Охватив голову ладонями, Фишер выбирал между шахом ферзем и маневром ладьи. Почти решающую атаку давало второе продолжение. Этот ход он записал на бланке, продвинул бланк так, чтобы я видел запись, и медлил. Испытывает меня — не нахмурюсь ли, не проявлю ли нервозность. Можно было заставить себя улыбнуться, но Бобби уже не ребенок, поймет. Что же делать? Очень хотелось, чтобы он переменил решение. И тогда я спокойно поднялся со стула и начал прогуливаться вдоль столика. С кем-то пошутил, поглядел для вида на демонстрационную доску и с довольным видом вернулся к своей позиции. Ручаюсь, что Фишер все это время смотрел на меня, а не считал варианты. Еще раз метнул на меня взгляд (я выдержал) и... зачеркнул ход на бланке! Дал шах ферзем, после чего в несколько ходов я добился решающего перевеса».

Стоит ли говорить, что эти «пируэты» Талья на краю пропасти нам изрядно потрепали нервы.

Накануне последнего тура у нас с Мишей произошел «серьезный» разговор.

«Будешь хулиганить, ей богу, заброшаю тебя с балкона (там сидели секунданты) помидорами», — «грозил» я.

Единственное, что мы ему разрешили, это, если Бенко выполнит свою угрозу и наденет темные очки, сделать то же самое. С этой целью мы одолжили у Петросяна солнцезащитные очки. Дело в том, что, проиграв Талю все три партии в предыдущих кругах, Бенко заявил на пресс-конференции, что Таль гипнотизирует противников своим взглядом.

И действительно — Бенко явился на игру в темных очках, что мгновенно вызвало оживление в зале. Но когда Таль тоже вытащил из кармана очки и не спеша их надел, зрители разразились хохотом.

На сей раз Таль оказался «пай-мальчиком». Правда, Бенко проявил необычайную воинственность и отверг предложенную Талем ничью. Но вскоре Миша добился подавляющего перевеса и, повернувшись лицом к балкону, весело нам улыбнулся.

А потом, к большому удивлению соперника, Миша в выигранной позиции объявил противнику вечный шах. Эта ничья делала Талья недостижимым для соперников.

Зрители устроили рижанину бурную овацию, несмотря на то что игрались еще остальные партии. Первым, кто подошел к Мише его поздравить, был Пауль Керес.

— Я безмерно счастлив, что стал победителем этого трудного марафона, — заявил Таль журналистам сразу по окончании этой партии. — Я давно мечтал сыграть с чемпионом мира хотя бы одну партию и теперь счастлив, что смогу сыграть с ним целый матч!

Крайне удивились бывшие соперники Талья, когда после официального закрытия турнира рижанин пригласил их на дружеский ужин. Такого еще не было в гроссмейстерской практике. В назначенный час явились все, кроме Бенко. Ужин прошел в веселой, дружеской атмосфере. Казалось, что все недавние переживания ушли в прошлое. И тут произошла история с тостом, которую я до сих пор не могу забыть.

Глядя на счастливое лицо Миши, я невольно вспомнил его отца, доктора Нехемье Талья, человека большой культуры, чуткого и заботливого отца. Это он научил Мишу играть в шахматы. Я представил себе, какую радость испытал бы Мишин отец, если бы дожил до этого дня. И так как я был тамадой, то предложил тост за наших отцов!

Казалось бы, тост как тост. Но видели бы вы реакцию Роберта Фишера! В его глазах появились слезы, и он немедленно удалился.

Откуда мне было тогда знать, что за резковатым поведением этого талантливого юноши скрыта глубокая личная трагедия. Только много лет спустя, читая его интервью, опубликованное в начале 70-х годов в загребской газете «Старт», я понял, почему Фишер тогда расстроился и ушел.

«Отец бросил мою мать, когда мне было два года. Я его не видел. Мать только сказала, что его звали Герхардом и что он немецкого происхождения. Дети, росшие без родителей, вырастают волками...», — сказал Роберт Фишер корреспонденту.

На рижском аэродроме все было подготовлено для торжественной встречи претендента на шахматную корону. Собралась большая толпа любителей шахмат, духовой оркестр играл марш. Но над Ригой стоял густой туман, и самолету в посадке было отказано. Диспетчеры дали указание взять курс на Минск. Однако из-за малого запаса горючего штурман не смог бы выполнить это указание.

В этом грузовом самолете летели только три пассажира — Миша, я и Мишин дядя, Роберт Борисович. Мы знали о грозящей нам опасности. Паниковал только дядя. Миша его успокаивал:

— Дядя, не волнуйся, — если упадем, то всего один раз!

Но перспектива «одноразового» падения дядю явно не устраивала.

Когда самолет сел на аэродроме в Даугавпилсе, штурман ткнул пальцем на указатель расхода топлива — баки были пусты.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ТАЛЯ

«ЗАПРОГРАММИРОВАННЫЙ» ГРОССМЕЙСТЕР

После короткого отдыха мы начали готовиться к матчу с Ботвинником. Детально изучили партии будущего соперника. Надо было получить более ясное и полное представление о его дебютном репертуаре, сильных и слабых сторонах его стиля.

Непосредственно передо мной стояла задача: на шахматном материале — партиях чемпиона мира, а также на моих личных наблюдениях (я был очевидцем матчей Ботвинника с Бронштейном и со Смысловым) составить «психологическую карту» чемпиона мира и выработать рекомендации как в плане общей стратегии ведения борьбы с ним, так и в плане отдельных партий.

«Неужели выдающийся шахматист нуждается в такого рода помощи, неужто он не в состоянии самостоятельно разобраться во всех психологических тонкостях по ходу матча?» — спросит читатель. Тем более что среди любителей шахмат популярен афоризм Бернарда Шоу: «Кто может, тот играет, кто не может — тот учит...»

Дело в том, что участники соревнований очень высокого ранга обычно находятся во власти повышенного возбуждения. На их психику давит чувство большой ответственности. И каждый шахматист знает: как только он включается в ответственное соревнование, его душевный настрой меняется настолько, что участник подчас находится на грани чуть ли не оцепенения.

В таком состоянии нелегко сохранить объективный взгляд на перипетии борьбы, и именно тренеру со стороны многое виднее. К тому же участник матча поглощен массой чисто шахматных проблем, и где ему еще заниматься хитроумной психологией?

Правда, тренер должен владеть не только искусством «психотерапии»: его психологические советы должны быть правильными и в то же время отвечать чисто шахматным требованиям.

Да простит мне читатель, что привожу слова Таля в мой адрес, сказанные им на одной лекции в Рижском университете шахматной культуры: «Маэстро мне никогда не давал ошибочного совета. Я это объясняю особой тренерской интуицией».

Итак, каким представлялся нам Михаил Ботвинник, как человек и шахматист?

Среди других великих гроссмейстеров Ботвинник отличался редким даром: всегда умел не только неторопливо обдумывать каждый шаг своей жизни, но и прогнозировать события и направлять свои усилия для достижения успеха.

Ботвинник еще в молодости понял, что у каждого шахматиста есть скрытые слабости, границы которых трудно установить. Но чтобы искоренить собственные недостатки, надо быть объективным, самокритичным. Мне представляется, что Михаил Моисеевич очень рано понял, что не всегда то, что хочется, — полезно, а то, что полезно, нам не всегда хочется делать.

Ботвинник — профессор, ученый, и стоит ли удивляться, что именно он сумел сам себя «запрограммировать» не только в шахматном плане, но и в обыденной жизни. Он считает элементарнейшей нормой поведения пунктуально придерживаться раз и навсегда установленного режима, не отклоняться ни на йоту от намеченного пути.

Чемпиона мира и в шахматах раздражает каждое отклонение от намеченного плана. Уже матч-турнир на первенство мира показал, что ему трудно приспособиться к оригинальному динамичному стилю Решевского, который в двух партиях начисто переиграл Ботвинника, и только хладнокровная игра в страшнейшем цейтноте американца позволила тогда москвичу все же закончить эти партии в свою пользу.

Конечно, любители шахмат предвкушали в предстоящем матче волнующую, драматическую борьбу! Никто не сомневался, что Таль, играя подчас на грани риска, заставит могучего соперника сильно «переживать». Весь шахматный мир рассматривал матч как столкновение антиподов. Прогнозы при этом сводились к одному: кому из противников удастся навязать свой стиль игры, тот выйдет победителем.

Для нас было ясно одно: ни в коем случае не попадаться под железный позиционный пресс Ботвинника, а тактическим прессингом лишить противника возможности объективной оценки ситуации.

Последнее отнюдь не просто — ведь, делая противнику определенные уступки в позиционном плане, надо не менее сильные козыри оставить для себя. Задача заключалась в том, чтобы психологическим «микроударом» лишить своего волевого соперника безоблачного творческого настроения.

НО ЭТОТ ДЯДЯ!

Предыдущие матчи на первенство мира свидетельствовали о том, что Ботвинник накануне поединка старался настроить себя против претендента, как бы накапливая некоторый запас спортивной злости.

Недоразумения с претендентом обычно возникали, когда оба соперника обговаривали условия предстоящего поединка. Ботвинник неизменно пытался диктовать такие условия, с которыми претен-

дент не всегда хотел или не мог согласиться. И уже в этот момент претендент становился Ботвиннику «несимпатичным».

Это «оружие» надо было выбить из рук Ботвинника, и я дал Талю совет быть на переговорах уступчивым и не вступать с чемпионом мира ни в какие конфликты. Таль так и поступил.

Чтобы исключить возможность подсказки со стороны секундантов, было предложено контролировать, простите, туалеты. Пожалуйста, пусть будет патруль,— охотно соглашается рижанин.

В случае, если в зале станет шумно, судьи по требованию одного из секундантов обязаны перенести игру в другое, изолированное помещение. Пожалуйста! (Дальновидный Ботвинник знал, что на смелые рейды Талья публика реагирует в высшей степени эмоционально. Талья это обычно воодушевляет, а противника угнетает.)

Правда, я был несколько раздосадован, что Миша в своей уступчивости явно перестарался.

Ботвинник, например, предложил процедуру записи секретного хода при откладывании партии. Его надлежало записывать на двух бланках, класть в отдельные конверты и вручать двум арбитрам. Чемпион мира полагал, что если один судья потеряет конверт, то у второго он сохранится.

— Зачем ты согласился на два конверта? Ты в спешке забудешь записать ход на двух бланках,— выговаривал я Мише по дороге в гостиницу по окончании переговоров с Ботвинником.

Но в целом уступчивость Талья достигла поставленной нами психологической цели. Сало Флор впоследствии рассказал, от души смеясь при этом:

— Ботвинник мне во время матча сказал: этот Таль совсем неплохой парень. Но знаешь, Сало, его дядя мне очень не нравится!

Итак, стрела вместо Талья оказалась нацеленной на дядю Миши — очень приличного человека, которого, кстати, Ботвинник лично не знал. Ботвинник хоть таким образом старался сохранить заряд спортивной злости.

В ПОИСКАХ ВАРИАНТА — НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ

Перед Мишей стояла трудная задача — своей игрой нанести противнику психологический удар. Только так можно было пробить брешь в обороне противника, подорвать в нем веру в себя.

В этом отношении мы придавали большое значение выбору дебютного варианта в первой партии матча.

«Что мне играть?» — с таким вопросом Таль всегда обращался ко мне перед началом партии. Это, конечно, не относилось к детальной раскладке дебютных вариантов и касалось в основном психологического подтекста при выборе того или иного дебюта, исходя из предполагаемой общей линии борьбы.

Не скрою, я нередко попадал в затруднительное положение. Однажды я решил схитрить:

— Знаешь, Миша, выбирай сегодня сам. По своему усмотрению. Но на это Миша, лукаво улыбаясь, ответил:

— Нет, скажите, что играть!

Я хорошо понимал, что Миша не хуже меня умел выбрать дебют и прекрасно знал, какой тактики придерживаться. Но, убедившись, по-видимому, что мои рекомендации в большинстве случаев оказывались полезными, он стал вроде бы суетливым: раз эти советы приносят удачи, ими надо пользоваться.

Вспоминается диалог матери с Талем:

— Знаешь, Миша, — сказала Ида Григорьевна, — ты никогда не должен разлучаться с маэстро, он тебе приносит счастье.

— Выходит, что маэстро — мой амулетик? — отозвался Таль.

— Пусть так! — согласилась мать.

Итак, накануне первой партии мне предстояло расшифровать психологический настрой Ботвинника.

Я не сомневался, что Ботвинник следил с некоторым раздражением за шумными успехами Таля, вокруг которого журналисты создали ореол славы. Газеты всего мира пестрели рассказами об успехах рижского гения, играющего подобно Николо Паганини «на одной струне» (имелись в виду большие материальные жертвы, когда немногие оставшиеся на доске фигуры совершали чудеса) с моцартовской легкостью и даже «демонической» силой.

Ботвинник, несомненно, очень внимательно изучал партии Таля, но, судя по его не особенно лестным высказываниям о стиле игры рижанина, находился под каким-то субъективным впечатлением.

Вот, к примеру, как Ботвинник характеризовал комбинационный стиль Таля: «В чем же состояла реальная основа шахматной силы Таля? — писал Ботвинник. — С точки зрения кибернетики и вычислительной техники Михаил Таль — устройство (!! — знак А. К.) по выработке информации, обладающее большими и памятью, и быстрым действием, чем другие гроссмейстеры: в тех случаях, когда фигуры на доске обладают большой подвижностью, это имеет важнейшее, решающее значение. Талю мало интересно, как объективно оценить позицию, к которой он стремился: пусть у него там будет объективно хуже, лишь бы фигуры были подвижны — тогда дерево перебора вариантов столь велико, что партнеру это будет не по плечу, а быстрое действие и память Таля скажутся. Вот и вся основа фантастической силы игры Таля: она покоилась на вполне прозаических факторах».

К счастью для шахматного искусства, Ботвинник с мечтой о создании кибернетического гроссмейстера пока остался в меньшинстве...

Нам было ясно, что Ботвинник постарается преподнести досконально изученный в домашней обстановке острейший вариант, чтобы заставить Таля врасплох и заставить этого «гения» в присутствии тысячи зрителей работать в поте лица, самостоятельно разбираться в дебрях вариантов. Ботвиннику, кстати, всегда доставляло большое удовольствие поймать противника на домашнюю заготовку. Правда, от этого удовольствия никакой гроссмейстер не отка-

зался бы, но факт остается фактом — никому из гроссмейстеров мира не удавалось столь часто ошеломлять своих противников коварными домашними разработками.

Большое психологическое значение придавал Ботвинник победе именно в первой партии. Да и не случайно тонкий психолог Давид Бронштейн на вопрос журналистов: «Кто победит в матче?», — ответил: «Кто выиграет первую партию».

Приятно было, что в первой партии Талю выпал белый цвет. Но, признался мне Миша накануне встречи, у него на душе скребли кошки. Как тут не стать суеверным: ведь именно в первом туре его преследовал какой-то рок!

— Припомните, маэстро, когда я выигрывал первую партию? — говорил мне Таль. — В последнем чемпионате страны проиграл, в Цюрихе — ноль, на Спартакиаде народов СССР тоже, а на турнире претендентов снял меня Смыслов, как ребенка... Меня ведь колодили в дебюте, миттельшпиле и в глубоком эндшпиле. Как бы хорошо ни стояла моя первая партия, я всегда находил способ ее проиграть.

Но мы оба, не сказав друг другу ни слова, подумали о том, что позволить Ботвиннику именно в первой партии одержать победу — совсем не обязательно.

Но возник вопрос — какую защиту изберет Ботвинник в первой партии? Сидели мы с Мишей, пересматривали разные идеи, гадали, но к общему решению так и не пришли. Оставался час до начала партии. Миша прилег чуть отдохнуть, а я пошел в свою комнату, захотел прилечь, но покоя не давала неизвестность. Надо было что-то предпринять. И вдруг меня осенила мысль...

Собрав теоретические листки, которые издавал экс-чемпион мира Макс Эйве и в которых приводились обычно актуальные варианты из новейших соревнований, я разложил их в своей комнате квадратом на ковре. Сам залез в квадрат и на четвереньках стал передвигаться от листка к листку, чуть ли не «обнюхивая» примеры. Может быть, это? Может быть, то?... Если кто-нибудь зашел бы в мою комнату и увидел, как взрослый дядя ползает по полу вокруг каких-то бумажек — я бы в тот вечер в театр имени А. С. Пушкина не попал. Мне бы пришлось долго убеждать психиатров в том, что у меня «все в порядке».

Конечно, случайность... Но мое внимание приковала партия Глигорич — Петросян из турнира претендентов 1959 года. Это был поистине сумасшедший вариант: белые съедают две пешки королевского фланга, но на 11-м ходу вынуждены вступить королем на поле, где в исходном положении находится ферзь! При этом белые «успевают»... отстать в развитии!

Глянул на часы и обомлел — до начала партии оставалось всего полчаса. Схватил листок и помчался к Талю. Миша сидел на диване. Он уже успел одеться «по-парадному» и явно ждал моего прихода.

Шахматный столик стоял рядом.

— Миша, тебе знаком этот вариант? — спросил я, быстро де-

лая следующие ходы: 1. e4 e6 2. d4 d5 3. Кс3 Сb4 4. e5 c5 5. a3 С : c3+ 6. bc Фс7 7. Фg4 f5 8. Фg3 Ке7 9. Ф : g7 Лg8 10. Ф : h7 cd 11. Кpd1!?

Таль, который до моего прихода сидел с крайне озабоченным видом, повеселел — все, что смахивало на парадоксы и к тому же с оттенком дерзости, Мише всегда нравилось. Таль, бросив на меня удивленный взгляд, только ответил вопросом на вопрос:

— Сумасшедший вариант?..

— Миша, — сказал я, — сейчас важнее всего поблефовать. Надо молниеносно отвечать на ходы Ботвинника — пусть думает, что вариант и у нас находился в центре внимания.

И мы отправились на игру.

Здесь мне хочется забежать немного вперед. Таль после 7-й партии слегка простудился; к нему пришел врач матча, который, кстати, был личным врачом Ботвинника (против этого Таль также не возражал!). После осмотра этот симпатичный старичок в дружеской беседе вдруг сказал: «Вы знаете, Михаил Нехемьевич, Ботвинник в ужасе. Он говорит, что с Талем нельзя играть — он все знает и все видит!»

И вот на сцене театра появляются приветствуемые аплодисментами арбитры и участники матча со своими секундантами. Многочисленные репортеры — советские и иностранные; щелкают затворы фотоаппаратов.

17.00. Главный арбитр, шведский гроссмейстер Гидеон Штальберг, предлагает фотоаппаратам оставить сцену и нажимает на кнопку часов. Гроссмейстеры быстро делают первые ходы.

За столом с одной стороны рядом со мной помощник главного арбитра, международный мастер Гарри Голомбек, с которым я успел познакомиться еще в Лондоне в 1939 году. Мы даже начали совместно писать книгу, но мой отъезд из-за начала войны разрушил наши планы. С другой — мой личный «противник» мастер Григорий Гольдберг, секундант Ботвинника, мужчина высокого роста и атлетического сложения. Он крайне эмоционален, горяч, беспредельно предан своему кумиру — чемпиону мира.

Представляете себе мою радость, когда в партии действительно возник этот «сумасшедший» вариант. И как мастерски сыграл Миша свою роль «всезнающего» гроссмейстера. Ради приличия он чуть-чуть подумал, но, потратив на первые 11 ходов всего 13 минут, сумел убедить соперника в том, что его мина не сработала... Ох, как это не любил Михаил Моисеевич!

Ботвинник, продумав 4 минуты, сыграл 11...Cd7.

Как мы потом узнали, именно это секретное продолжение чемпион мира припас к матчу. Петросян играл здесь гораздо слабее — 11...Кbс6 и после 12. Кf3 К : e5 13. Сg5! оказался в трудном положении.

Цель сделанного Ботвинником хода — не только завершить

развитие, но при случае посредством Cd7—a4, и угрожая продвижением d4—d3, перейти в контрнаступление.

12. Фh5+ Kg6 13. Ke2 d3! 14. cd Ca4+.

«Как ни странно, этот естественный ход оказывается неудачным. Гораздо сложнее была бы задача белых после простого 14. . . Кс6, с последующей длинной рокировкой» (М. Таль). И на самом деле, на e1 белый король находится в значительно большей безопасности.

15. Kpe1 Ф : e5 16. Cg5! Kc6 17. d4 Фc7 18. h4! e5 19. Лh3!

Макс Эйве когда-то писал, что самое трудное — скоординировать действие своих ладей, лишенных привычной взаимосвязи по крайним горизонталям.

Тигран Петросян комментировал сделанный ход Таля следующим образом:

«Поучительно проследить, как искусно Таль находит пути, позволяющие его ладьям вовремя прибыть на главный театр военных действий».

Ботвинник над своим ответным ходом продумал 14 минут. Заключительную часть партии Таль провел целеустремленно и сильно.

19. . . Фf7 20. de Кс : e5 21. Ле3 Kpd7 22. Лb1! b6 23. Kf4 Лae8 24. Лb4! Cc6 25. Фd1!

К этому ходу Таль в своей книге «Матч Ботвинник — Таль» писал: «Ферзь сделал свое дело — ферзь может уйти. Возникла довольно картинная позиция: белые ферзь и король после долгих странствий возвратились на отведенные им места; белопольный слон вообще еще не сделал ни одного хода».

25. . . К : f4 26. Л : f4 Kg6 27. Лd4 Л : e3+ 28. fe Kpc7 29. c4! dc 30. С : c4 Фg7 31. С : g8 Ф : g8 32. h5. Черные сдались.

Вот что писал Таль после этой партии: «Поражение М. Ботвинника в первой партии сразу поставило обонх партнеров в новые условия. Если до начала состязания М. Ботвинник для сохранения звания чемпиона мира мог удовлетвориться 24 ничьими (такой процент мирных встреч возможен, конечно, лишь на бумаге), то сейчас он должен был стремиться к победе, чтобы ликвидировать разрыв. В случае второго поражения положение М. Ботвинника значительно ухудшалось».

Нас очень интересовало, каким путем М. Ботвинник попытается сравнять счет: пойдет ли он на обострения, как в первой партии матча, или предпочтет тактику неторопливого позиционного «выжимания», сохраняя за собой «надежную ничью».

Именно для того, чтобы выяснить спортивную тактику М. Ботвинника, мы с А. Кобленцом при выборе дебюта остановились на излюбленном мною варианте староиндийской защиты, который я очень часто применял раньше и к которому, разумеется, чемпион мира был подготовлен».

Вот критическая позиция, которая создалась в результате солидной трактовки дебюта Ботвинником после 7-го хода черных. И вполне обоснованно Т. Петросян заметил в своих комментариях, что вся защита пользуется в теории «дурной славой». Вполне ре-

зонное мнение. У черных нуждается в защите пешка d6, у белых пешечный перевес в центре. Но у черных есть и свои позиционные козыри — давление слона по диагонали a1—h8 и пешечный перевес на ферзевом фланге. Характерно для творчества Таля: он согласен примириться с серьезными слабостями в собственном лагере, если ему видны контуры контригры, какими бы туманными они на первый взгляд ни казались.

БОТВИННИК ТАЛЬ

Но на этот раз Таль впервые почувствовал «тяжелую руку» противника. На протяжении всей партии он находился под позиционным прессом соперника и с большим трудом добился ничьей.

НУ И БОМБА!

Для третьей партии нами была подготовлена новая психологическая «мина». Мы правильно предположили, что после постигшей его неудачи с французской защитой Ботвинник прибегнет к испытанному своему оружию — защите Каро-Канн. И вот по совету Р. Нежметдинова был заготовлен ответ, который нигде не применялся в турнирной и матчевой практике.

После 1. e4 c6 2. Kc3 d5 3. Kf3 Cg4 4. h3 C : f3 Ботвинник, очевидно, собирался записать ожидаемый им ответ Таля 5. Ф : f3, но последовало 5. gf!?

Ход имеет свои плюсы и минусы: укрепляет центр, открывает линию «g», отличается новизной. Невыгодность этого хода тоже налицо — на f3 появляется сдвоенная пешка, пешка h2 изолирована, ослаблен в целом весь королевский фланг белых.

Но в психологическом отношении этот ход явно выбил Ботвинника из колеи. Если на предыдущие ответы он тратил по минуте, то теперь погрузился в раздумье на целых 15 минут. Он стал машинально поправлять узел галстука, а это известный признак того, что Ботвинник чем-то смущен. Что касается его секунданта, то лицо Гольдберга налилось, стало багровым. Он бормотал одни и те же слова:

— Ну и бомба, ну и бомба!..

5. ...e6 6. d4 Kd7 7. Cf4?

При домашней подготовке Таль сделал этот ход, но быстро убедился, что он не соответствует требованиям позиции. Мы рассматривали 7. Ce3, 7. Фd2 и 7. 0—0—0.

Какой черт Таля попутал сделать этот ошибочный ход после восьмиминутного обдумывания? Но это относится уже к парадоксам «черного ящика», как психиатры шутя именуют наш мозг.

Ботвинник нашел глубочайший стратегический план и захватил инициативу. Но Таль отчаянно защищался, сумел, как писалось в одном отчете, «выскользнуть из мышеловки, когда она вот-вот грозила захлопнуться».

Я с досадой следил за этим поединком, все еще переживал ляпсус Талья на 7-м ходу. Но одновременно вспомнил критиков, твердивших, что Таль, мол, допускает ошибки, что это является характерной чертой его легковесного стиля. Но теперь, когда я пишу эти строки, мне вспоминается контраргумент мастера Евгения Загорянского, который писал:

«Для Талья шахматы — тропический лес, наполненный чудесными находками и увлекательными приключениями. А что касается ошибок Талья, то Таль о безошибочности и не думает. Он всегда готов сделать ошибку, признать ошибку и исправить ее на ходу, не проиграв при этом партию. Разве может быть боевая партия без ошибок?»

И в этой встрече Таль свою ошибку «исправил» — и спасся.

Ничейный исход был в какой-то степени закономерен. Ведь тут не было слепого счастья. Миша оказал своему противнику такое яростное сопротивление, заставил его решать столь сложные проблемы, что на последние семь ходов у Ботвинника осталась всего одна минута. Казалось, вот-вот упадет стрелка. Штальберг уже не отходил от столика, впился глазами в циферблаты шахматных часов. Вообще швед, следивший за борьбой, сидя за судейским столом, казалось бы скучающим видом, в критические моменты цейтнотной горячки перевоплощался.

После этой партии мы сделали еще один немаловажный вывод — в игре Ботвинника наблюдаются признаки неуверенности. И это давало основание полагать, что ему придется испытать в цейтноте немало тревожных минут. Это обнадеживало...

Мы, однако, хорошо понимали, что еще рано делать далеко идущие выводы, и вскоре убедились в этом, когда закончились четвертая и пятая партии.

В газете «Советский спорт» Тигран Петросян писал по поводу этих встреч:

«Давление, оказываемое чемпионом мира в этих партиях, равнялось тысячам атмосфер. Шахматисты знают, как трудно выдержать такой нажим чемпиона мира».

Когда мы уехали из Риги, местные болельщики вздыхали: «Ох, и везет же этим москвичам — они будут свидетелями такого поединка!».

Но выяснилось, что не всем москвичам повезло. Те болельщики, которые попали в зрительный зал театра им. А. С. Пушкина, конечно, блаженствовали, но что можно сказать о толпах людей, стоявших весь вечер, невзирая на холод и снег, на Тверском бульваре? Когда им так стоять надоело, они скандировали: «Доску, доску, доску!», пока организаторы не выносили большую демонстрационную доску, на которой делали ходы для тех, кто следил за матчем стоя на улице.

Хотя у большинства москвичей рабочий день кончается к шести часам вечера, уже в половине пятого зал был переполнен. Когда сидевший рядом со мной Григорий Гольдберг увидел в зале своего брата, он сердито проворчал:

— Негодник! Удрал раньше времени с работы (Гольдберг был инженером и на время матча оставил вместо себя своего брата).

А что творилось в Риге? Рижский шахматный клуб был настолько переполнен, что болельщики буквально переломали там всю мебель: чтобы лучше увидеть партию, многие забирались на стулья и столы. Кстати, и другие крупнейшие города связывались с театром им. А. С. Пушкина по телефону, и десятки журналистов передавали каждый ход в свои газеты. Страну охватил неопишуемый ажиотаж, это был блистательный праздник шахмат!

Надолго запомнилась зрителям, да и всем болельщикам страны, 6-я партия матча.

Накануне этой встречи Миша неожиданно спросил: «Слушайте, maestro, как долго он будет держать меня в партере?»

Причин для недовольства у Таля было несколько, хотя он о них не говорил. Несмотря на то что начало матча принесло претенденту перевес в очко, в четырех последних партиях Ботвинник диктовал свою волю. Не вполне устраивала Талья дебютная постановка игры черных. С опаской я начал чувствовать, что Талья начали угнетать эти бесконечные анализы, это нервное напряжение, повлекшие за собой беспокойный и неглубокий сон. А сколько физической и нервной энергии потребовала сама игра на сцене!

В начале 70-х годов крайне откровенное и весьма правдоподобное признание сделала тогдашняя чемпионка мира Нона Гаприндашвили: «Как тяжело шахматистам именно от того, что они ведут поединок в статичном положении! Как ни странно, но именно это неподвижное сидение особенно изматывает физически. Не случайно шахматисты во время матчей на первенство мира теряют по 6—7 килограммов».

Этим, кстати, и объяснялось невезение Таля, также не переносившего этой изнурительной неподвижности: сделав очередной ход, он сразу вскакивал со стула и начинал быстро ходить по сцене или кружить около столика.

Уже выбор старониндийской защиты в 6-й партии свидетельствовал, что Таль решил в этой встрече изменить характер борьбы. Однако Ботвиннику удалось направить игру в русло спокойной позиционной борьбы. Но когда чемпион мира сделал свой 21-й ход, Таль не выдержал и на ровном месте пожертвовал коня, получив взамен всего одну пешку!

Последовало: 21. ...Kf4?

Вот что писал Таль по поводу этой жертвы: «Аналитики привели целые вереницы вариантов, что в шестой партии я должен был потерпеть поражение... Возможно, очень возможно. Но в том-то отличие шахматной борьбы за доской от неторопливого домашнего анализа, что аргументы надо находить немедленно! Да, я рисковал, когда на 21-м ходу поставил под бой коня, но опровергнуть жертву было не просто!

БОТВИННИК ТАЛЬ

Все мои оставшиеся фигуры явно прибавили в силе. Особенно грозным стал боевой староиндийский слон, который до этого упирался в собственные пешки».

Когда ход конем появился на демонстрационной доске, раздались аплодисменты, забурили страсти болельщиков — загудел весь зал. Зрители не скрывали своего восхищения проявленной Талем отваги!

Мне уже не первый раз приходилось становиться свидетелем, как Таль неожиданно ошеломлял своих противников дерзкими, неожиданными жертвами. Если вдуматься глубже, Таль в подобных случаях наносил в первую очередь психологические удары. Срабатывал не только эффект неожиданности — чувствуя, что симпатии зрителей склоняются на сторону Таля, противники приходили в уныние, растерянность. К тому же им приходилось справляться и со сложнейшими, чисто шахматными проблемами. Да и Талья восторженная реакция зрителей в таких случаях, конечно, воодушевляла, чего не скажешь о его сопернике.

Гольдберг сразу заметил разительную перемену в поведении Ботвинника — реакция зрительного зала не только расстроила его, но и вызвала сильное раздражение. Так дерзко с ним играть еще не осмеливался ни один гроссмейстер на протяжении всей его долголетней блестящей карьеры!

Взволнованный секундант попросил главного арбитра перенести игру в изолированное от зрителей помещение.

Штальберг всячески пытался успокоить зрителей, а Голомбек непрерывно нажимал специальную кнопку, после чего вспыхивал на табло электрический сигнал: «Соблюдайте тишину!»

Но успокоить зрителей судьям не удалось. Тут мне хочется привести прекрасные строки из одной газетной статьи журналиста Виктора Васильева, посвященные зрителям шахматных соревнований: «Мир шахмат. Загадочный, странный, чарующий мир. Мир, в котором логика и знание действуют заодно с фантазией, в котором чувство прекрасного способно взять верх над трезвым расчетом, в котором иной раз на авансцену вторгается спорт с его беспощадностью, суровой справедливостью, кипением страстей.

Какую сложную гамму самых противоречивых чувств разыграла партия на лицах свидетелей единоборства! Вызвать сопереживание — это привилегия искусства, и разве лица этих людей, мыслящих, борющихся, торжествующих и страдающих вместе с участниками партии, разве не убеждают они, что мир шахмат, мир деревянных фигурок, одухотворенных человеческим разумом и страстью, — это действительно волшебный, волшебный, волшебный мир!»

Между тем на доске разворачивались драматические события.
22. gf ef 23. Cd2 Ф : b2 24. Lab1 f3 25. Л : b2.

Вполне логичный ход. Имея на фигуру больше, Ботвинник решил разменять ферзей, но, видимо, не заметил 26-го хода Таля.

Можно представить и душевное состояние Ботвинника. На его лице, как мне показалось, появились красные пятна, он казался растерянным.

Гольдберг, привыкший видеть своего подопечного за доской всегда спокойным и самоуверенным, хорошо понял личную драму, которую переживал в эти минуты Ботвинник. Вот почему он так категорически потребовал, чтобы игра была перенесена в изолированное помещение.

Тем временем возбуждение в зале улеглось, и мне казалось, что можно и не прибегать к столь радикальной мере. Но главный арбитр уже принял решение, и на сцене осталась лишь демонстрационная доска.

О том, как Таль воспринял эту перемену, можно судить по его собственным словам:

«Секундант Ботвинника еще на 21-м ходу попросил арбитра перенести партию в отдельную комнату. Но Штальберг раздумывал. Наконец, к 28-му ходу он решился.

Ох, и неприятная это процедура, когда тебя уводят со сцены! Все делается корректно, все сопровождается извинениями, но... Надвигался цейтнот, я только углубился в расчет сложного варианта, и вдруг: «Пожалуйста, пройдите!» Делать нечего (я сам согласился на это правило!), и сцену пришлось покинуть.

Шахматисты знают, как роковым образом может обернуться для них любой раздражающий импульс. Даже пустяковый. А такая смена декораций может и вовсе выбить из колеи. Сев снова за доску, я долго не мог вспомнить, какой вариант рассчитал. Начал все снова. И, конечно, просмотрел красивый удар, который сразу приводил к победе».

25. . . fe 26. Лb3 Лd4 27. Ce1 Ce5+ 28. Kpg1.

Таль сыграл 28. . . Cf4, просмотрев следующую красивую возможность 28. . . Л : c3! 29. Лb : c3 Лd1 30. Лc4 Cb2, и черные выигрывают.

Однако и после сделанного хода белые не спаслись.

29. K : e2 Л : c1 30. K : d4 Л : e1+ 31. Cf1 Ce4.

Активные слоны и лишняя пешка обеспечили черным несложный выигрыш.

Через несколько дней С. Флор указал на следующий красивый вариант: 25. C : f3! C : b1 26. Л : b1 Фc2 27. Ce4!! Л : e4 28. K : e4! Теперь, как после 28. . . Ф : b1 29. K : d6 Лf8 30. Фе6+ Kph8 31. Kf7+ Л : f7 32. Ф : f7 Фf5 33. Ф : f5 gf 34. Kpg3 Ce5+ 35. Cf4, так и после 28. . . Ce5+ 29. Kpg2 Ф : b1 30. K : d6! C : d6 31. Фе6+ Kpg7 32. Фd7+! эндшпиль в пользу белых.

Но, увы, разве мыслимо в преддверии цейтнота (у Ботвинника оставалось на 15 ходов менее получаса) найти такие поистине этюдные идеи, учитывая душевное смятение шахматиста?

Как бы то ни было, поражение в 6-й партии должно было подействовать на Ботвинника чрезвычайно тягостно — в 7-й в хорошем положении чемпион мира просмотрел несложную комбинацию и сдался на 52-м ходу. Счет стал 5 : 2 в пользу претендента.

А СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК БЛИЗКО!

О наших настроениях после 7-й партии откровенно рассказывает автор книги «Матч Ботвинник — Таль»: «Нужно признать, что ход борьбы в первых семи партиях не вполне устраивал нас, так как и седьмая партия долгое время протекала в нежелательном для меня плане. У нас с А. Кобленцом создалось впечатление, что я еще не вошел в форму, и поэтому играть восьмую партию было психологически трудно: с одной стороны, какое-то подсознательное ощущение, что исход матча чуть ли не предreshен, и, с другой, ошутимое сознание того, что предстоит еще долгая, упорная борьба с таким негнбаемым шахматистом, как М. Ботвинник.

С точки зрения спортивной, самым разумным было бы начать после седьмой партии подчеркнuto спокойную игру, предлагая партнеру самому бросаться в рискованные атаки. Но играть на ничью семнадцать партий — перспектива достаточно неприятная. Если учесть к тому же, что я еще не полностью вошел в форму, то станет понятным наше решение: попытаться в тактической борьбе закрепить успех. Мне и сейчас кажется, что на этом этапе «игра стоила свеч». И поэтому ни тренер, ни я сам не упрекали себя за азартную игру, явившуюся первопрочиной проигрыша восьмой партии».

После 33-го хода черных на доске создалась следующая позиция.

Как видите, белые добились значительного перевеса, но, оказавшись в цейтноте, Ботвинник не нашел правильного продолжения. До падения флага у Ботвинника оставалось 3 минуты, а у Таля — 13.

БОТВИННИК ТАЛЬ

34. Лс?

Оказывается тяжелой ошибкой. После 34. Лd4 белые сохраняли преимущество.

Но тут Таль допустил тактическую ошибку — последние ходы он начал делать молниеносно, будучи захвачен цейтнотным ритмом партнера.

34. . . Лbc8? 35. Ка5 С : e2 36. Л : e2 К : c3 37. Л : c3! Л : c3 38. К : b7 Л : e3?

Когда был сделан этот ход, у Таля уже оставалось всего 4 минуты. По инерции он еще считал, что по-прежнему сохраняет шансы на победу.

Следовало продолжать 38. . . Лb8 39. К : d6 Лd3 40. К : f5 Л : d5 41. e4 Л : f5 42. ef Л : b6 с неплохими шансами на ничью.

39. Л : e3 Л : e3 40. К : d6 Лd3 41. Кf7+!

Этот ход был записан Ботвинником после 29-минутного размышления. Черные сдались не возобновляя игры.

Ночью, анализируя партию, мы обнаружили, что черные могли выиграть ходом 34. . . Лс8. За игрой Таль видел этот ход, но ему было «жалко» снять давление с полуоткрытой линии «е».

«Вот она, гипнотическая сила «естественных» ходов!» — писал Таль в своих комментариях.

При 34. . . Лес8 Таль также выиграл бы качество, но сохранил при этом пешку b7.

Боже мой! Как мы оба расстроились! Ведь в случае победы счет стал бы 6 : 2, и по существу исход матча был бы предreshен. Мне казалось, что мои ноги налиты свинцом, когда я угрюмо тащился в свою комнату. Мысль, что теперь предстоит начать все заново, не давала покоя всю ночь.

Общезвестная истина — шахматист должен мириться с неудачами — была для нас слабым утешением.

КОГДА СОПЕРНИК К ЖЕРТВЕ ГОТОВ

В 9-й партии Таль после 1. e4 c6 2. d4 d5 3. Kc3 de 4. K : e4 Cf5 5. Kg3 Cg6 6. K1e2 Kf6 7. h4 h6 8. Kf4 Ch7 9. Cc4 e6 10. 0—0 Cd6 пожертвовал фигуру — 11. . . K : e6!?

Психологическая основа жертвы заложена в предположении, что Ботвиннику будет не просто найти правильный план защиты.

«Наш просчет,— писал впоследствии Таль,— заключался в том, что мы на сей раз несколько недооценили феноменальную аналитическую силу М. Ботвинника. Уже первые ходы после жертвы, а особенно тот факт, что М. Ботвинник играл довольно быстро, убедили меня в том, что партнер тщательно проанализировал позицию, возникающую после жертвы».

Когда после 11. . . fe 12. C : e6 Фc7 13. Le1 Kbd7 14. Cg8+ Kpf8! 15. C : h7 Л : h7 16. Kf5 Ботвинник пожертвовал третью пешку посредством 16. . . g6!, всем стало ясно, что надежный защитительный маневр чемпиона был им заранее подготовлен.

За фигуру белые имели вполне достаточную компенсацию, но в дальнейшем Миша не использовал своих шансов, и Ботвинник точной игрой одержал вторую победу подряд.

Свое настроение после 9-й партии хорошо объяснил сам Таль: «Когда результат стал 5 : 4, момент слабости (об этом мы писали накануне 8-й партии.— А. К.) был преодолен, и началась борьба с одинаковыми шансами, причем в эту минуту я испытывал гораздо большую веру в свои силы».

И действительно, 10-ю партию Таль играл спокойнее, увереннее. В этой партии, кстати, состоялась любопытная «дуэль» секундентов. Я заметил, что, пока Таль обдумывал свой ход, Ботвинник сделал своему секунданту знак, кивнув головой. Гольдберг буквально вскочил со стула и исчез в лабиринте коридоров, опоясавших сцену. Вскоре он вернулся, и Ботвинник наградил его благодарным взглядом.

Меня заинтересовало, какое задание должен был выполнить Гольдберг во время партии? С безразличным видом я поднялся со стула, обошел коридор и все понял. Напротив сцены находилось помещение, где лежали декорации. Там и находился люк, через который декорации выносили во двор. Если его открыть, на сцену поступал свежий воздух. Ботвиннику было, конечно, хорошо известно, какое благотворное влияние оказывает кислород. Тем более

что на сцене от зажженных люстр было очень жарко. Я, конечно, тоже не противник свежего воздуха, но теперь на сцене гулял сквозняк, который к тому же дул Мише в спину.

Мне ничего не оставалось, как тихонько прикрыть люк и опять — с безразличным видом — вернуться на свое место.

Вскоре Ботвинник вновь сделал своему секунданту тайный знак, и тот вновь сорвался со своего места. А я, в свою очередь, также отправился на «прогулку»... Словом, весь вечер секунданты только тем и занимались, что один открывал, другой закрывал люк. Однако при этом мы о нашей «дуэли» не обмолвились ни словом, п... она ничуть не испортила нашего корректного и дружеского взаимоотношения.

Во время 10-й партии зрители стали свидетелями хитроумной манипуляции при откладывании партии. Когда Ботвинник сделал свой 40-й ход, его часы показывали 2 часа 29 минут, Таль затратил 2 часа 20 минут.

А на доске возникла следующая позиция.

Над своим естественным ответным ходом Ботвинник продумал 11 минут, ожидая, когда Штальберг по истечении 5-часовой игры подойдет с конвертом: партия будет отложена, и Талю придется записать свой ответный секретный ход.

Но после 41. Кр : e4 Таль молниеносно ответил 41. . . Сh6, и ответный ход пришлось записать уже Ботвиннику, который потратил на это дополнительно 14 минут.

БОТВИННИК ТАЛЬ

Вместо хода слоном сильнее было 41. . . Лс3!, после чего черные, имея лишнюю пешку и возможность постепенной активизации слона, сохранили бы очень хорошие шансы на победу.

Забегая вперед, замечу, что тактика записанного хода была единственной шероховатостью во взаимоотношениях с Ботвинником.

И мне думается, что зря впоследствии Ботвинник жаловался в печати, что Таль заставлял его при откладывании партии после 5-часовой игры записывать свой ход. Суть, по словам Ботвинника, состояла в том, что утомленный партнер может записать неудачный ход. И зря обвинил Ботвинник Талья в трюкачестве — всем известно рыцарски корректное отношение Талья к своим товарищам и противникам. А если говорить всерьез, то Ботвиннику хорошо известно, что матчи на первенство мира — суровая борьба, где каждый вправе использовать свой практический шанс, конечно, не нарушая этических норм.

КОГДА ПРОИГРЫШ — ТРАГЕДИЯ

Михаил Ботвинник — человек сильной воли, умеющий скрыть свои эмоции, но, проиграв 11-ю партию, он оставил сцену буквально сломленным, глаза за роговыми очками казались удивительно груст-

ными. Ботвинник, являвшийся многие годы моим кумиром, стиль игры которого для меня был примерным, казался мне в эти минуты столь несчастным, что я в глубине души его пожалел. Однако я долго не мог понять, что могло так сильно подействовать на этого титана? Миша партию ведь выиграл заслуженно, сильной и логичной игрой, а поражения Ботвинник обычно воспринимал с философским спокойствием. Только в 1961 году я, прочитав следующие строки Ботвинника, понял, что проигрыш этой партии означал для москвича целую трагедию.

Вот что писал он о стиле игры Талья: «Меня поражало, что партнер, вместо того чтобы играть «по позиции» (так меня учили в молодости), делает с виду нелогичный ход: логика его имела сугубо практический смысл — поставить партнера перед трудными задачами. Воздадим Талю должное: когда партнер ошибался, Таль находил изящные и неожиданные решения».

Однако именно в 11-й партии Таль вел игру в строгом позиционном ключе. Накапливая мелкие позиционные преимущества, претендент выиграл партию, невзирая на отчаянное сопротивление соперника, в глубоком эндшпиле.

Впоследствии Таль писал: «Для Ботвинника такая метаморфоза моего стиля была особенно неприятна, ведь я победил его же оружием... Если раньше считалось, что я достигаю успеха только тактическим путем, а стратегия, мол, это монопольное оружие Ботвинника, то теперь...»

Забегая вперед, хочу отметить, что в позиционном духе Таль выиграл и 19-ю партию. Правда, это поражение Ботвинник не воспринял столь болезненно.

После 40-го хода создалась следующая позиция. Каждый из противников потратил по 2 часа 29 минут.

Перед Талем стояла дилемма — сделать ход за доской или, подождав, по истечении 5-часовой борьбы записать свой секретный ход в конверте? Свое отношение к выдвинутой проблеме Таль изложил на страницах книги о матче.

41. Лf4.

«Этот естественный ход я предпочел сделать за доской, чтобы черные решились на ответственное решение без исчерпывающего домашнего анализа. Думаю, что в этом нет ничего неспортивного».

Партия была отложена, и М. Ботвинник, после более чем 40-минутного обдумывания, записал свой ход. Пока что под ударом конь f6. Черные могут защитить его ферзем путем 41...Фе7, 41...Фf8, 41...Фd8 или 41...е5, а также отступить атакованным конем на g4, d5, e8 и d7.

Как видите, принятое мною решение оказалось не столь уж приятным — пришлось потратить всю ночь и следующее утро перед доигрыванием на анализ всех ответвлений, в то время как М. Ботвинник должен был анализировать только одно».

ТАЛЬ БОТВИННИК

А разве в 10-й партии Ботвинник не прибегал к аналогичной тактике? Правда, там Таль сделал свой ответный ход молниеносно, но он оказался... ошибочным!

После записанного хода 41. . . ♔f8 последовало: 42. ♕e3 Kd5 43. Л : f7 ♕ : f7 44. ♕e5! Kc7 45. ♕c5! ♔f3 46. С : h7+ Л : h7 47. ♔g5+ Kph8 48. ♔d8+ Kpg7 49. Л : h7 Кр : h7+ 50. ♕ : c7+.

Таль перевел игру в выигранный ферзевый эндшпиль. На 72-м ходу Ботвинник сдался. В общей сложности поединок длился 7 часов 33 минуты.

«ЗА КАДРОМ»

В 12-й партии повторилась обычная картина, которую мне доводилось видеть на первенствах мира. Затраченная энергия начала сказываться на игре гроссмейстеров.

Вот как об этом пишет сам Таль: «Иногда считают, что самыми «выигрышными» для комментаторов являются партии, последовательно проведенные одной или обеими сторонами от начала до конца. В таких партиях легко нарисовать логическую картину, определить переломные моменты, можно совсем обойтись без вопросительных знаков (в этом немаловажный плюс, особенно если комментируешь свои партии).

БОТВИННИК ТАЛЬ

Но что поделаешь? В соревнованиях последних лет таких партий встречается все меньше и меньше. Неужели стали хуже играть? Нет, дело вовсе не в этом. При высоком и, главное, равном классе партнеров, да и еще при современном понимании шахмат провести свою идею «по гладкой дорожке» удастся очень редко. Сплошь и рядом дорога пестрит ухабами, того и гляди — можешь свалиться.

Часто бывает, что один из партнеров оступается и уже почти летит в пропасть, но чудом или благодаря «протянутой руке» вновь ступает на ровное место. И вместе с тем борьба в таких партиях очень интересна, так как ошибок все-таки меньше, чем ходов, а идей, замыслов и комбинаций — значительно больше. 12-я партия как раз относится к числу тех, в которых многочисленные комментаторы не уставали находить ошибки. Хочу только добавить, что исключительно напряженная, полнокровная борьба абсолютно без ошибок — это мечта явно подальше межпланетного шахматного турнира».

Самое трудное для преданного болельщика шахматных соревнований, и тем более для тренера, заключается в том, что они, сидя в зале, видят явный путь к победе, а их кумир не использует подвернувшийся шанс. В этом отношении мне надолго запомнился следующий эпизод из многострадальной 12-й.

Чемпион мира сыграл 31. . . ♙f1? Гольдберг старался сохранить спокойствие, но по его бледному лицу я мог заключить, сколько душевных сил ему это стоило. Мы ведь оба сразу заметили, что Таль может немедленно решить судьбу боя в свою пользу, нанеся Ботвиннику несложный тактический удар ходом 31. . . ♗eh4!

Как радостно забилося мое сердце! Меня радовало, что Таль не спешил с ответом. Рецидив поспешности, импульсивных ходов — «грехи» его молодости — время от времени проявлялись и в его гроссмейстерской практике. Но на сей раз, я думал про себя, Миша молодец — надо сдерживать свое эмоциональное возбуждение, осознать громадную ответственность — шутка ли сказать! — идет борьба за шахматную корону мира. Прошла одна минута, две, три и на пятой минуте появился наконец ход Миши на демонстрационной доске. В зале раздался чуть ли не вопль разочарования болельщиков рижанина (мое состояние читатели сумеют понять). Таль сыграл 31. . .Le1?

Впоследствии Таль объяснил свой ляпсус: «Продолжение Le4 я рассматривал ходом раньше. Тогда оно ничего не давало — белый король скрывался на ферзевом фланге. Теперь же черные, просто забыв про этот ход, обратили внимание на другую тактическую возможность».

Вот что Талья занимало после следующих форсированных ходов: 31. . .Le1 32. Фb5 Фh3 33. f3.

«Здесь я некоторое время анализировал эндшпиль, который получался после 33. . .Лb6 34. Фd3 Лbb1 35. Лf2 Л : f1+ 36. Л : f1 Лb2 37. Лf2 Л : f2 38. Кр : f2 Ф : h2+ 39. Кpf1! Ф : g3.

Черные отказались от него, так как после 40. Фе3 h5 41. a4 h4 42. Фе5+ Ф : e5 43. de d4 44. a5 d3 45. a6 d2 46. Кpe2 h3 47. a7 пешка проходит в ферзи одновременно и получается ничейное ферзевое окончание.

Решив, что нет необходимости форсировать события, я продолжал спокойно делать ходы, как вдруг обнаружил... что у меня недостает пешки. Вот уже поистине — психологическая загадка. Нет необходимости комментировать ходы до контроля, так как фактически все они были сделаны в этом приятном заблуждении».

В последующем ферзевом эндшпиле Таль добился ничьей исключительно трудной и цепкой защитой. Эта партия длилась 8 часов.

Закончилась первая половина матча. У Талья уже явно начинала сказываться неимоверная усталость. Правда, в некоторой степени преодолеть ее помогало сознание того, что за матчем следят тысячи любителей шахмат и что ты сам являешься участником такого исторического поединка. Каждый день приходили письма со всех концов страны. Молодого гроссмейстера приветствовали и желали ему победы в матче знакомые и незнакомые люди. Некоторые давали советы, указывали «проверенные» дебютные варианты, с помощью которых «вернее всего» добиться успеха.

«Держись, Миша, мы уверены в тебе!» — писали люди разных возрастов и профессий.

Трогательную ободряющую телеграмму прислал донской казак Михаил Фетисов: «Михаил, ты победишь, должен победить! Сыны должны быть крепче отцов. Если б не было этого, мир не двигался бы вперед!»

Каково было его настроение до 13-й партии, Таль откровенно рассказал в своей книге. «Три предыдущие партии, пожалуй, были самые трудные в матче и потребовали от участников громадной нервной отдачи.

Первая половина принесла мне спортивный успех 7 : 5, но победы в 11-й и особенно 12-й партиях были «пирровыми». Не утаю, что я болезненно перенес обидный просмотр в последней из них. В самом деле, иметь возможность одним ходом выиграть партию, а вместо этого провести бессонную ночь за анализом и лишь с большим трудом добиться ничьей — это далеко не самый приятный «вариант». К тому же накануне 13-й партии я чувствовал себя неважно и поэтому получил указание тренера — постараться сделать передышку.

За доской я почувствовал, что и М. Ботвинник значительно утомлен и тоже как будто бы не возражает против скорого окончания игры. А когда оба партнера настроены достаточно миролюбиво, начала дипломатических переговоров не приходится долго ожидать».

Уже через 50 минут занавес театра был опущен к большому неудовольствию зрителей. Таль удалился через запасный выход.

Эта партия ему надолго испортила настроение, но через год он, взвесив все в спокойной обстановке, писал: «К счастью для любителей шахматного искусства, появление шахматных «роботов» не угрожает. Шахматами занимаются люди с человеческими характерами и человеческими слабостями, и превратить мозг человека в машину, пусть даже и безошибочную, — задача столь же безнадежная, сколь и не нужная.

Провести все партии матча на одинаковом вольтаже практически нелегко. Я не хочу проводить исторические аналогии, так как и без них совершенно очевидно, что мирные встречи, подобные 13-й партии матча, конечно, не импонируют зрителям. Но сердиться за это на участников матча тоже не к чему».

Однако... в тот вечер Талю было стыдно показаться на глаза зрителям.

ВСТРЕТИМСЯ В МАТЧ-РЕВАНШЕ!

Следующие три партии закончились вничью, но это были не «гроссмейстерские» ничьи. Мир был заключен после того, как все возможности продолжать борьбу были исчерпаны.

Таль стал сдержан, неразговорчив. Конечно, настоящий матчевый шахматист продолжал бы придерживаться выжидательной тактики, играл бы крепко и солидно, принудив противника круто изменить русло борьбы. Тем более что такая игра обернулась бы для Ботвинника бумерангом.

Я чувствовал, что темпераментному Талю приближение к цели черепашными шагами казалось психологически крайне сложной задачей.

За обедом перед началом 17-й партии мы не обмолвились ни словом.

«На этот раз, — подумал я, — ничьей не будет».

В начале встреча протекала мирно, и трудно было предугадать, что она закончится поистине драматически.

Я находился в пресс-бюро, когда возникло следующее положение.

Гроссмейстеры и мастера, как обычно заполнившие комнату пресс-центра, ожидали здесь хода 12. Fd2 и решили, что партия быстро закончится ничью.

Но время шло, а Таль продолжал думать. Наконец сообщили сделанный им ход: 12. f4.

— Это похоже на самоубийство! — воскликнул старейший советский гроссмейстер Григорий Левенфиш.

— Теперь ясно, что Таль эту партию проиграет, — сказал кто-то в другом конце комнаты.

Я быстро поднялся на эстраду. Хотелось самому оценить позицию. Если Таль проиграет, все придется начинать сначала. Да, последним ходом белые действительно серьезно ослабили центр. Не раз мне приходилось наблюдать, как Таль, бросаясь «в штыковую», добивался успеха, но в этой партии его положение стало быстро ухудшаться. Внешне простыми и логичными ходами чемпион мира усиливал свою позицию. А Таль, не считаясь с материальными потерями, стремился обострить игру.

Борьба достигла апогея. Оба противника уже находились в цейтноте. Ботвинник сохранял материальный перевес, но последние три хода ему пришлось делать на флажке. Немало волновались и мы — секунданты соперников. Меня не покидала тревожная мысль — хватит ли у Таля сил продолжать борьбу, если счет станет 9 : 8? Тогда победа в матче повисла бы на волоске.

Но судьба партии решилась буквально в последние секунды. Ботвинник в волнении не заметил тактического удара — жертвы ладья. Пока зрители, секунданты и судьи думали, проходит ли жертва, цейтнот кончился, время игры истекло. Арбитр матча подал Ботвиннику конверт, в который чемпион мира должен был вложить записанный ход. Но ход записан не был. Через десять минут, убедившись, что положение безнадежно, Ботвинник сдал партию. Эта партия оказалась практически решающей в матче.

По поводу «странного» 12-го хода Таля долго еще дискутировали. В своей книге о матче Таль поделился своими мыслями:

«Непривычная для меня спокойная тактика ведения матча оказалась значительно более трудной, чем можно было предположить. И наконец в 17-й партии она потерпела полное фиаско.

Очень трудно заставить себя играть все партии с одинаковым стремлением к победе, но еще труднее сделать семь ничьих в оставшихся партиях — это казалось мне невероятно сложной задачей.

До начала очередной встречи и во время дебюта я был твердо убежден в том, что смогу следовать совету опытного тренера, совету, который в общем помог сохранить приятный интервал в два очка. Но в один из моментов борьбы (вероятно, всем шахматистам зна-

ТАЛЬ БОТВИННИК

комо это чувство) меня вдруг неудержимо потянуло к запретному. Очень, пожалуй, даже чересчур рискованная игра совершенно неожиданно принесла мне в конце концов важное очко.

Я сознавал, что спокойная выжидательная тактика в оставшейся части матча уже «не по мне» — в последних партиях нервы отказались подчиняться. Я как-то машинально делал ходы, иногда хорошие, иногда неважные, но направлять свою игру в зависимости от спортивного положения в матче... Подобная неразумная тактика чуть не привела к срыву в очередной, 18-й встрече (кстати, по поводу этой встречи заметил один из комментаторов: «Таль неожиданно сильно пробил по своим воротам, но попал в штангу...»).

А теперь о том, какими конкретными соображениями руководствовался Таль, двигая вперед пешку «f».

«Наконец мой блуждающий взгляд остановился на ходе 12. f4. Сначала мне даже стало как-то неудобно за себя, потому что прежде всего и больше всего видны недостатки этого хода, но в данной позиции нет хода без недостатков. Менее очевидны достоинства этого хода, но они все же есть, хотя и обнаруживаются, если можно так выразиться, не совсем в шахматной плоскости.

Во-первых, этот ход «нуждается в опровержении», которое должно быть сопряжено с возможностью обоюдоострой тактической борьбы, что, судя по стилю игры Ботвинника в этом матче, было для него нежелательно.

Во-вторых, слабость тыла белых подчеркивается лишь путем подрыва в центре, а при ходах с6—с5 и е6—е5 сила белых слонов значительно возрастает.

И, наконец, в-третьих, атаковать королевский фланг черные смогут только при помощи длинной рокировки, а тогда и пешечная масса белых на ферзевом фланге также придет в движение. Возможно, сейчас черным стоило просто ответить 12. . .0—0, но это ведь не опровержение хода f4?»

Это объяснение помогает понять особенности творческого метода Таля. Ход 12. f4 объективно, может быть, и нехорош, но с данным противником, в данной ситуации он давал реальные шансы.

После 19-й партии, в которой Таль в строго позиционном стиле одержал шестую победу, секундант чемпиона мира сказал: — Что ж, встретимся в матч-реванше.

Для того чтобы стать чемпионом мира, Талю осталось набрать всего одно очко. 20-я партия закончилась ничью, а на 21-ю Ботвинник пришел без традиционной бутылочки с витаминизированным напитком, судьба матча была решена. На 17-м ходу чемпион мира сам предложил ничью.

Счет стал 12 1/2 : 8 1/2. Состязание закончилось.

Уже на следующий день после завоевания высокого титула Таль убедился, сколь тяжело бремя славы. Его номер в гостинице был буквально «оккупирован» друзьями и журналистами. Со своей

громоздкой аппаратурой в нем разместилась и операторская группа рижской кинохроники.

10 мая 1960 года состоялось торжественное закрытие матча и коронация нового чемпиона.

На сцене самый молодой в истории шахмат чемпион мира Михаил Таль. Вице-президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Марсель Берман прикрепляет к его груди золотую медаль и увенчивает лавровым венком.

— От имени Международной шахматной федерации, — говорит Марсель Берман, — объявляю Михаила Талья чемпионом мира по шахматам.

Торжественно звучит Гимн Советского Союза...

«GENS UNA SUMUS»

«Мы — одна семья». Так переводится с латинского языка девиз Международной шахматной федерации.

1960 год. Я на XIV шахматной Олимпиаде в Лейпциге. Звучит разноголосая речь на немецком, русском, английском, французском, испанском, монгольском и других языках, но шахматисты обходятся без переводчиков — универсальный язык шахмат понятен всем.

На приеме, устроенном правительством ГДР в честь шахматистов, от имени олимпийцев говорит советский гроссмейстер Пауль Керес:

— Несмотря на разные интересы, здесь, на «Турнире наций», царит сердечная дружба. Мне кажется, многие могли бы здесь научиться, как поддерживать дух международной солидарности!

Заключительные слова заглушают аплодисменты.

А Сало Флор закончил свою речь словами:

— Как хороша была бы жизнь на Земле, если бы все люди сумели сплотиться, подобно людям шахматного мира!

Слушайте, присматривайтесь, люди, пользуйтесь наглядным примером!

К столу сборной команды СССР подходят представители команды США и поднимают бокалы за дружбу между шахматистами всех стран, дружбу между народами.

В прекрасном настроении и Роберт Фишер. Он неожиданно обращается к Талю:

— Таль, дай мне твою руку, я хиромант и хочу тебе предсказать твое будущее.

Миша, улыбаясь, выполняет просьбу американца, говоря:

— Сперва скажи мне, Бобби, как закончится мой матч-реванш с Ботвинником?

Фишер долго изучает ладонь чемпиона мира, о чем-то размышляет, морщится и вдруг изрекает:

— Ты не любишь проигрывать!

— А кто любит?

Громкий смех помешал Фишеру продолжить сеанс «хиромантии».

Становится грустно, когда американцы, подсаживаясь к нашему столу, рассказывают, с какими трудностями они столкнулись перед тем, как прибыть на Олимпиаду. Мать Фишера даже участвовала в демонстрации перед Белым домом, протестуя против первоначального отказа госдепартамента направить американскую команду в ГДР.

Невольно вспоминаю, как во время матча СССР — США ко мне подошла жена участника сборной США Николаса Россолимо.

— Вашему Мише созданы все условия, а если бы вы знали, как трудно живется моему Николасу.

Но больше она не могла вымолвить ни слова, слезы набежали на ее глаза, она резко отвернулась и быстро удалилась.

Я понял, что у нее творилось на душе. Я и сам, находясь за границей, не раз мог убедиться в том, как тяжело приходилось добывать свой хлеб шахматному профессионалу в предвоенные годы на Западе. Доля правды была в грустном высказывании голландского мецената фон Хартена: «Если шахматного профессионала поставят на голову, из него не выпадет ни один грош».

В 1929 году Россолимо, как иностранный гражданин, выехал из СССР во Францию. Десять раз он становился чемпионом Парижа, однако, гонимый нуждой, переехал в США. Там он был вынужден работать таксистом.

В своих воспоминаниях о Россолимо рассказывает и Макс Эйве: «Я встретил Россолимо в Нью-Йорке. Россолимо с головы до ног шахматист, и он был бы глубоко несчастен, если по какой-то причине не смог играть в шахматы».

Далее Эйве приводит следующий эпизод, рассказанный ему самим Россолимо: «Сиюю однажды, размышляю до тошноты. К тому же я в цейтноте, а от исхода встречи многое зависит. Вдруг кто-то стучит пальцем по моему плечу. Оборачиваюсь — передо мной совершенно незнакомый человек, держит перед моим носом сигарету и просит дать ему прикурить. Ну, спрашиваю вас: можно в такой стране играть в шахматы?..»

Не мудрено, что у Россолимо, экзальтированного, нервного и обидчивого человека, успехи в турнирах чередовались с обидными срывами.

Лейпцигская Олимпиада мне запомнилась не только своей грандиозной организацией, большим общественным интересом (ежедневно ее посещали 5000 зрителей!), но и богатством ярких впечатлений, и встречами с интереснейшими людьми разных национальностей, представителями многих стран мира.

В один из выходных дней мы отправились в Тюрингию. Автобусы нас довели до Этtersберга. Над землей низко висели свинцовые облака, шел монотонный дождь. Ненастная погода усилила наше угнетенное настроение: ведь мы находились в Бухенвальде, на территории бывшего концентрационного лагеря.

Все были буквально потрясены, увидев улицу Наций, колокольню, огромный памятник Фрица Кремера узникам лагеря.

Среди участников Олимпиады был член бельгийской сборной Люсьен Вандербругген. Он еле сдерживал слезы и был настолько взволнован, что слова ему давались с большим трудом:

— Я был узником Бухенвальда с 1943 по 1945 год. Тут, где вы теперь стоите, на этой самой площади, мы собирались по утрам на линейку. Я до сих пор не могу забыть моих погибших друзей. Из 1200 узников, которые находились вместе со мной, только 50 человек сумели пережить этот ужас.

В Германской Демократической Республике с большой любовью хранят культурные ценности. Мы убедились в этом при посещении в Веймаре дома Гёте, а в Дрездене — побывав в Цвингере, в знаменитой картинной галерее. С благоговением стояли мы перед Сикстинской мадонной Рафаэля. Испанские шахматисты с чувством гордости наблюдали, как все восхищаются полотнами Мурильо, Веласкеса, а один греческий шахматист не мог удержаться, чтобы не напомнить нам о том, что великий Эль Греко выходец из Греции.

Одновременно с Олимпиадой в крупнейшем выставочном зале — «Рингмессхаузе» была организована уникальная выставка «Шахматы сквозь века». На ней были представлены экспонаты из 150 музеев мира и многих частных коллекций — всего от 55 стран.

Старинные рукописи, фолианты, шахматные фигуры из черного дерева, янтаря, серебра, бронзы, слоновой кости, фарфора.

Посетители с большим интересом осматривали фигуры, которыми еще в XV веке играли придворные княжеского дворца, шахматный комплект, свидетельствующий о высочайшей шахматной культуре Индии.

Всемирно известные мейссеновские фарфоровые заводы представили на выставку несколько комплектов, датированных XVIII веком и изготовленных еще во времена Иоганна Беттгера, алхимика, открывшего фарфор в Европе. Высокое одобрение посетителей получили шахматы, изготовленные русским умельцем Д. Шукшановым по мотивам былины о Садко. Эти сказочные фигуры были удостоены Большой золотой медали на Брюссельской всемирной выставке. Великолепные резные деревянные шахматы создал тульский рабочий В. Соколов.

На стенде Чехословакии мы с волнением рассматривали шахматы, сделанные из хлеба чехословацкими узниками Бухенвальда.

— Кровью узников фашизма пропитан этот хлеб, — сказал на открытии выставки председатель Национального совета Национального фронта ГДР Э. Корренс. — Но и в страшных фашистских застенках люди верили в будущее, боролись за свое человеческое достоинство. Свидетельством тому и этот комплект шахмат.

Экспозиция СССР открывалась стендом «Ленин и шахматы». В разделе «Шахматы — народная игра» зарубежные шахматисты могли найти ответ на вопрос, почему в нашей стране ежегодно появляются новые шахматные таланты. Витрина, посвященная шахматной литературе Советского Союза, поразила иностранцев тиражами книг: 30 000, 50 000, 100 000 экземпляров.

В этой витрине я увидел наш журнал «Шахматы» — на русском и латышском языках, мои учебники, изданные Латвийским государственным издательством.

В дни Олимпиады в Берлине и Дрездене давал концерты наш замечательный скрипач Давид Ойстрах. Посетив выставку, он был немало удивлен, увидев афишу Центрального Дома мастеров искусств, выпущенную в 1937 году в связи с шахматным матчем Давид Ойстрах — Сергей Прокофьев.

Здесь на выставке я познакомился с 69-летним американским мастером Эдуардом Ласкером. Он прислал на выставку ряд ценных экспонатов из своей коллекции. Впоследствии я провел с ним ряд незабываемых вечеров. Маэстро был участником супертурнира в Нью-Йорке 1924 года. Он оказался удивительно интересным рассказчиком.

— Вы оба, как и все люди, с которыми мне приходится впервые встречаться, попались,— говорил, смеясь, Ласкер Вячеславу Рагозину и мне.— Все считают, что я состою в родстве с Эмануилом Ласкером. А на самом деле мы просто однофамильцы.

И он с удовольствием стал вспоминать встречи со своим великим однофамильцем.

— Мне запомнилась его заповедь: никогда не мириться с чисто оборонительными ходами. Это позволительно, только когда вы к ним принуждены в крайне критических ситуациях. Всегда следует создавать угрозы, какими бы малозначительными они на первых порах шахматисту ни казались. Эмануил Ласкер считал, что любая угроза воспринимается противником болезненно, а подчас может оказаться и более неприятной, чем ее воплощение на доске.

В этой связи известен следующий анекдот. Ласкер обещал одному шахматисту, с которым ему пришлось встретиться за доской, не обкуривать его своими сигарами. После первых пяти или шести ходов Ласкер вытащил из кармана большущую сигару и сунул ее в рот. Противник Ласкера вскочил со стула и побежал к судье:

— Ласкер обещал, что не будет курить во время нашей партии!

— Но он же не курит,— ответил судья.— Он даже не зажег сигару.

— Да, но он угрожает закурить! — возразил на это шахматист.— Вы же знаете, какое значение он придает угрозе!

Конечно, трудно установить, был ли такой случай или нет, но он вполне удачно вписывается в характер великого шахматиста, который, кстати сказать, очень ценил шутку и у которого было ярко выраженное чувство юмора.

Эдуард Ласкер рассказал, как его знаменитый однофамилец готовился в 1908 году к матчу на первенство мира с Зигбертом Таррашем.

До начала матча он провел три недели в лесах под Берлином. Все время отдавал прогулкам и чтению, но к шахматам он не пристрагивался. Эдуард Ласкер встречался с чемпионом ежедневно, но играли каждый раз в го. О предстоящем матче Эмануил Ласкер

не обмолвился ни единым словом. Только накануне его отъезда в Мюнхен он сказал Эдуарду Ласкеру:

— Если мне в первой встрече выпадет белый цвет, я выберу разменный вариант испанской партии. Скажите, разве можно в таком варианте проиграть? Думается, что никогда.

Эд. Ласкер сделал вывод о том, какое большое психологическое значение в матче Ласкер придавал стартовому результату.

Но он же, в свою очередь, был немало удивлен, услышав от меня следующий эпизод. Когда в 1941 году я вышел победителем в первом чемпионате Латвийской ССР, Шахматная секция СССР пригласила меня погостить в Москву. Мне предложили дать сеанс в Доме пионеров. До начала сеанса выступил старейший советский мастер Федор Иванович Дуз-Хотимирский. Он рассказал, как, прожив несколько недель у Эм. Ласкера дома под Берлином, сыграл с чемпионом мира 500!! (восклицательные знаки мои.— А. К.) партий разменным вариантом испанской партии.

Эдуард Ласкер говорил, что его восхищала колоссальная выдержка чемпиона, его умение переносить умственное напряжение. Ложился спать обычно в три часа ночи и никогда не носил часов: «Не хочу,— говорил он,— чтобы время меня обременяло».

Накануне Нью-Йоркского турнира, в 1924 году, он жаловался однофамильцу, что «эти» представители «новой школы» (он имел в виду в первую очередь Боголюбова и Рети) успели проанализировать дебютные варианты вдоль и поперек и ставить дебют в считанные минуты, в то время как «старикам» в начале партии приходится тратить много времени на обдумывание ходов. Такую фору, говорил Ласкер, никто не в состоянии дать первоклассному мастеру.

Кстати, турнир закончился блестящей победой Эмануила Ласкера, и американская пресса так охарактеризовала выступление шахматистов «новой школы»: «Они пришли, увидели и были разбиты наголову!»

Перед тем как коснуться чисто шахматной стороны Олимпиады, не могу не рассказать о вечере дружбы, на который нас и шахматистов ГДР пригласила редакция «Sport-Echo».

После того, как лидер немецкой команды молодой Вольфганг Ульман преподнес Талю букет красных роз и были провозглашены тосты с пожеланием успехов, дружбы и личного счастья, состоялся матч в кегли, в котором преуспели Пауль Керес и врач нашей сборной мастер Николай Головкин. Потом, под общий хохот, участники были вынуждены рассказать о событиях из жизни шахматистов, преподнося все в «кривом зеркале». Ох и попало же великим шахматистам за их чисто человеческие слабости — рассеянность, зазнайство, непрактичность. Мне тоже пришлось «подыграть» им. Я дал ряд «рекомендаций» тренерам: уговорить подопечного обкуривать во время партии противника третьесортными сигаретами, накануне ответственной партии подбросить неожиданно под ноги соперника черную кошку — и так далее в подобном духе.

Не скрою, хорошее настроение советской делегации подогрело сознание того, что, независимо от исхода заключительного ту-

ра, золотой Кубок Гамильтона-Рассела еще на два года займет свое почетное место в витрине Центрального шахматного клуба СССР и что в Лейпциге участникам сборной СССР будут вручены золотые медали победителей.

Честь нашей страны защищали М. Таль, М. Ботвинник, П. Керес, В. Смыслов, Т. Петросян и др.

Для меня Олимпиада в Лейпциге стала незабываемой вехой в моей тренерской деятельности — я был вместе с Семеном Фурманом впервые включен в тренерскую группу сборной СССР (старшим тренером был назначен неутомимый Исаак Болеславский).

Хотя я уже успел приобрести немалый тренерский опыт в совместной работе с Михаилом Талем, здесь пришлось столкнуться с совершенно новой творческой обстановкой. Во-первых, игра только на четырех досках могла привести к случайному исходу. Скажем, один участник терпит поражение, и неожиданно возникает трудная задача: чтобы обеспечить команде победу, остальным участникам надо «по заказу» выиграть две партии, хотя известно, что при общем возросшем классе игры это отнюдь не простое дело.

Далее регламент. Вечером тур, утром доигрывание, между ними частые ночные анализы. Утром надо успеть не только доиграть неоконченную партию, но и подготовиться к новой вечерней встрече! А в теоретической подготовке надо не только учесть дебютные вкусы соперников, но и найти правильный психологический настрой для игры с четырьмя будущими противниками. Нужно также выяснить, с каким новым теоретическим багажом прибыл тот или иной участник на Олимпиаду, следить за каждой новинкой.

Как тут участникам и тренерам сохранить свежую голову после бессонной ночи, проведенной за анализом неоконченной партии? Правда, вместо шахматиста, имеющего сложную неоконченную партию, вечером будет играть запасной участник, но в запасе только двое, что не позволяло в целом снять груз напряжения со всей команды.

Если еще учесть, что в этом «котле» страстей советские шахматисты считали своим моральным долгом любой ценой сохранить лидирующее положение в шахматном мире, то можно понять, что нервы у всех были напряжены до предела.

Не скрою, я внимательно следил за игрой Михаила Ботвинника — предстоял матч-реванш с Талем! Следил и за его высказываниями в беседах с журналистами. Думаю, что и сейчас, много лет спустя, нынешнему молодому поколению полезно ознакомиться с его интервью, которое появилось в немецкой прессе под заголовком «Щадить нервную систему!»: «Чтобы побеждать сильных соперников, одного таланта недостаточно. Как свидетельствует турнирная практика, дарование может полно проявляться только тогда, когда оно подкреплено физической кондицией.

В детстве я был физически слабым ребенком. Я много читал и с удовольствием играл в шахматы, не уделяя физической подготовке ни малейшего внимания. Это продолжалось до тех пор, пока мой учитель физкультуры не уговорил меня заняться утренней физза-

рядкой. Я делаю это регулярно, до сегодняшнего дня. Если бы не физическая подготовка, мне бы вряд ли удавалось успешно осуществлять подготовку к изнуряющим матчам и одновременно успешно работать по основной профессии — я инженер-электрик.

Особенного «спецрежима» я не придерживаюсь. Но когда во время матчей моя нервная система бывает доведена до крайнего утомления, я придерживаюсь определенного режима. Избегаю малейшего волнения. Нервную систему следует щадить в первую очередь! В день тура я отправляюсь на игру пешком. Кроме утренней зарядки, занимаюсь, конечно, и спортом: зимой — это лыжи, летом — прогулки или бег по лесу, люблю греблю».

Игра Ботвинника оставила отличное впечатление. Меня особенно удивило, что он совсем не страдал от цейтнотов, так донимавших его в матче с Талем. Он теперь относительно быстро разыгрывал дебют. Создавалось впечатление, что экс-чемпион мира расходует время по заранее разработанному графику. Ботвинник вновь продемонстрировал совершенную технику эндшпиля и огромную дебютную эрудицию. Видно было, что поражение в матче не лишило его уверенности в своих силах. Мне кажется, что одну из лучших партий во всей своей шахматной карьере (может быть, это субъективное мнение) москвич провел против гроссмейстера Лотара Шмида.

10. Кс4!

В этом варианте обычно цель белых — предупредить b7—b5, затрудняя черным захват инициативы на ферзевом фланге.

10. . . b5.

Черным было трудно предвидеть, что они этим естественным ходом попадают в своеобразную позиционную ловушку.

11. e5! dc 12. ab ab 13. Л : a8 Ф : a8 14. К : e5 b4.

Теперь, если конь отступает, черные получают вполне приемлемую игру. Но Ботвинник припас блестящий ответ.

15. d6! bc 16. dc Фc8 17. Cf4! cb 18. К : d7!

Каждый ход белых заслуживает восклицательного знака!

18. . . К : d7 19. Сb5.

Дальнейшее легко понятно.

19. . . Cd4 20. c3 e5 21. cd ef 22. С : d7+ Ф : d7 23. Фе2+ Кpf8 24. Фе5 Kpg8 25. Лb1! f6 26. Ф : c5 Kpg7 27. Л : b2, и через несколько ходов черные сдались.

Самым популярным участником Олимпиады был, бесспорно, Михаил Таль — чемпион мира всегда в центре внимания. Росту его популярности способствовала его общительность. Каждая свободная от игры минута была у него заполнена до предела. Интервью журналистам разных стран мира, дружеские встречи с людьми науки и искусства, с пионерами. Однажды прибыл в город необычный любитель шахмат — в деревенской одежде, с мозолистыми руками крестьянина. Он прошел, как заявил, 12 километров, чтобы сыграть

БОТВИННИК ШМИД

хоть раз в жизни партию в шахматы с чемпионом мира! Таль охотно выполнил его просьбу и сыграл с ним с серьезнейшим видом несколько партий.

Однажды Таль наскочил на меня в коридоре гостиницы и чуть не сбил с ног. Увидев мое недоумение, он, задыхаясь, бросил: «Бегу в холл, Фишер бьет наших — надо его снять!»

И на самом деле, Фишер «сцепился» в блице с одним из наших гроссмейстеров в окружении плотной толпы зрителей, он играл легко, сопровождая каждый удачный ход шутками. Хотя общий счет был примерно равным, Таль это не удовлетворяло — он чуть ли не локтями пробил себе дорогу к столу. Сменив партнера, он сыграл успешнее, выиграв матч с небольшим перевесом. Надо сказать, что американец играл в блиц на редкость хорошо.

У нас с Фишером с первых лет знакомства сложились хорошие отношения. По-видимому, он чувствовал мое уважение к его личности, его таланту, чувствовал, что для меня он вовсе не какой-то Бобби или «Шериф из Бруклина», как его прозвали в Югославии, а мистер Джеймс Роберт Фишер!

Помню на Олимпиаде в Варне, где я был с супругой в 1962 году, американец при нашей встрече прежде всего спросил: «Как вы доехали?»

Я был потрясен — казалось бы, такая обычная учтивость, но в устах Фишера это звучало неправдоподобно. Но в дальнейшем Фишер остался верен себе — он любил ошеломить собеседника каким-то «крамольным», «сногшибательным» высказыванием.

На вопрос, каково его мнение об игре Ноны Гаприндашвили, он ответил: «Гаприндашвили? Я ей могу дать фору коня и выиграю матч!»

«Да, Фишер есть Фишер, но конь есть конь!» — сказал Таль, узнав вечером об обещании американца.

Не знаю, что сказал бы сегодня Фишер, когда Нона Терентьевна успела выполнить норму международного гроссмейстера в мужском турнире?

В день матча СССР — США наплыв публики был настолько огромным, что организаторам пришлось ограничить допуск в зал новых зрителей. Повышенный интерес к матчу был вполне понятен — встречались не только команды, претендующие на золотые медали — на первой доске встречались Фишер и Таль. Все хорошо понимали, что американец жаждет реванша. Ведь на турнире претендентов 1959 года он проиграл рижанину все четыре партии.

Об этой партии пресса писала: «Во встрече Фишер — Таль над доской пронесся настоящий ураган. Американец яростно атаковал, и только феноменальная защита позволила чемпиону мира сдержать натиск соперника. Партия закончилась вничью, делая честь обоим гроссмейстерам».

Привожу позицию с момента, когда начались головоломные осложнения.

14. . . К : e5! 15. К : e5! С : b5! 16. К : f7! С : f1 17. К : d8 Л : g5 18. К : e6 Л : g2+ 19. Kph1!

Проигрывало 19. Кр : f1 из-за Л : h2!
 19. . . Фе5 20. Л : f1 Ф : e6 21. Кр : g2
 Фg4+. Ничья.

Хочу рассказать еще об одном эпизоде. Мы обедали в ресторане гостиницы «Астория». До начала матча СССР — Аргентина оставалось несколько часов. Неожиданно перед нашим столиком возник лидер команды соперников Мигуэль Найдорф.

— Я приму все ваши жертвы, — с улыбкой сказал он Талю. — Учтите, я успешно сражался с чемпионами мира Капабланкой и Алехиным!

— Обязательно буду жертвовать. Надеюсь, вы сдержите свое обещание? — ответил Миша.

О том, как оба они держали свое слово, расскажет следующий короткий фрагмент.

21. Л : e4! de 22. Cf6!

Атака стала неотразимой. Черные не могли сдержать данное слово: нельзя 22. . . gf из-за элементарного 23. Фg4+.

После 22. . . Фb6 23. С : g7 Лfe8 24. Се5 Фg6 25. Кh6+ Крf8 26. f5 аргентинский гроссмейстер сдался. На 26. . . Фg5 решает 27. К : f7!, а в случае 26. . . Фс6 — 27. Фh5 Ле7 28. Фg5.

В последнем туре Таль «позаботился» о том, чтобы произвести сенсацию — проиграл английскому мастеру Пенроузу.

— Я обеспечен работой на год, — улыбаясь, сказал англичанин. — Буду ездить из города в город и демонстрировать свою партию с чемпионом мира!

Но Таль не был огорчен: во-первых, поражение не помешало нашей сборной выиграть Олимпиаду, а во-вторых, соперник одержал заслуженную победу, блеснув тонкой игрой.

В олимпийском бюллетене было написано: «Возможно, что Таль в эту ночь не особенно хорошо спал. Особенно его мучила мысль, как объяснить свое поражение в Москве, а в Риге — что сказать своему сыну Георгу, которому к этому времени исполнился ровно месяц. Но так как следующий день был днем рождения Тая, Флор, его сосед по гостинице, высказал предположение, что Таль после поражения позволит себе хорошо выспаться. Ко всеобщему удивлению, к завтраку Таль явился ровно в 7.30. Он очень спешил — надо было к восьми успеть на какой-то блиц-турнир.

Флор пожал плечами: «Александр Алехин был известен своей страстной приверженностью к шахматам, но такого фанатичного жреца шахматной богини Канссы мне еще никогда не приходилось встречать».

ФИШЕР

ТАЛЬ

ТАЛЬ

НАЙДОРФ

Общий счет матча с Англией — 3 : 1 в пользу СССР. В целом советские шахматисты выиграли 53 партии, 26 свели вничью и только 1 проиграли.

О ЧУВСТВЕ ДОЛГА

Прошло четверть века после матч-реванша Ботвинник — Таль, но, как ни странно, мельчайшие детали этого поединка запечатлелись в моей памяти с фотографической точностью.

Рассказывать об этом матче мне отнюдь не легко. Начал писать, и меня охватило странное волнение, даже сердце защемило. Отложил. Через некоторое время снова начал, потом опять прекратил. А ведь хорошо знаю, что сплошных радостей в жизни не бывает, что радость самых блистательных побед чередуется с горечью поражений. И тем не менее, то поражение Миши я до сих пор всем своим существом воспринимаю болезненно.

Чем глубже в течение многих лет я анализировал итоги матчей на первенство мира, на которых мне удалось присутствовать, тем больше убеждался в том, что многие критики терялись под давлением чисто спортивного результата поединка. Исходя из этого, они толковали тот или иной ход, выбор того или иного дебютного варианта. Поэтому «за кадром» оставались чисто человеческие качества шахматиста, сильные и слабые стороны его характера, физическое состояние и другие важные психологические факторы.

Сказанное вполне относится к событиям матч-реванша, и мне кажется, что читатель не получит полного представления об этом поединке, если он ничего не будет знать о том, как протекала жизнь молодого чемпиона мира в предматчевый период. Именно в эту пору наиболее ярко проявились некоторые свойства характера Талья, объясняющие его поведение в различных острых ситуациях.

Миша принадлежит к типу тех людей, которые, не оглядываясь по сторонам, идут к намеченной цели, не умея и не желая щадить себя. Его отличает глубокая порядочность, сильно развитое чувство долга, тем более, если речь идет о шахматах, которые он любит больше всего на свете.

Чтобы не быть голословным, расскажу о некоторых эпизодах его жизни.

Это произошло в 1952 году. Вечером в моей квартире раздался телефонный звонок. Слышу взволнованный голос отца Талья. Он говорит, что у Миши очень высокая температура, но самое неприятное — он собирается в шахматный клуб, так как обещал выступить на вечере, посвященном памяти Германа Матисона.

— Вся надежда на вас. Он с вашим мнением считается. Выпустить его на улицу при такой скверной осенней погоде — это просто немислимо.

Я немедленно прибыл к Талю. Я знал, что если Таль дал слово, что придет, то в таких случаях спорить с ним бесполезно. Как не почтить память выдающегося латышского шахматиста, блистатель-

ного мастера этюдной композиции? Он считал это просто своим моральным долгом!

Пришлось пойти на хитрость. Я знал, что молодой Таль никогда не носит часы, вообще частенько забывает о времени (за исключением, конечно, отсчета времени шахматных часов). Я расставил фигуры, показал интересную позицию, и Миша сразу загорелся.

Когда он спохватился, что пора идти в клуб, оказалось, что уже поздно. По его лицу пробежала тень. Он бросил на меня пронзительный взгляд, но ничего не сказал. Видно, все понял.

Другой эпизод. 1959 год, Тбилиси. Первенство СССР. Миша заболел, температурит. Очень ослаб. Был выходной день, и я обрадовался — отдохнет, наберется сил. Тем более что в следующем туре предстояло играть с Кересом. Вдруг открывается дверь номера Таля, и на пороге появляется главный арбитр, темпераментный Александр Палавандишвили. Он остановился на пороге и, картинно разведя руки, воскликнул:

— Как так можно, милый Мишнко? Мы же тебя ждем! Надо ехать в колхоз!

Я вскакиваю, объясняю, что Миша болен, нуждается в отдыхе. Но главный арбитр неумолим:

— Мишнко, помнишь, мы обещали, колхозники так тебя ждут. Приготовили специально для тебя такие красивые яблоки!

К своему ужасу, замечаю на лице Миши мягкую, немного виноватую улыбку. Все ясно! Конечно, дело не в яблоках: разве можно лишить радости любителей шахмат?!

Через полчаса мы в колхозе. Сидим за накрытым столом. Еще не успели поднять первый грузинский тост, как Мишу начинает трясти страшная лихорадка. Переносим его в отдельную комнату, усаживаем возле горячо натопленной печи, набрасываем ему на плечи меховую бурку. Но дрожь не прекращается. Миша судорожно вцепился в мою руку и смотрит на меня испуганными глазами. В такой неподвижной позе мы долго сидим молча. Меня все время тревожит мысль, почему не приходит врач? Вместо него время от времени заходит женщина, подбрасывает дров в печь и молча уходит.

Так мы сидим, пока не закончился пир в соседней комнате. Дрожь постепенно стала ослабевать. Обратный путь в Тбилиси мы проделали в отдельной «Волге». Мишу я посадил около шофера, который время от времени с опаской подглядывал на своего чрезмерно бледного пассажира — «жив ли еще?»

На следующий день тур. Игра с Кересом. Я настаиваю перенести партию — Миша не согласен: мол, неудобно, утверждает он, нарушится регламент турнира.

С годами я понял, что у Таля не только отсутствует инстинкт самосохранения, он не умеет даже беречь свои силы и правильно рассчитывать их во время подготовки и в период соревнований. Но самое парадоксальное — Миша, высококультурный, эрудированный человек, становился безучастным, смотрел на меня безразличным взглядом, как только я начинал говорить о значении спорта, о профилактике, о том, что мозг нуждается в кислороде.

Был солнечный день. Мы куда-то спешили. Таль находился в хорошем настроении. Для этого у него были все основания. Не знаю почему, но вопрос, который мучил меня, вырвался как-то неожиданно. На перекрестке улиц Ленина и Кирова я вдруг остановился и спросил в упор:

— Миша, как ты думаешь, Ботвинник вызовет тебя на матч-реванш?

— Никогда! — Ответ был категорическим.

— Понимаешь, — я старался убедить Талья, — в первом матче Ботвинник не сумел раскусить тебя как противника, не освоился с твоей манерой игры. А в таких случаях он обычно играет не совсем уверенно, как бы на ощупь. Учти, к матч-реваншу он сумеет хорошо подготовиться. Он не только устранил слабые места в своей игре, но научится использовать все твои недостатки. Нельзя недооценивать его потенциальных возможностей.

Таль ничего не ответил, но на его губах заиграла ироническая улыбка.

— Я уверен, — продолжал я, — что Ботвинник честолюбив и не упустит возможности отыграться, доказать всему миру, чего стоит ниспровергатель его логичного позиционного стиля. Он постарается тебе припомнить твои танцы с саблями на краю пропасти.

Таль по-прежнему молчал, но теперь его улыбка, как мне казалось, стала как бы подчеркнута иронической.

Такая его реакция вывела меня из себя, и я запальчиво бросил:

— Спорю на двенадцать бутылок армянского коньяка, что Михаил Моисеевич вызовет тебя на матч-реванш.

Таль наконец прервал свое молчание:

— А почему бы не наказать вас, маэстро, раз вы сами напорсились? Я согласен.

Чего там скрывать, меня беспокоило настроение Миши с тех пор, как он завоевал шахматную корону. Громкая слава, всеобщее восхищение его талантом, миллионы поклонников его игры во всем мире — все это не могло пройти бесследно и не вскружить молодому гроссмейстеру голову. Отсюда непоколебимость, уверенность в своем стиле: Таль может себе позволить играть вопреки позиционным «ботвинниковским канонам», Таль в состоянии доказать, что в шахматах $2 \times 2 = 5$!

Следует ли осуждать его? Вряд ли кто из нас оказался «сознательнее» его, если бы достиг такого блестящего успеха! Ни один человек в истории шахмат не успевал за три года сделать столько, сколько успел Таль, — отметили журналисты после его победы над Ботвинником. Как могли бесследно исчезнуть из памяти лестные отзывы крупнейших специалистов, гроссмейстеров? Разве после победы в турнире претендентов Александр Котов не писал: «Пример Талья поможет нашей молодежи понять красоту шахмат, разобраться в том, как нужно играть».

«Что характерно для стиля игры Таля? — писал Вячеслав Рагозин. — Стремление любой ценой, не считаясь с жертвами, захватить инициативу. Создается впечатление, что Таль дотрагивается до фигур не пальцами, но двигает их посредством волшебной палочки».

«Талья следует признать самым блестящим и оригинальнейшим гроссмейстером шахматной истории», — заявил Самуил Решевский.

«Таль открыл новую страницу в шахматном творчестве», — писал кумир Таля Давид Бронштейн.

Но тренер есть тренер. У него свои заботы. Я видел будущее своего подопечного в довольно мрачном свете.

Увы, большинство людей из окружения Таля начали на меня поглядывать косо: этот нудный Кобленц, дескать, только старается омрачить настроение Таля и его друзей.

1 сентября от Ботвинника поступил официальный вызов на матч. Я немедленно навестил Мишу и предложил совместно определить сроки и цели подготовки к матчу, глубже исследовать творческие концепции Ботвинника, под новым углом зрения рассмотреть его партии.

— Давай, — сказал я, — прямо сегодня посмотрим несколько партий Ботвинника, сыгранных после твоего матча с ним.

— Партии Ботвинника?! Хватит, насмотрелись мы на них. Давайте лучше начнем с просмотра партий Кереса.

Это было, конечно, сказано в шутовском тоне. Но в таком психологическом климате спорить не имело смысла, и я быстро ушел.

Обдумав на досуге создавшуюся ситуацию, я понял, что Кобленц в доме Талей слишком «свой», чтобы к моим словам серьезно прислушивались. Тут мне впервые пришла в голову мысль, что Мише надо поменять тренера. Может быть, новый человек сумеет воздействовать на Таля и заставить его серьезнее отнестись к матч-реваншу: перед новым тренером Миша просто постесняется выглядеть лихим гусаром. Может быть, новый тренер заставит Мишу серьезно поработать — в первую очередь над дебютным репертуаром. Уже матч с Ботвинником меня убедил, что в этой области у Таля много изъянов и что именно к матч-реваншу следовало бы этой проблеме уделить первостепенное внимание. Невольно вспомнил рассказ Григория Левенфиша о том, как, готовясь в 1937 году к матчу с Ботвинником, он один вариант защиты Грюнфельда исследовал со своим секундантом Сергеем Белавенцом больше месяца!

Конечно, принять такое решение непросто. Взять да добровольно отказаться от функции тренера чемпиона мира? На первый взгляд попросту глупо. Но я считал, что мне нельзя свои личные интересы ставить выше интересов моего подопечного. Поэтому я отправился к руководству республиканского Спорткомитета с просьбой принять мою отставку. «Для пользы дела», — сказал я и объяснил, как мог, что, если Таль не переменит свое отношение к матч-реваншу, его итог вызывает у меня опасение.

Но окончательного решения не было принято, так как Таль в это время находился в Стокгольме и надо было подождать его возвращения. Наконец он вернулся. Я решил поговорить с ним.

— Миша, будем откровенны,— начал я,— твой подход к матч-реваншу я считаю легкомысленным. Вместо того чтобы заняться серьезной подготовкой к главному соревнованию, ты собираешься на выступление в Праге. Я на это не могу согласиться, но ты, как я понимаю, с моим взглядом не собираешься считаться. Если так, то... Словом, я предложил ему пригласить нового тренера-секунданта.

Миша ответил не раздумывая:

— Или вы, маэстро, или никто! В случае вашего отказа буду также играть без секунданта и тренера (Ботвинник к тому времени успел заявить, что будет играть без секунданта, пользуясь лишь консультацией мастера Семена Фурмана по вопросам дебюта).

— Эх, Миша, это нечестный прием,— ответил я,— при таком ответе я лишуюсь выбора: что скажут твои болельщики? — Тренер бросил своего подопечного на произвол судьбы в такой критический момент его жизни?

— Выбор оставляю за вами,— озорно улыбаясь, ответил Таль.

— Ладно,— думал я,— поближе к матчу он изменит свое отношение, все уладится. Так бы оно, очевидно, и было, но все пошло насмарку из-за хронической болезни Миши.

Здоровье его настолько ухудшилось, что после тщательного исследования авторитетная комиссия врачей вынесла решение: Таль не будет в состоянии начать матч в назначенный срок — 15 марта.

Союз спортивных обществ и организаций СССР (так назывался Спорткомитет в те годы) удовлетворил ходатайство Шахматной федерации Латвии и предложил начать матч в середине апреля.

Казалось, вопрос окончательно решен, но курировавшего этот матч Льва Яковлевича Абрамова не особенно радовал перенос срока: по чисто организационным причинам это было связано со многими трудностями. Наверное, на него «давил» Ботвинник, человек, у которого все заранее запланировано и которого всякая отсрочка могла только раздражать.

Я постоянно был вместе с Мишей, и меня, откровенно говоря, раздражали неоднократные звонки Абрамова, справлявшегося о здоровье Талья. Однажды Лев Яковлевич сообщил, что матч может быть отложен только при условии, если чемпион мира пришлет заявление с просьбой отложить матч в связи с болезнью. Не знаю, что подействовало на Мишу, но он неожиданно заявил, что врачи не пророки и не могут предсказать, как он будет чувствовать себя через несколько недель. Мне было ясно — вновь в нем заговорило чувство долга («не нарушать регламент!»).

Я попытался уговорить Мишу все-таки согласиться отложить матч.

— Миша,— говорил я,— пойми, твое здоровье оставляет желать лучшего, а в марте погода в Москве неважная. Другое дело, скажем, в апреле или мае. Начнется футбол, который ты так любишь, развеешься после утомительных боев. Ну и здоровье за это время сможешь укрепить. Учти, начав матч 15 марта,— продолжал я его убеждать,— ты даешь Ботвиннику значительную фору — уж он-то вступит в поединок с тобой в наилучшей физической форме.

— Если матч будет отложен,— ответил Таль,— тогда он вообще не состоится.

— Вот это тебе было бы более чем кстати.

Но увы... Если я раньше иногда мог влиять на Таля-претендента на звание чемпиона мира, то чемпион мира Таль остался непреклонным.

За две недели до матча у Таля был сердечный приступ. Дома в этот момент находились его жена с полугодовым Георгием. Передав ребенка мне, она бросилась вызывать скорую помощь. В волнении я даже не заметил, что маленький Георгий... испортил мой пиджак...

РЕВАНШ

УВЫ! МИША «НЕ ПОКАЗЫВАЕТ»

Жеребьевка проходила по стародавнему обычаю: главный арбитр шведский гроссмейстер Гидеон Штальберг зажал к кулакам белую и черную пешку. Право выбора предоставлялось чемпиону мира, и ему досталась черная пешка.

На этот раз матч проходил в помещении Театра Эстрады. Как и в прошлом году, вместительный зал был переполнен.

В 1-й партии гроссмейстеры разыграли защиту Нимцовича. Затем партия перешла на рельсы одного из вариантов системы Рагозина.

Ботвинник избрал недостаточно активное продолжение, и, казалось, Таль перехватит инициативу.

Экс-чемпион мира Макс Эйве, сидевший рядом со мной, недоумевал. Где же прославленная дебютная эрудиция Ботвинника — получить чуть худшую позицию белыми?

Нетрудно было угадать и чувства приверженцев Таля: их лица сияли: «Ну, Миша сейчас покажет!»

Но Миша ничего «не показал». Отказавшись от продвижения пешки «f», он играл недостаточно активно. В примерно равной позиции Таль предложил ничью — Ботвинник ответил отказом. Возможно, на Мишу подействовал отказ противника, но все в зале увидели, что заключительную часть партии он играл без воодушевления.

Думаю, Ботвинник хорошо понимал, что объективно черные вполне еще могут сделать ничью, но москвич тонко почувствовал, что Таль на этот раз играет без подъема.

В дальнейшем Ботвинник сделал ряд ходов, каждый из которых, по словам Бронштейна, был «на один грамм тяжелее хода партнера». Но эндшпиль можно было спасти (см. диагр. на стр. 188).

Здесь черные еще могли спасти партию, продолжая 30. . Cf5! Например, 31. Kd4 Cd7, и после перевода черного короля в центр белые не в состоянии реализовать свой незначительный перевес.

Таль, однако, сыграл 30. . Cd5?? Ботвинник ответил 31. Kd4 с элементарной угрозой 32. e4.

31. . . c5 32. bc bc 33. Kb5 a6.

Как мне после партии сообщил Таль, он в своих предварительных расчетах предполагал, что белые должны отступить на c3 и после 34. . . Сс6 и перевода короля в центр черные легко держат оборону.

Ботвинник, однако, ответил 34. Кс7, и после 34. . . Сс4 35. Ke8 f5 36. h4 Kpf8 37. Kd6 Cf1 38. g3 Kpe7 39. К : f5+ Kpe6 40. e4 Kpe5 41. Kpd2 черные сдались.

В своей практике Таль успешно справлялся и с более трудными эндшпилями, поэтому это поражение было тревожным симптомом.

Удивляло также, что Таль допустил такую ошибку на старте, когда признаки утомления не должны еще проявляться.

При подготовке к матчу мы, естественно, учитывали, что год назад защита Каро-Канн в трактовке Ботвинника в целом выдержала испытание. Нами была подготовлена или, точнее, рассмотрена интересная система, с помощью которой Миша собирался «крушить» огнеупорную защиту. Однако своим 9-м ходом Ботвинник остановил наступление белых и добился равной игры. Правда, затем в цейтноте экс-чемпион мира несколько раз ошибся, и партия была отложена в положении, которое комментаторы оценили как выигрышное для Талья.

На следующий день газеты сообщили: «Через несколько ходов после возобновления игры Ботвинник сдался».

В одной статье Таль писал: «Признаюсь, я не любитель затворяться в кабинетной тиши. Сидеть полгода и выискивать трещины в дебютных построениях соперника — не мое амплуа».

Да, это я могу подтвердить. Когда я пытался «подсунуть» Талю какую-либо теоретическую статью о дебюте, стремясь заставить его уделить теме более пристальное внимание, Таль с пренебрежением возвращал ее. Гроссмейстер отверг также мое предложение систематизировать по отдельным дебютам партии, которые мы ежедневно просматривали в большом количестве.

Вскоре я убедился, что со стороны Талья это вовсе не было «гусарством», как я вначале предполагал. И не лень была тому причиной, а отказ большого художника от того, чтобы ограничить творчество рамками теоретических изысканий.

Такой подход позволял играть раскованно, к каждой новой встрече заново испытывать «свежий» интерес. Тем более что обильная систематизированная информация подчас в некоторой степени гасит творческую мысль. Да, Таль не любил зубрить. К тому же он неоднократно проявлял какое-то загадочное для меня стремление к «антисистемности». Но что меня успокаивало, так это удивительная способность моего подопечного к «расстановке» дебютных идей, проявлявшейся в его трактовке таких сложных дебютов, как испан-

ская партия или сицилианская защита, которые он почти всегда разыгрывал по «последнему крику моды».

Все это так, но «изобретать велосипед» в матче на первенство мира — тоже не слишком разумно. Забегая вперед, скажу, что в первых шестнадцати партиях матч-реванша Таль набрал черными только пол-очка.

Когда мы начали глубоко анализировать дебютную часть 2-й партии и порылись в нашей дебютной картотеке, которую Таль обычно старался игнорировать, оказалось, что Ботвинник умело использовал идеи партии Усуи — Макогонов, сыгранной в командном первенстве СССР, и что именно 9-й ход Макогонова приостановил всю намеченную Талем атаку!

Мне кажется, что именно тогда до Талья дошло, что участие в стоковольском турнире и его выступления в сеансах вряд ли могли заменить глубокоую теоретическую подготовку.

Здесь Таль ответил: 13... Kg6??

Вот что по поводу этого хода писал Ботвинник: «Странно, что такой искусный тактик, как Таль, просматривает ответ белых. Необходимо было 13... h6 с удовлетворительной позицией».

Последовало 14. Ke6!

И следующее примечание Ботвинника свидетельствует о том, как тщательно готовился москвич к матчу: «Должен признаться, что этот маневр я рассматривал еще во время домашней подготовки, но никак не надеялся, что он осуществится в партии. Теперь белые получают двух сильных слонов, а в лагере черных образуются слабости, особо чувствительные ввиду отсутствия белопольного слона».

Таль объяснил свой просмотр тем, что положение коня на e7 не дает возможность прыжка коня на e6. Делая свой 13-й ход, он не учел, что с уходом коня поле e7 освобождается.

После 14... fе 15. de Kph8 16. ed Ф : d7 17. 0—0 Фf5 18. Kd5 чемпион мира упорно защищался, но спасти партию уже не смог. Это была впечатляющая, превосходная победа Ботвинника, одержанная в последовательном позиционном стиле.

Как-то Тигран Петросян сказал мне, что, если он перед соревнованием может безошибочно разыгрывать в уме позиции, насыщенные комбинационными мотивами, это явный признак хорошей спортивной формы.

Конечно, в принципе это всего лишь субъективное ощущение, не раскрывающее всех показателей, необходимых для благоприятной оценки спортивной формы участника соревнования. Но если говорить о 3-й партии, то тут можно смело утверждать: если Таль просмотрел элементарную угрозу, он наверняка находился не в лучшей форме.

БОТВИННИК ТАЛЬ

ПОД ДИКТОВКУ БОТВИННИКА

После головоломной 4-й партии казалось, что стратегическое оружие Ботвинника, как и в прошлом матче, не сыграет решающей роли и что Талю удастся навязать противнику свой стиль игры. Но уже ход следующей партии показал, что этим надеждам не суждено осуществиться. Экс-чемпион мира навязал Талю спокойную маневренную игру.

После 1. c4 Kf6 2. Kc3 e6 3. d4 Cb4 4. e3 0—0 5. Cd3 d5 6. a3 dc 7. C : c4 Cd6 8. Kf3 Kc6 9. b4 e5 10. Cb2 Cg4 Ботвинник сыграл 11. de. Давид Бронштейн заметил: «Ботвинник снова выбивает Таля из намеченной схемы борьбы, уже дважды встретившейся в матче. Применяя новое продолжение, Ботвинник получает если не шахматное, то психологическое преимущество. Доказательство? Над 13-м ходом Таль продумал 52 минуты!»

Удивляться не приходится, что на 16 ходов у Таля до контроля времени оставалось 4 минуты, и в конце концов он потерял пешку.

То ли тут сказалась усталость претендента, то ли на игру Миханла Моисеевича повлияло стойкое сопротивление Таля, но при доигрывании Ботвинник упустил шансы на выигрыш и позволил Талю спастись.

В 6-й партии Таль белыми получил вначале чуть лучшую позицию, но Ботвинник уравнивал игру. Не видя реального плана атаки, белые повторяли ходы. На сей раз Таль не рискнул обострить ситуацию, и уже на 25-м ходу был заключен мир. Думается, что этой передышкой оба соперника остались довольны. Счет матча стал 3 1/2 : 2 1/2 в пользу Ботвинника.

Конечно, проиграть партию всегда неприятно. Особенно в таком соревновании, где каждый ход находится в центре внимания всего шахматного мира. Но поражение в 7-й партии не выбило Таля из седла. Он честно, как подлинный художник, отдал должное своему сопернику, который уже в дебютной стадии поразил его великолепной новинкой.

Поздно вечером при разборе партии Таль сказал: «Впервые в жизни меня нокаутировали в дебюте!»

Чем ошеломил Ботвинник Таля в дебютной стадии?

Таль здесь ожидал 10. e5, как тогда рекомендовали дебютные

БОТВИННИК ТАЛЬ

справочники, оценивая позицию после 10. . . Kg8 11. Ke2 Fd7 12. g4 Kc6 и 0—0—0 как примерно равную. Однако Ботвинник сыграл 10. Cg5! h6 11. Фа4+! c6 12. Ch4!, добился явно лучшей позиции и на 33-м ходу одержал заслуженную победу.

«Вновь узнаю игру Таля». Так писал мне из Амстердама Макс Эйве. А в газете «Шахматная Москва» Юрий Авербах отозвался о

8-й партии матча следующим образом: «Таль, без сомнения, может гордиться 8-й партией, где в океане необозримых осложнений он рядом сильных, труднонаходимых ходов добился выгодной для себя ситуации и изящно добился победы».

Любопытно, что в этой встрече два коня Таля оказались сильнее пресловутых двух слонов черных. И здесь Ботвинник стремился разменом ферзей сбить темп атаки противника. Рижанин, однако, оказался на высоте — его атака и без ферзей была сокрушительной.

Приведу решающую стадию партии.

10. С : h6.

Таль охотно пошел на этот размен, оставив противнику пару «гордых» слонов. Обычно два слона, как известно, обеспечивают позиционный перевес. Однако, играя 10. С : h6, Таль руководствовался конкретным стратегическим планом, в котором белые кони были призваны сыграть важную роль.

10. . . gh 11. Kbd2 Фc5 12. c4! 0—0—0 13. 0—0 Kpb8 14. Lfd1 Фb6 15. Фh4! a5 16. Лас1 Лg8 17. Kb3! a4 18. c5! Фс7 19. Kd4 Лс8 20. b4 ab 21. ab Фd8.

Размен ферзей не спасает черных от губительной атаки.

22. Ф : d8 Л : d8 23. b4 Лg4 24. b5 Лс8 25. с6! Се8 26. Лс2 Сg7 27. Ла1 С : е5 28. К : е5 Л : d4 29. Kd7+! Черные сдались.

На 29. . . Kpc7 последовало бы 30. b6+ Kpd8 31. cb, а в случае 29. . . С : d7—30. cd Лd8 31. Лс8+! Л : с8 32. Ла8+!

Ботвинник по-прежнему лидировал, но казалось, что Таль постепенно обретает спортивную форму. Не давил на Таля в психологическом плане и счет $4\frac{1}{2} : 3\frac{1}{2}$. Вся борьба еще была впереди.

9-я партия не могла начаться в срок. Таль заболел азиатским гриппом. 6-го апреля партия не состоялась. Правда, врачам удалось сбить температуру с 39,5 до 35,3, но чемпион мира был исключительно вялым и чувствовал упадок сил.

В ответ на первый ход Ботвинника 1. с4 Таль решил применить систему, рекомендованную П. Кересом и связанную с ранним агрессивным выпадом ферзя.

Правда, перед матчем мы намечали, что, играя черными, следует избегать слишком острых вариантов, но на сей раз чемпион мира, не считаясь со своим физическим состоянием, решил добиться перелома в ходе матча. Понятно, такая тактика была небезопасна, но ведь до сих пор именно благодаря ей Таль добивался крупнейших успехов.

События развернулись неблагоприятно для рижанина: 7-й ход Ботвинника показал, что и в этом редком варианте он заготовил новинку. Таль опять стал жертвой домашней заготовки. Оставив неразвитыми фигуры королевского фланга, Таль начал рискованное наступление на ферзевом фланге.

Экс-чемпион мира без труда отбил атаку и уже на 16-м ходу получил бесспорно выигрышную позицию.

ТАЛЬ БОТВИННИК

Таль в день доигрывания сдался на 73-м ходу. Счет матча стал уже $5\frac{1}{2} : 3\frac{1}{2}$.

При неблагоприятном физическом состоянии Талю было бы разумнее играть менее агрессивно. Но разве Таль мог устоять перед соблазном навязать Ботвиннику «свою игру»?

Дебют 10-й партии чемпион мира разыграл на редкость необычно: семь первых ходов он сделал пешками.

«Таль, видимо, забыл, что в шахматы играют и фигурами», — иронизировал в пресс-бюро Толуш.

Позиция Талья и впрямь выглядела довольно странно.

«Безрассудство», «плохая теоретическая подготовка», — слышалось со всех сторон. Только Бронштейн, улыбаясь, заметил: «Оригинальная идея!»

Стратегический замысел Талья вовсе не был столь порочным, как это казалось многим комментаторам. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 14-й и 16-й партиях Ботвинник больше не рискнул повторить тот же вариант. К поражению Талья привела не его стратегическая идея, а непоследовательная игра в дебютной стадии. Так, после ходов 1. e4 c6 2. d4 d5 3. e5 Cf5 4. h4 h6 5. g4 Cd7 6. h5 c5 7. c3 Kc6 следовало сыграть 8. f4!, получая после 8. . . e6 9. Kf3 Фb6 10. Ce2 перспективную игру (рекомендовано Д. Бронштейном).

Однако после ошибочного хода слоном Таль получил вскоре трудную позицию, и Ботвинник, переведя партию в эндшпиль, филигранной игрой добился победы.

Я был сперва очень удивлен, когда в 11-й партии Таль после недолгого раздумья неожиданно избрал славянскую защиту. Ведь Ботвинник мог разыграть разменный вариант, приводящий к симметричной позиции.

Было видно, что чемпион мира стремился к ничьей, понимая, наконец, что нуждается в передышке.

Однако Мише снова не повезло. Он попался на припасенный Ботвинником вариант пятнадцатилетней давности. Ботвинник исключительно тонкой игрой добился победы на 42-м ходу.

Выиграв эту встречу, Ботвинник опередил своего соперника на 4 очка! Разрыв в счете был велик, но Таль все еще на что-то надеялся — ведь впереди 13 партий!

Ботвинник в 12-й партии отнюдь не случайно избрал французскую защиту. Он решил проверить один из ее вариантов, встретившийся в 1-й партии их матча 1960 года. Оказалось, что на 12-м ходу у экс-чемпиона мира было в запасе усиление. Он решил заставить противника врасплох, завлечь его в борьбу самого мощного накала, ибо понимал, что к такой борьбе Таль в чисто физическом плане не готов.

Но, несмотря на три поражения подряд, боевой дух Талья еще не был сломлен. Его неукротимой воле к борьбе можно было позавидовать.

На этот раз выбор дебюта обернулся для Ботвинника бумерангом.

Талю удалось захватить инициативу и выиграть партию на 41-м ходу.

После этой победы Таль получил много писем и телеграмм.

«Таль, мы верим в тебя!», «Кто не рискует, не выигрывает!». Студентка из Рязани Жанна Боева писала: «Помните напутствие Каверина: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

Огорчало, что его физическая форма оставляла желать лучшего. Отсутствие аппетита, категорический отказ от прогулок на свежем воздухе, интенсивное курение — по 50—60 сигарет в день — не способствовали улучшению здоровья. Но взгляд его по-прежнему оставался острым, голова была полна интереснейших замыслов. Правда, по сравнению с прошлогодним матчем соперники поменялись ролями. Ботвинник играл легко, сделав ход, он уверенной походкой прогуливался по сцене и редко попадал в цейтнот. Таль же играл с большим напряжением, почти не отрывался от доски, нередко испытывая острый недостаток времени.

Образцом стратегического мастерства Ботвинника может служить 13-я партия, в которой он не позволил своему партнеру раздуть огонь осложнений.

«Ботвинник одержал заслуженную и превосходную победу», — заявил после партии Таль корреспондентам.

В 14-й партии Таль получил опасную инициативу, но Ботвинник выстоял. В итоге — ничья. В 15-й — Таль сделал непонятный ход ладьей. «На бланке я записал 28. . Лс7, но по ошибке поставил ладью на d7», — объяснил он мне после партии. Разрыв в очках увеличился. В 16-й — Таль был близок к победе, но Ботвинник блестяще защищался, и партия закончилась вничью.

Каждая ничья приближала Ботвинника к заветной цели, поэтому Таль теперь уже был вынужден любой ценой вызывать осложнения. Примером такой игры «ва-банк» может служить 17-я партия. Совершенно равную позицию Таль очень скоро превратил в проигрышную. Однако в обоюдном цейтноте Ботвинник допустил несколько ошибок, и Таль одержал победу.

А в следующей чемпион мира делал такие ходы, смысла которых не понимал ни один гроссмейстер (сам Таль после партии не смог их объяснить), а тут еще в довершение всего рижанин «зевнул» пешку. На другой день мне выпала неприятная миссия секунданта — позвонить главному арбитру: «Чемпион мира уполномочил меня сообщить, что он сдает отложенную позицию».

Это была самая плохая партия, когда-либо сыгранная Талем. Невольно вспоминаешь встречу Алехина с Капабланкой на Нью-Йоркском турнире 1927 года. Тогда гениальный Алевинский играл «шиворот-навыворот». В конце своего комментария к ней Алевинский писал: «Я стыжусь этой партии!»

Что поделаешь, бывает и так.

Казалось невероятным, что после столь чувствительных поражений Таль найдет в себе силы продолжить матч. Но следующую, 19-ю партию после 10-часовой борьбы он выиграл. Игру рижанина Бронштейн охарактеризовал следующим образом: «Таль провел всю партию в грандиозном стиле. Здравость стратегических планов, изобретательность и точность при их воплощении в жизнь — все это напоминает лучшие достижения Алехина в матче с Капабланкой. Партия эта замечательна тем, что в ней раскрылся подлинный потенциал шахматной силы Талья».

В 20-й партии Таль постепенно переиграл своего противника, и она была отложена в выигрышной позиции для чемпиона мира. Направляясь на игру, Таль с улыбкой сказал:

— Было бы смешно, если бы удалось спасти матч.

Хотя в нашей практике неточный анализ отложенных партий был крайне редким явлением, на этот раз, видимо, сказалась наша общая усталость. При разборе мы просмотрели важный ресурс противника, и партия была отложена вторично.

ТАЛЬ БОТВИННИК

Таль записал 89. Кра2.

Первые ходы были сделаны быстро.

89. . . Лb5 90. a7 Ла5+ 91. Крb3 Крb7 92. Лf8 Лb5+!

Таль быстро ответил 93. Кра4, не заметив, что после 93. . . Кр : a7 94. Л : f5 Лb1 95. Лf7+ Кра6! 96. Лc7 Лb4+! 97. Кр : b4 черный король запатован.

Ничья стала неизбежной. Между тем 93. Крс3 еще оставляло практические шансы на победу.

Погас последний луч надежды. Счет стал 12 : 8. Не оставалось никаких сомнений, что Ботвинник в оставшихся четырех партиях сумеет набрать необходимые пол-очка.

В 21-й — Таль последний раз в этом матче попытался, играя черными, осложнить игру, но Ботвинник сам перешел в наступление и одержал убедительную победу.

Счет стал 13 : 8! Михаил Ботвинник вернул себе звание сильнейшего шахматиста планеты.

На пресс-конференции М. Ботвинник ответил на вопросы советских и иностранных корреспондентов. На вопрос корреспондента, как он готовился к матчу, Ботвинник сказал:

— При подготовке к состязанию я уделяю большое внимание физической подготовке. К сожалению, зима была малоснежной, и поэтому редко удавалось ходить на лыжах. Пришлось чаще заниматься зарядкой и больше гулять.

Я жалел, что Таль не находился на пресс-конференции.

Пронгрыш матч-реванша явился для Талья своевременным и суровым жизненным уроком. Я помню, придя в гостиницу после 21-й партии, Таль устало опустился в кресло. Да, многое пришлось передумать, многое стало ясным.

Когда мы вернулись в Ригу, я проводил Мишу домой. Сняв пальто и бросив в коридоре чемодан, он помчался в комнату своей больной матери и радостно воскликнул:

— Знаешь, мама, я самый молодой экс-чемпион мира в истории шахмат!

Ида Григорьевна ласково улыбнулась, обняла его и сказала:

— Спасибо за утешение, сыночек!

«МЫ ЕЩЕ ВЕРНЕМСЯ!»

Этими запальчивыми словами я закончил статью, посвященную матч-реваншу на страницах специздаия газеты «Neues Deutschland». Сможет ли Михаил Таль вернуть веру в свои силы, сделает ли он правильные выводы из поражения? Ответа на поставленные вопросы с нетерпением ждал весь шахматный мир.

И этот ответ дал сам Таль уже осенью 1961 года. На одном из крупнейших турниров в Бледе, в котором участвовали сильнейшие гроссмейстеры мира, вероятные претенденты на шахматную корону, Таль блеснул замечательной игрой и занял первое место!

За ним остались такие асы, как Фишер, Керес, Петросян, Геллер, Глигорич, Портиш, Найдорф, Олафссон.

Это была феноменальная победа, одержанная благодаря огромному усилию воли. В первую очередь это была победа над самим собой.

В Бледе Таль продемонстрировал всю многогранность своего дарования. Олафссона и Парму он разгромил в остроатакующем стиле, а Найдорфа, Ивкова, Матановича принудил к сдаче после тонкой позиционной маневренной борьбы.

Победа в Бледе еще раз доказала, что Михаил Таль остается одним из сильнейших гроссмейстеров мира.

Но Таль не «вернулся», как этого ждали его болельщики.

На следующем турнире претендентов — в Кюрасао (1962) Таль вышел из борьбы по состоянию здоровья. За два месяца до начала этого соревнования он подвергся сложной операции на почке. Его оперировал один из крупнейших хирургов страны профессор Анатолий Фрумкин.

После проведенной операции хирург мне сказал: «Я не понимаю, как Таль вообще мог играть в шахматы. Из-за ненормальной работы почек его организм все время подвергался токсикации».

Теперь мне стало ясно, почему Таль во время матч-реванша страдал общим недомоганием, отсутствием аппетита. Тогда из Риги приехал в Москву двоюродный брат Таля, по специальности врач. Во время обеда врач «агитировал» Мишу плотно поесть, чтобы у него было больше сил. Тогда, мол, и играть он будет лучше. Миша сидел мрачный, почти не дотрагивался до еды и молча слушал наставления гостя о пользе витаминов.

Я знал, что это бесполезное дело — надоедать Талю «полезными советами», и меня ничуть не удивило, когда Миша положил конец наставлениям двоюродного брата:

— Ешь сам, у тебя это лучше получается.

В. Васильев писал в книге «Загадка Талья»: «Да, жаль, что Таль пренебрежительно относится к своему здоровью, его в этом смысле нельзя считать достойным подражания образцом. Но разве не прекрасно, что, перенеся, к примеру, три тяжелейшие операции на почках, Таль остается самим собой, сохраняя оптимизм и чувство юмора? Разве не прекрасно, что он никогда не ноет, не жалуется на свои недуги, и здесь оставаясь таким же мужественным, как и за шахматной доской?»

Могу подтвердить: да, Талья никогда, даже в самых критических ситуациях, не покидало чувство юмора. При частых приступах острой боли ему приходилось делать уколы; во время состязаний ему вводили болеутоляющие средства в больших дозах, что порой вызывало кривотолки. Однажды один болельщик не выдержал и спросил:

— Это правда, Миша, что вы морфинист?

— Что вы, что вы, — немедленно отпарировал Таль, — я чигоринец!

Как-то известный гроссмейстер обратился к Талю:

— Миша, сегодня я выступаю по телевидению. Что мне сказать телезрителям?

— Пусть слушают радио. Завтра там выступаю я!

Журналисты спросили Талья, можно ли провести параллель между шахматистами и композиторами?

— Конечно, — ответил Таль, — Ботвинник — это Бах, Смыслов — Чайковский, Керес — Шопен, Петросян — Лист, Бронштейн — Дебюсси, Ларсен — Прокофьев.

— Ну, а Фишер?

— Компьютер, — молниеносно ответил Таль.

БЕЗ «ГРИМА»

Так получилось, что в результате жеребьевки в 1964 году октет сильнейших гроссмейстеров мира разделился на два квартета. Первый из них выступил в СССР, и счастливым его победителем стал Борис Спасский. Он первым завоевал путевку на финальный матч претендентов, победитель которого получал право вызвать на матч чемпиона мира Тиграна Петросяна.

27 июня 1965 года в Бледе в борьбу вступили пары Таль — Портиш и Ивков — Ларсен.

Из поединков на югославской земле мне хочется выделить 2-ю партию матча Таль — Портиш, тем более что о своих переживаниях мне рассказали сами участники. Поэтому постараюсь представить главных героев без «грима».

По своему характеру Портиш был идеальным матчевым игроком — рассудителен, сдержан, хладнокровен. Волевой шахматист, в расцвете своих сил и готовый преодолеть все барьеры на пути к матчу с чемпионом мира. Думаю, что в глубине души Портиш

особенно надеялся на то, что именно в личных встречах с Петросяном он имел внушительный перевес.

Во многом Портиш напоминал Михаила Ботвинника, и не случайно в кругах журналистов его именовали «вторым Ботвинником». Так же как у советского гроссмейстера, дебютный репертуар у него был детально отшлифован вплоть до миттельшпиля, особенно уверенно и целеустремленно Портиш играл белыми. Владел он также отточенной техникой разыгрывания окончаний. А в турнире в Загребе, предшествовавшем этому матчу, Портиш выиграл у победителей турнира — Ивкова и Ульмана, а также у Ларсена и чемпиона мира — Петросяна.

Но в игре венгерского гроссмейстера можно было заметить и определенные изъяны. Особенно «неуютно» Портиш начинал себя чувствовать, если противнику удавалось резко изменить на доске позицию, не соответствующую его вкусу. А если ему приходилось при этом играть в обстановке цейтнотной горячки, от его хладнокровия и следа не оставалось. Это особенно очевидно проявилось в его встрече с Талем на амстердамском межзональном турнире 1964 года.

Я приведу фрагмент этой партии с комментарием Сало Флора, который в качестве главного арбитра был очевидцем этой уникальной встречи.

После 25-го хода черных на доске создалась следующая позиция.

Такую позицию можно встретить в партиях блицтурнира, но не во встречах первенства мира! Впрочем, вы, наверное, помните «знаменитую» 9-ю партию матча Ботвинник — Бронштейн. Она закончилась так же, как эта... виничью. (После 17-го хода у Ботвинника была лишняя ладья! — А. К.) Не так просто выиграть с лишней ладьей!

26. С : g7 hg.

Как вам нравится это «хладнокровие»?

27. Kd4.

«Можно и вторую ладью «скушать». Но для эндшпиля мне хватит, — наверное, думал Портиш. — Ладья и фигура есть!»

27...Фd5 28. fe Ф : e4 29. Kf3.

Имелись лучшие ходы, например 29. e3, на что Таль мог бы продолжать «атаку» путем 29...Cc8.

29...Фe3+.

Пока Таль дает шахи, он никого не боится. Но противники боются, а возможно, даже дрожат. Портиш тут очень нервничал.

30. Kph1.

Надо было пойти на g2.

30...Cc6.

Со слоном на диагонали черные уже могут о чем-то мечтать.

31. Jf1 Л : a3 32. Фc1 gf 33. Ф : c6 Ф : e2 34. Jlg1 Кр : g7.

Вот и хорошо. Опять у Портиша всего-навсего ладья. Но

ПОРТИШ ТАЛЬ

флажки поднялись на часах у обоих гроссмейстеров, особенно у Портиша. Он был совершенно потрясен. На его «счастье», находится ничья повторением ходов.

35. Лae1 Фd2 36. Лd1 Фе2 37. Лde1 Фd2.

Ничья! Ничья! Решение правильное. Анализ показал, что ни белым, ни черным нельзя уклониться от повторения ходов.

По моему твердому убеждению, такие неудачи глубоко откладываются в подсознании шахматиста, в душу закрадывается боязнь рецидива, появляется чувство неуверенности в новых встречах за доской с этим противником.

Естественно, что у Таля зрела мысль, что с венгром надо играть резко, постараться затянуть в водоворот осложнений. Однако при солидной постановке партии, при осторожности Портиша и умении издалека чувствовать опасность задача Талья казалась не из легких. Было трудно предположить, что уже во 2-й партии дерзкий наскок Талья все-таки принесет ему успех.

Таль Портиш

Вот позиция, которая создалась во 2-й партии после 14-го хода черных. Последовало 15. с4.

Таль. Теперь «правильным» (можно и без кавычек) было сдержанное 15. а3, надеясь в длительной борьбе где-то использовать прославленную пару слонов. Но я решил играть остро, так как Портиш менее уверенно реагирует на крутые тактические повороты.

15. . . Kb4 16. Л : е6+.

Портиш. Сделав свой 14-й ход, я издалека рассматривал возможность этой жертвы. Но когда Таль быстро пожертвовал ладью, я был все-таки выбит из колен. Неужели я просчитался? Невольно вспомнил нашу амстердамскую партию с лишней ладьей у меня и... ничейным финалом. В дальнейшем я стал нервничать, играл быстро, куда-то спешил.

Многозначительное признание. Подчас «проклятое» воспоминание об обидном поражении не только портит творческое настроение и лишает покоя, но и ведет к неуверенности. Тем самым возникает психологический комплекс игры с так называемым «трудным» противником.

16. . . fe 17. Ф : е6+ Kpf8.

Таль. Больше всего мне не нравился ответ 17. . . Kpd8, но я был уверен, что Портиш откажется от этого хода из-за 18. Фd6+.

Да, психологический расчет оказался правильным — в подобных ситуациях шахматист, добившись материального перевеса, горит желанием «наказать» смельчака за дерзость!

18. Cf4 Лd8! 19. с5 К : d3 20. cb.

Таль. «Жажда крови...» Предварительно я здесь собирался, наконец, форсировать ничью путем 20. Ch6, на что у черных единственный ответ 20. . . Ф : b2! (хуже 20. . . Фс7 21. Ф : f6+ Kpg7 22. С : g7!). Но не всякая пешка «с» может попасть на a7! Поэтому

белые вновь решились на несколько авантюрное, хотя и не проигрывающее взятие ферзя.

20. . . К : f4 21. Фg4 Kd5 22. ba Kpe7?

Портиш. Я видел очень сильный ход 22. . . g6, но решил увести короля из опасной зоны, тем более что шахи тяжелыми фигурами не страшны. А вот тихий ход пешкой я не заметил.

Таль. Сильнее было 22. . . g6. Как сложилась бы борьба в этом случае, честно говоря, не знаю. Но я надеялся на силу пешки a7.

23. b4! Ла8 (сильнее было 23. . . Kpd6, но Портиш играл будучи явно расстроенным) 24. Le1+ Kpd6 25. b5! Л : a7?

Таль. Это проигрывает моментально, но здесь черным уже очень не легко защититься. В распоряжении белых две угрозы: атакующее 26. bc bc 27. Фе6+ Kpc7 28. Лc1 и зажимающее 26. b6 К : b6 27. Лb1 — если не взять пешку, то чересчур грозной стала бы пешка a7.

26. Ле6+ Kpc7 27. Л : f6! Черные сдались.

ЭКЗАМЕН НА МУЖЕСТВО

После победы над Портишем Талю здесь же, в Блеле, предстояло встретиться в полуфинальном матче претендентов с Бентом Ларсеном. Мы не сомневались, что предстоит крайне тяжелое испытание, хотя достижения Ларсена по сравнению с успехами Талья были скромнее, крупнейшее достижение датчанина — победа в межзональном турнире в Амстердаме в 1964 году (дележ 1—4-го мест). Ларсен принадлежит к тому типу шахматистов, потенциальная сила которых не всегда полностью открывается в спортивных результатах. Многое, как у истинных художников, у него зависит от творческого настроения, от чувства уверенности в своих силах. А в этом отношении убедительная победа над Ивковым должна была оказать на Ларсена весьма благоприятное влияние.

Хотя победителям четвертьфинальных матчей ФИДЕ предоставляла семидневный «отпуск», однако известно, что матчи, поединки с одним и тем же сильнеешим противником отнимают много физических сил и нервов. Таль чувствовал себя после матча с Портишем невероятно усталым, даже чуть опустошенным — чувство, которое появляется у шахматиста после победы в ответственной поединке. Только время (вероятно, даже месяцы) дает шахматисту возможность отдохнуть, накопить силы для новых встреч, а тут, как отмечено выше, всего неделя!

Правда, Ларсену были предоставлены такие же условия, но победа над деморализованным Ивковым далась ему все-таки легче.

Хотя организация матчей югославской шахматной федерацией была прекрасной, климатические условия идеальными, спокойный, патриархальный ритм крохотного курортного городка все-таки был удивительно монотонным. Кажалось, мы наизусть изучили меню ресторана «Гранд-отель Топлице», где мы проживали: «Торнадо

а ля Россини», английский бифштекс с кровью, французский салат. Хорошо, что Миша, потерявший аппетит, пристрастился к «беф а ля татар» — сырому рубленому мясу, которое в присутствии гостя официант с особой торжественностью, не спеша приправлял целым набором крепких специй.

Конечно, будь Таль человеком типа Михаила Ботвинника, он бы нашел способ быстро восстановить силы на месте — плавать в бассейне гостиницы или в теплом озере Блед, подниматься на ближайшую гору, вдыхая кристально чистый воздух, но увы... Для Таля куда привлекательнее шум и суета большого города, быстрая смена впечатлений. И меня совсем не удивило, что уже на следующий день после окончания матча с Портишем Таль предложил воспользоваться любезным предложением гроссмейстера Лотара Шмида съездить на его машине в Любляну и там совместно провести время до начала матча с Ларсеном.

Мишу чуть удивило, когда я ему посоветовал самому отправиться в столицу Словении. Я тогда, правда, понятия не имел, что уже появилась так называемая космическая психология, которая ставила новую проблему — совместимость нескольких человек на борту космического корабля, но я просто интуитивно чувствовал, что если мы расстанемся на несколько дней, то отдохнем друг от друга, к тому же смена обстановки, пребывание в другом городе поможет Мише обрести некоторую психологическую свежесть. Но что касается идеального режима дня в Любляне... Я, откровенно говоря, сомневался...

Матч в назначенный день не начался — накануне Таль так самозабвенно играл в настольный теннис, что не заметил, как натер ногу. В ранку попала инфекция, и у Миши поднялась температура.

Выбрав дебют в 1-й партии, Ларсен показал себя тонким психологом. Возможно, для того чтобы «укротить» агрессивный стиль Таля, Ларсен навязал рижанину строго позиционную борьбу. Первоначально такая стратегия принесла свои плоды — Ларсен добился на ферзевом фланге явного позиционного перевеса. Однако в середине игры он играл недостаточно энергично, и Таль получил контршансы на королевском фланге. Но тут, очевидно, сказались усталость (пришлось вести изнурительную защиту, находясь все время в «партере»), но «машинальным» 33-м ходом, как впоследствии писал Таль, он позволил Ларсену вновь захватить инициативу и добиться победы.

Хотя Таль тогда «привык» начинать ответственные соревнования с поражения, все же в коротком матче из 10 партий поражение на старте — тревожный сигнал. Пришлось решать непростой вопрос — разгадать, какой дебют изберет датчанин? Дело в том, что Ларсен вообще отличался на редкость разнообразным дебютным репертуаром. Так, в его картотеке уживались покрытые архивной пылью варианты венской партии с ультрасовременными вариациями дебюта Рети. Любимым его оружием в то время был и редко применяемый в современной практике дебют Бэрда (1. f4). Да и черными он старался «темнить», избирая разнообразные системы защиты.

Во 2-й партии Ларсен, играя черными, применил в испанской партии систему Стейнница, которую он никогда не применял. Он, конечно, хорошо понимал, что этой защитой отказывается от активной контригры, но сейчас Ларсен стремился только к ничьей.

Однако, к его несчастью, он, так же как и, кстати, Таль, не большой специалист ничьих «по заказу». В середине игры он, забыв о своем благом намерении избегать всяческого риска, начал 22-м ходом контратаку. Однако в последовавших осложнениях Талю удалось перенграть противника и добиться победы.

Очень сложный позиционный бой развернулся в 3-й партии. Хотя Ларсен впоследствии об этой партии писал: «Третья партия — трудная, несколько грубоватая, без значительных стратегических тонкостей, она заставила обоих противников быть все время на чеку».

В 4-й партии после 5-го хода черных создавалась следующая позиция.

В одной газете я прочитал, что «Кобленц заволновался, когда Таль над своим ответным ходом продумал 50 минут». Еще бы! Во-первых, это случилось уже на 5-м ходу, а во-вторых, насколько я понял, Мишу раздражала дерзость датчанина — спровоцировать его на жертву коня! Мише было также ясно, что Ларсену удалось его завлечь на явно домашнюю заготовку, заставить решать за доской крайне сложные проблемы.

Думаю, читателю будет интересно из первых рук узнать, какие мысли занимали гротмейстера в тот момент, какие сомнения и варианты «терзали душу».

«Ход 5. . . Kd7 на первый взгляд кажется совершенно невозможным из-за жертвы на f7. Это сразу увидел я, это, бесспорно, видел и Ларсен...

Начались психологические терзания. Здравый смысл подсказал, что не имеет смысла идти на вариант, специально подготовленный партнером, но сердце никак не хотело с этим согласиться — ведь не каждый день король уже на 7-м ходу попадает на поле e6? На обдумывание своего 6-го хода белые потратили 50 минут. Могли посоветовать молодым шахматистам или вообще не рассматривать столь явно провоцируемые партнером продолжения, или, поскольку время так или иначе потрачено, слушаться сердца. Понятно, сейчас советовать легче...

Очень не хотелось верить, что после 6. K : f7 Kp : f7 7. Фh5+ Kpe6 у белых нет ничего большего, чем вечный шах 8. Фg4+ Kpf7 (8. . . Kpd6 слишком рискованно после 9. c4) 9. Фh5+ и т. д. Но разве для этого жертвуется фигура?

Белым не удалось найти решающее продолжение атаки в варианте 8. c4 K5f6 (на 8. . . Kb4 очень неприятен ответ 9. Cd2!, и нельзя 9. . . Kc2+ 10. Kpd1 K : a1 11. Фd5+ Kpf6 12. Cg5+ Kpg6 13. Cd3+ со скорым матом) 9. d5+ Kpd6 10. Фf5 Kc5 11. Cf4+ e5 12. C : e5+

(12. d : e5+ Крс6) 12. .Кре7 или 10. Фf7 Кb6, угрожая разменом ферзей после 11. .Фе8. Можно продолжить путешествие короля черных 11. c5+ Кр : c5, но и здесь король на поле c5 чувствует себя в безопасности.

Очень заманчивым выглядит 8. g3, вводя в игру и белопольного слона. Но после 8. .b5! во время обдумывания 6-го хода мне казалось, что черные успевают своевременно закрепиться конем на поле d5, а здесь конь очень хорошо защищает короля.

Лишь часа через два, когда на доске была уже совсем другая ситуация, мне пришел в голову очень сильный позиционный ход 9. a4!, после которого, думаю, позиция белых явно предпочтительнее. Кажется, у черных нет ничего лучшего, чем 9. .c6 10. ab g6 11. Фе2+ Крf7 12. bc K7b6, но здесь с тремя пешками за фигуру белые могут быть вполне удовлетворены результатом жертвы.

После того как я обнаружил ход 9. a4!, я был совершенно не в состоянии дальше играть нормально.

Как бы то ни было, эксперимент Ларсена, рассчитанный, понятно, только на одну партию (больше он мне этой возможности не предоставил), увенчался полным успехом.

Перед тем как записать свой 41-й ход, Таль продумал 30 минут, и ему даже захотелось просто прекратить агонию и сдаться без игры. Партия осталась неоконченной в абсолютно выигрышной позиции для Ларсена.

Отложенную позицию мы анализировали всю ночь. Хотя я, неуставно «защищая интересы» Ларсена, неизменно выходил победителем, Таль продолжал упрямо изыскивать какие-то ресурсы защиты.

Правда, по непонятной нам причине на страницах одной московской газеты появилось якобы наше заявление, что «мол, поборемся еще». Прочтав эти строки, Петросян воскликнул: «Ну и оптимисты!»

Но отправляясь на грустное доигрывание, мы понимали, что практический шанс на какое-то чудесное спасение мог, как это парадоксально ни звучало, прийти только со стороны Ларсена! Дело в том, что после успешной проведенной игры, когда казалось, что цель достигнута, у датчанина появлялась некоторая легковесность, даже легкомысленность, отсюда недооценка ресурсов защиты противника. Словом, играл Ларсен уже без огонька. Это подтвердилось и при доигрывании 4-й партии. Упустив несколько раз выигрыш, Ларсен был вынужден согласиться на ничью на 77-м ходу.

В 5-й партии Таль потерпел просто сокрушительное поражение. О ней Марк Тайманов писал, что рижанин играл на редкость растерянно и что такие безропотные поражения Таля трудно даже припомнить.

На мой взгляд, первопричиной разгрома явилась ошибочная психологическая установка при подготовке к этой встрече. Каково было настроение Талья после 4-й партии, я узнал много позже, читая его следующие строки:

«Получив столь неожиданный подарок при доигрывании 4-й партии, я чувствовал себя владельцем какого-то клада, не знающим, куда девать свои шальные богатства. А между тем клада-то не было (2 : 2) и транжирить было нечего.

Мною овладело желание обязательно сыграть дебют, которого Ларсен не ждет».

Я был очень удивлен, когда утром накануне 5-й партии раздался стук в дверь моей комнаты и зашел Миша (обычно мы готовились или анализировали в его, более просторном номере и ко мне он никогда не заглядывал).

Миша выглядел очень серьезным, чуть ли не мрачным. Даже не поздоровавшись, он остановился среди комнаты и твердым голосом сказал:

— Хочу играть на выигрыш!

Господи, что же ему ответить?

— Видишь ли, Миша, я тебя понимаю, — ответил я после короткого раздумья. — Это качание на качелях тебе надоело, но ведь ты понимаешь, что полностью свою боевую форму еще не обрел. Я думаю, что твою агрессивную настроенность следует припасти к шестой партии, когда будешь играть белыми.

— Нет, хочу выиграть пятаю! — ответил Таль.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление. Некоторые тренеры с задетым самолюбием в таких случаях — я имею в виду решимость Талья — начинают спорить, горячиться, проявлять твердость и т. д. Но бывают случаи, когда тренеру надо руководствоваться педагогическим тактом. Ведь твой подопечный — шахматист высочайшего класса, со сложившимся стилем, характером. Конечно, в отдельных случаях приходится быть твердым, когда, например, ясно, что подопечный на сто процентов не прав. Но можем ли мы утверждать, что тренер всегда в состоянии на «сто процентов» расшифровать мысли и мотивы поведения подопечного?

Вот почему мне лично по душе педагогическое кредо драматурга Виктора Сергеевича Розова: «По сути человек устроен очень противоречиво и очень еще мало изучен. Роль педагога — открывать двери, но не проталкивать в них».

Талю удалось применить защиту Грюнфельда, которую он на самом деле редко применял, но это был его последний успех в этой партии — сказала пока еще неважная спортивная форма рижанина. Уже после 25-го хода Таль стоял безнадежно, и партию проиграл. Счет стал 3 : 2 в пользу Ларсена, вновь Таль оказался в неприятной роли догоняющего! Миша хорошо понял, что 6-я партия должна была дать ответ на вопрос: «быть или не быть?» Кто из шахматистов не испытывал этого неприятного ощущения, когда кажется, что почва уплывает из-под ног, и пропадает даже желание сесть за доску?

Сумеет ли Таль, собрав всю свою волю, оказать противнику стойкое сопротивление и добиться даже перелома в решающий период поединка? Словом, именно в этой партии Таль должен был сдать своеобразный экзамен на мужество!

В 6-й партии Ларсен применил сложный вариант защиты Алехина. После 14-го хода черных я находился в пресс-бюро. Все мы в ожидании ответа Талья гадали, какой ход он выберет. Югославские гроссмейстеры, корреспонденты белградской прессы, предлагали спокойный и надежный путь, методично усиливая позицию посредством 15. f4 0—0 16. Ke4 с дальнейшим 17. c3 и 18. Cc2. Но Таль сыграл 15. a3!, наметив сложный тактический удар.

Помню, сколько споров вызвал в мировой прессе подход Талья в решении подобных критических позиций. Всегда ли тактический путь является не только самым эффективным, но и самым верным?

«Относительно партий Талья такой вопрос — не простая риторика, — писал М. Тайманов. — Творческое воображение увлекает Талья в волшебный мир шахматной романтики, оставляя, может быть, более прозаическое, но зато более объективное решение. В этом и прелесть, и некоторая слабость шахматного темперамента Талья!»

15. . . Kd5 16. Kb5!

Не трудно теперь понять замысел Талья! Ввиду угроз 17. c4 или 17. Kd4 жертву фигуры принять необходимо, а тогда черный король лишается покоя.

16. . . cb.

Вынужденно; если 16. . . 0—0 17. Kd4 Фh7 18. c4 Kb6 19. Cc2, то положение черных становится крайне тяжелым.

17. Ф : b5+ Kpd8 18. c4 Ф : e5?

Таль видел, что после 18. . . Kb6 19. Фа5 он также отыгрывает фигуру, так как плохо сейчас 19. . . Cd7 ввиду 20. Ce3 Kpc7 21. c5. Сильнее немедленное 19. . . Kpc7 20. c5 Kpb8 21. cb ab 22. Фb5 Ла5 23. Фb3, хотя и здесь, по мнению Талья, у белых очень неплохие шансы на атаку.

Но основной вариант задуманной белыми комбинации был иным: 18. . . Kf4 19. Jld1+ Kpc7 20. Jld7+ C : d7 21. Ф : d7+ Kpb8 22. Ф : e7 Ф : e5 23. Ce3 Kg6 (грозило 24. Jld1) 24. Ф : f7 Фf6 25. Ce8! Фе7 (25. . . Ke5 26. Cf4) 26. Ф : g6 Л : e8 27. Cc5! Фd7 28. Cd6+ Kpc8 29. c5, и слон на d6 заметно сильнее ладьи.

Чем, однако, объяснить ход Ларсена, ведущий к явно худшей позиции? Думаю, что здесь сыграл свою роль элемент неожиданности, а также следующее обстоятельство: когда молодой шахматист на подъеме одерживает победу за победой, его сильная игра оказывает на противников какое-то парализующее воздействие (это относится и к чемпионам мира, когда они находятся в зените своей славы).

19. cd Cd6 20. g3 Ф : d5 21. Фе2 Kpe7 22. Jld1 Фа5 23. Фg4 Фf5 24. Фc4 Фc5 25. Фd3 Фd5 26. Фc3 Ce5 27. Фе1 Фc5 28. Cd2 Kpf6

29. Лас1 Фb6 30. Се3 Фа6 31. Фb4 b5 32. С : b5 Фb7 33. f4 Сb8 34. Сс6. Черные сдались.

Таль выдержал с блеском трудное психологическое испытание, сдал экзамен на мужество! Но тогда оба соперника не могли предвидеть, какие тяжкие переживания их еще ожидали.

Тяжелый бой развернулся в 7-й партии матча, в которой оба партнера прошли мимо сильнейших продолжений. Сказывалось утомление гроссмейстеров; 8-я партия получилась «пресной» и закончилась вничью.

В 9-й — Таль, играя черными, постепенно переиграл партнера. И вдруг, вместо того чтобы сделать ход королем, сохраняя хорошие шансы на победу, Таль нервным рывком руки продвинул пешку на g5.

24. . . g5??

Этим ходом Таль не только терял пешку, но значительно ослабил свой королевский фланг. Может быть, Мишу вывело из равновесия то обстоятельство, что Ларсен находился в сильном цейтноте, но если глубже разобраться, то ошибка явилась данью какому-то состоянию оцепенения. Нервный всплеск взял верх над рассудительностью (кстати, своеобразное явление в психике каждого выдающегося шахматиста).

Партия осталась неоконченной в ладейно-слоновом эндшпиле с лишней пешкой у датчанина. Таль считал, что рано или поздно белые должны выиграть.

По окончании партии я обратился к Ларсену с вопросом:

— Что вы думали, когда Таль сыграл g7—g5?

— Что он сошел с ума, — ответил датчанин. — Разумеется, не навсегда, — поправился он, — только на эти несколько минут.

Нам не хотелось ужинать в ресторане гостиницы — начнутся расспросы, сочувственные взгляды знакомых, и мы предпочли пойти в скромную столовую работников связи, где Таль обычно играл в настольный теннис. Сели в углу, ждем официанта. Конечно, оба в минорном настроении, молчим. И вдруг по щеке Таля покатились крупные слезы. Лицо окаменевшее, а слезы так и льются. Сидевшие в зале югославы заметили состояние Миши. Сначала они растерянно переглянулись, затем как по команде придвинули свои столики к нашему столу. Кто-то начал утешать, а один заметил:

— Но, скажите, эндшпиль ведь еще не проигран?

— Нет, не проигран, — ответил Миша всхлипывая.

Мне кажется, это не были слезы отчаявшегося, попавшего в беду человека, а защитная реакция перенапряженной нервной системы.

На сей раз Ларсен провел эндшпиль недостаточно энергично и позволил Талю спастись. Не трудно было заметить, что и Ларсен чувствовал себя крайне утомленным.

Итак, накануне последней, решающей, партии счет был равным — 4½ : 4½.

ЛАРСЕН

ТАЛЬ

Любопытно, что настроение Миши перед решающим боем было хорошее и спокойное. Накануне ответственных встреч шахматиста часто терзают попытки прогнозировать (в первую очередь в дебютном отношении) ход предстоящего боя, как-то смоделировать характер предстоящей игры. Хотя подчас эти попытки подобны гаданию на кофейной гуще, мы в этот день удивительно точно предугадали психологический и чисто шахматный рисунок надвигающейся партии. Зная нрав Ларсена, мы были уверены, что он постарается решить судьбу матча именно теперь, немедленно, хотя в случае ничейного исхода участники матча должны были продолжить борьбу до первой победы. А контригру на 1. e4 могла обещать только сицилианская защита, причем сложный и обоюдоострый схевенингенский вариант. Вот почему наше внимание было обращено именно на него. Нами в период подготовки была даже разыграна следующая тренировочная легкая партия.

1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. d4 c : d4 4. K : d4 e6 5. Kc3 d6 6. Ce3 Kf6 7. f4 Ce7 8. Фf3 0—0 9. Ce2 Cd7 10. 0—0—0 K : d4 11. C : d4 Cc6 12. g4 Фa5 13. g5 Kd7 14. Lhg1 b5 15. Фh5 b4 16. Ld3 bc 17. C : c3 Ф : a2?

Откровенно говоря, я видел, что упорное сопротивление обещало 17. . .Фa4, но, предвидя блестящий финал в пользу Миши, я взял «отравленную» пешку на a2.

Радостные молнии засверкали в глазах Миши, он мгновенно сыграл 18. Lh3 C : e4 19. g6! C : g6, завершив партию эффектной жертвой ферзя — 20. Ф : h7+! Таль поднялся со стула в прекрасном настроении. Моя маленькая психологическая хитрость, пусть даже в микроскопической дозе, достигла цели.

Ровно в 16.30 противники сели за доску. Таль продвинул свою королевскую пешку на два поля.

Партия вызвала колоссальный интерес. Зрительный зал был переполнен.

Я думаю, что уже в начале партии Миша получил стимулирующий творческий заряд, так как в принципе наши прогнозы удивительно точно подтвердились. Только на 9-м ходу Ларсен сыграл иначе, но не лучше — позволив Талю получить более перспективную позицию.

После 14-го хода черных на доске создалось следующее положение:

Слово Талю. «Как развивать инициативу? Вначале мне хоте-

ТАЛЬ ЛАРСЕН

лось сыграть профилактически 15. a3, оставляя коня на c3. Варианты типа 15. . .b4 16. ab Ф : b4 17. Фh5 Lb8 18. Ld3 Ф : b2+ 19. Kpd1 выглядели довольно симпатично, но затем мое внимание привлекла идея жертвы коня на d5, раскрывающая линии для атаки.

Забавный вариант, найденный в этот момент (см. примечание к 18-му ходу черных), укрепил уверенность в том, что от такой жертвы отказываться просто стыдно.

Все это время как-то «давил» осадок от 4-й партии (Таль тогда, как вы помните, не рискнул жертвовать коня на f7.— А. К.).

Я даже решился на нечто типа внутреннего монолога:

— В конце концов, Миша, если тебе суждено проиграть этот матч, не нужно, чтобы причиной этому была трусость! Итак...

15. Cd3 b4 16. Kd5!

Когда Таль сделал этот ход, отдав коня за пешку, зрительный зал замер. Что это — сверхсмелость, авантюра? Никто в зале и в пресс-бюро не находил ответа на эти вопросы, это было просто невозможно. А каково было мнение Талья? Вот что он писал, оценивая позицию после ходов 16. . .ed 17. ed:

«Жертва фигуры носит позиционный характер. Фигуры черных сгрудились на ферзевом

фланге (ладья a8, ферзь b8, слон c8), и прийти на помощь королю им не так легко. Открывавшаяся линия «е» — это барьер. Кроме того, оба слона белых d4 и d3 уже нацелены на прикрытие короля.

Сейчас угрожает трафаретная комбинация с последовательными жертвами слонов на h7 и g7, от которой без позиционных потерь защититься невозможно. Ларсен стремится прикрыть пункт h7 другой пешкой.

17. . .f5.

Но теперь слишком силен чернополюсный слон белых.

18. Lde1.

На 18. . .Cd8 был возможен очень любопытный вариант: 19. Фh5 Кс5 20. С : g7! К : d3+ 21. Крb1 (не 21. cd из-за Фс7+) 21. . .К : e1 22. g6 К : g7 23. Ф : h7+ Крf6 24. g7 Лf7 25. g8K×b

Жертва Талья вызвала много споров, появились целые леса вариантов, но одно ясно — Ларсену практически было очень трудно за доской вскрыть все тонкости позиции. Как бы то ни было, но смелость Талья в столь ответственной партии — уникальное явление в практике выдающихся гроссмейстеров!

18. . .Лf7 19. h4 Сb7 20. С : f5 Л : f5 21. Л : e7 Ке5 22. Фе4 Фf8 23. fe Лf4 24. Фе3 Лf3 25. Фе2 Ф : e7 26. Ф : f3 de 27. Le1 Ld8 28. Л : e5 Фd6 29. Фf4! Лf8 30. Фе4 b3 31. ab Лf1+ 32. Крd2 Фb4+ 33. c3 Фd6 34. Сс5! Ф : c5 35. Ле8+ Лf8 36. Фе6+ Крh8 37. Фf7! Черные сдались.

Я ожидал Талья у выхода артистической. Миша вышел радостным, счастливым, сияющим. Но вот он увидел меня, и на лице его появилась чуть виноватая, ласковая улыбка: простите, мол, маэстро, за доставленные вам волнения.

Молча, мы крепко обнялись — все было ясно без лишних слов...

БОМБА ВЗОРВАЛАСЬ В РУКАХ ТАЛЯ

Летом 1968 года поздней ночью мы прилетели в Белград. Уже утром состоялась жеребьевка четвертьфинального матча претендентов на первенство мира между Талем и Глигоричем.

Несмотря на то что Глигорич был кумиром югославских болельщиков, Таль не противился тому, чтобы матч состоялся в стане противника. Рижанин хорошо понимал, что большинство зрителей будет болеть за своего «Глигу», но с этой гостеприимной страной у Талья было связано много приятных воспоминаний, он себя здесь прекрасно чувствовал и имел также много горячих поклонников. К тому же югославская шахматная федерация славилась своим умением организовывать ответственные соревнования. Таль был также уверен, что в лице своего противника он встретит истинного джентльмена.

Перед отлетом Миша признался своим дузьям, что опасается «попасть под обаяние» соперника. То, что эти опасения не были беспочвенными, я могу подтвердить. Многих выдающихся шахматистов знал я в своей жизни, но ни один не обладал столь магическим обаянием, как этот югославский гроссмейстер.

Меня признание Миши беспокоило. Читателю, наверное, знакомо мое отношение к противнику. Я отвергаю пресловутую «спортивную злость», которая за пять часов игры сжигает тебя самого. Но и «любить противника больше самого себя», разумеется, тоже неприемлемо. Противник есть противник, и его нужно победить.

У Глигорича было трудное детство, и юность была не легче. В 9 лет он потерял отца, жил с матерью в трудных материальных условиях. В 1940 году в возрасте 37 лет умерла мать. Через год он сменил шахматы на винтовку, прошел весь путь суровой партизанской борьбы. Но, несмотря на жизненные невзгоды, Глигорича отличает удивительный оптимизм, неиссякаемая энергия. Собеседника покоряет его лучезарная улыбка, его тактичность, доброжелательность. Особенно хочется отметить его гостеприимство. Мы, шахматисты, часто пользуемся гостеприимством организаторов шахматных соревнований, но в радушии Глигорича есть какая-то особая теплота, душевность.

Невольно вспоминаю, как в 1959 году, тоже накануне турнира претендентов, он уделил нам целый день, ознакомил с достопримечательностями Белграда. Мы обедали в теннисном клубе. Я обратил там внимание на элегантно одетого человека с красивой серебристой шевелюрой. Глигорич его знал. По его словам, это был лучший портной Югославии. Я стал «жаловаться» на Мишу: домашние не могут сшить ему приличный костюм, так как «вытащить» его на примерку невозможно. Оказалось, Глигорич и сам заметил, что Таль был не слишком элегантно одет. Святозар тоже уговаривал Мишу использовать мастерство этого прекрасного портного. Миша слушал с чуть виноватой, кислой миной — перспектива примерки его вряд ли воодушевляла. Но отказать Глигоричу он не мог. Мастер быстро согласился, даже был польщен тем, что может оказать услугу Талю.

Мы сели в машины, поехали купить материал. По дороге я стал уговаривать Мишу сшить себе заодно два костюма, но он отказался.

— Миша, расходы за мой счет,— сказал я ему по-латышски.

— Только если вы и себе костюм сошьете,— ответил Миша с лукавой улыбкой. Он хорошо знал, что такой суммы у меня не было.

Заехали в магазин, мастер помог подобрать материал, снял здесь же мерку и попросил через два часа подождать его в гостинице. В назначенный срок состоялась примерка, а через несколько дней в Блед прибыл новый костюм гроссмейстера. Миша в нем был элегантен, как принц Уэльсский. Первым его поздравил с обновкой Глигорич.

Но вернемся к матчу. Следует отметить, что дебютная подготовка к нему оказалась весьма нелегкой. Перед началом матча в нашем распоряжении были все партии, сыгранные Глигоричем. Югославского гроссмейстера отличает постоянство дебютных вкусов, которое, однако, имеет и свою теневую сторону — к таким шахматистам легче «подобрать ключи»: быть уверенным, что противник не свернет с проторенной тропы и что удастся его подловить на домашнюю заготовку. Но трудность подготовки к матчу именно с Глигоричем состояла в том, что изъянов в его дебютном репертуаре нельзя было найти. Он избирал исключительно логичные и крепкие схемы, к тому же многократно апробированные. Словом, заставить его свернуть на «скользкую дорогу» было не так просто.

Можете себе представить наши муки, когда нам пришлось связать наши надежды с 22-м ходом одного варианта испанской партии — ничего себе «дебютная находка!» Но о наших размышлениях позднее поведал сам Таль на страницах журнала «Шахматы»: «Мне бы хотелось рассказать о психологических нюансах первого поединка матча. Дебютный вариант, встретившийся в партии, не был для меня и моего тренера Александра Кобленца неожиданностью. Глигорич уже два года регулярно и успешно применял его. Дважды он избрал систему Смыслова против меня и оба раза получил приемлемую игру.

Как получить белыми преимущество в испанской партии — было проблемой номер один.

При домашней подготовке нам удалось найти новую и, как нам казалось, достаточно опасную для черных идею — поставить ладью на а3. Применить или не применить новинку уже в первой партии? Решая этот вопрос, надо было тщательно взвесить много «за» и «против». С одной стороны, я еще не вошел в форму, и можно было прибегнуть к ход 22. Ла3 для решающих поединков. С другой, хотелось сразу ошеломить противника неожиданным ударом, заставить его «на ходу» искать новые ресурсы защиты в излюбленном варианте. В случае успеха последствия психологического эффекта имели бы значение, которое трудно переоценить. Последние соображения взяли верх...»

Итак, в переполненном зрителями зале Дома профсоюзов, в накаленной атмосфере главный арбитр матча москвич Лев Абрамов пустил шахматные часы. Белыми играл Таль.

Наш расчет оказался правильным. Глигорич остался верен своим принципиальным установкам, и на доске был разыгран вариант Смыслова в испанской партии. Правда, когда Миша сделал

свой 16-й ход, Глигорич впервые призадумался — ему стало ясно, что Таль стремится к позиции, которая уже дважды встречалась в их предыдущих встречах. Было установлено, что белые не могут добиться какого-либо дебютного перевеса, тогда спрашивается, «на что же рассчитывает Таль? Долго ли еще он будет повторять их предыдущие партии? Где же Таль свернет с проторенного пути?».

Рядом со мной в зале сидит секундант Глигорича гроссмейстер Велимирович. Он явно волнуется, его, по-видимому, терзают те же самые мысли. А если Глигорич замешкался в хорошо известном ему варианте, значит, что-то ему не понравилось. Может быть, в период подготовки они с тренером что-то недосмотрели?

Сиюю и чувствую, что лицо у меня горит. Кажется, зачем волноваться? Я уверен, что Глигорич повторит вариант до 22-го хода: заготовленная новинка в основном рассчитана на психологический эффект — сбить противника с проторенного пути, заставить его самостоятельно разобраться в тонкостях позиции.

Еще меня волнует то, что на сборе мы не успели досконально рассмотреть все нюансы, а позиция была столь сложной, что для ее анализа потребовалось бы слишком много времени. Нам было ясно также и то, что заготовленный ход имел и свои позиционные недостатки. Он вел к ослаблению 1-й горизонтали, нарушалось взаимодействие фигур, которое обычно позволяет Талю придать своей армии волшебную силу и красоту.

Следует отметить, что волнение секундантов перекинулось также на зрителей. В зале начали перешептываться: эта позиция у гроссмейстеров дважды встречалась. Болельщикам стало ясно, что Таль что-то задумал, видимо, собирается завлечь их кумира в западню.

Но Глигорич медлил недолго. Он придерживался намеченного ранее курса. И вскоре на ярко освещенной демонстрационной доске появилась следующая позиция.

Когда Таль взялся за ладью, Глигорич был уверен, что он поставит ее на b1, как уже встречалось в их предыдущих партиях. Но что это?! Таль поставил ладью на a3! Новинка явно ошеломила

ТАЛЬ ГЛИГОРИЧ

противника — Глигорич задумался на целых 35 минут. Велимирович чуть растерянно посмотрел в мою сторону, потом не выдержал, резко встал со стула и выбежал из зала. Сидевшие рядом зрители обернулись на меня — видимо, хотели по лицу тренера понять, какой «адский» замысел кроется в последнем ходе Талья. Я старался глядеть на демонстрационную доску с напускным безразличием: меня, мол, тут ничто не удивляет — все заранее предусмотрено, все так и задумано.

Однако дальнейшая игра югославского гроссмейстера показала, что от шока он оправился быстро. В дальнейшем Глигорич блеснул тонкой и сильной игрой.

22. Лa3!? ba 23. Л : a4 Лab8!

Этот ход связан с жертвой пешки, а в практике Глигорича это — редкое явление.

24. Л : а6!?

Этот обоюдоострый ход был сделан после 22-минутного размышления. По окончании партии Таль заявил, что предпочтительнее было 24. Се3.

24. . .ed 25. cd?

Типичная психологическая ошибка, довольно характерная для матчей высокого уровня. Соперник, имеющий белый цвет, считает себя морально обязанным играть на выигрыш. Надо же использовать цвет, чтобы навязать противнику свою игру и в случае удачи заставить очком, ведь потом придется играть черными. Вот почему шахматист, не долго размышляя, отвергает ходы, которые ему не гарантируют окончательного успеха. Но не всегда такое импульсивное мышление соответствует требованиям позиции. Да к тому же вы помните, с каким намерением шел Таль на весь вариант уже с первых ходов, невзирая на то, что полной ясности в нем не было?

В этой позиции следовало играть 25. К : d4 К : d4 26. Ф : d4 Ф : d4 27. cd с лишней пешкой в эндшпиле. Но Талью казалось, что ее реализация связана с большими техническими трудностями. При этом он недооценил сильную реплику противника, правда, неиспользованную партнером.

25. . .c5?

Гораздо сильнее было 25. . .Ла8! После 26. Л : а8 Л : а8 белым пришлось бы считаться с неприятными ходами f7—f5, c7—c5 или Ла1.

Интересно, что ответный ход Глигорича базировался на оценке из «общих соображений». Он считал, что ладья на а6 занимает уязвимое, изолированное от остальных сил положение. Зачем освобождать противника от неудачно расположенной фигуры, самому предлагая размен?

26. Се3 Лb4?

И здесь не поздно было 26. . .Ла8! Но черные все еще в плену вышеупомянутой идеи.

27. Лg5.

Открывая ферзю дорогу на h5.

27. . .Фb7 28. Лh6! К : d4 29. К : d4 Лb1 30. Сc1 Фb2?

Красочная позиция, не правда ли (над своим последним ходом Миша продумал 52 минуты!)? Но именно после этого внешне заманчивого хода черные могли оказаться в критическом положении. Надо было играть 30. . .cd. На 31. Фh5 могло последовать 31. . .Л : c1+ 32. Kph2 Фc7+ 33. g3 g6 34. Лh8+ Kpg7 35. Фh6+ Kpf6 36. Фh4. Но на это Таль нашел спасающий ход 36. . .Лh1+! 37. Kpg2 (нельзя 37. Кр : h1 из-за 37. . .Фc1+ и Ф : g5) 37. . .Лg1+! и т. д.

31. Фh5?

Когда Таль поставил ладью на h6, он уже имел в виду переброску ферзя на h5. Над этим ходом Миша продумал 10 минут. Ход

31. Kb3! ему не понравился из-за 31. . . Фе2, а дальнейшими расчетами он не затруднял себя.

Когда после партии я указал на вариант 32. Фd5 c4 33. Лh8+ Кр : h8 34. Ф : f7 cb 35. Лh5+ Ф : h5 36. Ф : h5+ Кpg8 с ничьей, мы оба были довольны. Некоторым утешением явилось то, что 31. Kb3 вело «только» к ничьей.

Но на следующий день было установлено, что вместо 33. Лh8+? выигрывает 33. Фf5.

Таль стремился доказать, что черные успешно защищаются посредством 32. . . Ле6, но любопытный вариант 33. Лh4 Фе1+ 34. Кph2 Cd6+ 35. Cf4 Фg1+ 36. Кpg3 Ле3+ 37. Кpg4! опроверг и эту версию. Изумительно!

Следует добавить, что на 31. . . Ле2 выигрывало 32. Кph2! 31. . . Ф : c1+ 32. Кph2 Cd6+! 33. Л : d6 Фf4+ 34. Лg3 Ф : d6 35. Кf5.

Тут ко мне подошел взволнованный Велимирович и воскликнул: «Таль проиграл — Ле1, и мат!» А газеты на следующий день писали, что, услышав эти слова, Кобленц побледнел. Не скрою — радости было мало...

35. . . Л8e1! 36. Ф : f7+ (другой защиты от мата нет) 36. . . Кр : f7 37. К : d6+.

Любопытная деталь: Таль после партии сказал, что при расчете вариантов ему померещилось, что ладья в этот момент будет находиться на e8. Но гроссмейстер упустил из виду, что ладья успела отправиться на 1-ю горизонталь для ведения своих «черных дел».

37. . . Кре6 38. Лg6+ Кpd5 39. Кf5 Лb7! 40. Ке3+ Л : e3!

Здесь партия была отложена. Нам предстояло «удовольствие» в этой безнадежной позиции искать спасительные шансы, которых мы так и не нашли. Сделав еще шесть ходов, Таль сдался.

«Заготовленная бомба взорвалась в руках Талья» — гласил заголовок одного репортажа в белградской печати.

Вничью закончилась головомолная борьба во 2-й партии.

3-я и 4-я партии протекали мирно и закончились вничью. В этом матче я не узнавал Мишу. От его экспансивности, стремительности не осталось и следа. Рижанин был спокойным, уравновешенным, он сам укротил свой темперамент. Таль настроил себя на то, чтобы дать решающий бой на финише матча.

Это была очень ценная победа — победа над собой!

К 5-й партии Таль все-таки решил вернуться к варианту, который встретился в 1-й партии. Он снова сделал ход 22. Лb1, который встретился в его партии с Глигоричем в Будве в 1967 году.

После 22. . . ba 23. К : e5 Таль, конечно, не рассчитывал на относительно неудачный ход 23. . . f5, как играл Глигорич в Будве. Надо было в первую очередь проверить логичное 23. . . Ле6.

При анализе были выявлены очень интересные возможности.

23. . . Ле6 24. c4 Фb7 25. С : g7 С : g7 26. Л : g7+ Кр : g7 27. Фg4+ Кpf8 (27. . . Лg6 28. К : g6 fg 29. Фd7+ и Ф : a4) 28. Фh5

c6 29. d5! cd 30. cd Л : e5 31. Фh8+ Кpe7 32. Ф : e5+ Kpd8 33. d6! Фd7 34. Фh8+ Фе8 35. Фh4+ Kpc8 36. Фc4+.

Особенно восхитил Талья следующий вариант: 24. . . Фd8 25. Фf3 Л : h6 26. Ф : f7+ Kph7 27. Лg6! Фh4 28. Кf3 Фh5 29. Kg5+ Kph8 30. Л : a6!

Таль хорошо понимал, что возможности атаки и защиты здесь далеко не исчерпаны, но его глаза заблестели, и он в волнении воскликнул: «Буду играть этот вариант!»

В этот момент Талья меньше всего интересовал итог партии — выиграла душа художника! Ему казалось, что жар-птица рядом...

До начала игры оставалось еще часа четыре. Меня начали терзать сомнения. Все ли корректно? Но я не хотел своими сомнениями разрушать восторженные мечты Талья.

Об этом вскоре позаботился... Глигорич.

Он сыграл не 23. . . Ле6, а 23. . . Фе6! Этот ход также рассматривался нами, правда, менее детально. После 24. Фf3 c5 25. С : g7 Таль предложил ничью, которую Глигорич принял. В связи с 25. . . С : g7 26. Фg3 Фh6 27. Лh4 Фе6 28. Лg4 черным невыгодно уклониться от повторения ходов.

«Мыслить — значит говорить с самим собой», — сказал немецкий философ Иммануил Кант. И мне кажется, что любой шахматист в процессе творчества может испытать справедливость данного изречения. Шахматист неустанно ведет своеобразный диалог между двумя «я». Одно «я» оценивает ситуацию на доске, выясняет общую схему обстановки и дает второму «я» сигнал к действию. Второе «я», которое представляет собой как бы внутреннего тренера шахматиста, начинает взвешивать конкретные возможности, сомневаться, опровергать. Чем больше теоретических знаний имеет этот «внутренний» тренер, тем квалифицированнее будут его выводы, окончательные оценки, рекомендации, выбор конкретного, соответствующего позиции хода. Правда, подчас на доске создается столь сложное положение, что второму «я» не удается раскрыть суть позиции, но тогда приходится постигать ее интуитивно, а подчас, сжигая за собой все мосты, идти на риск. Не в том ли бывает причина ошибочного хода гроссмейстера, столь непонятного для человека, не посвященного в тайны шахматного творчества?

Однако чем выше ставка в противоборстве выдающихся шахматистов, тем очевиднее роль психологии. В шахматном диалоге двух «я» неизменно присутствуют, если можно так выразиться, величины психических переживаний. Подчас даже самые малые душевные величины играют решающую роль в принятии за шахматной доской того или другого решения. Именно они могут оказать решающее влияние на выбор основной стратегии в той или иной партии. Правда, работа исследователя психологии шахматной борьбы осложня-

ется тем, что весь мыслительный процесс у шахматиста сугубо индивидуален, а шахматист после партии не склонен распространяться на эту тему, ибо не хочет признаться своим соперникам в каких-либо своих психологических слабостях. В некоторых случаях чисто шахматные переживания заглушают «крик души» и не воспринимаются нашим мозгом сознательно. Только откровение самого шахматиста может приподнять завесу над «непонятной» причиной поражения. В этом отношении крайне поучителен пример признания Глигорича по окончании матча с Талем. Какой психологический «аккомпанемент» давил на его сознание в период матча?

«Неудачи Талья на старте матча многими были истолкованы в меньшей степени как результат моей хорошей игры, в большей — как симптом его физического и шахматного кризиса.

Я, естественно, был доволен своим стартом, но первая победа немного уменьшила мое желание играть остальные партии с предельной отдачей сил. В самом деле, я уже многие годы не участвовал в розыгрыше первенства мира, и груз ответственности диктовал мне осторожность.

Преимущество оставалось на моей стороне достаточно долго, моего именитого соперника начали понемножку недооценивать, и я почти пожелал выиграть матч с большой разницей в счете.

Касаясь поражения Глигорича в 6-й партии, яснее высказался Таль: «В 6-й партии против меня играли два Глигорича. Один оберегал счет 3 : 2, а второй хотел его увеличить до 4 : 2. И они один другому ужасно мешали. Я почти горжусь тем, что во время игры заметил их противоборство».

Какие «душевные величины» Глигорича выявились на шахматной доске, иллюстрирует кризисный момент в следующей позиции.

Продумав 12 минут, Глигорич сыграл

глигорич таль 13. e4.

«Может быть, этой позиции суждено было стать решающей в матче, — писал Таль. — Сыграй здесь белые 13. Cf3, они, по-видимому, надежно застраховали бы себя от всяких неприятностей, сохраняя микроскопический перевес. Но Глигорич резко меняет характер борьбы».

Думается, желание немедленно увеличить счет имело и свою чисто позиционную обоснованность: «внутринему тренеру» было

хорошо известно, что в целом мобильный пешечный центр ведет после перехода пешкой демаркационной линии к пространственному перевесу. К тому же привлекала внимание конкретная возможность оттеснить коня Талья на пассивную позицию на e8. Во власти подобного стереотипа шахматист не утруждает себя более детальным исследованием конкретных возможностей, инстинктивно полагая, что позиционный перевес должен чуть ли не автоматически принести свои плоды.

Эту мысль подтверждали слова Глигорича в интервью, касаю-

щемся 6-й партии: «Потенциал моей воли (читай — желание победить любой ценой. — А. К.) не был в данный момент «в ладу» с моей подготовленностью и привычкой исследовать каждый вариант до окончательного выяснения истины».

13. . . c5! 14. e5 Ke8 15. f4.

С позиционной точки зрения логичный ход — если сказать «а», следует сказать и «б». Ведь пешечный форпост нуждается в укреплении, но как это часто бывает и что придает шахматам свою прелесть — не все то золото, что блестит!

Ход в партии ослабляет диагональ g1—a7, что позволяет Талю тактическим ударом разрушить построение белых.

15. . . cd 16. C : d4 de 17. fe K : e5! 18. C : b6 Kd6.

Размен пешки e5 на d6 выгоден черным. Их фигуры резко активизировались. К тому же пешечный перевес белых на ферзевом фланге заметно обесценен пешкой a4. Но до выигрыша еще далеко.

Только последующая ошибка губит позицию югославского гроссмейстера.

19. Cd4 (лучше 19. Фc3) 19. . . Kf5! 20. C : e5 Фc5+ 21. Лf2 Ф : e5 22. Kf3 Фc5 23. Фc3 Лfd8! 24. Фb4 Фа7 25. c5 Лab8 26. Фc3 Лbc8 27. Лd1 Л : d1 28. C : d1 Л : c5 29. Фb4 Cc6?

Здесь черные могли выиграть моментально посредством 29. . . C : f3 30. gf Ke3, но, как признался Таль, ему было жалко расстаться со столь сильным слоном.

30. Фf4 Лd5 31. Ce2 h6 32. Ke5 Ca8 33. g4 g5 34. Фc4 Л : e5. Белые сдались.

Но и в шахматах беда не приходит одна. Находясь в подавленном состоянии, Глигорич «по инерции» проиграл и следующую партию. В отложенной позиции у Талья была лишняя пешка, но ферзь и конь черных надежно контролировали важнейшие пункты.

«Как ни «вертели» эту позицию Таль с Кобленцом почти сутки во время анализа, ничего у них не получалось», — писал на страницах московского бюллетеня главный арбитр матча Л. Абрамов.

Но почему-то Глигорич избрал план, связанный с жертвой коня, и довольно быстро проиграл. 8-ю партию соперники закончили вничью. А о 9-й югославская печать писала: «В 9-й партии мы, наконец, увидели настоящего Талья!»

И в самом деле, в блестяще проведенной партии Таль одержал победу на 63-м ходу, досрочно выиграв матч с результатом 5½ : 3½.

ОЛИМПИАДА В ЛУГАНО

1968 год. Перелет Москва — Вена показался удивительно быстрым. Короткая остановка на венском аэродроме (кофе «по-венски» в буфете аэропорта был особенно ароматным и освежающим), и к вечеру мы уже были в Цюрихе. До Лугано надо ехать поездом. Закопченные вагоны кажутся миниатюрными, но в купе просторно, хотя не слишком уютно — тусклое освещение, полировка деревянных сидений стерлась, стены тоже не «первой свежести». Оста-

новки непривычно коротки. Чемоданы выдаются в багажном вагоне с молниеносной быстротой.

Вечером нас приглашают на ужин в вагон-ресторан. Какая разительная перемена! Здесь все блестит: на столах накрахмаленные, белоснежные скатерти, красивая посуда с эмблемой железной дороги. Секрет простой — ресторан посещают и пассажиры первого класса, и спальных вагонов, где билеты в три раза дороже. Швейцарское туристское агентство экономит где только можно — ничего, если простые смертные прокатятся в вагонах третьего класса. Зато обслуживание изумительно быстрое и ужин первоклассный. Он длится не более 15 минут, и нам, честно говоря, не хочется возвращаться в купе.

Через полчаса — Лугано. Решил прогуляться по широкому, хотя и тускло освещенному проспекту. Яркий свет исходит лишь из окон дансингов и казино. На тротуарах сидят на корточках пожилые женщины — они, невзирая на поздний час, продают жаренные на углях каштаны.

Я давно заметил, что среди участников Олимпиад, какие бы континенты они ни представляли, царит какое-то особенно приподнятое настроение. И участников, и организаторов — словом, всех истинных ценителей нашей мудрой игры радует, что интерес к шахматам растет во всем мире.

В Лугано сражались 200 шахматистов, среди них 40 гроссмейстеров. Конечно, не каждая страна могла включить в свою команду испытанных мастеров и гроссмейстеров. Но не это главное. Важно, что и на Филиппинах, и в Сингапуре, и в Коста-Рике, и в Андорре шахматы получили «гражданские права».

— Мы приехали в Лугано не для того, чтобы набирать очки, а за новыми друзьями, — заявили на приеме по случаю открытия шахматисты с Вирджинских островов.

— У нас в Тунисе резко возрос интерес к шахматам, — сказал в беседе со мной капитан тунисской команды мастер Р. Белкади. — Наше государство убедилось в том, что шахматы являются важным культурным фактором. Особое внимание мы уделяем молодежи. При школах страны уже организовано 104 шахматных клуба.

Я тогда являлся членом президиума Шахматной федерации СССР, и мне было особенно приятно, что на всех участников и гостей произвело глубокое впечатление не только выдающееся мастерство прославленных советских гроссмейстеров, но и их безупречное спортивное поведение, доброжелательное, дружеское отношение к шахматистам других стран.

Я медленно продвигался в потоке зрителей по спортивному павильону «Концов». Мы толпились за барьером на трехметровой полосе, в то время как участники были зажаты в своеобразном ринге посредине павильона, огороженного толстыми канатами.

Те, кому удавалось очутиться в первых рядах, могли считать себя счастливыми. Всем остальным, среди которых нередко бывал

и я, оставалось лишь по выражению лиц шахматистов догадываться о положении их дел. Правда, в соседнем небольшом зале демонстрировалось шесть партий, но, сами понимаете, это было каплей в море.

И все-таки в хаосе этого шахматного Вавилона удалось многое заметить, зафиксировать в памяти, уловить своеобразный ритм спортивной и творческой жизни всемирного форума шахматистов. Этому во многом способствовали давние знакомства с участниками и их тренерами.

Невольно вспоминалась Олимпиада в Варшаве. Как живые вставали в памяти Александр Алехин, Фрэнк Маршалл, Рудольф Шпильман, Савелий Тартаковер, Эрнст Грюнфельд. Из всей старой гвардии в Лугано я повстречал лишь Фрица Земиша. 73-летний гроссмейстер был бодр, подвижен, много шутил.

«Кому в электронно-атомный век нужен старый гроссмейстер?— спрашивал он. То были горькие слова, в которых сквозила печальная судьба спортивного профессионала.— Слава богу, что не перевелся в наш век нескончаемых банкротств филантропы. Не думайте, что я приехал сюда за свой счет. Это благоденствие одного моего берлинского мецената, который не забыл старого Земиша».

Мой собеседник умолк, зажег дрожащими пальцами спичку, раскурил свою трубку, выпустил клубок дыма и о чем-то задумался. После короткой паузы он снова заговорил: «Как-то странно и обидно. Система Земиша в защите Нимцовича и в старониддийской защите по-прежнему популярна, но мало кто задумывается над тем, что эти идеи явились плодами мучительных поисков. В наши дни атака Земиша — это просто атрибут, позволяющий легче найти нужный вариант в море дебютных разветвлений. Такова, наверное, жизнь. Не стоит грустить, я лучше расскажу вам, дорогой Кобленц, анекдот о рассеянности Алехина», — неожиданно перевел он разговор в более веселое русло.

Хотя анекдот был мне известен, из уважения к гроссмейстеру почтительно слушаю, но одновременно вспоминаю при этом посвященные Земишу строки в книге Макса Эйве «В мире шахмат»: «Если хочешь отпраздновать «come back» (возвращение) и вновь успешно бороться за первенство мира,— говори в 1945 году Максу Эйве Фриц Земиш,— ты сперва должен утопить всю свою семью».

Конечно, звучит несколько грубовато, но контраргументы привести нелегко. Правда, можно отыскать более гуманные меры избавления от «семейных забот», — комментировал «совет» Земиша голландец и продолжал: «Шахматист, стремящийся к высотам, должен полностью сосредоточиться на достижении избранной цели. То обстоятельство, что Ботвинник является идеальным мужем и отцом, не опровергает эту проверенную практикой теорию, так как для него и его русских коллег создаются благоприятные условия, позволяющие посвящать себя полностью игре, быть свободным от житейских забот. Но подобное возможно только в одной стране», — заканчивает экс-чемпион мира.

Я безмерно обрадовался, встретив Джо Колтановского, моего

старого друга, с которым мы играли в турнирах в Испании — в Мадриде и Розасе.

Уроженец Бельгии, современник талантливого бельгийского мастера Колле, Колтановский быстро понял, что игрой в турнирах среднему, пусть и талантливому, мастеру не заработать на хлеб насущный. Уже в раннем возрасте он стал специализироваться в игре вслепую и быстро преуспел в этой области. В 1931 году, играя на 30 досках, он побил рекорд Рихарда Рети, установленный чешским гроссмейстером в 1925 году, когда тот одновременно играл вслепую на 29 досках.

Однако через два года Алехин побил рекорд бельгийца, сыграв 32 партии. Прошло четыре года, и настырный Колтановский побил рекорд чемпиона мира, сыграв 34 партии! (Только через 11 лет Найдорф провел сеанс в Бразилии на 45 досках!)

Обычно Колтановский выступал с сеансами одновременной игры на 8—10 досках. У широкой публики и эти выступления всегда были на грани колдовства, и бельгиец получал множество предложений выступать не только в больших, но и в маленьких городах, где шахматная жизнь не угасала стараниями отдельных энтузиастов. Такая изнурительная профессиональная жизнь не могла не оставить след на творчестве мастера, и ему пришлось отказаться от участия в соревнованиях.

Вспоминали наше выступление на турнире в Мадриде.

— Помнишь,— спросил я,— как твоя жена рассердилась на нас за то, что на пикнике мы тоже стали играть в шахматы? Как она схватила горсть фигур и швырнула их в речку? А мы в ответ начали играть одновременно четыре партии вслепую? Тут она была бессильной!

— Да,— ответил Колтановский,— но, знаешь, все же, может быть, правы были арабы, еще в десятом столетии советовавшие не выдавать дочерей за шахматистов?..

Колтановский жил теперь в Калифорнии, несмотря на свои 65 лет, работал по-прежнему много — вел в двух газетах большие шахматные отделы, которые публиковались ежедневно, выступал, как и раньше, с сеансами игры вслепую, судил и организовывал соревнования.

В Лугано он приехал в качестве руководителя американской сборной. Когда зашел разговор о команде, заметно помрачнел: Фишер неожиданно уехал в Милан, и команда осталась без своего лидера.

— Приехав в Лугано,— рассказывал он,— Фишер осмотрел помещение, где должна проходить Олимпиада, и остался недоволен. Он поставил условия, во-первых, чтобы в зале были установлены лампы дневного света. Но это оказалось дорого, да и к началу турнира их все равно не успели бы установить. Правда, эту проблему можно было решить очень просто. Позже кто-то вспомнил, что у Ботвинника в Мюнхене была привилегия — он пользовался настольной лампой. Во-вторых, Бобби требовал запрещения фотографировать во время игры. В-третьих, настаивал, чтобы зрители на-

ходились на расстоянии восьми метров от его столика, что было просто физически невыполнимо. Тогда он потребовал, чтобы его партии проводились в отдельной комнате. Было у него и четвертое требование, которое и явилось последней каплей, переполнившей чашу.

Я знаю, Александр, вам, советским людям, кажется дико, что за участие в Олимпиаде мы платим гроссмейстерам деньги — но иначе нам не собрать сильнейшую команду. И вот перед отъездом в Европу Фишеру выдали аванс в три тысячи долларов и обещали остальные три тысячи выплатить в Лугано. Но когда ему выписали чек на эту сумму, Фишер не взял его, сказав повелительным тоном:

— Дайте наличными!

В Лугано, пояснили ему, столько банковских отделений, что чуть ли не на каждом углу можно реализовать этот чек. Но Фишер стоял на своем. Это было принято как очередной каприз и выражение неуважения к американской шахматной федерации. Его требование не было выполнено, и Фишер неожиданно уехал в Италию, так и отказавшись взять предложенный ему чек.

После короткой паузы Колтановский продолжал:

— Если американец отказывается от трех тысяч долларов, то у него что-то не в порядке с головой...

Когда мы беседовали, Колтановский не мог предвидеть, что Фишер семь лет спустя откажется и от трех миллионов долларов! ФИДЕ отказалась выполнить его условия о проведении матча, и его встреча с Карповым так и не состоялась.

Конечно, конфликт из-за чека, на самом деле, был лишь незначительным эпизодом, приведшим к разрыву. На мой взгляд, истинные мотивы «капризного» поведения Фишера объяснил в 1969 году на страницах американского журнала «Chess Life» его редактор Б. Хохберг, которому, несомненно, были хорошо известны проблемы шахматного профессионализма в США. Именно Б. Хохберг первым вскрыл трагедию личности Роберта Фишера. Вот что он писал: «Каждый, кто возьмет на себя труд исследовать слова и поведение Фишера, обнаружит его постоянное стремление противопоставить себя всем другим знаменитостям. Подобное постоянство, отражающееся не только на игре Фишера, основано и на его анализах сыгранных им партий, основано на его уверенности в том, что шахматный мастер, как и любой другой художник, должен пользоваться почетом и уважением. Это звучит как очевидная истина. Но и сейчас, после стольких жестоких штормов, в которых сам Фишер играл главную роль, нет установленных международных стандартов, если речь идет об условиях игры в турнирах.

Условия игры, вокруг которых развернулась борьба Фишера с организаторами, включали освещение турнирного зала, присутствие журналистов и фотокорреспондентов, расстояние между шахматистами и зрителями, борьбу с шумом во время тура, гонорар участников и т. д.

Суть заключается в том, что никогда не известно, кому надлежит решать вопрос об условиях игры — меценатам и организаторам или же самим шахматистам. Не сомневаюсь, что когда-нибудь

эти стандарты будут установлены. Я верю, что шахматисты и организаторы, собравшись вместе, решат подобные проблемы.

По крайней мере, десятки лет шахматной организацией ведают те, кто, при всем своем стремлении сделать лучше, не хотят или не могут исходить в первую очередь из интересов играющих.

Фишер, более чем кто-либо другой (не считая, может быть, Ларсена), стал поборником прав шахматистов. Благодаря своему исключительному положению вундеркинда он оказался в фаворе у тех, кто хотел бы эксплуатировать его талант в не совсем бескорыстных целях, и тем самым еще в начале карьеры стал центром противоречий. Его общественное лицо существенно пострадало от его же прямолинейной веры в собственное представление о Праве и Правде. (Может быть, по молодости лет выбор Фишером оружия в этой борьбе не всегда был правильным. Его поведение в Сусе и Лугано, к примеру, хотя и мотивировалось высочайшими идеалами, было, однако, далеко не героическим).

В конце Олимпиады Колтановский писал: «Шума, который производили зрители в зале, Фишер не вынес бы. С ним трудно, но, не обманывайте себя, он все-таки выдающийся шахматист и создает партии, которые публика хочет видеть. Он стоит своей цены хотя бы уже потому, что заставляет всех гроссмейстеров и мастеров потеть и тяжело работать, когда они с ним играют. Для шахматных соревнований такой шахматист и нужен, тем более что в некоторых наших турнирах 75 процентов партий заканчивалось вничью всего в десятке ходов. Согласитесь, что надо что-то делать. И я верю, что такой Бобби Фишер и является решением этой проблемы.

И если шахматист не понимает, что острая бескомпромиссная борьба есть основа шахмат, то он скоро будет заменен роботом, у которого не будет забот об исходе игры. А тогда люди забудут, сколь прекрасны шахматы...»

Из других личных встреч мне хотелось бы выделить мою дружескую беседу с Энрике Мекингом.

Когда гроссмейстер Вольфганг Унцикер проиграл 18-летнему бразильцу, он сказал: «Этот парень что-то среднее между Полом Морфи и Бобби Фишером».

Когда я спросил Мекинга, хотел бы он играть на турнире в Риге, он ответил:

- Очень. Мечтаю встретиться с Талем.
- Значит, можно рассчитывать на ваш приезд? — спросил я.
- Конечно, если только разрешит мама...

* * *

Наши олимпийцы в Лугано были верны себе. В десятый раз они стали чемпионами мира. А золотые медали на Олимпиаде легко не достаются — 14 сильнейших команд мира боролись за победу в главном турнире. Только советской команде удалось пройти соревнование без поражений. Из 19 проведенных матчей наши гроссмейстеры выиграли 17 и 2 свели вничью.

ВСТРЕЧА С ШАХМАТНЫМ ПРИНЦЕМ

В 1968 году Рига находилась в центре внимания шахматистов — здесь проходило командное первенство СССР среди добровольных спортивных обществ и ведомств. Среди участников — почти весь цвет советской шахматной культуры: М. Таль, В. Смыслов, П. Керес, Д. Бронштейн, Е. Геллер, Л. Штейн, Л. Полугаевский, М. Тайманов.

Золотой и Белый зал Дома офицеров не смогли вместить всех любителей шахмат, желающих следить за волнующими поединками. Смыслов блеснул красивой жертвой ферзя, Бронштейн ошеломил Таля королевским гамбитом, тонкое мастерство позиционной игры продемонстрировали Керес, Штейн, Тайманов. Но когда кончился турнир, мы стали свидетелями чествования неизвестного шахматиста — застенчивого худощавого юноши, который на доске юниоров добился абсолютно лучшего результата — 10 очков из 11! Это был Толя Карпов.

Турнир стал для молодого шахматиста своеобразным трамплином в большие шахматы. Уже через год он — чемпион мира среди юношей, шахматный принц.

Мне не довелось быть свидетелем блистательных побед Карпова в матчах на первенство мира, его прекрасных выступлений на Олимпиадах ФИДЕ, но о запомнившейся мне встрече с этим выдающимся шахматистом хочется рассказать.

Это было в 1970 году, в Риге. Финал первенства СССР. На мои плечи, как директора Республиканского шахматного клуба, легла основная организаторская нагрузка проведения турнира, но, как общественный заместитель главного редактора журнала «Шахматы», я старался и следить за интереснейшими встречами, за игрой отдельных участников соревнования.

Мое внимание привлекла игра чемпиона мира среди юношей — Анатолия Карпова. Мне в нем нравились серьезность, скромная манера держаться, сосредоточенность, обостренное чувство ответственности в каждой встрече. Правда, чуть удивляла сухость его игры, этакий прагматизм — стремление в первую очередь к достижению спортивных показателей. Для шахматного принца и самого молодого участника восемь ничьих в первых восьми турах не особенно похвальный результат. Но, как потом объяснил сам Карпов, им подспудно владела робость: ведь впервые пришлось выдержать натиск грозных гроссмейстеров. Дележ 5—7-го мест, был, конечно, неплохим показателем для необстрелянного в подобных соревнованиях юного шахматиста.

И вот после турнира я пригласил молодого гроссмейстера поделиться опытом на страницах журнала «Шахматы». Дело в том, что в 1970 году ЦК ВЛКСМ и Спорткомитет СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию и популяризации шахмат среди молодежи». Редакция ввела в журнале новую рубрику — «Лекторий для молодежи».

Анатолий немедленно откликнулся на призыв, обещая через несколько недель прислать материал из Ленинграда. Точно в срок материал был получен.

Это были две прокомментированные партии: в одной явно преобладали стратегические идеи, в другой — острые моменты тактической борьбы.

Когда я внимательно ознакомился с материалом, меня поразили не только ясная и сильная игра Карпова, но и удивительно логичное раскрытие хода борьбы, уверенный тон изложения.

Чтобы мои восторги не приняли в качестве «запоздалого» комплимента, когда Карпов уже стал трехкратным чемпионом мира, скажу: присланные партии меня тогда настолько удивили, что я предложил их размножить в типографии и разослать во все шахматные школы республики в качестве методического материала.

Не буду голословным и, учитывая, что эти партии остались для широкой публики неизвестными, привожу здесь без изменений статью Анатолия Карпова.

«Открывая новый раздел журнала, хочу выразить надежду, что он будет интересен молодым читателям.

Я расскажу о партии, сыгранной недавно на командном первенстве Вооруженных Сил СССР. В партии встретился вариант, введенный в практику гроссмейстером В. Смысловым.

Что характерно для этого варианта?

Как обычно в испанских началах, белые стремятся играть в центре и на королевском фланге, черные же организуют контригру на ферзевом фланге.

И надо прямо сказать — пока не найдены конкретные пути, которые позволили бы белым получить какой-либо перевес в дебютной стадии. Тяжесть борьбы переносится в сложный и далекий мительшпиль. Не явилась исключением и следующая партия.

КАРПОВ

ЖЕЛЯНИДИНОВ

После 12-го хода
черных

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6
5. 0—0 Ce7 6. Le1 b5 7. Cb3 d6 8. c3 0—0 9.
h3 h6 10. d4 Le8 11. Kbd2 Cf8 12. Kf1 Cd7.

Другим возможным продолжением является 12. . .Cb7.

13. Kg3 Ka5 14. Cc2 g6.

Другие продолжения — 14. . .Kc4 или 14... c5. На 14. . . c5 белые отвечают 15. b3 Kc6 16. d5 Ke7 17. Kh4 с преимуществом. Я решил свести игру к позиции этого варианта.

15. b3.

Этот ход ограничивает поле деятельности коня a5. Очень часто белые строят игру на использовании плохой позиции этого коня.

В данной партии черный конь отошел на поле b7, но и там остался не у дел. Заслуживает внимания и другое продолжение: 15. Kh2 с последующим f4.

15. . . c5 16. d5 Cg7 17. Ce3 Kh7.

Черные проводят интересный план: они пытаются сначала ограничить игру белых на королевском фланге, а затем начать игру на ферзевом. В партии черным не удалось до конца осуществить свою идею. В середине игры они стали менять на ходу план и потерпели поражение.

18. Фd2 h5 19. Kh2 Kb7.

Сейчас и на следующих ходах к очень острой игре приводило продолжение h5—h4 и затем f7—f5.

20. Лас1 а5 21. а3.

Смысл этого хода ясен: белые намереваются при случае закрыть позицию на ферзевом фланге, а с другой стороны — сыграть b3—b4 и «умертвить» коня b7.

21. . . Фb6 22. Kph1.

Белые намереваются подготовить и провести продвижение f2—f4, поэтому полезно убрать короля с диагонали g1—a7.

22. . . b4 23. ab ab 24. c4 (диагр.).

Можно было сыграть 23. cb ab 24. a4 и перевести коня на c4, но во время партии я наметил план с f2—f4 и мне не хотелось уклоняться от него. Итак, белым удалось закрыть ферзевый фланг, но при этом они поступились линией «а». В дальнейшем окажется, что линия «а» не приносит черным достаточной контригры.

24. . . Ла2 25. Фd1 Леа8 26. Лf1 Фd8 27. Ке2.

Здесь я наметил перевод коня на d3, слона на b2 и затем ход f2—f4. Черные помешали переводу слона на b2, а конь белых все-таки занял поле d3.

27. . . Cf6.

Черные потеряли нить игры. Все дальнейшие ходы они делают в полнейшем беспорядке. Если уж черные решили менять чернопольного слона, то лучше это было сделать путем 27. . . Фf8 и Ch6.

28. Kf3.

Препятствуя Cf6—g5.

28. . . Kph8?

После того как белые проведут свой план с f2—f4, окажется, что король должен стоять на g8, чтобы защищать пункт f7.

29. Лb1 Фе7 30. Кс1 Л2а3 31. Кd3 Cg7 32. Кd2.

Белые не успевали перевести слона на b2 из-за f7—f5.

32. . . Фf8 33. ef f4 34. C : f4 Фе7 35. Kf3.

Теперь белые хотят провести e4—e5. Если им это удастся, позиция черных рухнет.

35. . . Ла2.

На 35. . . f6 белые играли 36. Ch2, затем Кd3—f4 и e4—e5.

36. e5 Cf5 37. Ле1.

Белые прорвались в центре, после чего все их фигуры ожили. В то же время черные фигуры разбросаны по всей доске и не могут оказать организованного сопротивления.

37...Фс7 38. Лс1 Крг8.

Вот и пришлось возвращаться королем на прежнее место, но теперь следует комбинация, и белые быстро выигрывают.

39. еd К : d6 40. К : b4! сb 41. С : f5 Сс3.

На 41...gf следует 42. с5.

42. Сb1 Ла1 43. Ле2. Черные сдались.

Характерно, что после удачно проведенного стратегического плана белым удалось завершить партию маленькой комбинацией.

А вот и другой пример, но уже иного плана. Партия была сыграна на командном первенстве СССР среди школьников в 1966 году. В ней развернулась упорная, напряженная, нельзя сказать чтобы безошибочная, борьба. В один момент кажется, что черные близки к победе: они захватили центр и вот-вот раздавят противника своими пешками, но следует своевременный контрудар белых, и борьба разгорается с новой силой. Постепенно подкрался цейтнот (а это очень и очень опасная вещь для шахматиста — бойтесь цейтнотов!), и черным снова удалось захватить инициативу. Фигуры белых оказались в клубке, который им так и не удалось развязать.

КУДИШЕВИЧ КАРПОВ

После 15-го хода
белых

1. е4 е5 2. Кf3 Кс6 3. Сb5 а6 4. Са4 Кf6
5. 0—0 Се7 6. Ле1 b5 7. Сb3 d6 8. с3 0—0 9.
h3 Ka5 10. Сс2 Сb7 11. d4 Кс4.

В примечаниях к предыдущей партии я говорил о том, что часто белые строят свою игру «на коня а5». Так вот идеей этого варианта является перевод коня с неудачной позиции а5. Одновременно с этим черные препятствуют пока выходу коня b1. Невыгодно белым сейчас играть 12. Kbd2, так как черные ответят 12...К : d2 и уничтожат тем самым опасные «испанские» фигуры.

12. b3 Kb6 13. Kbd2.

Очевидно, что в варианте 13. de de 14. Ф : d8 Ла : d8 15. К : е5 или 14. К : е5 черные отыгрывают пешку ходом Кf6 : е4 и получают хорошую игру.

13...Kfd7 14. Кf1 с5 15. d5.

Ведет к очень острой игре. Более спокойным продолжением для белых является 15. Ke3. Черные принимают вызов.

15...f5 16. ef С : d5.

Неточность. Лучше было 16...К : d5 17. с4 Kb4 с полноправной игрой, но за партией я побоялся, что белые сумеют организовать блокаду в центре, и поэтому не хотел допускать с4.

17. а4 Сс6 18. Ke3.

Возникла очень своеобразная, интересная позиция. С одной стороны, черные имеют пешечный перевес в центре, с другой стороны, у них несколько ослаблен королевский фланг, и белые угрожают ходом с3—с4 или а4—а5 и Ke3—d5 заблокировать пешки и

превратить силу черных в их слабость. Защита от этих планов одна.

18. .e4 19. Kd2 d5.

С первого взгляда кажется, что черные получили отличную позицию, но белые несколькими энергичными ходами доказывают, что это не совсем так.

20. a5 Kc8 21. c4!

Удар по центру. Выяснилось, что черным не хватило всего одного хода для укрепления своего лучшего пешечного центра (Kd7—f6). Сейчас они бросаются в омут головоломных осложнений.

21. . .d4 22. Kd5 C : d5 23. cd d3 24. Cb1.

Пешки черных прорвались далеко и сильно оттеснили фигуры противника, но в то же время они подвергаются колоссальной опасности. Встает вопрос: как их защищать? После 24. . .Cf6 25. Лa2 Ke5 26. К : e4 Ф : d5 27. f4 выигрывается пешка d3. Сложнее вариант 24. . .Kf6 25. К : e4 К : e4 26. Л : e4 Kd6 27. Лg4 c4 28. bc bc 29. Ca2 Л : f5 30. Ca3, и теперь на 30. . .Л : d5 следует 31. Л : c4!

К : c4 32. С : c4 с лучшей игрой. Посчитав эти варианты, я решил сделать ход 24. . .Ke5.

25. К : e4 Ф : d5 26. Cb2.

Неточность, лучше было сразу 26. Кc3 Фd4 27. Cb2 Cf6 28. Лa2! с большим преимуществом у белых. Возможно, мой противник не видел 28. Лa2 и поэтому избрал другой порядок ходов. Теперь мне удалось уклониться от этого крайне неприятного варианта.

26. . .c4 27. Kc3.

Сейчас в распоряжении белых был очень интересный и, по-видимому, сильнейший ход 27. bc! За партией мне не нравилась позиция черных именно из-за этого хода. Возникают следующие варианты: 1) 27. . .bc 28. Ca2, и теперь на 28. . .Л : f5 следует 29. Kg3, а на 28. . .Cb4 — 29. Kc3 Фd6 30. Фа4 с лучшей позицией; 2) 27. . .К : c4 28. Cc3 b4 29. f6! с выигрышем. И только дома в спокойной обстановке я нашел удовлетворительное продолжение 27. . .bc 28. Ca2 Kd6! (трудно за доской сделать такой ход, когда все фигуры в центре «повисли»). Белые не могут выиграть пешки после 29. К : d6 С : d6 30. С : e5 С : e5 31. Фg4 Лас8 32. С : c4 Ф : c4, а на 29. Kc3 находится реплика 29. . .Фb7 с угрозами Ф : b2 и Л : f5.

27. . .Фc5 28. Ka4.

Лучше было перейти к вариантам, рассмотренным после 27-го хода белых, так как на 28. Ke4 черные не могут играть 28. . .Фc7 из-за 29. f4. После хода в партии черные перехватывают инициативу.

28. . .ba.

Кто бы мог подумать, что эта пешка решит исход борьбы.

29. Л : e5 Фc7 30. bc Cf6 31. Ф : d3 Лb8 32. Фd5+ Kph8 33. Cd4 Ke7 34. Фе4 Kc6 35. Лc5 Фа7.

Перехватив инициативу, черные четко провели этот отрезок

партии. Фигуры белых взаимно связаны, и любой ход влечет за собой материальные потери.

36. Ce3 C : a1 37. f6 g6 38. Л : c6 Фd7 39. Cc2 a3.

Идет второй ферзь, и ни одна фигура белых не может помешать этому движению.

40. Ch6 Л : f6 41. Л : f6 C : f6 42. Фf4 Фd8. Белые сдались.»

МИХАИЛ ТАЛЬ — ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(Фрагменты из радиорепортажей)

Так был озаглавлен фильм, посвященный межзональному турниру, который состоялся в 1979 году в Риге в Драматическом театре имени Я. Райниса. Двадцать лет спустя после победы в 1959 году в Югославии Михаил Таль повторил свой успех на пути к завоеванию шахматной короны. Так же, как и в Югославии, Таль одержал блестящую победу в своем родном городе.

Лично я впервые оказался в роли радиокомментатора: во время туров сидел где-то под самой крышей — в радиокабине, оснащенной новейшей аппаратурой, а зрители, надев наушники, могли в течение целого вечера слушать комментарии, оценки, рассказы об отдельных участниках.

Следует отметить, что подобные передачи дело не новое. В 1941 году матч-турнир на звание абсолютного чемпиона СССР проходил во Дворце культуры им. Урицкого в Ленинграде, зал которого был тоже радиофицирован. Правда, старожилы помнят, что там произошел казус, который вызвал замешательство за судейским столиком и... хохот в зрительном зале. Дело в том, что партии комментировал гроссмейстер Григорий Левенфиш, тонкий знаток шахмат, но подчас слишком категоричный в своих суждениях. И вот, гадая, какой ход сделает гроссмейстер, он привел несколько возможностей, но последнюю отверг, сказав: «Конечно, этот ход явно идиотский». Но, к его конфузу, гроссмейстер за доской сделал именно этот ход.

Но вернемся в турнирный зал, в театр имени Я. Райниса. Помните, я находился в комментаторской кабине. Должен признаться, и мое выступление прошло не без смеха в зрительном зале.

Мне со своей «верхотуры» хорошо была видна сцена. Правда, один угол демонстрационной доски, на которой обычно помещалась табличка с результатом, мне был виден плохо. И вот именно на этой доске демонстрировалась партия двух гроссмейстеров, тяготивших к «гроссмейстерским ничьим». Я был немало удивлен, как на их демонстрационной доске неожиданно обострилась ситуация. Мне нравилось, что соперники изменили своей привычке и осмелились ринуться в штыковой бой. И вот я с большим энтузиазмом начинаю анализировать возможные варианты. Слышу, в зале начались смешки. Оказывается, я не заметил, что демонстратор давно уже прикрепил к доске «смельчаков» лаконичную табличку: «Ничья».

В одной партии я привел шестиходовый вариант со сложными разветвлениями, не заметив, что вся эта «красота» была излишней: уже после первого хода предложенного мною варианта один из соперников мог объявить мат в один ход.

Думаю, что зрители простили мне эти ляпсусы, хорошо понимая, что не просто вести весь вечер репортаж, к тому же на двух языках — русском и латышском.

Все мои репортажи были записаны на пленку, но я постараюсь вас ознакомить с некоторыми наиболее интересными фрагментами моих выступлений.

Итак, представьте себе, дорогой читатель, что вы находитесь в зале и слышите мой репортаж...

РЕВАНШ ТАЛЯ

Во втором туре Таль встретился с Полугаевским. Вот позиция, которая создавалась на доске после 9-го хода белых.

Перед тем, как комментировать эту партию, хочу вам раскрыть маленький секрет. Победив в первом туре гроссмейстера Цешковского, Таль не получил от выигрыша творческого удовлетворения. Играя белыми, он не добился перевеса и, будучи разочарован, предложил ничью на 20-м ходу. Переоценив свои возможности, Цешковский отклонил ничью и, как это часто бывает, потерпел поражение.

По окончании тура Ларсен, находившийся в комнате участников, сказал с иронической улыбкой о победе Талья: «Кажется, счастье — это его стиль».

На тренировочном сборе, в котором участвовали Таль, его официальный секундант и тренер Альберт Капенгут и я, особое внимание уделили дебютному репертуару Льва Полугаевского, который отработан до далекого миттельшпиля. Мне вспоминается рассказ Владимира Багирова, который был много лет у Полугаевского тренером-секундантом: «Пришел я первый раз на первую тренировку к Полугаевскому домой к десяти часам утра, смотрели какие-то дебютные варианты до шести вечера. А потом Полугаевский вдруг говорит: — «Я должен извиниться, что сегодня так мало поработали: мне нужно уйти по одному делу». Вот так — «ничего себе мало поработали»!

Если говорить об исследовательской работе Полугаевского в области дебюта, то он раскрыл свое творческое кредо в книге «Рождение вариантов». Я вам приведу цитату из послесловия к ней: «Я рассказал о работе, длившейся не один год. Она не может прерваться, пока шахматист играет в шахматы. По-моему, только такой вот черновой труд, получающий подтверждение или опровержение на практике, составляет смысл жизни в шахматах. Именно он ведет к той

ПОЛУГАЕВСКИЙ ТАЛЬ

шахматной гармонии, которой мы поклоняемся и к которой стремимся».

Мне кажется одним только «черновым трудом» Полугаевский не добился бы права двадцать раз выступать в чемпионатах СССР и неоднократно становиться претендентом на шахматный престол. Скорее это гармоничный сплав теории с практикой плюс тончайшая интуиция, глубокое понимание позиционной борьбы, умение подкреплять теоретические знания индивидуальным творческим началом. Более того, мне кажется, сила Полугаевского в его величайшей сосредоточенности во время каждого поединка, в огромной ответственности перед шахматным искусством.

Но одно остается тайной в спортивной судьбе этого гроссмейстера: на ближних подступах к шахматному трону он почему-то терпит поражение! То ли подвержен психологическому головокружению в преддверии решающего цикла борьбы, то ли нервная система не выдерживает повышенного напряжения, связанного с соревнованиями, в которых ставка чрезвычайно высока? А может быть, его шахматное творчество сковывают какие-то неуловимые колебания души? Все это очень сложно, и даже самому шахматисту трудно объективно разобраться в своих переживаниях. Я, опираясь на долголетний опыт, пришел к выводу, что каждому, даже самому выдающемуся гроссмейстеру, судьбой предначертан какой-то рубеж высших достижений, «потолок», который не перешагнуть. Понимаю, что мое мнение очень субъективно и не зиждется на научном фундаменте. Но разве многолетняя история борьбы на первенство мира не подтверждает, что только считанным гроссмейстерам суждено было взойти на шахматный трон?

Но вернемся к партии. Таль только что сыграл 11. . h6!

Важно отогнать коня с занимаемой позиции. Кстати, эта фигура, расположившись на 5-й горизонтали, особенно коварна, так как она уже в состоянии, несмотря на свой короткий шаг, нанести удар непосредственно по вражескому лагерю.

Хочу обратить внимание зрителей, что постановка всей партии характерна для сложного стиля современных шахмат. Белые создали в позиции черных хронические пешечные слабости, но были вынуждены смириться с потерей рокировки и открытых линий для ладей по вертикалям «d» и «f». Вся трудность состоит в том, что заранее слишком сложно оценить все плюсы и минусы, а также будущие возможности, свои и противника. Думаю, что Полугаевский допустил ошибку в самом выборе партии (хорошо им изученной!), что позволил Талю получить динамическую компенсацию — перспективу на опасную инициативу. Кстати, большинства своих побед над Талем москвич добился, лишив рижанина всех потенциальных возможностей атаковать, держа в «черном теле» позиционной игры. Полугаевского должна была насторожить и прекрасная позиция вражеского коня на d3...

20. . . K : f2!

Конечно, активность фигур зависит от того, какие для них созданы возможности перемещений. Главнокомандующий черной ар-

мии сумел нанести удар в самое сердце лагеря белых именно потому, что создал выгодную исходную позицию для своего коня на d3! Фигура, находящаяся в центре доски, оказалась очень боеспособной. Конь на d3 обстреливает восемь полей, а представьте себе его на поле a4, на краю доски — там его активность уменьшилась бы ровно на 50 процентов!

21. Kg6.

В шахматах многое зависит от случайных тактических возможностей. Удар коня на f2 связан с тем обстоятельством, что белая ладья на b1 оказывается незащищенной после 21. Л : f2 Л : f2+ 22. Ф : f2 Ф : e4+ и Ф : b1. Если 22. Кр : f2, то должна сказаться открытая линия «f» после 22. . .Лf8+.

21. . .Лd3!

Решающий маневр! Переводя ладью на f3, черные позволят коню вернуться на поле d3 с решающим эффектом. Сейчас должен наступить заключительный аккорд сражения. К тому же Полугаевский испытывает недостаток времени для обдумывания.

22. Ka3 Fa4 23. Fe1 Lf3 24. К : f8 Kd3 25. Фd1 Ф : e4 26. Л : f3 gf+ 27. Kpf1 Фf5 28. Kpg1 Cd4+. Белые сдались. Белые затратили на обдумывание 2 часа 29 минут, черные — 1 час 50 минут.

И ГРОССМЕЙСТЕРЫ — НЕ БОГИ

Мигуэль Сервантес де Саведра сравнил человеческий мир с шахматной игрой, а Савелий Тартаковер посвятил шахматам следующие строки: «Градиозное отражение человеческих устремлений, чудесная симфония страстей». Возможно, что в наше время все это звучит преувеличено, но то, что в шахматах отражается характер человека, его настроение внимательному наблюдателю не трудно заметить. Постараемся и мы с вами, уважаемые зрители, раскрыть психологический подтекст борьбы в шестом туре.

Из далекой Бразилии приехал 33-летний Франсиско Тройс. Только за год до этого соревнования он выполнил норму международного мастера. Конечно, он робок, попав на столь сильный турнир, не ставит перед собой честолюбивых целей, хорошо понимая, что фавориты турнира постараются пополнить запас очков во встрече с ним. Такой психологический настрой сковывает полет фантазии, не позволяет шахматисту играть уверенно и свободно.

Можно было понять и настроение Ларсеа, когда он играл против Тройса. Зная, что ему в следующем туре предстоит встреча с Талем, а потом, согласно так называемой принудительной жеребьевке, с Романишиным, Цешковским и Кузьминым, он, наверное, думал, что неплохо бы перед этими встречами запастись лишним очком. Мой любимый писатель Ярослав Гашек советует: «Как поймать шесть львов? Надо выловить десять и четырех отпустить на свободу». Однако наблюдая, как Ларсеа упрощает разменами позицию, желая

победить «малой кровью», могу вас заверить, что такой тактикой он не «поймает ни одного льва» (партия закончилась ничью)...

Интересна судьба англичанина Антони Майлса. Сперва его жизнь протекала чинно, как это полагается в консервативной семье. Поступив в университет, он изучал математику, но вскоре настолько увлекся шахматами, что математика ему начала казаться скучной...

«Я безумно люблю шахматы, я счастлив играть в шахматы, безумно нравится страивать по странам мира, спеша с турнира на турнир», — сказал он мне в коротком интервью. Это один из тех жрецов Каиссы, которые не задумываются об «обеспеченной» жизни, о пенсии на старости лет.

Играя против туинского мастера Слима Буазиса, он горел желанием добиться победы любой ценой — ведь так хотелось отыграться после поражения в предыдущем туре во встрече с советским гроссмейстером Гейнадием Кузьминым. Однако в этой партии Майлс очутился в проигрышной позиции.

Любомира Любоевича я помню еще с 1959 года, когда Таль играл в Белграде с Глигоричем. Им тогда восхищалась вся Югославия. В толпе болельщиков, провожавших Мишу обычно по окончании тура от туририого помещения до самой гостиницы, всегда был мальчик с большими черными, горящими от восторга глазами. А в 1966 году 16-летний Любоевич играл в юношеском международном турнире в Риге. Тогда его темпераментная игра произвела на меня сильное впечатление, и я осмелился на страницах печати пророчески воскликнуть: «Любоевич — запомните это имя!». Любоевич стал одним из ведущих гроссмейстеров мира, у него острокомбинационный стиль игры. Но у него есть и недостаток — он чрезмерно впечатлителен и плохо перееносит поражения. Я уверен, что поражение от Адорьяна надломило его, и, конечно, он решил, играя белыми, отыграться на соотечественнике своего «обидчика» — венгре Золтане Рибли. Финальная часть этой партии полна драматизма.

...Согласитесь, что четыре хода назад на доске была позиция примерного равновесия. Но Любоевич любой ценой искал форсированных продолжений и в азарте боя не заметил, что каждый его ход ведет к ослаблению тыла. Вскоре его слон попал под связку.

ЛЮБОЕВИЧ РИБЛИ

Не трудно заметить, что к победе ведет 26. ...Фе5! 27. Cd3 Ф : е1 28. Л : е1 Л : е1 + 29. Cf1 Ldd1.

26. . .Ф : с4??

Милостиво позволяя слону освободиться от связки.

27. b3?? Фb4!

Теперь слону не спастись! Убитый горем, Любоевич останавливает часы. Да, и гроссмейстеры — не боги...

ЛЮБИМЦЫ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Организаторы турнира не удивлялись на аншлаг над окошечком кассы: «Все билеты проданы». Ведь в этом туре встречаются не только шахматисты, возглавляющие турнирную таблицу, но и любимцы рижских болельщиков. Я невольно вспомнил, что в 60-х годах писала о Тале французская газета «Экип»: «Любовь болельщика — самая высокая награда для игрока. Она не дается даром. Здесь одного таланта мало. Таль щедр на комбинации и волшебные замыслы. Он помогает увидеть необыкновенную красоту шахмат. Он находит комбинации под оболочкой неприметного. Его любят за то, что он утоляет здоровую жажду романтика. Его игра вдохновляет любителей шахмат, его партия — это мир приключений, мир фантастики».

Характеристика, данная Талю, во многом пригодна для стиля игры Ларсена. «Ларсен, как и Таль — романтики в шахматах, слуги ее величества тактики», — говорил о датчанине экс-чемпион мира Макс Эйве.

Уже одно название, которое он дал своей книге «Играю на победу» говорит о многом.

«Человек должен иметь характер борца, чтобы стать хорошим шахматистом», — говорил Ларсен. — В тот момент, когда он сидит за доской, у него должна быть одна мысль — победить своего противника, разбить его, разгромить...»

За его мужественный характер, смелую раскованную игру, оригинальное мышление и полюбил его шахматный мир. Впервые за игрой Ларсена я наблюдал в 1956 году на Олимпиаде ФИДЕ в Москве. Я тогда был спецкорреспондентом латышской газеты «Спортс». Тогда он стал первым в Дании шахматистом — международным гроссмейстером.

Как тогда писала датская печать, «русские сердечно поздравили его, обращались к нему на улицах, обнимали его и целовали в обе щеки. Это были великие дни» (партия Таль — Ларсен закончилась ничьей после сложной позиционной борьбы)...

Турнир закончился победой Талья, набравшего 14 очков (из 17 возможных). Вторым с 11½ очками был Лев Полугаевский, 3—4-е места поделили Айдраш Адорьян и Золтан Рибли, набравшие по 11 очков.

Помню, Рига ликовала. С большим интересом присутствующие слушали выступления гроссмейстеров на пресс-конференции, устроенной по окончании последнего тура.

Вот как охарактеризовал игру победителя Лев Полугаевский.

— Таль выше всяких похвал! Не просто крупный успех — выдающийся успех! Межзональные турниры — особые соревнования, ни в какое сравнение не идущие с другими. Гроссмейстеры их так и называют: «Турниры турниров». Показать в таком соревновании подобный результат — лучшего, кажется, добиться просто

невозможно! В последнее время Таль выиграл три крупнейших соревнования — чемпионат СССР, «Турнир звезд» и межзональный! Великолепное достижение! И то, что рижский гроссмейстер на протяжении последних одиннадцати лет не принимал участия в претендентских матчах — просто злая ирония судьбы.

— Изменился ли стиль игры Талья? — спросили журналисты.

— Да, Таль стал другим, его игра стала более рациональной. Сейчас уже нельзя сказать, что он острокомбинационный шахматист, сегодня он скорее шахматист позиционный. Вообще говоря, перестройка стиля по плечу только выдающемуся таланту, крупному шахматисту. Процесс этот постепенный, длительный, внешне незаметный. И вот теперь, по-моему, Таль пожинает плоды такой перестройки. В этом смысле сотрудничество Талья с Карповым, тонким позиционным шахматистом, прекрасным техником, очень помогло. Таль стал в лучшем смысле практичным шахматистом. Он хорошо чувствует кульминационные моменты борьбы, знает, когда надо перейти в контратаку, а когда занять оборону; какой выбрать дебют. И это тоже приносит свои плоды. У него было несколько тяжелых позиций в этом турнире, но он ни одной не проиграл. Это тоже от Карпова.

— И вы все же по-прежнему романтик в шахматах? — спросили победителя турнира рижские журналисты.

— Хотелось бы им быть: увы, не всегда получается, — ответил с легкой грустью Михаил Таль.

ЭРА ГАРРИ КАСПАРОВА!..

Зимой 1978 года вернулся из Минска международный мастер Янис Клован, участвовавший в мемориале А. П. Сокольского.

— Эх вы, мастера! Не могли обыграть четырнадцатилетнего мальчика, — посмеивались мы над Клованом.

Янис Янович лишь иронически улыбался, а потом довольно серьезно сказал:

— Знаете, когда Всесоюзная шахматная федерация ходатайствовала за включение кандидата в мастера Гарри Каспарова в минский турнир, мы тоже снисходительно улыбались: ладно, пусть играет; мы ему покажем, где раки зимуют... А начался турнир, мальчик развил такой стремительный темп, что «экзаменаторам» стало не до смеха. Поверьте мне, у Каспарова «все на месте».

Бакинец занял 1-е место, опередив Виктора Купрейчика на $2\frac{1}{2}$ очка.

Прошло всего несколько месяцев, и молодой мастер — участник Даугавпилсского отборочного турнира 46-го первенства страны. Состав участников чрезвычайно силен, и здесь Каспарову сопутствует успех: он завоевывает 1-е место и с ним единственную путевку в высшую лигу. Свершилось невероятное — пятнадцатилетний бакинец стал участником такого супертурнира! Подобного история первенств СССР еще не знала.

Как секундант Талья, я получил возможность внимательно следить за игрой школьника. Во время туров я часто сидел рядом с матерью Каспарова Кларой Шагеновной и его тренером Александром Сергеевичем Никитиным. От них я узнал, что в 9 лет Гарри стал перворазрядником, в 10 был зачислен в заочную школу Ботвинника, в 11 написал исследование, посвященное эндшпильной технике Алехина. Что кроме шахмат увлекается чтением классической литературы, поэзией, обожает футбол.

В один из свободных дней Каспаров показал мне свою партию с Олегом Романишиным, которая меня почему-то заинтересовала. На первый взгляд партия не казалась особенно примечательной, но когда юный мастер раскрыл мне все тонкости, которые он видел во время встречи, я был потрясен его зрелыми суждениями, глубоким пониманием игры.

Турнир закончился совместной победой Талья и Цешковского, но в центре внимания оказался и Каспаров, хотя он и занял только 9-е место. Мнение всех специалистов на чемпионате было единодушным: юного бакинца ждет блестящая карьера выдающегося шахматиста. Вскоре начался его феерический взлет.

Свершилось! В 1985 году в почти вековой истории первенств мира лавровым венком был впервые увенчан самый молодой претендент — двадцатидвухлетний Гарри Каспаров. Он победил трехкратного чемпиона мира Анатолия Карпова со счетом 13:11.

Уверен, что в психологическом плане Каспарову было нелегко настроиться: «гороскоп» Карпова казался почти без изъяна. К тому же магическое воздействие на претендента могли оказать феноменальные успехи чемпиона: 60 турниров самого высокого ранга завершились триумфом Карпова.

Чем же, однако, объяснить, что Каспарова накануне первого, незавершенного, и второго матчей «не прижал» груз авторитета Карпова, почему не вкралась в сознание мысль: хватит ли сил выдерживать натиск столь грозного соперника?..

В этой связи мне вспоминается 1960 год. Разве не очутился в подобной ситуации и Михаил Таль накануне матча с признанным лидером советской шахматной школы Михаилом Ботвинником? Я пришел к выводу, что стрессовое состояние в ожидании матча с корифеем шахмат может выдержать лишь поистине великий шахматист, у которого отсутствует «боязнь высоты» и есть вера в свой звездный час.

Я был свидетелем многих матчей на первенство мира, но, сознаюсь, ни один так не захватывал, ни один не заставлял так волноваться любителей шахмат. Только по окончании матча, когда улеглись страсти, я смог понять более глубокую причину всех тревожений этого исторического поединка.

Симптоматично, что, подводя итоги матча, в своей статье в «Правде» международный гроссмейстер Алексей Суэтин, характеризуя игру Каспарова, писал: «Ему свойственны смелость и стратегический риск, богатая творческая фантазия. Продолжая линию А. Але-

хина и М. Таля, Г. Каспаров охотно идет на жертву материала ради инициативы, динамических выгод».

Комментатор, правда, не упомянул, что Каспаров при этом установил своеобразный рекорд смелости — на протяжении матча он ради захвата инициативы двенадцать раз предлагал жертву пешки! При этом следует учесть, что именно жертва пешки — самая тонкая в шахматах. После корректной жертвы фигуры шахматист или наносит разящий удар королю соперника, или сравнительно быстро, и нередко с процентами, отыгрывает материал. При пешечных жертвах шахматист руководствуется обычно замыслом получить за «пехотинца» лишь инициативу, по сути, довольно хрупкую компенсацию. Противник имеет большой выбор ответов, последствия жертвы полностью предвидеть трудно; а при малейшем «дуновении ветра» инициатива улетучивается, а пешки-то ведь уже нет. За такое творчество ратовал в свое время рыцарь королевского гамбита Рудольф Шпильман. Однако задача Каспарова была несоизмеримо сложнее: ведь он осмелился применить подобную тактику против чемпиона мира, феноменального техника!

Конечно, Карпов хорошо понимал, что такая игра — не дань «безумству храбрых», она входит в план матчевой тактики претендента: заставить чемпиона всегда быть на чеку, навязать ему сложнейшие динамические позиции. Уверен, что прессинг Каспарова раздражал чемпиона, создавал чувство дискомфорта, наносил урон творческому тону.

Немалую роль играли и чисто шахматные факторы — прекрасная дебютная подготовка, мастерство вести атаку и держать трудную позицию. Надо отдать дань бойцовскому характеру Анатолия Карпова — несмотря на кризис в критические моменты матча, его воля не была сломлена, и судьба матча решилась, как известно, буквально в последней партии. Это была борьба двух достойных соперников, продемонстрировавших высокое искусство во всех стадиях сражения.

Свое шахматное кредо Каспаров изложил в книге «Испытание временем». Впечатляет широкий кругозор автора, высокое профессиональное мастерство комментирования своих партий. Молодым шахматистам, на мой взгляд, нужно обратить внимание на следующие строки из предисловия: «Мое шахматное мировоззрение во многом складывалось под влиянием экс-чемпиона мира Михаила Моисеевича Ботвинника. Особенно важным, на мой взгляд, явилось усвоение главной «аксиомы» Михаила Моисеевича о необходимости постоянной аналитической работы, и прежде всего анализа собственных партий. Неукоснительно следуя этому правилу, с годами я отчетливо осознал, что именно здесь заложен фундамент непрерывного роста шахматного мастерства»...

Бросая ретроспективный взгляд на историю борьбы за шахматную корону, нетрудно заметить определенную закономерность: каждый новый чемпион мира вносил свой весомый вклад в шахматы. С каждым восхождением на шахматный престол всегда начиналась новая эра в развитии шахматного искусства. Началась ли эра Гарри

Каспарова? Трудно пока дать категорический ответ, но в одном шахматный мир един — в лице Гарри Каспарова мы получили весьма интересного чемпиона мира.

ЛЮБОВЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

О них, руководителях шахматных федераций, или, как говорили в былые времена, — шахматных союзов, гроссмейстеры и мастера в своих мемуарах никогда не писали и не пишут. Но это несправедливо. Ведь эти люди бескорыстно любят шахматы, верны им всю жизнь. Они глубоко уважают и ценят участников шахматных турниров, переживают за своих кумиров, как самые страстные болельщики, всегда готовы помочь в критических жизненных ситуациях.

В начале 30-х годов шахматный союз Латвии возглавлял профессор Арвид Янович Калниньш. Хотя тогда шахматы не пользовались поддержкой государства и о подлинно массовом развитии шахмат Арвид Янович и мечтать не смел, он, не жалея сил, старался облегчить судьбу ведущих латышских игроков. Благодаря его ходатайству в журнале «Atrīta» был открыт шахматный отдел, обеспечивший сносное существование выдающемуся этюдисту, мастеру Герману Матисону.

С большой теплотой вспоминаю милого профессора и я. Это он в 30-х годах оказывал мне материальную помощь, помещая мои корреспонденции якобы с иностранных турниров в газете «Yaunākās ziņas», где сам тогда работал. Калниньш хорошо знал при этом, что свой материал я ежедневно черпал из зарубежных газет. Это он, по сути, содействовал моему отъезду в качестве спецкора на матч Алехин — Эйве в 1935 году.

Как я обрадовался, когда в 1945 году во время 14-го первенства СССР академик А. Я. Калниньш навесил меня в гостинице — как раз в тот день мне нанес сокрушительное поражение Михаил Ботвинник...

Вспоминаю и председателей шахматных союзов зарубежных стран, с которыми приходилось общаться в предвоенные годы, когда я странствовал по Европе в качестве шахматного профессионала. Помнятся их отзывчивость, шахматный энтузиазм. До сих пор передо мной стоит живой образ президента шахматного союза Каталонии Антонио Гарригосса...

В середине июля 1936 года в Барселоне должен был начаться международный турнир. Почти все участники были уже в сборе — за исключением Владимира Алаторцева, чей приезд ожидался, но именно в день открытия соревнования началась гражданская война.

Мое пребывание в Испании затянулось на пять месяцев. Надо было уезжать, но все мои денежные средства иссякли. И тут во время прощальной встречи ко мне обратился Антонио Гарригосса:

— Маэстро Кобленц, я хотел бы передать вам 90 норвежских крон с условием, чтобы вы на эту сумму прислали мне шахматную литературу.

«Ничего себе! — мелькнуло у меня в голове. — Нет, что ли, у него других забот в такое время!»

Поостыв, я понял дипломатический ход президента: он просто хотел таким способом оказать мне материальную помощь. Но тут во мне мгновенно разыгралась гордыня «испанского гранда», и, не долго думая, я ответил:

— Сеньор Гарригосса, я не могу принять эти деньги, так как у меня нет гарантий, что в нынешних обстоятельствах вы и на самом деле получите посланные мной книги.

Президент ничего не ответил, лишь губы его тронула легкая, добрая, чуть ироничная улыбка...

Еще об одном человеке, беззаветно любящем шахматы, о большом друге шахматистов Латвии хочу рассказать особо. Я имею в виду Вилиса Вильгельмовича Канепа, депутата Верховного Совета Латвийской ССР, академика Академии медицинских наук СССР, министра здравоохранения Латвийской ССР, члена ЦК КП Латвии, руководителя кафедры социальной гигиены Рижского медицинского института.

Уже более 20 лет В. В. Канеп возглавляет Шахматную федерацию республики. Глубоко вникая во все наши организационные проблемы, он решает их быстро и, я бы сказал, оптимально. В этом я убеждался не раз, особенно в бытность мою директором Республиканского шахматного клуба — на этом посту я проработал 7 лет.

В конце 1966 года мои друзья были немало удивлены, узнав, что я решил отказаться от близкой моему сердцу тренерской работы и принял предложение возглавить клуб. Тем более что в результате просчетов прежней администрации финансовое положение клуба было плачевным. Охотников вытаскивать его из трясины не находилось. Все это я хорошо знал.

Приняв клуб, я, конечно, надеялся на помощь Вилиса Вильгельмовича. И — не ошибся.

Но это было давно.

В начале 1985 года я позвонил В. В. Канепу и попросил о встрече. Мне хотелось, чтобы министр поделился своим мнением о шахматах и о том, какую роль они играют в его жизни.

И вот я у него в кабинете. Открываю блокнот. Не успел сформулировать первый вопрос, как услышал:

— Скажите, Александр Нафтаlevич, что вы от меня хотите?

Я понял, что о себе говорить моему собеседнику не очень хочется, но о нашей договоренности помнит и «брать ход назад» не помышляет.

— Для начала — как вы стали шахматистом?

Вилис Вильгельмович рассказал о своих школьных увлечениях, о привязанности к спорту, особенно к футболу. Но стоило ему познакомиться с шахматами, как футбол отошел на второй план.

— Конечно, я тогда не мог постичь всю глубину и красоту шахмат. Меня в основном захватил азарт борьбы. Это и по сей день, если выражаться высокопарным «штилем», мое шахматное кредо. Вот

почему я приверженец острейших гамбитов, хотя хорошо понимаю, что нельзя недооценивать строгих позиционных законов шахмат.

С легкой грустью Вилнс Вильгельмович вспоминает о своих первых спортивных успехах в шахматах, об участии в сборной команде школьников, о сеансах одновременной игры, о призах, завоеванных в студенческих соревнованиях. И хотя со временем наука начала постепенно отодвигать шахматы на второй план, защищать честь факультета он был готов всегда.

— Да и о своем поражении в командных соревнованиях от Айвара Гипслиса все еще помню. Хотя удовольствия от этого не испытываю: страшно не люблю проигрывать — даже легкие партии, сыгранные на досуге. Особенно расстраиваюсь, когда проигрываю выигранные позиции.

Я заметил, что в этом отношении он не одинок. Великий Ласкер тоже говорил: «Самое трудное — выиграть выигранную позицию».

Вилнс Вильгельмович признается мне, что, когда возникают трудности на работе, обязательно страдает ностальгией по шахматам — играть некогда, а хочется... Моя любовь к шахматам, говорит министр, с годами не ослабевает. Четко выкристаллизовывается взгляд на шахматы и место, которое они занимают ныне в его жизни: «Шахматы имеют много родственного с математикой, кибернетикой, военными науками, логикой. Они тренируют память, воспитывают волю, характер, помогают шире понимать психологию человеческого общения, вырабатывают в себе спокойствие и выдержку. И наконец шахматы укрепляют уверенность в себе, желание борьбы и победы — как раз те черты характера, которые необходимы нам, ученым-медикам, для успешной борьбы с различными болезнями. Ведь игра в шахматы — это борьба от начала до конца. Каждый находит в шахматах свой стиль игры, соответствующий его характеру. В своих партиях с друзьями я прежде всего предпочитаю эксперимент, пусть на грани риска. Думается мне, что и молодой ученый должен в первую очередь найти свою «игру», свой путь научных поисков, хоть он далеко не всегда усеян розами».

Несколько лет назад в шахматном еженедельнике «64», в номере, специально посвященном Латвии, было написано: «За годы Советской власти шахматы в Латвии стали полноправной частью многогранной культуры республики. Латвийские шахматисты пользуются доброй славой в братской семье народов СССР».

В этой оценке в значительной степени заслуга Шахматной федерации Латвийской ССР, ее неутомимого президента академика Вилнса Вильгельмовича Канепа.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вот и подошел конец моим рассказам о прошлом, пережитом. Конечно, это лишь отдельные эпизоды, которые я выбрал из полувековой своей шахматной деятельности. Но наиболее яркие, запоминающиеся. Многое осталось «за кадром».

Когда человек приближается к рубежу своего 70-летия, он

вправе, нет, пожалуй, даже обязан, себя спросить: «А так, правильно ли прожита жизнь?» И тогда невольно взгляд скользит по фотографии на стене моего кабинета и останавливается на надписи:

«Саша, не огорчайтесь, что Вы еще не стали Карузо, зато Миша Таль — Ваш ученик — стал чемпионом мира!

Искренний почитатель Вашего универсализма.

Москва, 20 июля 1960 года.

В. Рагозин.

Я могу откровенно ответить на этот вопрос: «Я прожил свою жизнь честно и в меру своих сил внес скромную лепту в развитие шахмат в нашей стране». Конечно, не все получалось, как хотелось: возможно, мешал этот самый «универсализм» или свойственный мне альтруизм. А возможно, и не хватало неувливаемого «чуть-чуть». Не знаю... Но сетовать на прожитые годы было бы грешно. Я живу под девизом: «Не унывать!», ибо знаю, что после дождя всегда ярче светит солнце.

Что же сказать на прощание?

Я уже не являюсь официальным тренером Михаила Талья. Теперь у меня другие заботы — руковожу детским клубом и продолжающим его строительством: там, кроме шахматных комнат, будут спортивная площадка, музыкальный зал, кабинет физиологической диагностики. И стараюсь своим маленьким друзьям — 6—12-летним девочкам и мальчикам — раскрыть таинственную красоту вечной игры — шахмат, а их родителям — помочь воспитать детей гармонично развитыми людьми.

Не скрываю, иногда в мою душу закрадывается крамольная мысль: может быть, из этих ребят вырастут новые таланты. И от этой мысли на душе становится тепло.

СОДЕРЖАНИЕ

О книге и ее авторе	5
1935—1941	
Итак, курс на Амстердам!	8
Деньги только — за очки...	10
Второе дыхание претендента	13
Одиночество	15
Трагедия ошибки — трагедия страстей?.. . . .	16
И зашатался трон	17
«Ура новому чемпиону мира!»	19
На «Турнире наций»	22
Находка для журналистов	23
«Северное шахматное чудо»	24
Дон Кихот шахматного мира	25
Шахматы будущего?	26
Антиподы	29
Шахматисты шутят.	33
«Latvijas šaha pērles».	35
Романтик	36
Отец латышского гамбита	38
Истинная красота — вечна	40
Шахматист из Пурвциема	41
Прекрасный узор	42
Он прорубил окно в Европу	44
По местам прошедших турниров	48
О шахматной памяти	—
Хосе Рауль Капабланка	49
Приз «за красоту»	52
Ставка — 32 английских фунта!	54
«Спокойной ночи»...	56
Феномен Сэмми Решевского	57
Сало Флор, каким я его запомнил	63
С глазу на глаз с Эмануилом Ласкером	70
В дружной семье народов СССР	79
1944—1985	
Впервые в финале первенства СССР!	82
Эпохальная победа	84
Встреча на всю жизнь	96
Металл самой высокой пробы	97
Слово о волшебнице Бронштейне	102
Рыцарь без страха и упрека	105
Шахматы — игра тысячи чудес и тысячи мук	112
В плену собственных интересов	115
«Гроза гроссмейстеров»	118
Как молоды мы были...	120
Портоужская битва	124
Югославский марафон	136
Звездный час Таля	152
«Запрограммированный» гроссмейстер	—
Но этот дядя!	153

В поисках варианта — на четвереньках . . .	154
Ну и бомба! . . .	159
А счастье было так близко! . . .	164
Когда соперник к жертве готов . . .	165
Когда проигрыш — трагедия . . .	166
«За кадром» . . .	168
Встретимся в матч-реванше! . . .	170
«Gens uia sumus» . . .	173
О чувстве долга . . .	182
Пари . . .	184
Реванш . . .	187
Увы! Миша «не показывает» . . .	—
Под диктовку Ботвинника . . .	190
«Мы еще вернемся!» . . .	195
Без «грима» . . .	196
Экзамен на мужество . . .	199
Бомба взорвалась в руках Таля . . .	207
Олимпиада в Лугано . . .	215
Встреча с шахматным принцем . . .	221
Михаил Таль — двадцать лет спустя (Фрагменты из радиорепортажей) . . .	226
Реванш Таля . . .	227
И гроссмейстеры — не боги . . .	229
Любимцы болельщиков . . .	231
Эра Гарри Каспарова?.. . .	232
Любовь на всю жизнь . . .	235
Вместо эпилога . . .	237

Александр Нафталиевич Кобленц

ВОСПОМИНАНИЯ ШАХМАТИСТА

Заведующий редакцией В. И. Чепижный. Редактор Ф. М. Малакин. Художник С. В. Салтанов. Художественный редактор В. А. Жигарев. Технический редактор О. П. Жигарева. Корректор Р. Б. Шупникова.

ИБ № 2109. Сдано в набор 17.12.85. Подписано к печати 03.04.86. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура Литературная. Высокая печать. Усл. п. л. 15,0. Усл. кр.-отт. 15,25. Уч.-изд. л. 16,95. Тираж 100 000 экз. Издат. № 7792. Зак. № 1959. Цена 1 р. 20 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 101421, ГСП-4, Москва, К-6, Калевская ул., 27.

МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 113034, Москва, Валуевская ул., 28.

35-

1 р. 20 к.

ВОСПОМИНАНИЯ ШАХМАТИСТА

• ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ •

